

ИМ. ВАСИЛЕВСКИЙ
РОМАНОВЫ

ОТ МИХАИЛА
ДО НИКОЛАЯ

ИМ. ВАСИЛЕВСКИЙ
РОМАНОВЫ

ОТ МИХАИЛА
ДО НИКОЛАЯ

И. М. Василевский

Романовы

От Михаила до Николая

История в лицах и анекдотах

Книга И. М. Василевского вышла в свет в 1923 году.

Сегодня, спустя семь десятилетий, можно только догадываться, как она воспринималась читателем. И все же рискнем предположить, что интеллигентный читатель, читатель опытный и просвещенный, знавший автора как талантливого фельетониста, едва ли принял эту книгу всерьез. Разве что как собрание скабрёзных анекдотов из жизни царствующих особ, как собрание альковных тайн, как очередной фельетон, сопряженный с копанием в грязном белье российских монархов.

Однако нельзя не считаться с тем, что была другая, более многочисленная, категория читателей: малообразованная, полуграмотная, бунтующая масса, жаждавшая в то время самооправдания своим деяниям (или бездействию?), к тому же падкая до «клубнички», особенно если эта «клубничка» касалась вчерашних ее кумиров — уничтоженных, растоптанных, свергнутых и оттого еще больше ненавидимых носителей самодержавной власти.

Думается, именно на такого, нетребовательного, читателя рассчитывал автор, выполнявший социальный заказ новых «хозяев жизни», сумевших в срочном порядке отменить титулы, атрибутику, вывески, названия городов, улиц и даже самого государства, а теперь желавших отменить и саму историю.

В книге И. М. Василевского много неточностей, вольных и невольных передергиваний; она субъективна, грубо социологична, местами вульгарна и недопустимо цинична. Эти ее качества едва ли устраивали и ту и другую стороны в шедшем в те годы заочном споре об исторических путях развития России, чем, собственно, и объясняется, на наш взгляд, то, что книгу «забыли», что ее ни разу не переиздали в советское время, хотя, как это видно из текста, многие историки и беллетристы не гнушались черпать из нее материалы для своих трудов.

Но если так, спросит читатель, зачем ворошить прошлое, нужно ли переиздавать произведение автора-фельетониста, тем более что имя его прочно забыто и не упоминается даже в специальных энциклопедических изданиях?

Уверены: и нужно, и должно.

Изменилось не только время, в которое мы живем. Изменились мы сами.

Поменялся и адресат книги.

Сегодня она представляет интерес как раз для образованного, серьезного читателя, способного критически воспринимать прочитанное, самостоятельно делать выводы. Ценность произведения И. М. Василевского не только не уменьшилась, но, наоборот, неизмеримо возросла. Перед нами подлинный, воистину бесценный документ ушедшей эпохи, часть нашей общей истории, портретная галерея рода Романовых, увиденная глазами ортодокса-социалиста. И пусть его взгляды предвзяты, пристрастны, пусть они спорны, порой несправедливы. Корректировать историю — дело неблагодарное, о чем лучше всего свидетельствует сама эта книга.

Так было. И чтобы этого не случилось вновь, мы должны Знать и Помнить.

Нет сомнений, что «Романовы» вызовут интерес самой широкой читательской аудитории. Издательство «Мапрекон» намерено продолжить выпуск уникальных, малознакомых произведений из истории нашего Отечества. В ближайшее время будет выпущен роман П. Краснова «Цареубийцы», до этого в России не издававшийся и составляющий с «Романовыми» своеобразную дилогию. Автор романа был убежденным монархистом, что даст возможность увидеть историю глазами человека, придерживавшегося

диаметрально противоположных взглядов.

Ник. Оганесов.

Михаил Федорович

Глава I

Неужели правда, что первый Романов был действительно избран, что русские люди, что называется, по своей доброй воле призвали на царский престол этого не умеющего ни читать, ни писать пятнадцатилетнего мальчика?

Человеку свойственно ошибаться, и если ошибки отдельного человека сплошь и рядом бывают неприятны и тягостны по последствиям, то ошибки целой толпы превращаются иной раз в трагедию. Избрать первого из Романовых было легко, но избавиться от них оказалось гораздо труднее.

По пословице, когда простак бросит камень в воду — десять умных не смогут его вытащить. Но разгадка вовсе не в том, что именно глупые люди подавали свой голос за избрание малолетнего Михаила. Обезличиваются, теряют свои главные, наиболее ценные особенности в толпе не одни только глупые люди.

Велик Лев Толстой, мудр Спиноза, прозорлив Дарвин. Но соберите в комнату 500 человек, каждый из которых совмещал бы в себе и величие Толстого, и прозорливость Дарвина, и ум Спинозы, оторвите каждого из них от своего дела, изолируйте их от живой жизни — и сплошь и рядом перед вами окажется всего только буйная толпа, стадо баранов, случайно голосующих, не умеющих разобраться в самом простом вопросе, слепо идущих за тем или иным крикливым поводырем.

На Земском Соборе, который решил призвать на царство Михаила Романова, ни Дарвина, ни Спинозы, ни Льва Толстого найти было нельзя. Здесь были хитрые, себе на уме бояре, успевшие много раз переменить личину, послужить и Василию Шуйскому, и королевичу польскому Владиславу, и самозванцу первому, и самозванцу второму, и королевичу шведскому Карлу-Филиппу. Временем «перелетов» была та смутная эпоха.

Когда после замирения Москвы выборные люди съехались для решения вопроса о престоле, они начали с трехдневного поста, чтобы этим способом подготовиться к решению дел государственных. Не потому ли и закончили они свое дело избранием на царство неграмотного мальчика Михаила Романова? На голодный желудок такие ли еще мысли приходят в голову!

Шансов на избрание у Романовых было весьма мало. Не потому, впрочем, что сам Михаил с отцом и матерью успел присягнуть на царство польскому королевичу Владиславу; не потому, что отец Михаила, Филарет, был ставленником обоих самозванцев сразу. Он получил сан митрополита от первого самозванца, а чин патриарха выслужил в подмосковном лагере тушинского вора (у самозванца второго). Предательство было обычным в те времена, и эта измена сама по себе не отвращала от нового кандидата сердец боярских. Все были одинаково грешны.

Более того — это многократное предательство, крепкая связь с самозванцами и присяга польскому королевичу пошли только на пользу удачливому кандидату. Эти — сами тушинские, сами самозванцам служили и польскому королевичу присягали. Эти за старые грехи не спросят!

Род Романовых, так называемый Кошкин род, вел свою родословную — почтительно

доказывают казенные историки — от некоего приехавшего в Москву при Иване Калите «из прусские земли» Андрея Кобылы. Пятый сын Андрея Кобылы звался Федор Кошка. От него и родился родоначальник Романовых — Роман Юрьевич Захарьин.

Этот род, происшедший от Кобылы через Кошку, несмотря на редкое обилие чисто зоологических эпитетов, особенно именитым не считался. Хвастать, как говорится, было нечем. Даже и титула никакого кошкинский род не выслужил.

Среди именитых князей Шуйских, Воротынских, Мстиславских и др. Романовы казались захудалыми и никакого сравнения с теми родами, какие вели свое происхождение от Рюриковичей, выдержать не могли.

«Хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего царя», — говорит В. О. Ключевский. Никому не ведомый мальчик Романов показался удобен.

Не родись богат, не родись умен, а родись счастлив — рекомендует русская пословица.

Единомыслия в процедуре избрания не оказалось ни малейшего. День за днем обсуждались кандидатуры Голицына, Мстиславского, Воротынского, Трубецкого и прочих, но толку не было, а было лишь, по указанию летописца, «большое волнение».

Среди враждующих партий, из которых каждая мечтала провести на престол своего кандидата, нашелся только один человек — князь Ф. П. Мстиславский, — который не только не желал быть царем, но и всех, кто ему предлагал почетный сан, ругал «нехорошими словами» и даже грозился уйти в монастырь, если его изберут в цари.

Волнение было далеко не бескорыстное.

Каждая из партий подкупала своих избирателей, поила и кормила на свой счет, подзуживала горланов. «Кто пить-есть хочет задарма — вали к боярину на широкий двор!» И много денег было истрачено, например, на проведение одного из наиболее видных кандидатов, князя Голицына, но результатов добиться не смогли. Пропали денежки без всякой пользы, сложное это дело — практическая политика!

Когда в разгар «боевых столкновений» некий дворянин из Галича явился вдруг с заявлением о том, что избрать надо Михаила Романова, это выступление неизвестного галицкого проходимца вызвало бурное негодование. Закупленные и перекупленные голоса разбились. Знатнейшими из князей Рюриковичей были Шуйские. Против Рюриковичей выдвигались Гедиминовичи — Голицыны и Хованские — потомки Гедиминова сына Наримунда. Правнуки младшего Гедиминова, сына Ольгерда, со своей стороны, подкапывались под старых родичей и высказывали крайне обидные суждения относительно супружеской чести Наримунда Гедиминовича.

Была на Соборе и партия польского королевича Владислава, и шведского королевича Карла-Филиппа, и сторонники Габсбургского дома. Была на Соборе даже партия «тушинского вора», во главе которой стояли бояре Вельяминовы и Плещеевы.

«И если сильно интриговал в свою пользу „Кошкин род“ — бояре Романовы, то об этих выскочках на Соборе сначала и слышать не хотели», — констатирует М. Алданов.

Боярин Ф. И. Шереметев в те дни пишет в Польшу князю Голицыну: «Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден».

И вправду, не способнейшего, а удобнейшего царя искали бояре.

И вот в первое воскресенье великого поста, 21 февраля 1613 года, когда бояре окончательно сочли удобнейшим для себя избрать малолетнего, ни в чем не выдающегося Михаила (лицо чистое, нос и рот умеренные, особых примет не имеется), прodelывается торжественная комедия.

Небольшая кучка людей ежится на морозе, попрыгивает с ноги на ногу, потирает отмороженные руки. Это — народ русский близ Лобного места ждет утверждения выборов. Не успели еще духовные лица, вместе с боярами посланные на Красную площадь, произнести слова вопроса, как подготовленные толпы дружно закричали:

— Согласны, согласны! Михаила!

Любопытно, что этот случайно прошедший избранник сразу же стал именовать себя «природным царем».

Бояре радостно ссылались на то, что отец Михаила, Филарет, приходится, мол, двоюродным братом царю Федору Иоанновичу; а следовательно, царь он, Михаил, самый настоящий, законный. И новый царь в манифесте своем торжественно называет себя, без всяких, правда, на то оснований, подлинным внуком Иоанна.

Сам царь в это, конечно, не верил и верить не мог. Некоторым извинением может послужить ему то обстоятельство, что и в народе тоже никто этому не верил.

Так или иначе, ошибка допущена, первый Романов избран.

Свыше 300 лет будет терпеть Россия серьезные последствия этой роковой неосторожности. Длинной чередой пройдут на троне слабоумные и идиоты вроде царя Иоанна V или Петра III, буйные психопаты, как Павел I и Николай I, неведомые германские прачки типа Екатерины I, какие-то ангальтцербтские девицы, как Екатерина II, курляндские проходимцы, как Анна Иоанновна с Бироном, и прочая, и прочая, и прочая.

Дорого обойдется русскому народу день 21 февраля 1613 года.

Глава II

Мы видели, как В. О. Ключевский объясняет избрание Михаила Романова тем, что нужно было отыскать «не способнейшего царя, а только удобнейшего». Даже казенные историки, говоря о Михаиле, со вздохом признаются, что хвастать, собственно говоря, нечем.

«Михаил был меланхолического нрава и не одарен блестящими способностями», — говорит, например, А. И. Костомаров, пытаясь доказать, что если писать Михаил не умел, то читать все же, хоть и по складам, он будто бы научился.

Употребляет все усилия, чтобы отыскать радужные краски, и В. Д. Сиповский, но и он признает, что Михаил не только «был слишком молод, но и вообще особой склонности к правлению не выказывал».

— Михаил был человек слабо одаренный, — деликатно говорит С. П. Мельгунов.

— Миша Романов был глуп, и потому бояре сговорились избрать его, — непочтительно выражается Л. Шишков.

Нас, впрочем, интересует Михаил Федорович не только сам по себе, а как родоначальник всего дома, династии Романовых. Жизнь рода — это всегда интересно. Если бы удалось внимательно и вдумчиво проследить жизнь хотя бы любого встречного в трамвае, изучить жизнь всей его семьи, его отца, деда и прадеда, — какая бы это была поучительная, интересная задача!

К сожалению, только одна семья в России была изучена так внимательно и дотошно — это семья Романовых.

Это семья царская, и в этом есть, конечно, свои минусы. Обыкновенно жизнь семьи из рода в род гораздо разнообразнее: отец — кабатчик, сын — помещик, внук — чиновник, а

правнук — авиатор. Смена такого рода, конечно, гораздо любопытней.

Здесь, в семье Романовых, внешнего разнообразия положений нет. Все — от прадедов до правнуков — делают одно и то же: царствуют, заняты одним ремеслом — ремеслом самодержца.

Но как далеко заходят при этом однообразии профессий различия психические!

Жизнь семьи Романовых за 300 лет глубоко поучительна и интересна прежде всего потому, что интересна и поучительна жизнь всякой семьи, рассмотренная за 300 лет. Сколько любопытных доказательств наследственности, какая яркая картина вырождения, сколько ярких и трагических моментов возникает и оживает перед глазами исследователя!

Перед нами, собственно, не одна династия, а несколько. Это не в полном смысле слова Романовы. Их давным-давно сменили на троне Гольштейн-Готорпы, затем Салтыковы. Но и в любой семье, прослеженной от поколения к поколению в течение 300 лет, мы, всего вероятнее, увидели бы то же самое. 300 лет — это ведь очень большой срок, и недаром же 18 монархов успели сменить друг друга за это время на троне Российском. Здесь же, в этой семье, наследственность проявляется особенно резко, вырождение сказывается исключительно остро.

Если, изучая поколения во всякой иной семье, мы встретили бы людей самых различных общественных положений: помещиков и ветеринаров, акушеров и художников, избирателей и банковских служащих, то здесь, в семье Романовых, не только одна-единственная профессия — царская, но еще и связанная с этим неограниченная возможность осуществлять свои капризы, хотя бы и самые чудовищные!

В большей или меньшей мере, но у каждого из нас, без исключения, есть темные, подсознательные мысли и желания. Мало ли что подскажет, что шепнет инстинкт дикаря, шевельнувшийся на секунду в душе. Но мы все не доводим не только до осуществления, но даже до сознания своего эти темные мысли и ощущения: у нас есть культурные навыки, завещанные нам целым рядом поколений, и еще на свете существуют общеобязательные законы с их карательным аппаратом.

Для семьи Романовых этих законов не существовало. И поэтому в этой семье от поколения к поколению не могли создаваться те культурные навыки, которые определяют для каждого из нас, что можно, а что нельзя. Стоит вдуматься в это, чтобы понять, как безгранично мог и должен был зайти процесс вырождения у Романовых.

Если все мы, огромное большинство людей, не осуществляем своих грешных, темных и подсознательных мыслей прежде всего потому, что мы не можем, не имеем возможности осуществлять их, то у Романовых такие возможности были. Они, эти возможности, были с ними неразлучны в течение ряда поколений, в продолжение целых веков! И поэтому какие бы мрачные, какие бы трагические страницы быта этой семьи ни развертывали перед нами официальная история и неофициальные показания современников, удивляться приходится тому, что были в жизни дома Романовых хотя бы редкие моменты, не сплошь залитые кровью, не сплошь окрашенные в черный цвет преступлений.

Все мы знаем, что такое толпа. Больше чем когда бы то ни было мы знаем, что люди — не ангелы, что вовсе не случайно сложилась старая формула «человек человеку — волк». Возьмите какую угодно культурную страну, выберите наиболее просвещенный город и объявите во всеобщее сведение, что все запрещения и кары отменяются, что нет и не будет больше ни городских, ни милиционеров, ни шуцманов, ни ажанов, ни жандармов, и посмотрите, что делается в течение нескольких дней с этим городом, с этой страной!

До чего изумительно озвереют, до чего переродятся все люди от мала до велика!

Пока жизнь налажена и течет по рельсам, как мало заметно вмешательство властей, как спокойно стоит на углу представитель власти в полицейской форме, этот живой символ карательной власти государства! Но стоит убрать его с места, как только его отсутствие проникнет в сознание масс — все переродится. Как легко и просто будет перегрызть друг другу горло огромное большинство этих культурных и приветливых, ныне улыбающихся друг другу людей!

Нет полиции? Нет кары и ее угрозы? Стоит ли тогда работать, уважать права ближнего и держаться налаженных устоев общественной жизни! А не хрястнуть ли по уху этого толстого человека в котелке? Что, если отобрать у него золотые часы, а кстати и бумажник? Не опоздать стащить с рук этой старухи золотые кольца и вырвать у нее с мясом ее бриллиантовые серьги. Пригодятся! Хотя бы для этой вот молоденькой, испуганно сторонящейся девочки. Не любишь? Небось, полюбишь!

Эта вот возможность невозбранно и безнаказанно осуществлять все, самые дикие, самые звериные желания была в течение целых веков у семьи Романовых. Именно это совершенное сознание безнаказанности, полная и абсолютная уверенность в отсутствии какой бы то ни было кары, каких бы то ни было запретов и ограничений было характерно для всех поколений этой несчастной, обреченной на трон семьи. Более того, они имели вокруг себя толпы людей, восторженно аплодирующих каждому их поступку, любому жесту и слову. И, кроме того, у них самих было с детства воспитано уродливое внутреннее сознание того, что они «избранники Божии», что их желаниями и инстинктом движет сам Бог, помазавший их на царство. И были жадные толпы льстецов, придворных или темные низы, миллионы людей, оглушительно ревавших «Ура!» и плакавших подлинными слезами при виде «царя-батюшки», «обожаемого монарха».

Чем больше вдумываешься в ту изумительную эпоху, в ту позицию, которую свыше трехсот лет занимала романовская семья, тем меньше удивляешься обилию пиратов, сумасшедших, развратников и убийц в этом семействе. Могло ли быть иначе? Неужели могли быть и были в семье Романовых такие странные исключения, которые не были ни сумасшедшими, ни развратниками, ни кровосмесителями, ни убийцами?

Глава III

Итак, Михаил Федорович Романов объявляется царем всея Руси.

Сам Михаил, правда, еще только со всей Москвой присягал польскому королевичу Владиславу. Отец Михаила, Филарет, ездил даже послом звать этого польского королевича на царство русское, бить ему челом. Новгородцы, со своей стороны, тоже успели присягнуть шведскому королевичу Карлу-Филиппу.

Князь Пожарский успел сговориться с императором австрийским о присылке на московский престол «цезарьского брата» Максимилиана. Император успел даже прислать Пожарскому «похвальное слово» по этому поводу, но к тому времени, когда императорский посланник прибыл в Москву с грамотой боярам, в Москве был объявлен царем Михаил и царь отправил послов в Австрию с ответом о том, что «мы этого не слыхали и в мыслях не имели. Ежели же ваш посланник со слов князя Пожарского об этом вашему государю писал, то, может, посланник или переводчик сами это выдумали, чтобы выманить жалованье у своего государя».

Эта переписка сильно испортила отношения русского царя с западным, тем более что наладить отношения в то время было невозможно, по свидетельству Н. И. Костова, «по причине неумения русских послов вести себя обычно».

Если Михаил Пожарский мечтал о Габсбургах, то другой герой и патриот того времени М. В. Скопин-Шуйский все надежды возлагал на Швецию, долго ссорился и таки добился шведской интервенции в борьбе за «тушинского самозванца». Разными были представления о патриотизме в те дни. Но, как ни велика была путаница, дело сделано, и торжественная депутация отправляется в Кострому звать на царство новоявленного венценосца.

Если вас приглашают царствовать, зовут на трон, вы, если вы человек воспитанный, должны поломаться сначала, для вида отказаться. Иначе неловко. «Ишь, — скажут, — обрадовался. Не успели позвать, а он уже на трон скачет».

В наши дни эта добрая старая традиция поколебалась несколько. Вовсе не собирались, даже и для вида, отказываться от трона ни великий князь Николай Николаевич, ни отысканный рейхенгальскими «зубрами» Дмитрий Павлович. А великий князь Кирилл Владимирович, тот самый, что в первые дни революции с красным флагом поспешил под крылышко М. В. Родзянки к Таврическому дворцу, не пожелал дожидаться и видимости приглашения. Он сам себя приглашает на престол, сам себя настойчиво убеждает занять пост блюстителя престола и притворяется, что не замечает того, как недовольно одергивают его даже самые пылкие монархисты от Врангеля до белградского «Нового времени» включительно.

Но в старые времена, когда дело шло о призвании на престол первого Романова, традиции соблюдались свято. Обычай требовал, чтобы человек, которого зовут царствовать, немного поотказывался.

Так, по старинке, родители невесты на выданье считали необходимым поначалу не понимать указаний сватов: мы, мол, звероловы, красного зверя для нашего охотника разыскиваем, не у вас ли схоронился? «Нет, у нас не бывало этакое», — с хитрецей отвечали родители. Не отвечать же, в самом деле, с первого слова: «Ах, это вы насчет невесты, что ли? Как же, как же — у нас!» И в мещанской среде, и в купеческой сохранялись такого рода требования приличий. Ежели чашка чая выпита, приличие требует чашку перевернуть, а огрызок сахара сверху положить и от второй чашки отказываться.

«Еще чашечку чая выкушаете?» И только неуч необразованный может без длительных уговоров ляпнуть: «С удовольствием и вторую, и третью выкушаю». Вежливый человек — тот раньше поотказывается, сколько полагается, а потом уж и выпьет.

Так именно отказывался в свое время от царства Борис Годунов («Борис еще поморщится немного, как пьяница пред чаркою вина»). Так отказывался систематически пугавший бояр отказами Иоанн Грозный.

Удивляться ли, что отказываться стал поначалу и избранный на царство малолетний Михаил, первый царь из дома Романовых? Когда в басне лягушки выбирали в качестве царя питавшегося ими же аиста, тот, надо думать, тоже поначалу счел нужным поломаться. Результаты те же самые, а приличия соблюдены. Даже еще приятней выходит.

Тщетно стараясь объяснить и оправдать призвание на царство Михаила, официальные историки указывают, что в пользу Романовых выдвинулось будто бы то соображение, что их, Романовых, прежний царь гнал и преследовал долгие годы. Значит — хороши!

Испокон веков сохранилась и уцелела в земле Русской старая примета. Полностью сохранилась она и до дней революции 1917 года. И тогда судили так же: в тюрьме долго

сидел, каторгу перенес, в ссылке побывал — значит, человек честный, хороший.

В наши дни, в лето от Рождества Христова 1922 года, монархический сборник, изданный в Берлине при ближайшем участии бывшего Донского атамана генерала П. Н. Краснова и бывшего писателя Ивана Поживина, с грустью констатирует, что так как Романовы в народе не популярны, то на престол русский в настоящее время придется избрать представителей какой-нибудь другой фамилии. «Не смущайтесь обычными толками: „Как же так, из своих знакомых выбирать царя?“ Но ведь это соображение не помешало избрать Михаила Романова в лето от Рождества Христова 1613», — проповедуют нынешние рыцари престола. Правильно рассуждают монархисты: пусть просто знакомый, да зато царь. Гораздо приятнее, если царь — знакомый. Это даже удобно, если приятель хорошо устроится, выгодное место получит. Лучше же у него маленькую толику займы «до среды» перехватить, чем ждать, что он сам, чего доброго, займы «до среды» попросит.

В 1613 году это соображение, что, мол, за царь, если он из знакомых, и вправду никого не остановило.

«Тебе, убо, превеликий государь, не по человеческому единомыслию, или же по человеческому угодию предизбрано, но по праведному суду Божию сие царское избрание на тебе, великом государе, возложи», — заявили Михаилу посланники, присланные звать его на царство. «Не мы сей подвиг сотворихом, а Пречистая Богородица с великими чудотворцами возлюбили тебя».

«Человеческого единомыслия» налицо не было, и депутация с рязанским архиепископом Феодоритом, келлером Авраамием Палицыным и боярином Шереметевым во главе в срочном порядке отправилась в Кострому, в Ипатьевский монастырь, где жил тогда шестнадцатилетний Михаил со своей матерью, инокиней Марфой.

Крайне любопытно, что переговоры с депутацией вел не вновь явленный царь всея Руси, а его мать, благочестивая инокиня Марфа. Михаилу было тогда шестнадцать лет. В те времена, как известно, не было тех уродливых обычаев, в силу которых при Николае II, например, юношу чуть ли не до 20 лет держали в гимназии, чуть ли не до 80 лет заставляли «готовиться к жизни» в университете. Шестнадцать лет в те времена считались возрастом отнюдь не ребяческим. Этот возраст был вполне достаточен для признания юноши полноправным царем всея Руси.

Но во время приема депутации — это характерно — Михаил преимущественно «помалкивает в тряпочку» и держится в стороне. Переговоры ведет почему-то одна только мать, благочестивая инокиня Марфа.

Единственное, чем отозвался во время шестичасовой церемонии сам Михаил, — это заявлением, что он «вовсе даже и не помышляет быть государем». Заявление это, по свидетельству летописцев, было сделано «с великим гневом и плачем».

Процедура отказа от приглашения была соблюдена свято. Марфа категорически отказывалась отпускать сына на царство.

— И его ли, юного, отдам вам в цари? — заявила Марфа. — Люди русские, вспомните прошедшее: по грехам вашим все вы измалодушествовались. Кому вы прямо служили, отдавая души свои под клятвой? Не вы ли клялись быть верными сыну Бориса (Годунова), а передались вору, расстриге, убийце детей Бориса (Лжедмитрию I). Когда погублен был расстрига, не вы ли клялись царю Василию (Шуйскому), а поехали к тушинскому вору (Лжедмитрию II), предали вашего царя, отдали его врагам? И после сих клятвопреступлений прежним государям как сесть на царство, зная ваши измены, непостоянство?

Тягостная церемония уговоров и отказываний длилась, по показанию летописца, не более и не менее, как около шести часов. Провести столько времени «не пивши, не евши» было утомительно. Тем более что благочестивая Марфа обращала немалое внимание и на материальную сторону вопроса.

— И что же такое ваше русское царство? — говорила она. — Сокровища и села царские разграблены, разобраны изменниками, народ страждет, обеднел. Чем будет ваш царь жаловать служивых людей, обиходы полнить?

«Слезное умоление на государство» юного Михаила продолжалось «с третьего часа дня до девятого».

Эти утомительные переговоры заставили экспансивного Феодорита произнести речь в таком стиле, какой сделал бы честь самому А. Ф. Керенскому:

— Так вы не внемлете мольбам? Будь по-вашему. Мы идем обратно и скажем Москве, что вы отвергли наши мольбы. Бедствуй, Русская земля! Пусть плачет народ! Пусть настанет вновь междоусобие. Пусть враги придут и расхитят нас. На тебя, царь Михаил, на тебя, инокиня благочестивая, падают отныне бедствия отчизны. Бедствуй, земля Русская!

«Голос Феодорита казался грозным голосом Божиим», — патриотически повествует в учебнике русской истории К. В. Елпатьевский.

Удивляться не приходится. Даже такой историк, как В. О. Ключевский, говоря, например, об императоре Александре III, дословно пишет: «Император Александр III покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном образе человечества... Только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее!»

Между тем, когда «как будто вдохновленный Богом» Феодорит и Авраамий подняли образа московских чудотворцев и принесли иконы к тому месту, где стоял Михаил, духовенство «окружило их, послы, воины, народ поверглись на колени; сквозь растворенные двери храма видны были толпы, повергшиеся на землю и вопившие о пощаде, о согласии... Матери бросали на землю детей и соединяли крики свои с рыданиями старцев и младенцев»!

Если бы это описание летописи попало в руки Николаю II Романову во время пребывания его в Екатеринбурге, он, вчитываясь в трогательные слова, воспевающие это умиленное зрелище, имел бы все основания вздохнуть о тщете всего земного и с горькой усмешкой сказать караулившим его красноармейцам:

— Разве мы, Романовы, виноваты?

Глава IV

Денежные дела нового царя отвратительны. Когда после избрания Михаил получил просьбу от бояр поскорее прибыть в Москву, ему пришлось ответить:

— Идем медленно, затем что подвод мало. Служивые люди худы, а идут пеше.

С валютой у родоначальника дома Романовых было негусто.

Та же черта отличала, впрочем, не только царя, но и его подданных. Когда Михаил потребовал, например, чтобы для него приготовили Грановитую палату и покои Ивана Грозного (вот что значит с детства привыкнуть к роскоши!), бояре ответили, что «тех хором, что государь приказал, отстроить нельзя, да и нечем, денег в казне нет».

Но вот Михаил уже в Успенском соборе. Окольные приказывают народу «стоять с

молчанием, кротостью и вниманием». Михаил торжественно провозглашает:

— Венчайте нас на наши великие государства венцом по царскому чину и достоянию.

Духовные сановники, провозгласив «многолетие боговенчанному государю», кланяются царю ниже пояса и по выходе из собора по старому обычаю осыпают его золотыми и серебряными монетами. Осыпать бумажками было бы, конечно, не только дешевле, но и безопаснее, но за отсутствием ученых-экономистов в те поры до этого еще не додумались.

Царствование первого Романова как нельзя лучше доказывает, что профессия царя-самодержца вовсе не так трудна и тягостна, как это можно было бы предположить. Воистину, «чтобы быть царем, кому ума недоставало»! Проверить некому. Делай как хочешь, все равно казенные историки похвалят.

Летописи говорят, что встречавший царя народ «не мог от радости вымолвить ни слова». Оно и естественно!

Эпоха была исключительно тяжелая. До чего дошло запустение земли Русской, видно из описаний историков о том, что по всей дороге от Новгорода до Москвы встречались только пустые деревни с избами, полными трупов и костей. По улицам городов и деревень бродили волки и одичавшие собаки. По сведениям 1613 года, вокруг Калуги в уездах «не нашли ни крестьян, ни помещиков, и пашни проросли лесом». «Ниспровергнуто было и благолепие земли Русской, — говорит летописец. — Тогда было такое время, что люди и впереди спасения не чаяли».

«Была на Русскую землю такая беда, какой не бывало с начала мира. Были глады, моры и зябели на всякий плод земной. Велик был гнев Божий на людях в эти годы лихолетья. Звери пожирали живых людей, и люди людей ели. Великое было пленение людям».

Михаил Федорович в первую очередь налег на сбор податей.

Обычай праздновать именины (и на Антона, и на Онуфрия!), который в наши дни оставался уделом только околоточных надзирателей и, в лучшем случае, градоначальника, в те времена являлся монополией царя. «Поднесение царю подарков в день его ангела, тезоименитства тоже обратились в закон, — указывает Костомаров. — Все торговые люди должны были подносить царю подарки, которые отсылались на казенный двор и продавались. Нередко случалось, что купец покупал на казенном дворе ту самую вещь, которую когда-то подарил царю, и подносил ее государю в следующий раз».

Существовал, правда, обычай отдаривать принесших подарки, но на строгом соблюдении этого правила люди по вполне понятным причинам не настаивали.

Служилые люди жаловались, что поместья их разорены, доходов никаких нет и житьишко их худо. Но казна была пуста. Созвали Земский Собор и думали послать грамоты по городам и богатым помещикам — кто в Бога верует, гоните монету. С горожан, купцов и промышленников долгие годы брали огромные налоги-пятину, т. е. 20 % с капитала и всего имущества. «Людишки» не выдерживали. Многие забирали семьи и убегали в лесные места Севера. Немецкие купцы также покидали свою торговлю и уезжали на родину, указывая на невыносимую тяжесть казенных поборов.

Как рачительный хозяин, новый царь, пожаловав за патриотизм князя Пожарского из стольников в бояре, а Минина наградив поместьем и произведя в дворяне, приступил к переписи. Надо же было подсчитать, из чего состоит хозяйство: сколько бояр, сколько людей подлого звания имеется налицо и сколько прочего всего. Одновременно удалось добыть кое-где денег взаймы: немного дали капиталисты Строгановы, немного было получено в дар от богатых монастырей, 7000 рублей серебром прислал очень, кстати,

дружественно настроенный шах персидский.

«Благочестивая инокиня» Марфа, «отрицаясь» за сына от престола, быть может, исполняла только требования хорошего тона, но объективно она была права. В те годы оказаться на русском престоле вовсе не значило сделать хорошую карьеру. Воистину печально было положение земли Русской: города русские в области Москвы до любого села на окраинах были в развалинах, пуста была казна, обезлюдели, «впали в ничтожество» внутренние области, обнищал народ.

Смоленск в то время был в руках поляков, и королевич Владислав, резонно ссылаясь на то, что Москва только что избрала его и торжественно присягнула ему на царство, шел походом на Москву. Новгородской областью владели шведы, обещавшие населению дать шведского королевича. Астрахань занимал батько Заруцкий с Мариной Мнишек. После того, как она последовательно побывала женой Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, она вошла во вкус царствования и объявила царем своего сына Ивана. В Пскове появился свой самозванец, завладевший всей областью. Банды казаков, продолжая традиции «смутного времени», выдвигали то одного, то другого атамана и грабили, убивали мирных жителей, наводя ужас на целые области.

Любопытно, что хану крымскому все еще продолжали посылать ежегодную дань — так называемые «поминки». Но еще хуже, чем внешние обстоятельства, было, по словам летописца, состояние умов. Люди «измалодушествовались». Героями эпохи становились перебежчики, «перелеты» — те самые, кто ради жалованья по многу раз переходили от службы Шуйскому к самозванцу и обратно.

Если первому Лжедмитрию еще верили, то в самозванстве Лжедмитрия II никто не сомневался. Его так и звали — «тушинским вором», но, несмотря на это, «вор», как и прочие, был популярен.

Даже северные и северо-восточные области, которые казались наиболее спокойными и далекими от мятежей, посылая ратников в Москву, снабжали их наставленьем не спешить с присягой кому бы то ни было, так как «нельзя угадать, кто одолеет». «А до нас далеко, — резонно рассуждали они. — Всегда успеем послать повинную, если нужно».

«И до нас далеко! Мы тамбовские, до нас немец не дойдет», — говорили солдаты в дни последней войны. Та же психология, те же мысли, те же слова. Не прошла даром народу школа Романовых!

Земский собор, избрав на царство Михаила, умудрился присягнуть не только самому царю, но и его будущей царице, а также и его будущим детям.

Бояре рассчитали правильно. В первые пять лет, до возвращения из польского плена отца Михаила, царь был пешкой в руках тесно державшихся друг за друга бояр. Родня Романовых — Салтыковы, Шереметевы, Лыковы, Черкасские — оттерли от престола важнейших бояр прежнего времени: Голицыных, Куракиных, Воротынских. По свидетельству современников, своевольничавшие в стране бояре не только не считались с царем, но даже «гнушались своим государем».

Уже через год после освобождения Москвы Романовы «выдали головой» Пожарского, которому были так многим обязаны, своему родичу Борису Салтыкову. Воистину «за Богом молитва, за царем служба не пропадет».

Есть сведения, что Михаила заставили согласиться на целый ряд условий и даже будто бы перед его воцарением взяли с него особую «присяжную запись».

Манифесты и приказы, которые издаются в первые годы от имени царя, написаны тоном

жалостливым: «Сами, мол, меня на царство позвали, так теперь денег давайте, а с заботами ко мне не приставайте». Царь обращается, например, к Земскому собору с таким заявлением: «Учинились мы царем по вашему прошению, крест нам целовали вы своей волею, а теперь везде грабежи и убийства, разные непорядки, о которых нам докучают. Так вы эти докуки от нас отведите и все приведите в порядок».

Тон, как видим, несколько неожиданный. Ежели непорядки уничтожить должны сами подданные, а царь никаких докук о том ведать не желает, так зачем же, собственно, этот царь нужен и во имя чего просит он о выдаче ему денег?

Еще только что Михаил Федорович был простым, заурядным мальчишкой, гонявшим собак и сражавшимся в бабки со своими сверстниками. Теперь он царь. Он весь полон царским достоинством и принимает все меры, чтобы его не смешивали с обыкновенными людьми. Ему недостаточно той пышности и блеска, которыми он ослепляет своих подданных. Он хочет подчеркнуть, что, помимо наружных отличий в самой основе, в самом существе он не имеет ничего общего с простыми людьми.

Дошедший до нашего времени обычай христосоваться в те дни был гораздо значительней. «Русские, встречаясь, между собой целовались, и никто не мог отказаться от пасхального поцелуя», — в один голос свидетельствуют летописцы. Но сам царь (быть может, не без основания считая, что для него закон не писан) ни с кем, кроме патриарха, не христосуется. Максимум милости, которую допускает Михаил в ответ на приветствие «Христос воскрес», — это разрешение поцеловать свою руку.

Вместо христосования с живыми людьми царь отправляется торжественной процессией христосоваться с предками в Архангельский и Воскресенский монастыри. Предки приветствия услышать не могут, но это и не важно. Никаких предков Михаила в этих монастырях и в помине нет, ибо захудалый Кошкин род никогда доселе ни одного своего представителя в этих монастырях не хоронил. Но и это неважно. Важно, чтобы люди думали, что вот-де настоящий, природный царь с настоящими царскими предками разговаривает.

Исключительно интересный материал о жизни эпохи дают письменные памятники того времени. Уже князь Хворостин, умерший в 1625 году, отразил в сочинениях своих, отобранных у него при обыске, бурное недовольство новым царем.

Князь Хворостин — один из своеобразных вольнодумцев того времени. В царском указе изложен длинный список «грехов» его. Постов и христианского обычая он, оказывается, не хранил, дворовым своим в церковь ходить запрещал, в «светлое воскресенье с государем христосоваться не пожелал».

Этот нераскаявшийся грешник в отобранных у него при обыске сочинениях в прозе и стихах писал «многие укоризны». Писал он, будто в Москве народ все глупый, жить не с кем. Писал он, что в земле Русской «сеют землю рожью, а живут все ложью». Даже «титула государства» ни за что не хотел писать как следует. Дошел этот вольнодумец до того, что царя именовал не «самодержцем Всея Руси», а гораздо круче и проще — «деспотом русским».

Очень любопытно, что по тем временам эти вот политические выступления были до того внове, что никому не пришло даже на ум срубить ему голову или четвертовать, как ни легко и просто делалось это в то время по менее значительным поводам.

Палачи, описывает Штраус, не были в презрении. Это звание было выгодно, и торговые люди перебивали его друг у друга. Вольнодумного князя сослали в монастырь, потом его

даже вернули в Москву, вернули дворянское достоинство, доступ ко двору.

Будущие цари из дома Романовых окажутся гораздо опытнее и последовательней. Уже при Петре I будет усовершенствован пыточный приказ, а потом на его место придет институт жандармерии, который сумеет прочно наладить и ссылку, и тюрьмы, и казематы Шлиссельбурга, и застенки III отделения.

Всякое дело требует не только способностей, но еще и практики. Не налажена не только внутренняя, но и внешняя политика. В первую очередь необходимо было отделаться от занимавшего Смоленск польского королевича Владислава, который очень бестактно напоминал ему, что дерзостно именуящий себя новым царем Михаил вместе со всей Москвой еще недавно присягал ему, Владиславу, как великому государю Московскому.

На дело войны с Польшей удалось добыть 20 тысяч рублей займы у английского короля Иакова. Англия в те времена не жалела денег на поддержание распрей и войн между народами.

На этот раз, впрочем, Англия ошиблась в расчетах. 20 тысяч рублей, полученные у Англии, пошли на заключение перемирия и уплату контрибуции. Условия перемирия, установленные в 1617 году, были исключительно позорны для России. Смоленская и Новгород-Северская области были целиком уступлены. Владислав сохранил за собой даже права на московский престол и титул царя Всея Руси. Впрочем, России вернули за то отца царя Михаила Федоровича, Филарета, ездившего в свое время приглашать Владислава на царство, да так и застрявшего с тех пор в Польше в плену.

Через реку Поляковку были сделаны два моста: по одному шли русские из польского плена, по другому возвращались из русского плена поляки. По русскому мосту переехал и отец государев, митрополит, в недалеком будущем патриарх Филарет.

Царь Михаил устраивает пышную встречу долгожданному папаше. Когда царь встретился с отцом, они полностью разыграли ту обычную процедуру боярских встреч, когда обе стороны, кланяясь друг другу в ноги, в то же время искоса поглядывают, а достаточно ли низко кланяется противная сторона. Земно кланяется митрополит царю. Земно кланяется царь митрополиту. Еще поклон. И еще. Умиляется простодушный народ московский. Гудя, трезвонят царские колокола.

Отец новоявленного царя Михаила боярин Федор Никитин Романов-Юрьевский в юности своей по характеру напоминал Стиву Облонского. Это был общий любимец, любитель покушать, не дурак выпить. Но этот веселый человек в свое время навлек на себя гнев Бориса Годунова, был насильственно пострижен и в качестве инок Филарета сослан в дальний Антониев-Сийский монастырь. Здесь он не выдержал и «сдал». Приставленный к нему пристав Воейков в своих донесениях сообщает дословно горькие жалобы инок из бывших бояр: «Милые мои детки, миленькие, бедные, остались, кому их поить и кормить? А жена моя бедная, жива ли? Лихо на меня жена да дети: как их помяну, ино што рогатиной под сердце толкнет».

Впоследствии он преобразился, решил, что ежели с умом, то и благочестие — товар вовсе неплохой, и стал энергично делать духовную карьеру. Получив от первого самозванца чин митрополита, от второго («тушинского вора») сан патриарха, он отправился послом к королю Сигизмунду Польскому звать на русское царство его сына королевича Владислава. Известие об избрании на престол Михаила, при всей приятности для отца такой карьеры сына, осложнило положение и сделало Филарета польским пленным. Впрочем, по возвращении из плена он полностью наслаждался новым положением и властью.

При насильственном пострижении веселого Федора Никитича заодно постригли в монахини и жену его Ксению Ивановну. В отличие от жены Стивы Облонского, это была высокая, плотная женщина, которой очень пристало новое имя Марфа, полученное ею в качестве инокини. Впоследствии мы увидим, какая злобная старушонка выработалась из этой благочестивой инокини Марфы.

Поляки все эти годы в своих грамотах не только не признавали Михаила царем, но подлинным царем именовали своего Владислава. Михаила же и всех его подданных именовали не иначе как «изменниками законному государю».

Царь в своих грамотах убеждает подданных не поддаваться на «королевскую прелесть». Получая грамоты от поляков, в которых Владислав постоянно именовал себя «царем московским», бояре этот титул в грамотах вымарывали, мазали дегтем.

Когда поляки осадили Дорогобуж, русский воевода без боя сдал город Владиславу как царю московскому. Так же точно без боя была сдана и Вязьма. По первому договору вопрос о правах королевича Владислава на московский престол передавался «на суд Божий», и только после того, как, уступив польскому королю требуемые им города, русские уплатили 20 тысяч золотом за то, чтобы Владислав отказался от титула русского царя, Михаил наконец избавился от конкурента.

Николай II, как известно, отказался от этого титула без вознаграждения.

Почти так же бесславно, как с поляками, завершилась борьба Михаила и со шведским королем Густавом-Адольфом. Мирные переговоры со Швецией велись при непосредственном участии английского и голландского послов. Англия и Голландия очень желали как можно скорее возобновить торговые отношения с Москвой, которым мешали непрерывные войны.

За свое посредничество эти «честные маклеры», естественно, добились крупных торговых выгод для своих купцов, но для России результаты мира со Швецией были совершенно иными. Россия не только уплатила контрибуцию в 20 тысяч рублей серебром — сумма по тем временам очень серьезная, — но и уступила Швеции все побережье Финского залива и Карельскую область.

В своей речи к шведскому сейму Густав-Адольф, горделиво указывая на огромные выгоды, которые Швеция получила от заключения этого мирного договора, заявил: «Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю. Без нашего позволения русские отныне не смогут выслать в Балтийское море ни одной лодки».

Поскольку дело касается будущего, Густав-Адольф, как мы знаем, не угадал. За будущее не может поручиться даже сам Ллойд-Джордж. Но по тому времени шведский король оценивал выгоды своего договора с первым Романовым, увы, совершенно верно.

Любопытная бытовая черточка: когда после долгих осложнений договор о мире был подписан и должен был быть скреплен присягой, русским послам, которые обязаны были присутствовать при королевской присяге, дан был наказ: «Непременно за то стоять накрепко, чтобы король поцеловал крест, а не блюдо, на котором крест лежит. И смотреть, чтобы этот крест был с распятым». На конференции в Генуе или в Лозанне креста вообще не целуют, и такого рода требования явились бы, очевидно, излишними.

Во время обряда присяги один из русских послов обратился к канцлеру с просьбой запретить проповеднику говорить на латинском языке, «ибо он русским непонятен». А вдруг они на своем языке дурными словами ругаются!

Впрочем, молодому венценосцу было в то время не до иностранной политики.

Очередной заботой Михаила стала женитьба. Царь не царь, а жениться надо!

Глава V

«Кухарка женится» — называется чудесный рассказ Чехова, в котором много предсвадебной суеты, сутолоки и осложнений.

Еще путанней обстоит дело, когда женится не кухарка, а венценосец.

Поначалу Михаил Федорович возмечтал было жениться на какой-нибудь из иностранных принцесс, но ничего хорошего из этих горделивых мечтаний не получилось.

На Западе знали уже период Возрождения в области науки и искусства. Там знали уже кипучую политическую жизнь. Пробуждалось и росло чувство уважения к человеческой личности. Там знали уже утонченность и галантность конца XVI — начала XVII столетий. А Московская Русь в эти годы не успела приобщиться еще даже к тем началам образованности, которые появились в эти годы в Киеве. Русь представлялась Западу характерно азиатской страной, огромной курной избой, где вповалку валяются толпы неграмотных мужиков и грязных баб.

Когда Михаил Федорович послал пышное посольство к дочери шведского короля, посольство встретило резкий отказ. Послали еще одно посольство — в Данию. Датский король, узнав, что дело идет о сватовстве к его дочери, категорически отказался даже от встречи с царскими послами.

От мечты об иностранной принцессе пришлось отказаться.

Решено было вернуться к доброму старому способу, примененному еще Иваном Васильевичем Грозным после того, как маркграф Бранденбургский ответил резким отказом на его сватовство. Обиженный жених приказал со всех концов земли Русской свезти к нему самых красивых, самых здоровых и дородных девушек числом 1500.

К этому же способу обратился после отказа датского короля и Михаил Романов. В Кремль, откуда так недавно были изгнаны поляки, навезли со всех концов России молодых девушек, самых красивых, каких только удалось найти в боярских хоромах, мужицких хижинах и даже в монастырях. Придворные боярыни получили приказание внимательно и подробно осмотреть всех прибывших на этот своеобразный конкурс. По указаниям историков, предварительный осмотр производился весьма строго, тщательно и подробно и «от расследования не ускользали самые сокровенные части тела».

Впрочем, как заботливо ни отнеслись к делу, без крупных скандалов все же не обошлось. Избрать самую красивую, дородную и здоровую жену, «способную стать утехой господину своему», — дело и вообще нелегкое, а при дворе особенно. Какая густая сеть интриг, доносов, взаимного подсиживания и всяческих хитростей, до отравления включительно, разыгралась между боярскими родами, каждый из которых мечтал провести на трон свою представительницу!

Эти осложнения до такой степени вошли в нравы, что избранную сразу же отделили от всех остальных, перевели «наверх», то есть в теремные хоромы цариц, чтобы застраховать невесту от злоумышлений со стороны конкурирующих бояр.

Но и эти меры не помогают. Михаилу приглянулась больше всех Марья, дочь дворянина Ивана Хлопова. Эту Марью немедленно после царского выбора переименовали в Анастасию (очевидно, это имя считалось поэтичнее) и взяли «наверх». Уже ей дворовые люди «крест целовали», уже было велено оказывать ей почести. Но бояре, недовольные возвышением неведомых Хлоповых, продолжают плести свои интриги. Больше всех усердствуют могущественные Салтыковы. Они долго и упорно нашептывают матери государя, что невеста-де негодна. И характер у нее плохой, и здоровье непрочное.

Но Михаил успел влюбиться. Разлучить его с невестой оказывается трудно. Тогда в кушанье невесты что-то подмешивают. У нее делаются постоянные рвоты. И вот уже родным невесты предъявлено суровое обвинение в государственном преступлении: они, мол, осмелились скрывать неизлечимую болезнь невесты.

Правда, некий иноземец-доктор по имени Валентин объявляет, что у больной расстройство желудка, уверяет, что болезнь вполне излечима, что «плоду и чадородию от того порухи не бывает». Царскую невесту лечат, дают ей пить святую воду с мощей и какую-то особую водку, настоенную на камне «безуй». Но Салтыковы не желают дожидаться результатов лечения. Они торопятся созвать особый сбор из бояр для обсуждения дела. Уже вынесено постановление, что невеста государева Марья Хлопова «к царской радости непрочна, а посему женою царя быть не может».

Михаил пробует было заступиться за невесту, которую уже успел полюбить «вечной любовью еще с прошлой пятницы», но помочь делу не умеет. Мать Михаила, подученная Салтыковыми, торжественно заявляет, что ежели сын на этой невесте женится, ноги ее во дворце не будет.

Бесхарактерный, безвольный, туповатый Михаил испуган. О браке с понравившейся ему девушкой больше нет и речи. Невесту вместе со всеми родными выгоняют из терема царского и высылают с отцом и прочими Хлоповыми в далекий Тобольск. Царской невесте, только что жившей в пышной роскоши дворца, в Тобольске предписано выдавать скудное содержание в размере 10 денег (5 копеек) в день.

Вскоре после того как Филарет, отец Михаила, был отпущен поляками, дело об отравлении, о порче царской невесты раскрылось. Происки Салтыковых выяснились, и тогда уже сами Салтыковы отправились в ссылку.

Приободрившийся было Михаил попытался заявить о своем желании жениться на прежней невесте. Но Филарет честолюбив. Он все еще мечтает женить сына на польской или датской принцессе. Только окончательно убедившись, что ни датчане, ни поляки этого не хотят и категорически отказываются от этой чести, Филарет решает махнуть рукой и предоставляет сыну жениться на ком угодно.

Сосланная в 1616 году, Марья Хлопова в 1622 году выписывается назад. Но ехидная старушонка Марфа снова впутывается в дело.

— Жива быть не хочу, ежели не по-моему будет. Одного часа не останусь!

Бесхарактерный Михаил вторично отступает. В грамоте от ноября 1623 года торжественно объявляет Ивану Хлопову, что «великий государь дочь его взять в супруги не соизволил». Бедную Анастасию снова переименовывают в Марфу и приказывают ей жить безвыездно в Нижнем, а отца ссылают в его коломенскую вотчину. По некоторым источникам, даже Филарет укорял сына за малодушие, проявленное им в деле Хлоповой.

«Благочестивая инокиня» не довольствуется, однако, тем, что разлучила сына с той невестой, которая ему понравилась. Она требует, чтобы Михаил женился на выбранной им

невесте. Михаил идет и на это. В 1624 году он женится по выбору матери на княжне Марии Долгоруковой. Михаил терпеть не может своей невесты и даже не скрывает этого. Но инокиня Марфа торжествует полную победу.

Свадьба Михаила Федоровича была отпразднована пышно. Ложе для новобрачных, по древнему обычаю, устраивалось на снопах, причем «от дурного глаза» полагалось, чтобы число снопов было 27. Сверху снопов укладывался ковер, а на него перина. По свидетельству летописца, на свадьбе Михаила Федоровича (гулять, так гулять) было положено семь перин, положенных одна на другую. Как взбирались молодые на этот своеобразный эшафот, летописец не сообщает.

По ритуалу новобрачная должна была ждать в Грановитой палате. Когда все было подготовлено к встрече, послали за венценосным женихом, призывая его особой формулой: «Государь, царь и великий князь Всея Руси! Время тебе, государю, к своему делу идти». По обряду один из гостей должен был во время свадьбы подойти к новобрачным в вывороченном шерстью навверх тулупе и пожелать невесте столько детей, сколько шерстинок в тулупе. Норма, вероятно, несколько преувеличенная.

Характерной чертой свадеб того времени надо признать обряд, по которому после обмена кольцами отец невесты ударял ее плетью и передавал дочь жениху вместе с плеткой. Особые 20 человек боярских детей должны были наблюдать, чтобы никто не смел «перейти пути» жениху и невесте.

В день свадьбы новобрачным есть не давали. Только после того, как в ответ на особый запрос отведенные в свой покой молодые отвечали, что все «в добром здравии», им позволялось съесть особую курицу, обернутую в скатерть и загодя отнесенную в сенник.

Оставим в стороне щекотливые подробности о доказательстве целомудрия новобрачной, на которых подробно останавливается летописец.

Торжественно завершается обряд «раскрывания» царицы.

Раздвигается покров, заслонявший молодую женщину от царя, и на этот момент присутствующие могут увидеть царицу.

Кончен обряд, отведена в царский терем новобрачная. Отныне никто не имеет права ее видеть.

Но интриги бояр продолжают полным ходом.

В сентябре 1624 года, 19 числа, было совершено бракосочетание, а уже на следующий день молодая царица оказалась больной — «лихие люди испортили». Кто были эти «лихие люди», так и осталось неизвестным, но, прохворав около трех месяцев, молодая царица скончалась.

Дело пришлось начинать сначала. В 1626 году снова приказано собрать в Москву на смотрины со всех концов России девиц, «ростом, красотой и разумом исполненных».

На этот раз избранной оказалась некая Евдокия Стрешнева. Очень характерно, что во избежание дальнейших интриг и попыток отравления выбор этой женщины, будущей матери Алексея Михайловича, держится в тайне. Ее ввели в царский терем и нарекли, в нарушение всех традиций, только за три дня до свадьбы, чтобы предупредить таким образом придворные козни, погубившие уже двух царских невест.

От этого брака родилось три сына: скоропостижно умершие Иван и Василий, престолонаследник Алексей и три дочери. Любопытно, что и до самой смерти Михаил Федорович не возжелал отказаться от давней мечты своей породниться с западными дворами, в особенности с Данией, где его сватовство окончилось так неудачно. Когда

датский королевич Вольдемар неосторожно приехал в гости в Москву, Михаил Федорович настойчиво предлагал ему жениться на своей дочери Ирине. Вольдемар скромно, но твердо отказался от этой чести, деликатно указав в качестве причины на то, что он не желал бы менять своей религии и принимать православие.

Но сверх ожиданий бесхарактерный Михаил в этом вопросе оказался настойчив и бесповоротно решителен. Пристал, как банный лист, к датскому королевичу. Хоть ты что хочешь, а женись. Бедный Вольдемар решил тогда в срочном порядке прервать свое пребывание в Москве и экстренно собрался уезжать на родину. Но и это не помогло. Его насильно удержали в Москве и впредь до исправления посадили под арест. Долго, дескать, не выдержит. Поломается, поломается, а глядишь, и женится. Должен же он понять, что об его же пользе заботятся. Не кого-нибудь, а царскую дочь отдают — а он — поглядите! — еще и упирается.

Когда королевич умолял царя отпустить его домой, царь ответил:

— Отпустить тебя назад непригоже и нечестно. Во всех окрестных государствах будет стыдно, что ты от нас уехал, не совершив доброго дела.

Стражу, приставленную к королевичу, сильно увеличили, опасаясь, как бы жених не сбежал. Но королевич все-таки умудрился удрать. Стрельцы остановили его уже у Тверских ворот и с торжеством поволокли обратно: «Врешь, брат, не уйти, женишься!»

В дело ареста Вольдемара вмешался польский посол Гаврила Стембковский. От имени своего короля он попытался было требовать освобождения пленника, но получил ответ, что пусть-де лучше королевич согласится, не то его в далекое место сошлют, а русский царь станет со Швецией против Дании воевать.

Только смерть Михаила Федоровича выручила из заключения датского королевича. Только после погребения первого Романова и воцарения шестнадцатилетнего Алексея удалось, наконец, Вольдемару уехать на родину, проклиная день и час, когда ему пришлось в голову поехать в гости в эту удивительную «страну неограниченных возможностей», в эту странную Россию.

Глава VI

Когда пытаешься из осколков, разбросанных в показаниях современников и летописях, воссоздать цельный образ первого Романова, определить характер царя Михаила, прежде всего становишься в тупик от полного отсутствия индивидуальных черт в этом человеке.

Перед нами личность идеально безличная: «нос и рот умеренные, лицо чистое, особых примет не имеется».

На портретах Михаила, относящихся к началу его царствования, простоватый мальчонка с туповатым, невыразительным лицом. Подавать солянку в качестве полового в московском трактире — сгодился бы. Но, например, телефонным мальчиком в современном отеле его не представишь — не справится.

Портреты более поздние рисуют дородного мужчину с большой и тщательно расчесанной бородой. Если правда, что каждый человек по типу лица похож на какое-нибудь животное: Бисмарк — на кота, Александр III — на носорога, то Михаил более всего похож на барана. Что-то ограниченное, безнадежно-спокойное, воистину баранье есть в этом шаблонно-правильном лице.

Когда, например, в 1641 году некий подьячий в городе Кузнецке в бумаге о посылке

мехов сделал какую-то незначительную описку в царском титуле, подьячего сурово высекли батогами и отослали в тюрьму — знай край, да не падай.

Ограниченность и тупость Михаила не мешают ему очень высоко ценить свое царское достоинство. Чуть ли не самой яркой чертой характера царя Михаила является его неумеренная любовь к часам, которыми он загромоздил все свои комнаты. Тут и стенные, и каминные, и даже самые редкие — карманные. Диковинки радуют и тешат царя. Он неустанно заводит их, наслаждается их боем, любит кукушкой и другими ухищрениями. Оно, собственно, грех, да соблазнительно очень. До чего додумались иноземные прелестники, а?!

Эта мания Михаила — его любовь к часам — представляла собой чуть ли не все интересы венценосца. Во время торжественных обедов возле него всегда ставили двое часов. От органного мастера Мельхерта были выписаны два часовых дел мастера, которые должны были «русских людей часовому мастерству научить». Когда Мельхерт сделал часы с органом, из которых появлялись соловей и кукушка, Михаил растрогался чуть не до слез и подарил Мельхерту огромную по тем временам сумму — 3 тысячи рублей.

Характер Михаила, при всей его простоватости, — лукавый, с хитрецей. Когда, например, воевода Шеин под Смоленском был разбит наголову Владиславом и русские войска, сдавшись, отдали все ружья, пушки и знамена, царь решил сделать Шеина козлом отпущения за позорные результаты войны. Шеин успешно доказал, что вовсе не на нем лежит вина за поражение, но тогда ему поставили в вину, что он-де 15 лет назад целовал крест польскому королю. В этом же самом был повинен и сам царь Михаил, но это Шеина не спасло. Ему отрубили голову. Кстати уж отрубили голову и его товарищу Измайлову, который обвинялся в том, что говорил «много воровских непригожих слов о царе и патриархе».

Любопытная и очень характерная для всего царствования история разыгралась также с вопросом взятия Азова. Донские казаки, голытьба, кормившаяся набегами на турецкие владения по берегам Черного моря, «промышлявшая зипунов», по тогдашнему выражению, взяла было с налета Азов. Когда султан осадил город, чтобы вернуть его, воинственные казаки усмотрели в этом вопрос самолюбия и решили Азова ни за что не отдавать: «Подавишься, собака, а Азова не увидишь».

Отношения между Россией и Турцией имели характер хронической ссоры. Крымские татары испокон века нападали на окраины Московии, и московский царь сделал жалобы по этому поводу турецкому султану. Казаки, со своей стороны, также испокон веков нападали на турецкое побережье, и турецкий султан отсылал, со своей стороны, одну жалобу в Москву за другой.

Когда на этот раз казаки решили отстоять Азов и умудрились отразить 24 приступа двухсоттысячного турецкого войска, они послали гонцов к царю Михаилу с просьбой принять Азов под свою высокую руку. Без помощи Москвы бороться долее с турецкими войсками казакам было не под силу.

Как ни хотелось Михаилу сохранить за собой Азов, но достигший уже сорокавосемилетнего возраста царь взять на себя решение этого вопроса не решился. Был созван особый Земский Собор, где бояре, «уоставив брады в землю», стали решать вопрос, принимать ли Азов, а если принимать, то где взять деньги для войны с Турцией. Сословия, представленные на Соборе, высказались по-разному. Духовенство, не рисковавшее призывом в войска и необходимостью рисковать своей жизнью, заявило, что воевать надо и

Азов необходимо удерживать, но о деньгах на войну помалкивало. Дворяне и дети боярские, со своей стороны, полагали, что вопрос о деньгах можно решить легко, стоит только отобрать патриаршую казну, а также домовую казну у архиереев и в монастырях. При этом случае дворяне и дети боярские не только просили принять меры, «чтобы государева казна без ведома не терялась», но еще и жаловались на свою бедность, указывая, что «дьяки и подьячие от взяток обогатели, накупили поместий и вотчин, построили себе дома каменные, каких прежде и у великородных людей не бывало».

Купцы, со своей стороны, как и полагается, жаловались на разорение и тяготы от воевод, которые их немилостиво грабят. Хуже всех оказались «бестактные» ответы выборных от «тягловых людей». Те, не скрывая, заявили, что они «оскудели и обнищали от великих податей и от разных служб», что «впали в ничтожество до того, что многие из слобод разбрелись розно и дворишки свои весьма покидали».

Соотношение сил явно не благоприятствовало военной политике. Царь Михаил вздыхал, сколько полагается, и, предав казаков, которых только что еще благодарил и жаловал, отписал султану, что казаки-воры взяли Азов самовольно, что он им никогда не помогал и впредь помогать вовсе не намерен.

Казаки успели перехватить царскую грамоту, в которой они названы ворами. «Мы за таких воров никак не стоим, хоть их, воров, всех в один час вели перебить», — писал Михаил в грамоте султану. Еще только что пред этим, узнав о взятии Азова, царь успел послать казакам щедрое жалованье и в грамоте своей им писал: «Мы, великий государь, вас, казаков, за эту вашу службу, промысел и крепкостоятельство милостиво похваляем». Но конъюнктура уже переменялась. Реальный политик, царь Михаил не желает вспоминать вчерашних слов. Турки, однако, не поверили, резонно указывая на царское жалованье, которое прислали из Москвы донцам и деньгами, и разными товарами. Казаки, получив приказ от царя покинуть Азов, город покинули, но на прощанье решили от него камня на камне не оставить. Азов разрушили до основания. Повеселилась казацкая душа! Много забот положит в будущем Петр на завоевание и восстановление этой крепости.

Впрочем, хитрость характерна не только для одного царя. Любопытно всмотреться в то, как седобородые, малограмотные и туповатые бояре обладали все же незаурядной хитростью и даже умудрились перехитрить, например, англичан.

Когда английский посол Меррик по просьбе царя выступил посредником в заключении мира со Швецией, ему в качестве вознаграждения были обещаны великие торговые льготы для Англии. Но когда Джон Меррик, исполнив поручение, стал требовать обещанного разрешения везти товары в Китай и Индию по реке Обь, бояре заявили: «Сибирь далеко, до первых городов с полгода езды. И то зимой. Сами туземцы не знают, откуда Обь-река и куда пошла. Страна та студеная, и по ней орды кочуют».

Таким образом английскому послу, как дважды два четыре, доказали, что ездить ему в заморские края совсем ни к чему: «Про китайское же царство сказывают, что оно не великое и не богатое. Добиваться к нему нечего. Государь наш из дружбы к вашему Якову-королю сам велит проведать, откуда Обь-река пошла, где китайское государство, а также как оно богато и есть ли чего добиваться. А теперь, не зная о том подлинно, как о том говорить?» Так ничего, кроме этих слов, советов и нудных разговоров, не дождался обманутый англичанин.

Проявил ли явившийся на трон неграмотный царь Михаил хоть в дальнейшие годы какую-нибудь любознательность?

Как оказалось, в 1623 году по приказу царя некий голландец Фандергин представил какое-то исследование «об алхимической мудрости и об иных делах». Михаила очень интересовала та соблазнительная наука, при помощи которой можно будто бы делать золото. Интерес его к этому делу был не случаен. Через три года после первого доклада, в 1626 году, от того же голландца истребовали еще одну докладную записку на ту же тему — о высшей алхимии.

Был и еще случай, когда Михаил Федорович затеял было пригласить к себе на службу иностранца Олеария, голштинского ученого, оказавшегося в Москве проездом из Персии. Царь обратился к нему с особым посланием: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен в астрономии и географии, и небесного бегу, и землемерии, и иным многим подобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, такой мастер годен». Олеарий наотрез отказался. Но что интересно: даже попытка такого рода контактов с иностранцами оказалась столь опасной, что в Москве поднялся бунт. Олеария считали колдуном. Разъяренные народные толпы, узнав о переговорах царя, употребили все старания, чтобы немедленно этого опасного колдуна утопить. Олеарий спасся и, благополучно уехав, написал книгу о нравах и обычаях государства Московского.

Жуткое впечатление оставляет описание Олеария. Способы управления на Руси сводятся к «людодерству». По выражению Олеария, «судьи безмерно драли и скоблили шкуру с простого народа», «судьи никакими подарками не насыщались, а высасывали из тяжущихся людей мозги из костей до того, что обе стороны делались нищими».

Бытовые черты жизни в описании иностранца выглядят не более утешительно. Олеарий указывает, что русские знаний никаких не любят. «Нельзя встретить во всей земле человека, который бы разумел по латыни». (Именно на латинском языке писались тогда, как известно, все научные книги.)

Внешних признаков богомольности очень много. В одном только Кремле Олеарий насчитал 52 церкви. Это было главной роскошью быта того времени, и немалую гордость простодушного царя представлял собой колокол на башне Ивана Великого. К огромному языку его были привешены два каната, а к каждому из них еще 12 веревок, так что только соединенные усилия 24 человек могли раскачать эту громадину, чтобы она звонила на утеху государю.

Но внешнее благочестие ни на йоту не смягчает нравов. Близкие к царю люди, говорит Костомаров, почти на глазах его ругались и дрались между собой и не смущались тем, что их били по щекам или батогами. Летописи тех лет сохранили целый ряд описаний того, например, как боярина Леонтьева за жалобу на князя Гагарина думный дьяк бил по щекам. Или того, как другого боярина, Чихачева, за жалобу на князя Шиховского бояре приговорили было кнутом высечь, но думный дьяк Луговой и боярин Иван Никитич Романов сами, собственноручно, тут же, во дворце, отколотили его палками.

Глава VII

Очень характерной чертой эпохи является твердая уверенность московских людей, что все иноземцы представляют собой людей низшего сорта.

При Михаиле Федоровиче толпа требовала, например, чтобы немедленно сожгли немца-живописца, у которого нашли череп. Так рассказывает Олеарий.

Иностранные послы изумлены порядком, который заведен во время их приема царем.

Возле трона, на котором в пышном облачении сидит Михаил, прилажен рукомойник и висит полотенце. Давая поцеловать свою руку прибывшим иностранным послам, царь, по церемониалу, после каждого поцелуя торжественно и серьезно мыл руки. Мера, конечно, гигиеническая, но послы в простоте души полагали, что вместо рукомойника для царя было бы неплохо снабдить и зубными щетками самих прикладывающихся к руке.

Обращение с послами суровое.

Олеарий, например, жалуется, что в дни его пребывания в Москве в качестве посла его не только стесняли в праве передвижения по городу, но и в пути конвой запрещал ему даже здороваться за руку со знакомыми из шведского посольства. Сразу после прибытия голштинских послов к ним приставили 12 часовых, «чтобы никто из них из дому не выходил, а также никто к ним не являлся».

Продукты присылались им от царя. В день царского приема, например, посольству прислали 8 овец, 22 сорта разных напитков и многое другое. Ежедневная порция, которая полагалась послам в тот день, когда их допускали к руке его царского величества, выдавалась в двойном размере.

Приставы, назначенные к послам представительства, являлись к ним в обыкновенном затрапезном виде, а парадное платье приносилось отдельно. Новые кафтаны и высокие шапки, отпущенные приставам на этот день из великокняжеской кладовой, несли за ними их слуги, так что царские приставы переодевались уже в комнате у послов и в их присутствии.

Шик того времени сводился к очень большому обилию одежды. Все, что было за душой, старались надевать на себя. Даже за парадным столом царь Михаил Федорович восседает в нагольной шубе. И царь и бояре старались заводить костюмы цветом поярче: красное, фиолетовое, зеленое. В довершение блеска мужчины носили еще и особые ожерелья, золотые цепи на шее весом до двух фунтов и даже серьги в ушах.

Об употреблении носового платка долгое время вообще не было известно. Но и после того, когда, наконец, это европейское новшество проникло в Россию, платки оставались украшением. Их хранили не в карманах, а почему-то в шапках и до пользования ими дошли еще не скоро. По указаниям Костомарова, «даже за столом не считалось неприличным высморкаться, а потом обтереть руки об скатерть». Впрочем, и остальные порядки за столом были, на нынешний взгляд, не менее необычны. Не говоря уже о ножах и вилках или салфетках, даже тарелки (торели) были чрезмерной роскошью и если подавались, то по одной на несколько человек и в продолжение всего обеда не менялись, хотя число блюд доходило до двухсот. Жидкие блюда подавались, к изумлению иностранцев, в больших мисках на несколько человек каждая.

В пище ценили не столько качество, сколько количество продуктов. Еще «Домострой» советует печь хлеба из той муки, которая уже подверглась затхлости. Тех же принципов придерживался и царь Михаил. В списках блюд, наряду с лебедями, особого рода «богатыми штями» (суп или щи с курицей), куриными пупками и прочим, почетное место занимало оригинальное кушанье, которое называлось «похмелье»: мелко нарезанные ломти холодной баранины с рассолом, уксусом, перцем, солеными огурцами. Это блюдо считалось необходимым для похмелья.

Иностранцы горько сетуют, что блюда, все без исключения, неизмеримо густо сдабриваются луком и чесноком. Чеснок и лук считаются до такой степени необходимыми, что неизменно помещаются в списках кормов, которые обязаны были выдаваться жителями служивым людям, посылаемых для составления писцовых книг. Без чего иного, а без

чеснока и лука в повседневном обиходе не обойтись.

Если еще можно понять обычай надевать на себя как можно больше одежды (пар, мол, костей не ломит, а люди пускай завидуют), то гораздо труднее понять причину, по которой даже шапки носились сразу по нескольку, причем одна надевалась на другую. Во время парада, например, боярин надевал маленькую шапочку, так называемую «тафью», на нее — остроконечную шапку — «колпак» и только сверху нее так называемую «горлатную» шапку, огромную, величиной с ведро, которую имели право носить только самые знатные люди. Как бы ни богат был, например, посадский, он не смел надеть «горлатную» шапку и даже остроконечный «колпак» должен был быть не выше определенного для «подлых людей» размера.

Сам царь во время своих выходов также надевал не менее двух шапок. Остроконечную — «колпак», а поверх еще одну. Не отсюда ли пошло убеждение о тяжелой шапке Мономаха?!

При таком обилии шапок волосы считались излишней роскошью. Было принято стричь, а еще чаще — брить голову. Этого обычая крепко держались бояре. Только те, кто попадал в царскую немилость, носили траур по кому-нибудь из близких, отпускали волосы на голове в знак печали.

Трудно понять, почему, дорожа сходством головы с бильярдным шаром и стараясь под каждый праздник стричься наголо, все носили бороды, берегли и холили их, выписывали из-за границы дорогостоящие гребни из слоновой и моржовой кости? Флетчер указывает, что «борода считалась необходимой принадлежностью человека в России, и если у кого борода росла плохо, к тому имели недоверие и считали его способным на всякое дурное дело».

Если даже мужчины носили серьги и золотые ожерелья, то количество украшений, которые цепляли на себя знатные женщины того времени, поистине потрясающе! Драгоценные камни, золотые и серебряные украшения, жемчуга... Количество всего этого было так огромно, что, например, платье, надетое на нареченную царскую невесту после взятия ее во дворец, было так тяжело от камней, золотых нашивок и жемчугов, что у невесты после того, как она недолго его поносила, болели ноги.

Не довольствуясь обильными украшениями, русские женщины того времени, во имя хорошего тона, обильно белились и румянились. Не только лицо, но и шея, руки раскрашивались белой, красной, голубой и коричневой краской. По словам Олеария, эта краска искажала до такой степени даже природных красавиц, что казалось, будто кто-то ради шутки, для смеха размалевал их. Этому требованию хорошего тона принуждены были подчиняться все без исключения. Когда при Михаиле Федоровиче княгиня красавица Черкасская вздумала было отказаться от румян и белил, она вызвала всеобщее издевательство и «лютые насмешки».

Главным признаком красоты являлась дородность. Стройность стана считалась недостатком. Принимались все меры к тому, чтобы добиться тучности и мясистой. Для этого изобретались особые мучные блюда, в огромном количестве поглощалась особая водка, настоянная на специальных, «для дородности», травах. Особенно красивым считалось почему-то, чтобы уши у женщин были продолговатыми. Щеголихи того времени вытягивали их насильно.

Если мужчины в знак печали отращивали волосы, а в обычное время наголо стриглись, то женщины и девушки наоборот: стригли волосы в знак печали.

Для замужней женщины выставить свои волосы напоказ считалось грехом и позором. «Простоволосая» — это слово было оскорбительным для замужней женщины, обязанной

носить «подубрусник» — особую шапочку, вроде скуфии, под платком — «убрусом». Особым щегольством считалось умение стянуть волосы так туго, чтобы нельзя было глазом моргнуть.

Все эти правила хорошего тона соблюдались, впрочем, только в праздники. В будни же богатые люди ходили в платьях поношенных, грязных и заплатаанных. Это считалось неважным. Но в праздники надо было показать себя. Отрепья отбрасывались, вытаскивались отцовские и дедовские одежды. Их навешивали на себя, на жену, на детей. В ход шло все, что собрано было не только ими самими, но еще отцами, дедами и бабками.

На время приезда в Москву чужеземных послов из царской казны дьякам и придворным выдавались дополнительные платья — особые, шитые золотом кафтаны. Это выдавалось на время, специально для того, чтобы чужеземцы, увидев толпу людей, одетых в золото, помнили, что Россия — страна сильная и богатая, живет под царским скипетром в довольстве. После окончания приема послов бояре и дьяки обязаны были эту богатую одежду немедленно сдать обратно по описи.

Главное развлечение эпохи — бани.

«Мыльни», русские бани, являлись в те времена учреждениями казенными. Бани так и назывались — «царские мыльни». Плата, взимаемая за вход, являлась царским доходом.

В мыльню ходили обыкновенно после обеда. Очень дорожили тем, чтобы жар был нестерпимым, причем моющиеся, приказав бить себя вениками до изнеможения на полке, выбегали голыми на воздух и катались в снегу зимой или кидались в воду летом. Для этого бани строились на берегу реки или пруда.

В царских мыльнях было два отделения: мужское и женское, но вход был один. Мужчины и женщины, встречаясь друг с другом нагишом, «разговаривали между собой без всякого замешательства». А незадолго до этого мужчины и женщины «по старинке» мылись в одной мыльне и даже в монастырях чернецы и черницы парились вместе.

Баня была главным лекарством от всех болезней. Врачей в те времена не полагалось. При Михаиле Федоровиче в Москве существовала только одна аптека. Лекарства отпускались только по особой челобитной, причем правом выбора лекарств пользовались только самые знатные бояре. Остальным отпускалось не то, что нужно, а то, что дешевле стоило, независимо от того, могло ли оно принести пользу.

Единственным настоящим лекарством оставалась баня и водка с чесноком и перцем. Это было универсальное средство от всех болезней.

Глава VIII

Можно углубиться в изучение деталей быта эпохи. Можно долго, почти бесконечно перебирать цветные стекляшки исторического калейдоскопа.

Но перед нами все еще первый Романов, а ведь их было немало. Время переходить к Романову номер два. К Алексею Михайловичу. Время всмотреться, как меняется эпоха. Невеселые итоги оставляет внимательное изучение того, как живет и работает родоначальник династии — Романов первый.

Голландец Масса в своих записках о царствовании Михаила осторожно говорит, что если царь русский и подобен солнцу, то солнце это настолько покрыто облаками, что земля Московская не получает от него ни тепла, ни света. Приближенные царя ничего не понимают, к царю доступа никакого нет, а приближенные — алчные волки. Все, без

различия, разоряют и грабят народ.

Этот голландец полагает, что русскому народу нужен такой правитель, как Иван Грозный. «Надеюсь, — пишет он, — что Бог откроет глаза царю, как когда-то Ивану Васильевичу, ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет. Народ этот благоденствует только под дланью своего владыки, и только в рабстве он богат и счастлив».

Через много-много лет такие же мысли станет развивать другой «знатный иностранец» — Бисмарк. Он будет уверять, что русский народ — «женственный народ», что ему, как всякой русской бабе, нужен муж, который бы ее поколачивал. Эта популярная точка зрения на русский народ, как на народ, созданный для рабства, увы, существует и в наши дни и разделяется, как ни грустно, поныне не одними только знатными иностранцами.

Каким образом и почему приобрел неограниченную власть этот воистину ничем не замечательный человек?

У него не было мистических и импонирующих простакам «прав рождения»: от царя, мол, от помазанника Божия рожден, а потому и сам с первого дня рождения царь — особа священная. Все знали его до времени его воцарения. Все помнили, что сегодняшней царь вчера был самым обыкновенным мальчишкой, гонявшим голубей, воровавшим яблоки в соседских садах и подбиравшимся к дворовым девушкам и горничным.

Только вчера этот безусый мальчишка ничем не отличался от своих товарищей. Случайно повезло — в его руки передан царский посох. Как, каким образом хоть на минутку поверили окружающие в какие-то особые, исключительные права этого мальчика надо всеми ими, над всей землей Русской?!

Поведение бояр при Михаиле свидетельствует о том, что не только Михаил Федорович, случайно оказавшийся на троне, тянулся к увеличению своей власти над Русской землей, но и его приближенные мечтали о твердой власти, чтобы скрутить в бараний рог, задушить проявление живой жизни на Руси. Тогда, мол, порядок будет! Еще когда дворяне приглашали на престол польского королевича Владислава, они взяли с него особую «запись», договор, по которому Владислав обязывался не давать вольности холопам. Этих же принципов свято держался и Михаил.

Судебные порядки при царе Михаиле были немногосложны. Разбираться в деталях считали излишним. Чуть ли не все прегрешения карали одинаково — смертной казнью. За кражи полагалось, впрочем, отрубание рук. Иначе обстояло дело с помещиками. За убийство чужого крестьянина помещик должен был отдавать «пострадавшему» помещику лучшего крестьянина из своего поместья. Убийство своего крестьянина считалось делом семейным.

Разницы между уголовными и гражданскими делами вообще не существовало. Уголовщина считалась только частной обидой, и дело об убийстве легко было кончить миром, заплатив родственнику убитого.

В царствование Михаила проведена была любопытная реформа в области взыскания налогов. До того времени неисправимый должник отвечал только своей шкурой, рисковал только получить побои, которым подвергался на «правеже». Отныне, ввиду того, что многие задолжники, хоть и владели имениями, соглашались лучше подвергнуться битию, только бы не платить, приказано было после месяца «правежа» взыскивать долги с имения ответчика.

Вместо имен в это время употреблялись лишь прозвища. Даже в деловых бумагах человек назывался не христианским своим именем, а по «уличному прозвищу» — Козел, Злоба, Паук и т. д.

В неустанных заботах о благе подданных царское правительство надумало увеличить

свои доходы продажей водки. Сивуха, как впоследствии при Витте, объявлена была монополией государства. Приказано везде строить кабаки и производить вино.

Но, как и при Витте, пользы это начинание не принесло. Усердствуя в употреблении водки и давая тем кажущийся доход государству, население, увы, только понижало свою платежеспособность, ибо, пропивая последние деньги, разоряло хозяйство. Так что это усердие пользы не принесло, а только вред.

Царь в указах своих горько жалуется, что даже и собранную денежную казну от «разбойного воровства в Москву провезти нельзя». Денежная скудность дошла до того, что Россия снова и снова просила о помощи и Англию, и Швецию, и Персию. Так просит займы человек, заведомо знающий, что денег ему не дадут. Знает и все же просит. Надо же делать что-нибудь, как-то проявлять себя. Даже когда московские послы отправлялись в другие страны, они бедствовали там до такой степени, что иноземцы должны были за свой счет содержать их. Московские послы Ушаков и Заборовский, посланные в Голландию с просьбой о посредничестве для примирения русского царя со шведским королем, были так бедны, что голландцы вынуждены были отпустить на их содержание тысячу гульденов. Плохо, очень плохо было с валютой у первого Романова!

Правительство приказывало не давать народу никаких отсрочек — «деньги и припасы править нещадно». Воеводы били посадских и волостных людей нещадно, с утра до вечера. Избитых и голодных отправляли на ночь в тюрьму, а с утра снова начинали «правеж» и очень многих, свидетельствует летописец, забивали до смерти. Жители разбегались, умирали от холода и голода в лесах. Налоговое искусство дошло до того, что особые налоги взимались даже на реке за водопой скотины и за стирку белья.

Уже царствование первого Романова ознаменовано крупными восстаниями и беспорядками. Они вспыхивали в различных концах страны. В Казани бунт против Михаила поднимает некий Никанор Шульгин. В Белозерске посадские люди не дают собирать подати, а когда воеводы, по обычаю, ставят их «на правеж», бьют в набат и всей толпой кидаются на воевод и сборщиков налогов. В Чердыни жители также не желают платить налогов и бьют смертным боем присланного царем князя Шаховского. В Осташковском уезде поднимает восстание Захарий Заруцкий. В Ржеве действует с большим отрядом разбойник — «полковник» Ясько. Среди шаек казаков, среди атаманов того времени отличался некий Баловень. Его шайка не дает правительству собирать налоги и хлебные запасы. Главной забавой Баловня, этого батьки Махно того времени, было насыпать людям порох в уши, в рот и поджигать.

В Вологде буйствует какой-то «сибирский царевич» Араслан, который, грабя народ, в качестве забавы занимается тем, что вешает всех вверх ногами. Разбойничьи станы покрыли всю Россию. За разбойничьими шайками следует в их постоянных переходах огромный табор — жены, дети. Эти поджигающие города и вешающие людей добрые молодцы имеют склонность к семейной жизни.

Чуть ли не главным разбойником того времени был Лисовский. У него под началом тысячи людей. Напрасно преследует его князь Пожарский. Лисовский неутомим. Его шайка появится в одном месте, разграбит, сожжет, перекалечит людей и исчезнет, чтобы появиться в совершенно неожиданном и далеком месте. Ратные люди, пришедшие для защиты жителей, находят только пепелища да обезображенные трупы, Лисовский только что был под Орлом, а вот он уже в Калуге, в Угличе, в Туле. По пути Лисовский и его товарищи бросают утомленных лошадей и отнимают у населения свежих.

Разбойниками считали русские люди в то время и служителей церкви, которые обращали любые святыни в товар. Но для Михаила представители церкви были непогрешимы. Как и они, царь убежден, что земля Русская должна быть превращена в безмолвный огромный монастырь: «песен не петь, даже на свадьбах, на игрища по вечерам не сходиться, не плясать, руками не плескать, сказок не сказывать, празднословием не заниматься, в бабки не играть».

Русское благочестие почитало преступлением учиться наукам, искусствам или чужеземным языкам. На это смотрели как на колдовство, наваждение дьявола.

Перед нами, таким образом, одно сплошное «нельзя». Это главный принцип, главный девиз царя Михаила, его единственный пафос. Это его «Я».

Все время своего царствования Михаил Федорович упорно и настойчиво борется со всякими проявлениями живой жизни. Были, например, на Руси скоморохи, увеселявшие публику песнями, складными рассказами, музыкой. Михаил немедленно восстает всеми силами против этого «бессовестного потешения», против «позоров бесовских». Правительство приказывает воеводам бить батогами не только самих скоморохов, но и соучастников «преступления» — зрителей, а инструменты скоморошья жечь. Воспрещаются музыкальные инструменты и в частных домах тоже. В одну из облав такого рода, пишет Костомаров, удалось истребить пять возов музыкальных инструментов.

Еще греховнее в глазах Михаила пляска, особенно женская. «О злое, проклятое плясание, о лукавые жены с плясаниями многовертными! Не зрите плясание и других бесовских прелестей супруг адовых, любовниц сатанинских!»

Еще суровее отношение к табаку, за курение которого отрезание носа не казалось мерой достаточно суровой. «Который человек начнет держати бесовскую и богоненавистную трубку, то у того человека мозг искрутит и впадет в главу его вместо того мозга смердящая вонь и начнет пребывати и в главе его, и во всех костях его».

Пляска — «ногам скакание, хребтам вихляние» — это забава бесовская. Наука — тоже искушение бесовское.

Так вот и жил, так и умер этот туповатый, быть может, по-своему добродушный, унылый человек.

Как ни старались знахари и ворожеи, но здоровье царя становилось все хуже. Все мучительнее одышка, все заметнее отеки ног.

Ворожеи и колдуны занимают почетное место при дворе. Когда в 1688 году возникло дело о порче царицы Евдокии, царь распорядился выписать колдуний, известных в то время ворожей, «женок Машку Козлиху да Настьку Черниговку». Даже в записях на верность царю верноподданный присягал, между прочим, «по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимати».

Но бессильными оказываются и колдуны, и ворожеи. Все очевиднее становится, что и цари смертны. Уже в 1644 году, с пятидесятого года своей жизни, Михаил не выходит из своих покоев. У царя водянка. Врачи уверяют, что недуг сей приключился «от многого сидения, холодного питания и меланхолии, сиречь кручины». 12 июня 1645 года царю во время заутрени, в самый день его именин, сделалось дурно. Его принесли в царские покои, и в третьем часу первый Романов, его царское величество Михаил, волею Божьей помер.

По всем правилам того времени Михаил не только облекся перед смертью в монашескую одежду, но еще и принял схиму.

Все готово, все сделано. Можно умирать спокойно!

На покойника надевают царское одеяние, на голову ему возлагают корону, в рот ему кладут несколько мелких монет (издержки дальней дороги). Это еще не все. В руки мертвому священник вкладывает отпустительную грамоту, которую иностранцы в своих мемуарах называют «рекомендательным письмом к святому Николаю».

Тело государя шесть недель должно пролежать в дворцовой церкви. Крестовые дьяки дено и ношно читают над ним псалтырь. Одна смена бояр и сокольничих сменяет другую на дежурстве. Все изнемогают от запаха тлена, но правило о шести неделях соблюдается свято.

Михаил имел право умереть спокойно. Дело его жизни, создание династии Романовых, сохранится на много лет, отравит целые века жизни России.

Через 300 лет, в дни празднования юбилея дома Романовых, среди многообразных депутатий, явившихся приветствовать самодержца, к Николаю II приблизилась депутация от крестьян. Стоявший возле царя известный своими работами по русской истории великий князь Николай Михайлович с добродушной улыбкой сказал самодержцу:

— Не думаешь ли ты, что 300 лет тому назад они, крестьяне русские, были точь-в-точь такими же, как и сейчас?

Николай II не ответил. Что он думал по этому поводу, так и осталось неизвестным.

Алексей Михайлович

Глава I

«Алексей Михайлович получил имя Тишайшего царя. У него было четырнадцать детей» — так начинал свои лекции об этом царе, поблескивая очками на серьезном лице, В. О. Ключевский.

Если бы старая истина о том, что сущность самодержавия не зависит от той или иной личности царя, еще требовала доказательств, одним из наиболее ярких подтверждений этого явилось бы царствование Алексея Михайловича. Этот царь сам по себе был, по сравнению с другими, как будто и незлобив, и добродушен, не слишком глуп и недаром, должно быть, заслужил свое имя. Но сколько же горя и зла причинило его царствование России! Будет ли царь умен или глуп, будет ли он благороден или подл, все равно фатально и неизбежно проявит себя сущность режима, в самой основе своей уродливая неограниченная власть!

Не человек красит место, если судить по судьбе трона российского, а именно место красит человека. До какой степени однородны, одинаковы оказались все те восемнадцать царей, которые под именем Романовых сменили друг друга на русском престоле! Как мало значения, в конце концов, имели личные свойства и особенности того или иного украшенного короной обывателя на троне!

Алексей Михайлович считался Тишайшим, но именно его царствование ознаменовано сплошными волнениями, бунтами и восстаниями. Именно при нем в самых различных концах России люди доходили до осознания полной невозможности терпеть чрезмерные тяготы. Именно при нем вспыхнуло и широкой волной разлилось восстание Стеньки Разина.

Чуть ли не с первого дня, когда вступил на престол этот толстый, добродушный человек с пухлыми румяными щеками, с низким лбом, кроткими чертами лица и мягкими, веселыми, улыбающимися глазами, начались бурные смуты не только на окраинах, но даже и в самой Москве.

Как жил царь Алексей? Попробуем отрешиться от той случайности, которая называется «государевым званием». Попробуем всмотреться, как текут дни этого недалекого толстого человека.

В отличие от неграмотного Михаила Федоровича, царь Алексей уже кое-чему научился. Он знает, например, церковную службу.

Григорий Котошихин в своей знаменитой книге подробно останавливается на воспитании царя. Он недоволен тем, что «иным языкам» — латинскому, греческому, немецкому — всем, кроме русского, научения в русском государстве не бывает. Он недоволен и тем, что до пятнадцати лет и больше «царевича, окромя тех людей, которые к нему установлены, видети никто не может — таковой бо есть обычай. Даже когда царевич в церковь идут, и тогда около них во все стороны несут особые заслоны, скрывающие их от народа, чтобы не сглазил никто, ибо малолетним дурной глаз особенно опасен».

Алексей Михайлович назывался Тишайшим, но тихость эта была только внешней. Когда царь в великую пятницу оказался недоволен патриархом Никоном, он устроил ему бурную сцену здесь же, в церкви. Он кричит патриарху: «Мужик, сукин сын».

В другой раз, празднуя память Саввы Стороженского в отстроенном им любимом

монастыре, он устраивает еще более бурную сцену в присутствии патриарха Антиохийского Макария. Когда чтец начал на торжественной заутрене житие святого обычным возгласом: «Благослови, отце», царь вскочил с поставленного для него торжественного кресла и с диким криком кинулся к чтецу: «Ты что, мужик, сукин сын, читаешь? Какое тебе „благослови, отче?“ Ослеп, что ли? Тут патриарх! „Благослови, владыко“ читать надо!»

«Царь Алексей был мастер браниться изысканной бранью», — констатирует В. О. Ключевский, называющий этого царя «очень славным и приятным человеком, только не на престоле».

Престол перешел к Алексею в его юности. И этому царю при восшествии на престол было всего шестнадцать лет. Мы увидим, что и в дальнейшем еще долго русский престол будет переходить в руки недорослей из дворян.

Быт того времени был до странного убог. Н. Костомаров указывает, например, что даже скамей и табуреток в домах было немного. Кресла и стулья составляли роскошь царского дома и домов знатных бояр, но даже и там были в небольшом количестве. В народе же вовсе не употреблялись.

Зеркал по тем временам также не полагалось, ибо церковь их не одобряла, считая проявлением заморской греховности. Так же точно преследовались какие бы то ни было стенные картины и украшения.

Главное занятие царя Алексея — церковные службы. Великим постом, рассказывают современники, царь обедает только три раза в неделю: в четверг, субботу и воскресенье. В остальные дни Алексей «кушает по куску черного хлеба с солью, по одному грибу и одному огурцу и даже рыбу за все семь недель Великого поста вкушает он всего два раза».

Сверх постов он в обычные дни не ест мясного по понедельникам, средам и пятницам.

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу.

«Люблю, — он отвечал. — Я вкус в нем нахожу».

Порядок жизни установлен прочно. После долгого утреннего моления приезжают бояре, обязанные всякий день приезжать во дворец справляться о здоровье государевом и бить ему челом. После этого все идут к обедне, длительной и истовой, а когда берутся за доклады и челобитные, настает время обеда. С полудня дела оканчиваются, уступая место обеду, который, при всей скромности своей в дни поста, в праздники включал в себя до двухсот блюд. Любили хорошо покушать наши предки!

После обеда царь спал до вечерни. После длительной вечерни в церкви время отдавалось забавам — скоморохам, гусярам. Времени на то, чтобы царствовать, у Алексея, собственно, не было и быть не могло. Да этого и не требовалось — всем заправляли бояре.

Эпоха Алексея стоит на рубеже между старой и новой Россией, и в быте этой эпохи странно и причудливо совмещаются старые и новые черты.

Особым шиком в исключительно знатных домах считалось для главы семьи жить в особых покоях и даже обедать отдельно от остальных членов семьи. Именно этого порядка держался в будни и царь. Зато в церковь ходили ежедневно целой толпой: и к заутрене, и к вечерне царь каждый Божий день шествовал в сопровождении всей семьи, целой толпы бояр и думных людей.

Приезжать ко двору ежедневно обязаны были все бояре. Одни, ближайшие, пользуются правом входить в комнату государя, другие, чином пониже, имеют право входить только в переднюю, третьи обязаны оставаться на крыльце, а которые совсем поплоше — те и на

крыльцо не имеют права ступить. Но являться к царскому выходу обязаны все. И ежедневно.

На парадных обедах каждое из сотен подаваемых блюд прежде всего должен был отведать повар, за ним — по чину — дворецкий, за ним кравчий и так далее. Только тогда считалось, что кушанье не отравлено. Все блюда подаются разрезанными на куски, чтобы было удобнее брать руками и нести ко рту. Бояре, как и сам царь, остаются во время пира в шапках.

Царские пиры длились долгие часы. Не только из-за обилия яств, но и из-за споров, а часто драк, с какими было неразлучно самое главное — размещение гостей за столом. Ни один из бояр не желает сесть ниже, то есть дальше от государя, чем его предки сиживали. Даже на пирах у простых бояр неизбежно происходили длинные и сложные обряды. Так, хозяйка, поднеся почетнейшему гостю чарку вина, немедленно удалялась, чтобы вернуться для угощения следующего гостя уже в другом платье. Затем снова следовало переодевание в третий наряд для угощения третьего гостя. Такого рода переодевания считались необходимыми для демонстрации богатства хозяина.

Еще больше церемоний было на пирах у царя.

Приглашенные на царев пир должны были приносить с собой дары. Содержание этих даров торжественно излагалось на всеобщее сведение с перечислением всех титулов дарителя. Еще торжественнее возглашалось царское здоровье. Причем при каждой чарке неизменно перечислялся весь длинный титул царя.

Пиры неизменно сопровождались молитвословиями, духовными песнями. Трапеза начиналась молитвой «Достойно есть». Первая чарка во славу Пресвятыя Богородицы Божьей Матери. Вторая — за здоровье царя. Потом за воинство. «Первая — колом, вторая — соколом, остальные — мелкими пташечками». Длиннен был список, сопровождающийся пением всем многолетия и даже пением за упокой души.

Молитвенный уклад пиров причудливым образом соединялся не только с разгулом, гусярами и скоморохами, тешившими компанию выходками и рассказами, часто весьма непристойными, но и с обычными драками и даже убийствами. «Широк русский человек, я бы сузил», — вздыхал в свое время Достоевский.

После обеда полагалось ложиться отдыхать. Этот обычай пользовался почему-то особым народным уважением. Спали после обеда цари, спали бояре, спали, заперев свои лавки, купцы, спала на улице чернь. Не спать после обеда считалось опасной ересью, указывают летописцы.

Некоторые прерогативы в обычном образе жизни царя, по сравнению с боярами, все же представлялись. Супругам в боярской среде не полагалось спать вместе в ночи перед праздниками, воскресеньями, средами и пятницами, а также и в посты. Царю, видно, в интересах государства Российского, разрешалась в этом отношении вольность. По сведениям Костомарова, только на святой неделе цари обыкновенно почивали отдельно от цариц. Но и тогда, «когда царю угодно было спать с царицей, последней об этом знать давалось заранее и назначалось, придти ли к царю или царя к себе ожидать». На другой день оба ходили в мыльню.

Наряду с убожеством быта существовала и роскошь.

Когда царь Алексей Михайлович выезжал парадно к обедне, выезд совершался как зимой, так и летом, в больших санях. Езда в санях считалась более почетной, чем езда на колесах. Поэтому в торжественных случаях сани употреблялись и летом. Главное духовенство также всегда разъезжало в санях. Так, патриарх Иерусалимский приезжает в

собор для посвящения в патриархи Филарета, хотя это было 24 июня, не иначе как в санях.

Царские сани имеют вид длинного ящика, лошади украшены особыми ожерельями, побрякушками и соболями. Поехали!

По обеим сторонам царя у ног на полозьях стоят два стольника, обязанных во время пути поддерживать царскую полость. Сзади, на запятках, стоят два ближних боярина. По сторонам идет толпа придворных и стрельцов с ружьями. Все обязаны быть без шапок, и только ближним боярам разрешается нести шапки в руках. Ура-а-а! Его царское величество изволит на охоту выезжать!

Некоторое представление о придворной жизни при царе Алексее Михайловиче дают цифровые данные: при его дворе состоит свыше четырех тысяч лошадей, к которым приставлено шестьсот конюхов, стремянных, а также приказчиков и чиновных людей, «каковые жалованы денежным жалованьем и платьем погодно, а равно поместьями и вотчинами». Денежные дела Алексея гораздо веселее, чем у Михаила. Для соколиной охоты царя содержат, например, более трех тысяч соколов и около ста тысяч голубиных гнезд для их прокорма. Разумеется, с огромным штатом пышно разнаряженных сокольничих.

Нравы в существе своем те же, что и при Михаиле.

После бракосочетания царя Алексея, например, велено было провести расследование по следующему поводу. Приехавший в Москву грузин Уру-Самбек привез с собой кусок старой льняной ткани. Он уверяет, что это — подлинная сорочка Иисуса Христа, та самая, в которой Христос был распят на кресте. В качестве доказательства указывается на отверстия от гвоздей и даже — самое главное — на следы крови на рубашке.

Этому рассказу не сразу поверили и придумали способ проверить его подлинность. Наложили на неделю пост на всю Россию, причем повелено было приносить присланную святыню к болящим и наблюдать, будут ли чудеса. Долгое время результатов не было, но через год все же насчитали 71 исцеление. После этого все сомнения, естественно, исчезли, и срочно начато было строительство особой церкви Ризы Господней.

Глава II

Когда всматриваешься в дошедшие до нас портреты царя Алексея, вчитываешься в оставленные современниками описания этого дородного румяного человека, кажется, что ошибся, неправильно построил свою жизнь Алексей Михайлович. Ему бы кучером, лихачом быть! До чего бы ценили его дородность и рост в этой должности московские купцы!

— Пожалте, ваше степенство, на американской шведке прокачу! — И вот уже выются кольцом пристяжные, осанисто выступает коренник, осанисто глядит похожий на него кучер. Эх, тройка, птица-тройка!

Но перед нами не кучер, а царь. Страной правят бояре с Морозовыми во главе. Правят круто, и разоренный, задерганный народ все определеннее пытается разбудить Алексея, как будто уснувшего на троне. Толпы народа все чаще собираются у церковей. Поначалу шепотом, потом все громче, наконец, и вовсе полным голосом заговорили: жить невозможно. Порешили было подать жалобу царю, но до царя добраться и в те времена было невозможно. И вот кто-то из безымянных коноводов толпы предлагает подежурить, дождаться и захватить царя на улице, чтобы всенародно потребовать у него управы на учителей. Дальше некуда! Жить невозможно! Май 1648 года...

Был май, веселый месяц май,
Кому же скучно в мае?..

Толстый, румяный Алексей Михайлович благодушно возвращается со своей свитой из Троицкого монастыря. Для моциону, для разгулки царь на этот раз едет верхом...

Цветов в полях хоть отбавляй,
А лес! А птичьи стаи!

И вдруг — толпа... Что это, откуда, почему?

Толпа неожиданно окружает царя. Какие-то смельчаки хватают царского коня за узду. Громко кричит, стонет, горько жалуется своему царю люд московский. Обижают бояре народ, налоги несусветные дерут, последнюю скотину забирают у бедных людей. Это все бояре Плещеев с Траханойотовым да Морозов виноваты!

Царь испуган. Он не рискует повышать голос, ласково спрашивает, в чем дело, и даже пытается успокоить бунтовщиков. И тогда совершается чудо: измученные, истерзанные произволом люди вдруг растрогались. Подумать только: сам царь — и вдруг с ними, простыми смердами, холопишками жалкими, ласково говорит! После громких выкриков, после перечисления всех жалоб на угнетателей народ, услышав приветливое слово, громко благодарит царя, желает ему многолетнего здоровья, низко кланяется.

Струхнувший царь пришел в себя и поехал дальше. Возбужденная благодарная толпа радостно делится впечатлениями о ласковости и приветливости царя. Наивные люди верят, что теперь, когда царь-батюшка все знает, когда он лично обещал расследовать дело, все будет хорошо. Можно со спокойной душой по домам расходиться.

Но только что отъехал царь, как подручные Морозова накинулись на толпу: «А, так вы жаловаться?!» Топчут копытами верноподданных, свистят кнуты по головам жалобщиков, рекой льется кровь.

Способ наглядного преподавания политической мудрости оказался убедительным. Радостная вера, которой только что были полны народные толпы, исчезла, испарилась, выветрилась от энергичных ударов кнута по головам. Толпа пришла в неистовство и ухватилась за камни. Не ожидавшие отпора усмирители немедленно обратились в бегство. Они успели было спрятаться во дворце, но толпа уже со всех сторон окружила его. Буйные крики с требованием выдачи ненавистных Плещеева и Траханойотова растут, становятся все более угрожающими. Боярин Морозов, старый, осанистый, пытается, выйдя на крыльцо, именем царя успокоить народ, заступиться за Плещеева, но пользы это не принесло.

— А ты сам-то кто?! Ты всему горю и есть голова! Мы тебя давно ищем!

Морозов отступает, скрывается во внутренние покои дворца, где сидит испуганный Тишайший царь, а толпа кидается разносить дворцы Плещеева и Траханойотова, но, не найдя там своих обидчиков, снова возвращается ко дворцу.

В Кремле паника. Спрятавшийся царь вторично высылает представителя. На этот раз двоюродный брат царя Никита Романов взялся уговорить мятежников. Но повстанцы стоят на своем твердо.

— Выдать Плещеева! Давай сюда Траханойотова! Куда Морозова спрятали? — раздаются все громче, все дружной возгласы из толпы.

Дело оказывается серьезным. И так как своя рубашка ближе к телу, испуганный царь соглашается пожертвовать Плещеевым. В сопровождении палача его, по царскому указу, выводят на площадь, чтобы в присутствии народа предать казни. Но народ не хочет больше

ждать ни одной минуты. Озверелая толпа уже вырвала Плещеева из рук палача и заколотила его палками до смерти.

Однако гнев народа еще не утолен. На другой день толпа снова у Кремля. Плещеева-то убили, но ведь живы еще другие обидчики. Царь решает пожертвовать и Траханойотовым. На этот раз депутатом высылают князя Пожарского. Траханойотову в угоду народу торжественно отрубают голову. Суда и следствия производить не приходится. «По нужде и закону перемена бывает».

Но и после этого народ стоит на своем.

— Выдать Морозова! От него главное зло! — неотступно кричат в толпе.

Судьба Морозова казалась неизбежной, но мятежников удалось отвлечь от мятежа. Огромный пожар, внезапно вспыхнувший в городе, заставил народ отхлынуть от Кремля. Воспользовавшись этой передышкой, царь наспех берется за реформы. Неудобных, нелюбимых народом бояр целыми пачками смещает с должностей. Царскому тестю Милославскому поручено устроить целую серию пиров, чтобы задобрить население. Но всего этого оказывается все же недостаточно, и тогда царь в полном облачении выходит на площадь и жалобно просит народ простить Морозова. Он обещает отставить его от должностей и молит лишь о том, чтобы сохранить жизнь старика: «Потому что он нам как второй отец. Воспитал и вырастил нас, великого государя. Сердце наше не выдержит этого». Из глаз царя во время речи лились обильные слезы. И, растроганный слезами, много раз обманутый народ снова поверил, и, поклонившись царю, все воскликнули:

— Пусть будет так, как угодно царю.

Кто выдумал, что Москва слезам не верит?! В те годы и долгое время спустя Москва до странности верила слезам.

Московский мятеж не является исключением. Царствование Алексея сплошь насыщено бунтами и восстаниями. Еще задолго до Стеньки Разина произошли большие мятежи в Новгороде и Пскове, где царю пришлось-таки сменить неудобных народу воевод. Восставал народ и в Сольвычегорске, и в Устюге, и во многих иных местах. Да и в самой Москве вспыхивали все новые и новые мятежи.

Особенно ярко сказалось настроение Москвы в так называемой «денежной смуте». В те времена еще не было известно выражение «недостаток дензнаков», но сущность дела от названия не меняется. Смуты и войны разорили государство, и тяжелые налоги не в силах были помочь делу.

Ходячей монеты было в те времена на Руси очень мало. Серебро привозили в Россию иностранцы, которые расплачивались им за покупаемое сырье. Серебряные деньги принимали по весу и перечекивали на русские деньги (треугольные по форме), а еще чаще на иностранные монеты ставилось русское клеймо, после чего они беспрепятственно шли в оборот.

Но когда русские купцы зажались и добились того, чтобы английские купцы были высланы из внутренних городов государства, чтобы им запретили торговать где бы то ни было в России, кроме Архангельска, торговля с Западом, естественно, уменьшилась. Русские купцы, ободренные победой, путем новых происков добились дальнейших ограничений для иностранцев. Английским негоциантам было официально поставлено на вид, что они «люди подлые, никакого доверия не заслуживают, так как они учинили большое злое дело: государя своего, Карлуса-короля, убили до смерти».

Такое вмешательство во внутренние дела Англии, произведенное по случаю английской

революции 1649 года, привело к тому, что торговля с Англией и вовсе прекратилась.

Поначалу русские купцы возликовали. Но вскоре оказалось, что денег до такой степени трагически нет, что жалованье ратным людям платить не из чего. Боярин Ртищев посоветовал тогда царю выпустить новые деньги вместо серебряных — медные, которые должны были приниматься населением наравне с серебряными. Но медные деньги не получили хождения «наравне». Добрые люди, совсем как в наши дни, стали серебро припрятывать, и все стали расплачиваться исключительно медными. Цены на товары стали зверски расти. За медный рубль давали в 15 раз меньше, чем за серебряный. Серебряными рублями торговали на углах, сбывая их по дикой цене. Во множестве появились фальшивые монеты.

Правительство делало то, что всегда делают все правительства в таких случаях. Строго предписывалось, чтобы серебряные деньги не смели ценить дороже медных. Особенно старательно расправлялись за подделку, выпуск в обращение фальшивых, так называемых воровских денег. Людям, повинным в этом грехе, старательно заливали горло расплавленным оловом, отсекали руки и прибавали их к стенам денежного двора. Но все эти меры горю не помогли: денежных знаков не было, товары продолжали расти в цене, продукты стали припрятывать.

Трудно удивить чем-то новым выдающуюся виды, злую и насмешливую старуху Историю!

Царь всемерно прислушивался к ябедничеству и доносам. По общему правилу, служилый человек или помещик, открывший за своим товарищем какой-нибудь грех, получал в собственность часть имения, которое конфисковывалось у уличенного. У царя была целая сеть шпионов, набранных из бедных дворян и детей боярских. Большинство их было из тех, кто сам по доносу других лишился своих поместий.

Их обязанностью было бывать везде: на свадьбах, на похоронах, на гуляниях. Наиболее ловкие передевались и под видом нищих шныряли среди богомольцев, принимая все меры к тому, чтобы царь знал все, что говорится среди подданных.

Но на этот раз не уследили.

Когда дороговизна дошла до предела, московский народ стал волноваться. В 1662 году народное волнение в Москве вспыхнуло из-за того, что приказные люди стали срывать расклеенные на домах воззвания, обвинявшие бояр в том, что они-де перемены в денежном деле ввели для собственной корысти. Народ не давал срывать воззвания, жестоко избивал приказных, отбирая эти воззвания, и заставлял грамотеев читать их вслух. Прокламации передавались царю — пусть выдаст виновных бояр на расправу.

Когда многотысячная толпа подошла к Коломенскому, где жил Алексей, государь был в церкви. Милославские и Ртищев, чьи имена громче всех выкрикивала возбужденная толпа, немедленно скрылись в самых дальних женских покоях дворца.

Царь был застигнут врасплох и скрыться не успел. К нему обратились с требованием немедленно прочесть одно из сорванных воззваний, которые толпа принесла почему-то в шапке.

— Изволь, великий государь, вычесть письмо перед всем миром. Изменников повели привести, — кричали в толпе.

— Ступайте домой, — ответил царь. — Когда обедня кончится, я этим делом займусь. Нарочно для этого в Москву приеду.

Велико было доверие темных народных масс к царю, импонировавшего людишкам своим торжественным облачением, своим окружением из виднейших представителей духовенства.

Велика была привычка слушаться начальства и, хотя и без малейшего повода, благоговеть перед величием царя. Но на этот раз толпа царю не поверила: а вдруг надует? Примеры-то ведь бывали.

Летописцы приводят чрезвычайно характерную сцену, которая разыгралась между убеждавшим народ успокоиться и сыпавшим обещаниями царем и недоверчивой, наученной уже горьким опытом толпой. Царь Богом клялся, что он сразу же после обедни учинит сыск и накажет виновных, но толпе этого было мало. Только после того, как царь торжественно «ударил по рукам» с одним выборным из толпы, народ согласился подождать расследования и спокойно отправился назад в Москву.

Но в Москве в это время действовали другие толпы восставших. Уже грабили дом Морозова, которого в толпе называли главным виновником. Уже новые толпы двинулись из Москвы к царю в Коломенское, и, встретив толпу, возвращавшуюся оттуда, повстанцы убедили их снова вернуться.

— Выдавай изменников! — кричит толпа, снова окружив царя. — Буде добром не отдашь виновных, мы их сами силой возьмем. Не дай погибнуть понапрасну!

Но за это время царь успел собрать стрельцов и приободрился. Подан знак — и вот уже вооруженные люди хлынули на мятежников. Через три столетия, 9 января 1905 года, мы снова увидели ту же картину. Уже корчатся и стонут раненные и растоптанные лошадьми люди, уже уносят убитых и искалеченных. Уже отхлынула в панике обезумевшая от неожиданностей расправа, доверчиво пришедшая к своему царю безоружная толпа. Спокойствие восстановлено. Но, не ограничиваясь жестокой расправой, бояре начинают целую серию разбирательств. Скрипит дыба, свистят кнуты, летят головы... Недаром назывался Тишайшим великий государь.

Погибло свыше 7 тысяч человек. Из них только 200 виновных, остальные все зрители, пришедшие из любопытства.

Глава III

На место Филарета, бывшего патриархом при Михаиле, при Алексее выдвинулся на самое заметное место патриарх Никон.

Никон представлял собой исключительно интересную фигуру того времени. Как будто пьеса с богатой фабулой разыгрывается между Никоном и Алексеем в те дни: тут и пылкая нежность, и своеобразная ревность, и охлаждение, и запальчивость, и месть, и горькие сожаления обеих сторон о разрыве.

Как начался этот «роман» между Никоном и Алексеем?

Крестьянский сын Никита, много вытерпевший в детстве из-за злой мачехи, еще мальчиком убежал из дома в монастырь. Здесь мальчонка научился грамоте и церковной службе, и так как по тем временам образованность такого рода была редкой, юный Никита скоро сделался священником. В 30 лет, потеряв одного за другим всех троих своих детей, Никита постригся в монахи под именем Никона, а заодно постриг в монастырь и свою жену.

Когда он, приехав по делам своего монастыря в Москву в 1646 году, явился к государю, его высокая, статная, характерная фигура произвела большое впечатление на царя. Тишайший царь ведет с ним беседы долгими часами и в знак милости назначает Никона на значительный пост Новгородского митрополита (митрополит Новгородский считался вторым лицом после патриарха). Царь уже в это время пишет нежные письма Никону.

Когда в Новгороде вспыхнуло восстание, Никон не испугался мятежников. Воевода новгородский укрылся было в митрополичьем дворе. Мятежники, ворвавшись с дубьем и камнями, напали и на самого Никона и свалили его наземь. Но и избитый, с лицом, залитым кровью, Никон сумел обратиться к толпе с такими серьезными и спокойными словами увещания, что мятежники послушались его властного тона. После этого царь и вовсе расчувствовался.

Всмотреться в то, как складывались отношения Алексея и Никона, — лучший способ понять психику Тишайшего царя. Всегда обожавший писание писем, доходивший в этом «спорте» до графомании (что выражалось, между прочим, в попытках сочинить не только мемуары, но и стихи), Алексей засыпает Никона целым градом своих грамот. В письмах царь именует его «новым страстотерпцем и мучеником», «возлюбленным своим и содружбником» и даже «великим сияющим солнцем». Отныне Никону поручается ведать не только церковными делами, но и вообще править Новгородом. Царю не жалко!

Когда в 1652 году Алексею захотелось перенести в московский Успенский собор мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря, это дело также поручается Никону. Верный замашкам графомана, Алексей считает уместным в данном случае особое письмо покойному митрополиту. Тот давно умер, и трудно предположить, чтобы встал из гроба для прочтения адресованного ему послания Тишайшего царя, но автор усердствует вовсю. Не довольствуясь тем, что написано под его диктовку, Алексей на грамоте, препровождаемой усопшему через Никона, собственной рукой пишет еще и особое приветствие покойнику: «О священное главо, владыко Филиппе! Я, царь Алексей, желаю видети тя и поклонитися твоим святым мощам. Прииде к нам».

Когда Никон исполнил поручение и привез мощи, царь надумал принять меры к избранию Никона в патриархи. В письмах по этому поводу он называет своего любимца «собинным другом, душевным и телесным». Жить в разлуке он не может и не хочет.

Сбор святителей, собравшийся в Москве, свято выполнил желание царя и немедленно провозгласил избранным на пост патриарха царского любимца. Но Никон упрямится. Уже служатся многочисленные молебствия о здравии новоизбранного патриарха, но Никон непреклонен. Он не желает принимать на себя этот сан.

Снова и снова посылает Алексей не только бояр, но и священников уговаривать упряма, но тот всякий раз отказывается категорически, и одно посольство за другим ни с чем возвращается к царю. Тогда Алексей распорядился силой приволочь в церковь нового патриарха. Уже и приведенный, он все же стоит как столб и по-прежнему отказывается принять патриаршество. Все присутствующие в церкви со слезами валяются на пол, молят Никона согласиться, но он непреклонен. Падает ему в ноги и сам царь, обливаясь слезами. Результат тот же.

Только после очень долгих просьб Никон, наконец, заявляет:

— Называемся мы все христианами, но на деле не исповедуем мы заповедей евангельских. Если вам и вправду надо, чтобы я у вас патриархом был, дайте обет здесь, в церкви, перед иконами клянитесь, что все будете слушаться меня как главного архипастыря вашего и отца.

Требование Никона беспрекословно выполняется. Сам царь, бояре и все духовенство принесли особую присягу. Перед Евангелием и иконами произнесли клятву почитать Никона как отца и исполнять, что бы он ни предложил. Только тогда согласился суровый Никон принять патриаршество.

Хмур и суров был новый патриарх. Духовенство того времени, темное, невежественное, строжайшими мерами преследовалось: снятие сана, заключение в тюрьму, ссылка, цепи. «До чего дошло, — жаловались члены причта, — уже и священнику пьяным напиток нельзя».

Не ограничиваясь крепкой уздой, наложенной на священнослужителя, Никон берется и за саму церковь. Существующие спокон веку обычаи Никон пытается исправить. Священные книги, впервые напечатанные в России при Иване Грозном, были воспроизведены с целого ряда списков вместе со всеми ошибками, которые в них вкрались. Никон сурово берется за исправление ошибок. Не довольствуясь проверкой по рукописям, он обещает взяться за греческие первоисточники, поручает специалистам разобраться в той путанице, которая создалась в течение долгих лет. И — о, ужас! — оказывается, что русские неправильно творят крестное знамение — двумя перстами. По старине креститься следует тремя. Никон ополчается против новин всякого рода. Его задача — вернуться во что бы то ни стало именно к старой, подлинно древней вере. Но все окружающие в ужасе. Для них все шаги Никона представляются нарушением обычаев, новизной и проклятой ересью.

Когда юрьевский протопоп Аввакум получил «памятную грамоту» о необходимости креститься тремя перстами, у него, по его словам, «сердце озябло и ноги задрожали».

Только горячая дружба и любовь царя Алексея могла дать Никону смелость встать на путь борьбы с создавшейся обрядностью. Еще когда Никон был в Новгороде, царь прислал ему так называемую «несудимую грамоту», по которой его власть объявлялась неограниченной — ответственности он не подлежал. Теперь Алексей идет еще дальше. Он не только поручает Никону целый ряд дел, вовсе не относящихся к церкви, например, борьбу с эпидемиями. Он предоставляет Никону, кроме звания патриарха, еще и звание «великого государя», то есть что-то наподобие того титула, который был при Михаиле Федоровиче присвоен Филарету.

Никон оказывается отныне подлинным самодержцем Всея Руси. Он строит все новые и новые монастыри, которые царь щедро наделяет землей и вотчинами. Он поражает толпу пышностью одежды. По свидетельству современников, целые пуды жемчуга, золота, драгоценных камней идут на облачение патриарха.

Чем больше его власть, тем круче и суровее его меры. Никон не останавливается ни перед чем, даже перед тем, чтобы объявить в Успенском соборе торжественное проклятие всем, кто осмеливается креститься двумя перстами.

Народ в ужасе. Двумя перстами крестились даже угодники Божии! А теперь за это патриарх в соборе прокликает!

Но Никон идет и еще дальше. Наряду с ошибками, которые он нашел в божественных книгах, он усмотрел также ошибки, отступления от старины и в иконописании. Иконописцы, увлеченные западной «прелестью», рисуют вовсе не то, что следует. И вот Никон со всем пылом начинает борьбу еще и с иконами. По всем домам, не исключая домов знатных сановников, посылаются люди для отобрания икон нового письма.

Москвичи в ужасе от этого поругания святынь, но решительный Никон приказывает на конфискованных иконах, так как это изображения еретические, выколоть глаза и в таком виде носить их по городу. Самые грозные наказания уготованы тем, кто осмелится писать или хотя бы почитать еретические иконы.

В церкви, в присутствии царя, Никон торжественно предает анафеме всех, кто осмелится держать у себя в доме эти иконы. Во время служения ему приносят огромные пачки икон.

Показав каждую из них народу, он бросает их на пол с такой силой, что иконы разбиваются. Никон приказывает разбитые иконы сжечь. Народ в ужасе.

Тишайший царь и сам напуган. Он просит патриарха о снисхождении, о том, чтобы разбитые иконы хотя бы не жгли, а зарывали в землю, но Никон не слушает просьб царя. Он непреклонен.

Разбивая иконы, Никон называет по именам тех еретиков, знатных и сановитых бояр, которые кощунственно держали эти иконы дома. Количество врагов у Никона угрожающе растет. Но он не унимается. На соборе 1656 года изрекли уже проклятие всем неповиновующимся церкви последователям двоеперстия. Все пытающиеся спорить подпадают под суровую руку патриарха.

Никон выпускает в свет все новые церковные книги в исправленном виде. Вместо трегубого (троекратного) аллилуйя введено аллилуйя сугубое (двойное). Еще более потрясающее впечатление от того, что в новых изданиях печатается Иисус вместо Исус. В народе глухое волнение доходит до предела. «Зверь лютой», — таково обычное название Никона. Усиливаются толки о близком появлении антихриста, о гибели земли, неизбежной ввиду скорого наступления 1666 года (три шестерки — число звериное!), а Никон все продолжает борьбу — на этот раз с европейской новизной, которая появляется в те годы в быту у бояр. Он приказывает жечь картины, уничтожать музыкальные шкатулки, разбивать зеркала, резать на части ливреи, в которые бояре вырядили свою челядь.

В той атмосфере общей и дружной ненависти, которую питали к Никону представители всех слоев населения, неизменной оставалась нежная любовь к Никону в сердце царя Алексея. Когда боярин Семен Стрешнев из ненависти к патриарху называет свою собаку именем Никон, патриарх немедленно возглашает анафему Стрешневу. Стрешнев в опале. Стоит Никону указать царю на кого-либо из бояр как на своего врага, и вот уже загублен человек: ссылка, опала, а то и кнут или лютая казнь достигают врага.

Но вот неожиданно назревает вдруг ссора между царем и Никоном. Началась она на денежной основе.

Мы видели, как тяжело складывались при Алексее финансовые дела государства Российского, как резко проявились «падение курса» и «отсутствие дензнаков». Царь — это, конечно, помазанник Божий, но жалованье служилым людям платить нечем, а кому нужен такой царь, который не платит жалованья!

В этот тяжелый период Алексей высказал желание воспользоваться огромными монастырскими богатствами, скопившимися в распоряжении патриарха. Никон резко, категорично и решительно отказывает.

Царь обиделся. Как человек бесхарактерный, он, вместо того, чтобы прямо и определенно высказать все, что думает, затаил обиду и стал лишь холодней. Гордый Никон тоже обиделся и стал делать вид, что ему милость царя безразлична, что он вовсе не собирается заискивать. Бесчисленное множество врагов Никона торжествует. Принимаются меры, чтобы раздуть ссору, углубить наступившее охлаждение. Общий тон окружающих резко меняется. Кое-кто из бояр, еще только что трепетавших перед неограниченной властью патриарха, позволяет себе вмешиваться в церковные дела. Никон пишет царю оскорбительное по смыслу письмо. Он, Никон, не допустит такого бесчестия. Неужели царь забыл, кто такой он, патриарх Никон?

Но царя уже успели натравить, ему уже нашептали, что вот-де патриарх из-под твоей государевой воли вышел, тебя, великого государя, ни во что не ставит, неужто ты, царь,

этакое над собой издевательство стерпишь?! Растет и усиливается рознь между недавними друзьями. Когда в 1658 году при дворе устраивается большой обед по случаю приезда в Москву грузинского царя Теймураза, патриарха к обеду не пригласили. Более того, когда высокий гость торжественно шествует во дворец, окольный Хитрово, наблюдавший за порядком, отгоняя палкой напиравшую толпу, хлопнул по голове попавшегося на пути патриаршего боярина, посланного Никоном к царю.

— Я тебе не кто-нибудь, я от патриарха послан, — кричит обиженный.

— Не дорожись патриархом, — отвечает обидчик и снова бьет посланного.

Этого оскорбления Никон перенести не смог. Он посылает царю новое письмо, где требует немедленно учинить сыск и сурово наказать виновного за обиду. Но Алексея уже настроили против его друга. Слабохарактерный царь демонстративно перестает являться на патриаршие богослужения, избегает встреч с ним. Никон ждет, он не показывает вида, но раз за разом ожидание оказывается безрезультатным.

В Успенском соборе совершается чин празднования Положения Ризы Господней, привезенной из Персии. Уж на этот-то раз царь придет в храм, уверен Никон. Но царя нет. Вместо него появляется князь Ромодановский.

— Царское величество гневается. Ни ко всенощной, ни к обедне не придет, — говорит он.

Никон удивлен:

— За что гневается государь?

— Ты, недостойный, оскорбляешь царя тем, что позволяешь себе «великим государем» именоваться. У нас один государь — Алексей Михайлович.

Никон изумлен. Не по своей ведь воле, а по приказу царя стал он называться великим государем! Вот грамота, собственной рукой царя написанная!

— Царское величество тебя почтил, — отвечает Ромодановский, — как отца и пастыря, но ты не понял. И теперь государь приказал сказать тебе, чтобы ты более впредь «великим государем» не писался и не звался.

Патриарх уязвлен в самое сердце. Он ничуть не дорожит почестями и титулами. Не он просил их дать ему, а его просили их принять. Но теперь, когда эти титулы снимают, он примириться с таким унижением не может и не хочет. Отслужив литургию, Никон пишет царю письмо о том, что отказывается от патриаршего чина и звания: «Се отныне отхожу от места и града сего! А ты, царь Алексей, имаши ответ перед Господом Богом о сем дати».

Но обида зашла слишком далеко. Царь вернул письмо без ответа. Тогда Никон после обедни обращается к народу с заявлением о своем уходе: «Я вам более не патриарх. Будь я анафема, если захочу быть патриархом».

Кончив речь, Никон тут же, в церкви, совлекает с себя облачение и надевает черный монашеский клобук. Народ, переполнивший церковь, потрясен. Многие плачут. Другие кричат, что не выпустят его из церкви без государева указа.

Ждал ли Никон, что после его театрального жеста царь не выдержит и придет его просить? Царь, хотя и был ошеломлен резким поступком Никона и даже послал ему сказать, чтобы он не оставлял патриаршества, лично так и не захотел прийти к бывшему своему любимцу, не захотел сказать того ласкового слова, которое могло бы еще помирить поссорившихся друзей.

Никон, сняв с себя мантию, уходит из собора. Он идет пешком в Воскресенское подворье. Здесь он двое суток ждет, что царь, может быть, еще отзовется, поймет, что он

сделал. Но царь молчит, и Никон уезжает в Воскресенский монастырь.

Трудно без волнения следить за тем, как меняется тон писем, которыми отныне заполняет свой невольный досуг оставшийся не у дел Никон. Поначалу в своих письмах к царю он говорит о том, что отказывается от патриаршества, даже просит у Алексея назначить ему преемника, чтобы «церковь не вдовствовала». Царь в эти дни тоже, по всем правилам, горько сожалеет о разрыве. Он внимательно следит за тем, что делает Никон, как он возводит постройки в монастыре, копает пруды, разводит в них рыбу, расчищает лес. Царь не только присылает ему деньги на украшение монастыря, но даже разные лакомства.

Но бояре не дремлют. Они слишком заинтересованы в том, чтобы обезвредить властного, почти всесильного Никона. И вот в патриаршем жилище в отсутствие Никона производят обыск. Удар рассчитан правильно. Никон оскорблен до глубины души. Он пишет царю резкое письмо. «Как дошел ты до такого дерзновения?» — спрашивает он государя. И, оскорбленный этим письмом, Алексей прекращает после этого всякие попытки сближения.

Глава IV

Идут медленной чередой серые дни. Никон, так презрительно относившийся дотопе к власти и связанному с ней могуществу, затосковал. Он не находит себе места, не может скрыть острого желания снова оказаться на патриаршем престоле, снова показать себя во всеоружии и отомстить врагам. Он пишет теперь царю, что ушел-то ведь он сам из Москвы, по своей воле, что благодати святой с него никто не снимал, что сам патриарх — не игрушка, которую можно выбросить на произвол. И когда Крутицкий митрополит, им же рекомендованный в качестве заместителя, позволяет себе заменить патриарха во время торжественного хода, Никон выходит из себя, рвет и мечет. Как?! Какой-то Крутицкий митрополит занимает место, которое принадлежит ему, великому патриарху?!

В 1660 году Особый собор из русского духовенства при участии нескольких греческих духовных лиц обсуждает положение. Собор обвиняет Никона в самовольном оставлении престола и присуждает его к лишению священного сана. Но Никон держится все того же гордого тона. «Это не собор, а некое жидовское сонмище!» — пишет он царю. И царь так и не осмеливается привести в исполнение соборное постановление.

Никон на покое. Никон в отдалении. Никон в опале. Но он по-прежнему чувствует себя патриархом с головы до ног. Когда заменяющий его Крутицкий митрополит запретил поминать имя Никона в церквях, опальный патриарх в своей монастырской церковке торжественно возглашает анафему митрополиту, захватившему патриарший престол.

«Не от царей, — пишет он Алексею, — приемлет начало священство, но от священства на царство помазуются. Священство выше царства. Господь двум светилам повелел светить — солнцу и луне. Царская власть в вещах мира сего — сие луна есть, архиерейская власть над душами, как солнце светит!»

Но и эти мятежные речи проходят без последствий для гордого патриарха. Пока его дерзости касаются личных отношений с государем, все обстоит благополучно. Но вот патриарх осмелился осудить способы и приемы управления. Обстановка сразу же резко меняется. С появлением в его речах опасной крамолы судьба патриарха оказывается предрешенной.

Никону посылается программа допроса, особый анкетный лист с предложением заполнить все его пункты. Удар рассчитан безошибочно. Гордый Никон выскажется

откровенно и таким образом сам, своей рукой, подпишет себе приговор.

С таким документом в руках боярам нетрудно было создать обвинение против Никона, желающего якобы погубить пастырским проклятием и самого царя, и всю его семью. Царь горько плачет. «Чем виноваты жена моя и дети мои любезные, чтобы подвергаться проклятию?» — жалуется он собору архиереев. Следствие ведут лютые враги Никона. Улик против патриарха нет, обвинение оказывается вымышленным, но в это время сам Никон допускает новую неосторожность. Некий боярин Зюзин в своем письме к Никону советует ему как ни в чем не бывало явиться в ближайший праздник в Успенский собор, занять свое патриаршее место и пригласить по обычаю государя. Стосковавшийся по делу, по былой власти, Никон рад этому предложению. Он убеждает сам себя в том, что о такой встрече мечтает и сам царь. Разве стал бы боярин Зюзин от себя, на свой страх и риск, такие слова писать?!

И вот Никон внезапно возвращается в Москву. В Успенском соборе идет заутреня с 17 на 18 декабря 1665 года. В 3 часа ночи распахнулась дверь и с шумом является толпа монахов во главе с Никоном. Впереди несут патриарший крест. Никон властной рукой берет посох св. Петра, занимает патриаршее место, и пришедшие с ним монахи поют с видом победителей. Все присутствовавшие в церкви остолбенели. Гордая патриаршая осанка действует на всех по-прежнему. Когда Никон возгласил призыв духовенства к благословию, все стали почтительно и робко подходить к его руке.

Если бы не «крамольные слова» в письмах Никона, подрывающие основы существующего строя, царь, может быть, и обрадовался бы мирному завершению распри, тем более что не так давно Никон писал царю: «Пришли мы к кротости и смирению, неся с собой мир». Но царь испуган. Что-то уже сломалось в его бесхарактерной и дряблой душе, исправить это не в силах даже присутствие Никона. Он посылает бояр, которые от его имени корят патриарха за самовольное возвращение и заявляют: «Уезжай туда, откуда приехал!»

Никон потрясен. Как? Он, патриарх, сделал первый шаг, и вот, вместо того чтобы оценить это, царь гонит его. Ни одной минуты не останется он более среди нечестивцев!

«Отрясаю прах от ног моих!» — гневно возглашает он, потрясая посохом св. Петра.

«Да разметет вас Господь божественной метлой своей!» — возглашает, покидая Москву, Никон, указывая на горевшую в это время на небе, смущавшую умы, похожую на метлу комету.

Никон уезжает к себе, в Воскресенское, в монастырь. Народ смущен его гневными проклятиями. Но при дворе он уже никому не страшен. В пути его догоняют, по приказу царя силой отбирают посох св. Петра, подвергают допросу. Он называет имя Зюзина, призвавшего его в Москву. Зюзина после лютых пыток ссылают в Казань.

Только теперь, с этого момента, окончательная опала Никона начинает губить и само его дело. Ревнителю старины на время поднимают головы, становятся смелее. Сосланного было Аввакума возвращают из Сибири в Москву. Впрочем, вскоре новый собор духовенства, состоявшийся в 1666 году, снова меняет линию поведения, и преследование староверов возобновляется с новой силой. Того же Аввакума лишают сана и ссылают, последователям старой веры, стоящим за двуперстие, не только режут языки, но жгут их на кострах.

Никон снова пытается отослать царю длинное и резкое письмо, но до царя оно не доходит. Перехватившие его бояре в восторге: незаменимый материал для суда!

Духовный собор, созванный для суда над Никоном, обставлен исключительно серьезно и торжественно. Никогда еще не бывало такого собора в Москве. Десять митрополитов, два восточных патриарха — Антиохийский и Александрийский — возглавляют собор. Никона привезли ночью, соблюдая тайну. «Не задавить ли меня, как митрополита Филиппа, собираетесь?» — насмешливо спрашивал у приставленной к нему стражи Никон.

Суд над патриархом был представлен как тяжба его с государем. Для всех членов собора было ясно, что оправдать Никона — значит обвинить царя. Приговор предрешен.

Никон остается верен себе. Он входит в зал суда с поднесением креста и добивается этим того, что все члены собора и сам царь вынуждены встать при его входе. Ни на минуту не желает он считаться с тем, что он подсудимый. Он — патриарх! Ему указывают место рядом с архиереями, участниками собора, но это указание он считает оскорблением для себя. Если для него не приготовили особенно почетного места, он вообще не сядет. Восемь часов подряд, все время заседания, стоит он во весь рост, опершись на свой посох.

На обвинения он отвечает обвинениями. Он не желает и пытаться примириться с государем. Полным голосом, резко и зло, высказывает он всю горечь обиды, какая накопилась у него на душе. Резко и грубо обрывает он и членов собора, своих судей. Он ушел лишь от гнева государева, а патриаршества он не оставлял, это ложь.

Ему предъявляют письмо, адресованное им царю, но не дошедшее до него. Царь жалуется на обидные выражения в этом письме, но Никон от ответа отказывается: он писал тайно, и не его вина, что написанное сделалось явным.

Приговор предрешен. Никон объявлен лишенным не только патриаршества, но и священства. В монастырской церкви совершается обряд снятия сана.

— Почему обряд сей совершаете вы тайно, как воры? — спрашивает Никон. — Звали вы меня в патриархи при всем народе, отчего теперь в уголке спрятались?

Восточные патриархи, которым поручено снять с него клобук и панагию, не отвечают. Они продолжают свое дело, безмолвствуя.

— Жемчуга-то с клобука поделите меж собой, бродяги, — презрительно говорит Никон. — Придется вам от меня по несколько золотников.

Оба патриарха — люди серьезные. Они не любят полемики и сохраняют молчание. Свои «золотники» они подсчитают после.

Никона отправили в заточение в Ферапонтов монастырь. Архимандриту дан строгий приказ следить, чтобы Никон никаких писем не писал. Но и во время заточения, после приговора, царь пытается умиловить грозного Никона, посылает ему деньги, меха, просит у него прощения и благословения. Но Никон отказывается принимать царские дары, отказывает и в благословении, говоря: «Будем ждать суда Божия».

Целые годы еще Никон хранит свою твердость и упорно отсылает назад дары, присланные царем. Но с течением времени заточение сламывает железный нрав Никона. Он изменяется до неузнаваемости. Этот большой человек не в силах жить мелкими интересами. Он рожден для огромных горизонтов. В болоте провинциального быта, в глухом монастыре он опускается до мелких дрызг, постоянных кляуз, пишет бесконечные жалобы на то, что царь послал ему рыбы, а вот яблочков и винограду, небось, не послал. Ослабев, он жадно принимает ныне все гостинцы царя, горько жалуется на малое количество сладостей, кляузничает, ссорится, но и до смерти не хочет расставаться со званием патриарха и только и делает, что вырезает свой титул на стенах, на стульях, на столбах, подписывается титулом патриарха на всех бумагах.

На что только не размениваются, как трагически гибнут крупные люди на Руси!

Глава V

Алексей Михайлович, хоть и без достаточных оснований, но совершенно серьезно считал себя кандидатом на польский престол и старался устроить придворную жизнь по заграничным образцам.

Русским послам за границей вменялось в обязанность описывать все порядки, придворные балы и спектакли. Дворянин Лихачев, отправленный в 1659 году к тосканскому герцогу, в своем донесении подробно описывает «комедию», которую он видел на придворном балу: «Объявились палаты, и, быв, палата вниз уйдет, и того было шесть перемен. И многие предивные молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют. И многие диковинки делали».

При Алексее Михайловиче, по его почину, впервые проникают в Россию первые проявления роскоши. Вместо прежних кибиток у царя, а за ним и у бояр появляются пышные кареты немецкой работы. Впервые появляются каменные дома вместо деревянных. Стены обивают золотыми кожами бельгийской работы. Появляется немецкая музыка и даже первые комедийные действия. Дотоле театр считался бесовской игрой, но Алексей добился у своего духовника разрешения на эту «богопротивную прелесть». Разрешение выдано ввиду примера, поданого византийским императором. И вот в 1762 году по случаю рождения царевича Петра царь издает указ «Учинить комедию».

Для заведования труппой выписан почему-то лютеранский пастор Грегори. Пьесы ставятся разнообразные: то веселые, то жалостливые. Библейские сюжеты соединены здесь с участием шутов, с балаганными, а часто и вовсе непристойными выходками. Дело пошло на лад. Уже через год у Грегори образовалось своеобразное общество: 26 молодых мещан прислано к пастору учиться комедиантскому делу. Вслед за этим вводится даже и балет. За отсутствием Айседоры Дункан балетные спектакли посвящены тому, как Артаксеркс велел повесить Амана.

Алексей Михайлович впервые надел на себя немецкое платье. В его время все очевиднее завязываются связи с Западной Европой, все явственней чувствуется влияние новой эпохи, те веяния, которые так резко, огнем и мечом, будут утверждаться при его сыне Петре.

Ехидный В. О. Ключевский говорит, что в «преобразовательном движении царь Алексей Михайлович занял неудобную позу: одной ногой крепко упирается в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении». Когда всматриваешься в густой и крепкий — хоть топор вешай — быт эпохи Алексея Михайловича, поражаешься странной, уродливой смеси древнерусского с европейским.

В 1673 году шведский двор решил послать особое посольство к русскому двору, чтобы выяснить вопрос о возможности союза Швеции и России против Турции. Военный агент посольства, молодой артиллерийский капитан Пальмквист, вернувшись на родину, представил своему королю дневник о пребывании в России, и поныне хранящийся в шведском государственном архиве. К русским и вообще к России Пальмквист относился весьма неодобрительно. «Это нация недоверчивая, несговорчивая, робкая, но вместе с тем надменная, много о себе воображающая и с презрением относящаяся ко всему иностранному, — говорит Пальмквист. — Русские обладают необыкновенной физической

силой, но крайне ленивы и охотнее всего предаются разгулу. Ничто не идет более к русскому характеру, как торговать, барышничать, обманывать. Потому что честность русского редко может устоять перед деньгами. Он так жаден, что считает всякую прибыль честной. Русский не имеет понятия о правдивости и видит во лжи только украшение».

Как и всякие показания такого рода, эти имеют очень условное и случайное значение. Гораздо значительнее и интереснее те места дневников Пальмквиста, где он не рассуждает, а рассказывает о том, что видел собственными глазами. К его дневнику, как и к знаменитой работе Олеария, приложены иллюстрации, представляющие очень большой интерес. Здесь изображены и пытки, практикуемые в России, и картина приема царем членов посольства и т. д.

Любопытны детали, касающиеся уже самого приезда посольства в Москву. Шведы перешли русскую границу особой процессией, для которой на каждой станции пришлось заготавливать 440 лошадей. Процессия эта замыкалась особой, «собственной его королевского величества», каретой. По объяснению шведских послов, до сих пор ни одно посольство не брало с собой кареты, принадлежащей королю, и ее присутствием русским делалась как бы особая честь. Впрочем, уже при въезде посольства в Новгород выяснилось, что ворота, через которые должна была проникнуть в город процессия, слишком низки. Пришлось ломать ворота, расширять их, чтобы карета могла протиснуться. При этом новгородский воевода обиделся и категорически отказался отпустить послов в дальнейший путь в этом экипаже. Послам пришлось примириться и пересесть в другую карету...

Трудно совершали путешествия в те времена...

Шведское посольство было встречено в Москве торжественно. 24 полка пехоты и огромное количество кавалерии было выслано для встречи знатных иностранцев. Перед каждой ротой стояли музыканты с бубнами и свирелями и производили страшный шум. Царские приставы явились в сумерках на окраину города, чтобы от имени государя приветствовать прибывших. Они вышли из саней, и бедные шведы горько жалуются, что из-за этого им тоже пришлось вылезать из карет и провести много времени на открытом воздухе, на морозе, пытаясь столкнуться через переводчиков.

Пять месяцев продолжалось путешествие послов, но главные трудности встретили их, оказывается, в самой Москве. 8 января 1674 года назначена была первая торжественная аудиенция. И сразу же между шведами и русскими возникли препирательства по вопросам церемониала. Русские требовали, чтобы послы вступили в тронный зал без тростей, без шпаг и с непокрытой головой. Послы согласились трости и шпаги оставить, но обнажать головы отказались, ссылаясь на то, что не имеют инструкций на этот счет. Русские обиделись и заявили, что даже послы римского кесаря не являются на аудиенцию с покрытыми головами. Шведский посол Оксенштерн тоже обиделся и заявил, что раз послов не хотят допустить из-за такой мелочи, то из дела вообще ничего не выйдет. Аудиенция так и не состоялась.

На следующий день переговоры возобновились. Шведы заявили, что они отправят в Швецию особого гонца, чтобы повергнуть дело на рассмотрение своего государя. Конечно, это займет несколько месяцев, но послы подождут, им не к спеху. Послы рассчитывали, что царь, заинтересованный делом, по которому они приехали (вопрос о союзе со Швецией против турок считался срочным), узнав о грозящем промедлении, станет сговорчивее. Но русские оказались хитрее. Раздраженные упорством шведских послов, они стали грубее и не только не разрешили отправки гонца, но, приставив стражу к посольскому помещению,

распорядились никого туда не впускать и никого не выпускать. Шведский резидент в Москве Эбершельд, пришедший было в гости в помещение посольства, оказался заперт. Сколько ни просил он о том, чтобы его отпустили домой, просьбы не помогали. Резидент вынужден был поселиться где-то на скамье в прихожей.

На указания шведов, что их подвергают незаконному аресту, русские бояре отвечали:

— У нас такой порядок. Пока послы иноземные у нашего царя на приеме не побывали, никуда их выпускать не полагается. В чужой монастырь со своим уставом соваться нечего.

Игра самолюбий продолжалась.

Через три дня послам был объявлен царский приказ готовиться к отъезду.

— Мы готовы, — отвечает шведский посол и распоряжается укладывать вещи.

В чемоданы наспех запаковываются все подарки, предназначавшиеся русскому царю. Но когда все было уже готово к отъезду, русские бояре вдруг сделались стоворчливее и, отменив прежний приказ, разрешили послать гонца в Швецию за инструкциями насчет снятия шляп.

15 января переводчик Самуил Эфсандер выехал с письмом к Карлу XI. Через три месяца гонец умудрился вернуться с ответом. Побывал ли он в Швеции или переждал где-нибудь в Ревеле, неизвестно. Но дело было решено. Король Швеции дал свое согласие.

30 марта наконец состоялась долгожданная аудиенция.

Торжественное шествие между двумя рядами стрельцов двинулось из посольского дома к Грановитой палате. Во главе процессии несут подарки, присланные королем и королевой Швеции русскому царю и царице. Всех подарков 32. Состоят они раньше всего из золотых и серебряных вещей. Умывальник, люстра и, как особенное чудо, фонтан, который льет воду «сам собой». Но это не все. Королева шведская — ура! — прислала русской царице часы золотые, ночную юбку и кофту, вышитые серебром и синими шелками, а также прочие женские вещи и «раритеты»...

Но вот послы уже во дворце. Они с изумлением глядят на огромные грузные фигуры бояр в пышных кафтанах и огромных, похожих на ведра, шапках, которые сразу по окончании праздника они должны сдать обратно «по описи».

Царь был милостив. Позволив послам по очереди подойти к своей руке и после каждого вымыв тут же руку, Алексей спросил о здоровье короля. Здоровье короля оказалось благополучным. После этого сокольничий Артамон Матвеев пересчитал подарки, и царь повелел спросить о здоровье самих послов. Здоровье послов оказалось также удовлетворительным. После этого принесли длинную скамью и, усадив на нее послов, приступили к длительной церемонии опроса о здоровье всех членов посольства по порядку. Здоровье каждого оказалось великолепно. Затем каждый из них через переводчика передал свою благодарность царю за милостивый прием, после чего все в срочном порядке удалились, получив приглашение участвовать в царском столе со всеми его сотнями блюд и церемоний.

Деловые переговоры с посольством открылись на следующий день. Долго спорили, как водится, о церемониале. С чего начать: с обсуждения шведских жалоб на прошлое или с обсуждения будущего предполагаемого союза против турок. После долгих споров, взаимных пререканий, укоров и жалоб переговоры наладились. В результате через несколько месяцев работы появился следующий, воистину изумительный договор: «Если царское величество потребует у королевского величества против недруга с этой стороны моря помощи, то может просить надежно. Также если королевское величество станет требовать помощи у царского

величества против недруга с этой стороны моря, то также может просить надежно».

Снова длинная процедура целования царской руки, умывания Алексеем рук после каждого поцелуя, снова изнурительные вопросы о здоровье и, наконец, вся процессия поползла в обратный путь, увозя с собой удивленных этим странным русским народом послов вместе с автором ехидных записок о России Эриком Пальмквистом.

Глава VI

Представляет ли эпоха Алексея Михайловича шаг вперед по сравнению с временем Михаила Федоровича? Детали быта дают пеструю картину.

Врачи, какими пытаются заменить знахарей в ту пору, были иноземцы. Настоящие медики в Россию приезжать не желали. Вместо них приезжали авантюристы. По правилам двора, врач должен был еще в пограничном городе доказать свое искусство и кого-нибудь вылечить.

Положение медика при дворе было очень тяжелым. Каждое лекарство он должен был предварительно принимать сам, чтобы «отраву давать неповадно было». От врача требовалось, чтобы болезнь проходила от одного приема. Духовенство считало обращение к медикам делом греховным и боялось, что среди лекарей окажется вдруг еврей, враг Христа. Такой случай произошел, и, к ужасу духовенства, врачом при Алексее Михайловиче оказался еврей. Не отсюда ли пошло название «лейб-медик»?

Особенно тяжело было положение врача, когда приходилось лечить особу женского пола. Врач не имел права видеть больную и должен был угадывать болезнь по рассказам прислужниц. Прикасаются к пульсу, например, можно было только обмотав руку больной полотенцем.

Быт, как видим, почти такой же, как и при Михаиле.

Бояре называли себя рабами царскими и холопишками. Эта же рабья манера перешла даже в обращение одного боярина к другому: «благодетель мой и кормилец», «челом бью, кланяюсь стопам твоим, государя моего», «прости моему окаянству, дозвожь моей худости»...

Даже в будничной беседе считалось хорошим тоном, говоря о себе, называть себя «грешным», «нищим», «окайным», а собеседника «благодетелем», «учителем».

Иностранцы единодушно удивляются тягостному положению, в каком неизменно остается женщина.

На Западе пред женщиной преклоняют колени, а в России считается предосудительным даже вести с женщиной разговор.

Женщина считается не только существом, не имеющим права на звание человека, но даже существом нечистым. Самые благочестивые люди, отмечал Костомаров, были того мнения, что родителям следует почаще бить девиц, чтобы не утратили своего девства. Чем знатнее был род, тем больше строгостей ожидало девушку. Царевны были самые несчастные из русских девушек. Погребенные в своих теремах, не смея показываться на свет, без права и надежды когда-либо полюбить, они только и делали, что плакали и молились.

«Домострой», советовавший жен кулаком по лицу и по глазам не бить, железным и деревянным орудием для того не пользоваться, указывает на необходимость бить жену вежливо, плеткой: «и разумно, и больно, и страшно, и здорово».

Женщина считалась сосудом нечистым. Близость — грехом, перед исполнением

которого нужно снять крест и занавесить образа. Даже близость с женой считалась греховной. После ночи, проведенной супругами вместе, полагалось пойти в баню и только после этого — в церковь.

Отношение к браку было делом коммерческим.

Когда царь Алексей Михайлович женился, невесту ему отыскивали тем же способом, к которому прибег в свое время и царь Михаил. Со всей России выписали самых красивых девушек, которых и разместили в Кремле. В ответ на приказ о доставке красивейших девок поместные люди особенной прыти не обнаруживали и их пришлось понуждать новыми напоминаниями и угрозами.

Несмотря на строгое правило, по которому жених до венца не имеет права видеть свою невесту, царь смотрит в тайное окошко, устроенное из особой комнаты, на кандидаток. Он лично выбирает из них трех девушек и поручает особым «экспертам» уже из этих трех выбрать наилучшую.

Так была избрана жена царя — Милославская, которая и подарила царю 14 детей: шесть сыновей и восемь дочерей.

После смерти Милославской Алексей женился на Нарышкиной. В этом браке еще более сказался прогресс в области нравов. Созванных со всех концов Руси невест помещают на этот раз не в закрытых наглухо горницах Кремля, а у боярина Морозова, дом которого устроен более по-европейски. Здесь есть уже и цимбалы, и клавикорды. Кандидаток расценивают не только по весу и по «статьям», но еще и по «разговорному умению» и даже по манерам.

Нравы смягчаются бесспорно и очевидно. Однако семейные нравы отличаются воистину звериной жестокостью. И все же, даже при таких строгостях, женам удается изменять мужьям, и даже существовала целая теория о допустимости любовных связей с иностранцами: «Женщине соблудить с иностранцем простительно. Дите от иностранца родится — крещеным будет. А вот как мужчина с иноверкой согрешит — так дите будет некрещеное. Оно и грешнее — некрещеная вера множится».

Жестокость семейной жизни проявлялась и в боярской, и в крепостной среде. Очень часто жены отравляли своих мужей. По правилам за это полагалось закапывать их живыми в землю, оставляя снаружи только голову. Обреченным на смерть жертвам воспрещалось давать пищу и воду, а для наблюдения ставили специальных сторожей.

Неисчислимы хитрости, которые пускались в ход, чтобы облегчить свою участь. Жена некоего боярина, приближенного к царю Алексею, по злобе к мужу, который ее истязал, донесла, что он умеет лечить подагру, которой царь тогда страдал. Боярин уверял, что он понятия не имеет ни о каких лекарствах, но после порции батоков и обещания смертной казни перестал «отрицаться» и нарвав трав каких попало, сделал царю ванну. Самое интересное, что царю после этой ванны сразу стало гораздо легче, и боярина немедленно высекли за то, что он скрывал такое полезное умение.

Рыцарских обычаев, дуэлей в те времена не знали. Вместо этого бояре, как и простолюдины, дрались «на кулачки». Наиболее утонченным приемом дуэли считался способ, при котором поссорившиеся между собой люди садились на лошадей и, нападая друг на друга, хлестали один другого кнутами. Бились и палками, часто убивая друг друга. Но наиболее распространенным способом сведения счетов и мести являлись доносы, рассчитанные на то, чтобы втянуть противника в тяжбу.

«Русские люди, — пишет в своем труде Григорий Котошихин, — имеют склонность к

обману, а больше всего к невежеству. В государстве своем учения доброго никакого не имеют. Царь жалует многих бояр не по разуму их, но по породе, и многие из них грамоте не обучены». Больше всего волнует Котошихина брачный обман: «У которого отца дочь увечна будет, и вместо ее на обманство показывают нарочно сватам служащую девку, назвав ее именем иным и нарядя в платье иное. А буде которая девица ростом невелика, под нее подставляют стулы, потому что видится добродна».

Других путей к сближению, кроме визита «смотрильщика» или «смотрильщицы», т. е. сватов, в те времена не было... Странный брак знали в те времена!

Трудно судить, какой кучер получился бы из Алексея Михайловича, если б он на этом поприще использовал свое дородство и осанистость, но царем он был плохим. Оказавшись на троне, а не на облучке, он так и не взял в руки вожжи птицы-тройки, в образе которой Гоголь рисовал Русь. Стиль московский был соблюден полностью: царь-пушка, которая не стреляет, царь-колокол, который не звонит, и царь Алексей, который не царствует.

Алексей Михайлович — очень хороший человек, только не для трона. Он был типичным сыном своего века.

Тридцать один год провел на престоле царь Алексей, пока все растущая тучность не свела его в могилу на 48-м году жизни. Он был высокого мнения о себе и, тщась писать стихи, пытался описать для потомства историю своих военных походов. Но нечем вспоминать этого человека. Его главная заслуга сводится к тому, что он впервые надел немецкое платье, впервые стал ездить в немецкой карете и впервые вывез свою жену в театр.

Это осталось и дало плоды. Все остальное бесследно исчезло. Петр, как мы увидим, не его сын. Его дети — хилый слабоумный Федор и больной полуидиот Иоанн.

Старое и новое причудливо сочеталось в психике Тишайшего. То Алексей Михайлович требует от знахарей сведений о чудесных лекарствах, то, в 1650 году, приказывает высылать крестьян в ночь на Ивана Купала собирать травы, а то преследует ведьм и колдунов.

Впрочем, еще одна заслуга есть у Алексея Михайловича — борьба с грубыми ругательствами на Руси. Иностранцы особенно часто говорят о ругани, которая заполняла собой всю русскую жизнь. Грубейшую брань позволяли себе даже духовные лица и монахи в самой церкви. Этому обыкновению следуют также женщины и девицы. Даже родители детей и дети родителей ругают теми же словами.

Царь Алексей делает трогательную, но бесплодную попытку уничтожить матерную брань на Руси. Попытка, как водится, сопровождается кнутами и батогами. По царскому указу снаряжена для присутствия в местах скопления народа особая команда стрельцов. Они обязаны тут же, на месте, строжайше наказывать виновных. Средство, увы, оказалось недейственным: сами же командированные стрельцы выражались «трехэтажно» и «мотивированно». Все осталось, таким образом, по-старому.

Грустные итоги дает жизнь этого всевластного монарха.

Петр I

Глава I

«Наполеон — это еще не Франция. Но Петр Великий — это Россия, ее плоть и дух, ее характер, воплощение ее добродетелей и пороков! — говорит о Петре I галантный французский историк. — Личность Петра воплотила в себе всю Россию, этоместилище душевной и физической энергии, неожиданно открытое между старой Европой, уставшей жить, и старой Азией, утомленной своим бездействием. Наполеон — это только величайший из французов, но это еще не Франция. Петр — это Россия».

Верно или неверно это эффектно составленное определение, но, чтобы понять личность Петра, найти тот маленький ключик, с помощью которого, по известной пословице, открываются и самые большие двери, надо прежде всего основательно забыть, выбросить из головы все то обычное и шаблонное, что связывают с именем Петра школьные учебники старого доброго времени и официальные историки. Даже пушкинские слова о Петре — «то академик, то герой» — ни в какой мере не определяют этого огромного, сумбурного, суетливого, могучего и болезненного человека. Если Россия — это страна неограниченных возможностей, то воистину человеком самых неограниченных возможностей был этот самый крупный из русских царей, которого Лев Толстой не очень деликатно, но не без серьезных оснований назвал «беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем».

Не освещают, а только затемняют подлинную правду казенные источники. Вчитываясь в документы эпохи, всматриваясь в изумительные страницы подлинной истории того времени, все время испытываешь острое удивление: до чего не похожа вся жизнь Петра на то, что принято о нем думать и считать бесспорным!

Крайне характерно, например, что Петр Великий, как это с несомненностью доказывают бесспорные источники, был трусом. Доказательств резко выраженной трусости Петра не оберешься.

Уже накануне того дня, когда семнадцатилетний Петр впервые заявил себя царем, в ночь с 7 на 8 августа 1689 года, когда перебежчики из Кремля явились к Петру с сообщением, что его сестра Софья злоумышляет против него, что она хочет навсегда сохранить в своих руках власть и собирается объявить себя полноправной царицей, Петр ведет себя панически. Для испуга и растерянности нет ни малейших оснований, но Петр, выслушав сообщение, стремглав вскакивает с постели, в одном белье бежит в конюшню, вскакивает на лошадь и удирает.

Впоследствии он направился в Троицкий монастырь, но теперь, в эти часы бегства, у него нет никакой цели, никаких мыслей, кроме одной: бежать, бежать во что бы то ни стало. Все равно куда. Несколько конюхов догоняют его, приносят одежду. Приближенные тоже разыскивают его, чтобы успокоить, убедить, что ничего страшного и в помине нет, но отыскать перепуганного Петра невозможно. Всю ночь он скрывается в чаще леса и только утром возвращается. Весь он дергается, на нем нет лица. Ему предлагают лечь, отдохнуть, но и отдыхать он не способен. Он беспорядочно плачет, стонет и жалостно молит о помощи своего друга архимандрита Викентия.

В чем причина этой странной паники? Настоящей причины нет. Петр уверяет, что

царевна Софья хочет его гибели, что она собирает войско, чтобы напасть на Преображенское и убить Петра. Но все эти стоны и жалобы остаются без доказательств: «он слышал», «он думал», «ему говорили».

Н. Устрялов, особенно подробно исследовавший этот период, категорически утверждает, что все эти страхи не только не имели, но и не могли иметь никаких оснований. Софья прекрасно знала, что Преображенское хорошо охраняется, что потешные полки Петра находятся на военном положении. Вся политика Софьи была совершенно противоположна активным выступлениям. Она отчасти боялась, а еще более делала вид, что боится нападения со стороны Петра. Ее политика была именно в том, чтобы показать, что она боится, что ее «обижают». Она делала все, чтобы возбудить симпатию и жалость стрельцов и побудить в них желание защитить ее.

Полная безопасность в этот период впавшего в панику Петра доказывалась уже тем, что Софья даже не знала о страхах Петра, о его побеге. Появление Петра в Троицке явилось для нее полнейшей неожиданностью.

Но успокоить Петра не удастся. Дрожащий, трепещущий, он навзрыд плачет в келье Викентия. Даже после того, как припадок кончился и архимандриту Викентию «твердыми и ласковыми словами» удастся как будто успокоить испуганного и слезливого «царственного отрока», Петр проявляет прежнюю трусость. Целый ряд приверженцев уже явился к нему. Борис Голицын и Бутурлин сообщают, что ими давно уже приняты меры для борьбы с Софьей, что силы собраны великие и победа обеспечена. Все растет количество перебежчиков. Софья в одиночестве. Она бессильна. Но Петр и теперь оказывается неспособен давать какие бы то ни было распоряжения, проявить хоть малейшую инициативу: «Нет, нет, вы уж сами как-нибудь, а я не могу, я боюсь!»

Быть может, этот болезненный припадок трусости является единичным, исключительным? Увы, нет. Через 11 лет после Троицы, под стенами Нарвы, когда Петру уже 29 лет, когда он в полном расцвете сил и энергии, перед нами разворачивается та же картина совершенно исключительной, болезненной трусости. Идучи на рать, Петр весел. Он собрался в поход, как на праздник. Веселился, шутил. Был уверен в победе. Но когда под стенами Нарвы узнал о приближении шведского короля, струсил и стал вести себя, как напроказивший мальчишка, которому пригрозили розгой. В полном отчаянии он даже не пытается скрывать охватившую его панику.

— Это не солдат, — презрительно сказал о нем саксонский генерал Халлер, увидя его «удрученным и чуть не полоумным», горько жалующимся и пьющим стаканами водку, чтобы успокоиться.

Водка, однако, не помогает. Петр не может прийти в себя. Он покидает свое войско и в панике удирает куда глаза глядят. Командование войсками он передает кому попало. Ко всеобщему удивлению, главная роль отдана неведомому, неопытному, только что принятому на службу офицеру Декруа.

Паника сказывается в каждом шаге Петра: он забывает пометить дату своих распоряжений, забывает приложить к приказу печать. Бежать, бежать — во что бы то ни стало бежать!

Те бессвязные слова, которые он говорит на прощание в качестве инструкции перед своим побегом, по рассказам очевидцев, «свидетельствуют столько же о растерянности, сколько и о невежестве».

Слезливость Петра и здесь не меньше его робости. Он бежит, заливаясь слезами. Ни о

каком преследовании нет и речи, но Петр переодевается в крестьянское платье, мажет себе лицо грязью, ходит сгорбившись, чтобы скрыть свой рост, и это состояние трусости и растерянности длится достаточно долго.

Узнав о поражении, которое, как и следовало ожидать, потерпели брошенные им под Нарвой войска, он не только проливает потоки слез, но и проявляет такое уныние, что никто не решается при нем говорить о боевых действиях. Какие угодно условия мира, самые унижительные — только бы мир! Таковы его мечты в то время, по единодушным отзывам современников.

Пример с Нарвой тоже не исключителен. Еще хуже поведение этого могучего человека и прославленного в 1711 году у Прута героя. Петр давно уже не мальчик, ему почти 40 лет. Но его трусливость и слезливость проявляются здесь в еще более сильной степени, чем раньше. Уже покидая Петербург в апреле 1711 года, он заботится только об обеспечении Екатерины и ее детей. Думать о государстве он не может. В ответ на запросы Апраксина, требовавшего приказаний, Петр в своем письме от 24 апреля отвечает, что он болен, что в отчаянии, что никаких распоряжений он дать не может. Тем не менее в поход он выступает торжественно, с обычными в таких случаях бубнами и литаврами.

Петр прибыл в Яссы с 45-тысячным войском и громаднейшим обозом. С ним, кроме Екатерины, целый ряд «утешных» женщин. Даже офицеры везли с собой в поход жен и детей. В военном лагере устраивались пышные пиры, ничем не отличавшиеся от «всешутейских» оргий в мирное время. Жили, как всегда, весело. Только вот результаты вышли невеселые.

Господарь молдавский Кантемир принял было Петра с большой радостью, но кормить армию ему оказалось нечем. Запасов никаких нет, армия голодает, ибо татары, появившиеся с севера, отрезали тыл.

Положение день ото дня становится все трагичней, пока, наконец, 7 июля 1711 года вечером армия Петра не оказалась зажата в тесном кольце турок, захвативших оба берега реки. Силы турок в пять раз больше, чем у русских, у них огромный перевес в артиллерии. Поход был предпринят явно по-мальчишески. Но еще более по-мальчишески пытается Петр ликвидировать последствия этой авантюры.

Первая мысль, которая им овладевает, — желание удрать в одиночку, кинув всю армию на произвол судьбы. Он обращается к казаку Ивану Никулюку с мольбой увести его с этого места, скрыть его, спрятать и спасти его и Екатерину.

«А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, была бы только Россия во славе и благоденствии», — цитируют казенные историки торжественное заявление Петра, провозглашенное им в свое время.

Реальная правда оказалась несколько иной. «Благоденствие» Петр старался спасти всеми силами, а вот о «славе» в критические моменты жизни не помышлял.

Попытка спастись бегством оказалась неисполнимой. Петр заперся у себя в палатке и махнул на все рукой. Он совершенно пал духом и оказался не в состоянии давать какие бы то ни было приказания. Не мог он выслушивать и советы. Заботу о спасении, думу о том, что делать, пришлось целиком взять на себя Екатерине. Благодаря случайности дело удалось спасти. Петра выручила жена. Великий визирь так обрадовался полученной от Шафирова взятке в 200 тысяч рублей и бриллиантовому перстню, которые передала ему Екатерина, что согласился отпустить на свободу исключительно крупную «рыбу», которая попала в его невод.

Любопытная деталь: в момент паники Екатерина, расставаясь с перстнем, все остальные свои драгоценности раздала гвардейским офицерам, правильно сообразив, что, в случае чего, при захвате царя и царицы дело не ограничится одним бриллиантовым перстнем и все драгоценности пропадут. Шафиров (натуральный еврей Шапиро) оказался гением в дипломатических переговорах. Он пугал турок тем, что к русским вот-вот придут в помощь несуществующие войска, уверял, что при решительном характере Петра грозный царь уложит всю свою армию на поле битвы, но живым в руки ни в коем случае не сдастся. Он раздавал во все стороны «бакшиш» и добился-таки того, что турки удовлетворились возвращением им всех завоеваний войн, предшествовавших последней, очищением Азова и так далее.

Полномочия, которые даны были Шафирову для ведения переговоров, были несравненно больше. Петр с радостью соглашался отдать, по свидетельству современника, даже города, лежащие в самом сердце России. Дескать, что хотите, то и возьмите, только отпустите душу на покаяние. Турки согласились отпустить эту грешную душу, махнули на перетрусившего и слезливого Петра, спрятавшегося в своей палатке, и Екатерина срочно востребовала возвращения розданных офицерам драгоценностей.

Но сразу же после получения радостного известия о счастливом окончании переговоров Петр — до чего характерно! — немедленно переменял тон и взыграл духом. В тот же день в письме к Апраксину он хоть и сознается, что никогда «в этакой диспирации не был», но хвастает, пытаясь изобразить себя победителем: «Хотя неприятели сто тысяч числом нас превосходили, но однако же всегда выбиты были». Ему приходится, конечно, в письме сознаться, что «положено все города, у турок взятые, отдать», этого никак не скроешь, но он тут же самоуверенно заявляет, что «сие дело хотя и не без печали», но в итоге принесет какую-то «несравненную прибыль». И в полном согласии с этим новым тоном, выпутавшись из безнадежного положения, Петр не только сразу же отказывается исполнить данное слово об уничтожении укреплений Азова, но и с легким сердцем отдает спасшего его Шафирова вместе с Толстым и младшим Шереметевым в заложники туркам. Пусть посидят пока в Константинополе. Это неважно!

До чего расходится подлинная правда жизни с официальной правдой казенных историков!

Петр являл собой фигуру огромную, личность яркую и разностороннюю. Но эта, например, черта трусости проявлялась у него сплошь и рядом не только при военных обстоятельствах. В глубоко мирном быту она сказывалась не менее ярко.

Когда в 1697 году он был в Кенигсберге, курфюрстина брандербургская Софья Шарлотта Прусская, заинтересовавшаяся северным царем, пригласила его в Конненбрюгге, резиденцию герцога Брауншвейгского. «Когда, войдя в зал, Петр увидел, что он не один, что курфюрстина пригласила к обеду и всех членов своего семейства, он струсил. Закрыв лицо руками, он немедленно возвратился вспять и, удрав из дворца, покинул селение». После долгих поисков его нашли и уговорили-таки вернуться. Но и после этого он долго закрывает лицо руками и не решается ни с кем разговаривать. Пришлось прождать много времени, прежде чем Петр преодолел свою робость. Как и в деле с турками, крайняя робость резко сменяется у него неуверенной развязностью: после ужина, во время которого он удивил окружающих тем, что обходился без ножа и вилки (употребление этих предметов в те годы считалось еще излишней роскошью даже при царском дворе), Петр пустился в пляс, после чего позвал было своего шута, но, убедившись, что обществу не доставляют удовольствия его

кривляния, выгнал шута огромной метлой.

Быть может, в этом случае сказывается не трусость, а только застенчивость и робость? Но ни малейшей робости или застенчивости не проявляет Петр не только в застенках, где собственноручно пытается своих врагов, но и на Лобном месте, где он хвалится ловкостью, с которой умеет одним махом срубить не только топором, но и саблей голову очередной жертвы, и в гостях при дворах Берлина и Лондона, как мы увидим, его изумительная развязность сплошь и рядом ставила в очень тяжелое положение терроризированных хозяев.

Целый ряд примеров убедительно доказывает, что не одна застенчивость, но и самая настоящая трусость проявляется в характере Петра и на полях битв, и в мирной обстановке. Когда после поездки в Англию в 1698 году Петр приехал в Вену к королю Леопольду, обычно развязный и смелый, он вдруг потерял присутствие духа. Здесь его встретили без особой приветливости (проходившие близ Вены войска не согласились, например, уступить дорогу карете Петра), и его обычная гордость и самоуверенность внезапно оставили его. Совершенно необычным для него униженным тоном Петр почтительно просит о личном свидании с императором, обещает даже не заговаривать о деле, для которого приехал (союз против Турции), только бы ему позволили явиться визитером пред «светлые очи» монарха. Принятый Леопольдом в замке «Фаворит», он потерялся настолько, что не мог ничего сказать даже через переводчика и дошел до того, что пытался униженно поцеловать руку императора австрийского.

До чего же не похоже это на того Петра, который уже через несколько дней устроит бал в той же Вене и с обычной развязностью и уверенностью в себе превратит этот бал в оргию, шумную и буйную.

Впрочем, на поездках Петра за границу нам придется остановиться особо. Этой картины в нескольких словах не передать.

Глава II

Если так мало похож внутренний облик Петра на то шаблонное представление, которое дают официальные историки, то так же мало похож на этот шаблон и его внешний облик.

По описанию Полтавского боя у Пушкина памятливы нам строки: «Из шатра выходит Петр. Лик его ужасен. Движения быстры, он прекрасен».

Надо признать, что подлинной точностью в этом описании отличаются лишь слова об «ужасном лике». Ничего подобного той мужественной красоте, гордому выражению лица, стройной и величавой фигуре, которую увековечили художники, понимавшие, что самодержцев всегда надо рисовать красивыми, в действительности не было. Все говорят об уродливости его гримас, о судорожных подергиваниях, о дрожащей голове, о сгорбленной спине. Резче всего сказывались судороги и подергивания. Эти болезненные признаки остро проявляются во все годы его жизни и становятся заметны у него уже в молодости, на двадцатом году жизни.

Нервные судороги, искажавшие лицо царя, болезненно сгорбленная фигура и трясущаяся голова ярко отразились в представлении о нем современников: «Головой запрометывает и ногой запинается — нечистый дух, знамо, ломает». Время от времени судороги становились все резче и ощутимее. Это было началом страшного припадка, и ближние, чуя грозу, в таких случаях срочно вызывали Екатерину, которая брала голову Петра в руки и массировала ее, пока Петр не засыпал. Без этих предупредительных мер припадки заканчивались

трагически: Петр кидался с ножом на окружающих, не помня себя.

Огромным усилием воли Петр в ответственные минуты превозмогал, правда, приступы этой болезни, и мы знаем, что путем огромного напряжения всех сил ему удавалось успешно преодолевать и свою трусость. Хотя всю жизнь он предпочитал готовить и осуществлять войны у себя в кабинете, а ведение войны на поле брани доверять своим генералам. Но во время Полтавской битвы, например, сумел ведь он побороть свою робость, притвориться храбрецом, не показать и виду о том, что творилось у него в душе.

В. О. Ключевский говорит: «Петр Великий по своему духовному складу был одним из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их». Это определение кажется совершенно непонятным, когда всматриваешься в те резкие противоречия, которыми наполнена душа Петра. Силач, свертывавший в трубку серебряные монеты, и беспомощный ребенок, лютей палач и одинокий мечтатель, исполненный цинизма хам и искренне религиозный человек, тупой обыватель и гениальный провидец, жалкий трус и решительный воин — все это соединялось в этой сумбурной российской душе.

Когда историк М. Н. Ковалевский попытался составить список интересов и дел Петра, реестр получился ошеломительный: «Царь сам переводил и печатал книги, изобретал шрифты, устанавливал для ткачей ширину холстов, требовал, чтобы пеньку на торг мокрую и с лапками не возили, а возили бы сухую и без лапок, хлеб чтоб жали не серпами, а косами, по Неве чтоб ездили не на веслах, а под парусами, печи в домах чтоб делались с фундаментом и трубы широкие, чтоб человеку пролезть можно было, а потолки с глиной, а не бревенчатые, чтобы все люди в церковь ходили и у исповеди бывали, а епископы упражнялись бы в богомыслии, чтоб коров, коз, свиней в Петербурге всякого чина люди без пастухов из своих дворов выпускали, понеже она скотина, ходя по улицам, дороги портит...» И так до бесконечности.

До чего болезненно суетлив был этот человек! Лишенный выучки, не умеющий даже писать как следует, он с налета, как-то нахрапом кидается то на изучение геометрии, то на хореографию, то учится играть на барабанах, то изучает навигацию. Искусство готовить фейерверки, устройство ансамблей и маскарадов, тушение пожаров, столярное ремесло, хирургия — все вместе и ничто в отдельности захватывает, увлекает этого всегда спешащего, капризного человека. Отрубить голову собственной рукой и, выпив рюмку водки, заняться составлением регламента для маскарада. При всех, в присутствии собравшихся на прием приближенных, изнасиловать женщину и как ни в чем не бывало пойти в церковь и петь там на клиросе. Убить собственного сына и сразу вслед за этим торопиться на веселый пир. Все это для него было делом обычным и естественным.

Он не знает различия между добром и злом. Все вместе, всего понемногу валит он в общий котел. Там видно будет. После разберем!

Где уж тут говорить о той простоте, которую определяет В. О. Ключевский? Буйная смесь резких противоречий — вот основное качество психики Петра.

В детстве Петр был настолько хилым ребенком, что его еще в три года приходилось кормить грудью. Никаких признаков особых способностей в детские годы он не проявлял. В одиннадцать лет он еще не умеет ни читать, ни писать. Детские забавы Петра с потешными солдатами вовсе не имели того серьезного значения, которое им попытались придать впоследствии. В шестнадцать лет он, правда, знает два первых правила арифметики, но писать как следует так и не научился до конца своих дней.

Когда приближенные Петра низложили Софью, Петру шел восемнадцатый год. Но ни

малейшего интереса к делам государства он не проявляет. Русская полиция после переворота 1689 года становится гораздо более реакционной, чем была при Софье. Петр ни во что не вмещивается. Вся жизнь страны течет по воле бояр, захвативших власть. Без него издается указ, изгонявший иезуитов. Без него мистик Кульман сожжен живым на Красной площади по приказанию патриарха. В июле 1690 года состоявшийся при дворе англичанин Гордон в письме в Лондон жалуется на то, что Петр не берет управление в свои руки, ничем не интересуется.

Петр пользуется свободой: он то пьет в доме Лефорта в Немецкой слободе, то устраивает потасовки под видом «примерных сражений», то забавляется фейерверками, которые на всю жизнь так и останутся его любимым занятием.

До чего несерьезны были в те годы военные забавы Петра! Это видно из того, что в маневрах 1692 года принимает участие «эскадрон карликов», в маневрах 1694 года — «команда церковных певчих» сражается с «отрядом военных писарей». Командование маневрами передается шуту Тургеневу. Это бой «на кулачки», это стенка на стенку, а вовсе не заботы о создании армии.

Ничего, кроме забав, Петра до двадцати одного года не интересовало.

Жизнь, которую он ведет в эти годы, В. О. Ключевский определяет как «жизнь бездомного бродячего студента». Это определение, при всей своей яркости, не вполне точно. Сей представитель богемы и вправду никогда не бывает дома, а ночует каждый день в новом месте не во имя любви к вольной волюшке, а во имя любви к оргиям, которые устраиваются у «министра пиров и увеселений» Лефорта. «Собирают гостей 85 человек, никого не выпускают ранее чем через 3 дня, — описывает эти празднества князь Куракин. — Двери заперты на ключ для пьянства столь великого, что невозможно описать. Многим случалось от того умирать».

Вечные праздники, буйные оргии, игра в кораблики...

Петра невозможно оторвать от шумной компании пьяных друзей не только для докладов государственных, но и для пятиминутной аудиенции иностранным послам. Но даже излюбленным своим морским забавам он серьезного значения не придавал. В том числе и в те годы, когда был в Голландии. Там он пил в кабаках и грязных харчевнях с боцманами и шкиперами, заимствовал для России голландский морской флаг красного, синего и белого цветов (как это ни грустно, но не только русский флаг, а и самовар, испокон веку считавшийся почему-то русским изобретением, родом из Голландии). Серьезного отношения к морскому делу нет. Чины адмирала, контр- и вице-адмирала Петр раздает в этот период Ромодановскому, Бутурлину, Гордону, то есть людям, никогда в жизни моря не видевшим. Это игра. Только игра.

Не следует думать, что Немецкая слобода и впрямь являлась уголком, где жили культурные европейцы. В огромном, подавляющем большинстве здесь собирались отбросы европейского мира, авантюристы, прошедшие огонь, воду и медные трубы, бездельники, которых жадность и жажда приключений привели в столицу северного края.

Военные дела в этот период царя тоже еще не интересуют. Бояре, которые правили страной, губили военное положение России всемерно. Татары наголову разбили Голицына в перекопских степях и захватили целый ряд русских областей. Польша и Швеция все меньше считались с интересами России. Султан, вступая на престол и извещая об этом всех монархов Европы, не считает нужным послать извещение лишь русскому царю.

Петру все еще не до государственных дел. Он все шутит, все пьянствует, все забавляется.

Когда его попытка двинуться на Азов (первый Азовский поход) заканчивается позорным провалом, он утешает себя составлением вымышленных реляций о несуществующих победах. Только после азовского поражения, на двадцать втором году жизни, начинается тот период в жизни Петра, который заставляет всерьез говорить о нем, как о великом человеке и правителе.

Петр не родился, а сделался великим человеком.

Трудно ответить на вопрос, как, каким образом произошло это превращение. Можно только внимательно всмотреться в события его жизни, ярко и выпукло отражающие решительную, переломную эпоху в жизни России. И в первую очередь следует всмотреться в поездки Петра за границу, переродившие и изменившие его психику.

Глава III

Ново! Небывало! Русский царь отправляется за границу!

По тем временам план Петра отправиться в путешествие по Европе казался изумительно смелым, небывалым. Русские летописи не знали ничего подобного. Вообще поездка за границу считалась чем-то вроде измены. Какие расправы следовали за дерзкими попытками русских людей уехать за границу! Серьезные кары ожидали не только самих виновных, но и их родичей. Когда князь Хворостин в царствование Михаила Федоровича или Ордын-Нащекин в царствование Алексея Михайловича оказались повинны в этом «грехе» это вызывало целую бурю.

Но если путешествие за границу считалось совершенно недопустимым для верноподданных, то еще более кощунственной была такая поездка применительно к царю. Русский царь должен сидеть дома, а не по заграницам шататься! За 600 лет, со времени князя Изяслава, русская история не знала ни одного случая такого рода. Именно этим — крайней необычностью путешествия — объясняется инкогнито Петра, путешествовавшего под именем унтер-офицера Петра Михайлова. Никто в России не должен был знать, что царь отлучился за границу. За разговоры об этом полагались нещадные батоги. Царь находится в Воронеже — такова была официальная версия. За все время путешествия даже на письмах, отсылаемых из России царю, неизменно значилось: «передать унтер-офицеру Петру Михайлову».

Мы видели уже, до чего не похож образ Петра, каким он рисуется из подлинных документов эпохи, на тот слащавый, выдуманный и приторный манекен, который создали не в меру усердные официальные источники. Когда следишь за путешествием Петра по первоисточникам, убеждаешься в этом лишний раз, и делаются совершенно понятными те ужас и смятение, которые вызывал в европейцах того времени этот российский дикарь.

Отъезд Петра был назначен на февраль 1697 года, но он несколько задержался — открылся очередной заговор. Слухи о поездке царя вызвали не только общее возмущение, но и попытки восстания. Надо было браться за усмирение, за топор. На этот раз Петр спешит: головы рубятся наспех, без того увлечения и азарта, с которыми он, превзойдя Грозного, уничтожал сторонников Софьи, стрельцов. Перед поездкой казни интересуют его только количественно, а не качественно. Самому пытаться подозреваемых, подвешивать их на дыбу и собственноручно отрубать головы на этот раз Петру не хочется. Некогда — за границу ехать надо.

10 марта тронулись, наконец, в путь колымаги и рыдваны. В свите «унтер-офицера

Михайлова» около 250 человек. С собой везут не только пажей, камердинеров, но и музыкантов, шутов, ювелиров... Ехать, так ехать!

Первым этапом явилась Швеция. Шведский губернатор в Риге Дальберг воспользовался тем, что царь путешествует инкогнито и, сказавшись больным, на приеме не появился. В будущем мстительный Петр припомнит ему это прегрешение и, объявляя войну Швеции, сошлется на это невнимание губернатора как на личное оскорбление русского императора, делающее неизбежным открытие Россией военных действий. Как будто предвидя это, уже в этот период Петр, пребывая в Риге, принимается собственноручно набрасывать план крепости. Шведским властям приходится вежливо, но твердо одернуть не в меру предприимчивого гостя. Шпионить, приехав в гости, не полагается.

Огромное большинство показаний современников останавливается прежде всего на жестоком пьянстве, которому предавался в путешествии Петр, выбирая для этого наиболее грязные харчевни и кабаки.

Представительства в какой бы то ни было форме он не выносит. Миндальничанья терпеть не может. Когда курфюрст Бранденбургский выслал ему навстречу принца Гольштейн-Бекского, Петр наотрез отказался разговаривать с этим посланником. Ему приятнее и веселее было с портовыми матросами и судомойками.

Когда придворный церемониймейстер, поэт и ученый Яков фон Базель, утонченный царедворец, пытается встретить царя речью по всем правилам хорошего тона, Петр набрасывается на него и срывает с него напудренный парик. Церемониймейстер в ужасе.

— Этак не полагается, ваше величество, — указывают царю.

— А на кой леший он, церемониймейстер этот, нужен?

Окружающие подробно объясняют, но, выслушав внимательно объяснения, Петр заявляет:

— Ах, вот как? Ну ладно. Пускай он мне девку приведет.

В путешествии Петр, как известно, многому научился. Но даже и наиболее расположенные к царю историки не могут все же не остановиться на той длинной серии скандалов, которые затевает этот «знатный иностранец» в каждом городе. Знатные сановники граф фон Крейзен и судья фон Шлакен от имени курфюрста пришли к Петру, но царь пьян.

— Пошли вон, черти! — любезно встречает он явившихся к нему представителей.

«Когда он выходил, бывало, на прогулку в Кенигсберге, все разбегались в разные стороны, — констатирует современник. — Те, которые не успевали вовремя удрать, нарывались на неприятность». Некая придворная дама попала на глаза знатному туристу. «Хальт!» — кричит Петр громовым голосом и, «хватив ее, добывает у нее из-за корсажа часы». Осведомившись, который час, он милостивым жестом отпускает фрейлину и с громким хохотом идет дальше.

В Кенигсберге Петр заинтересовался тем, как производится колесование. Этого вида казни пока еще нет в том обиходе, которым широко пользовался царь, и любознательный Петр во что бы то ни стало желает посмотреть на эту процедуру. Власти Кенигсберга извиняются — в настоящее время нет ни одного преступника, заслуживающего подобной кары. Петр возмущен:

— Что это еще за нежности?! Нет осужденного, так ведь найти-то можно!

Но кенигсбергские власти твердо стоят на своем. Без повода, не имея на то оснований, из одной лишь любезности к гостю, они никого из своих сограждан колесовать не хотят.

Рассерженный Петр идет на компромисс.

— Ну ладно, возьмите кого-нибудь из моей свиты.

Удивительно, но и от этого предложения кенигсбергцы уклонились.

Такого рода черточки проявляются чуть ли не каждый день. Во время ужина у курфюрста один из слуг уронил тарелку. Петр рассвирепел, тут же выхватил шпагу и кинулся на слугу. Жизнь несчастного удалось спасти только клятвенным обещанием, что его накажут плетью.

Еще одна характерная черта: во всех городах на пути Петр категорически отказывается останавливаться в тех апартаментах, которые для него приготовлены. В Гааге, например, его привезли в приготовленные специально для него комнаты.

— Где я буду спать? — спрашивает Петр.

Его вводят в роскошную комнату с пышной и удобной кроватью.

— Здесь? На этой кровати? Ни за что. — Петр отправляется на чердак, находит постель служанки и объявляет: — Я тут хочу спать. — Но уже через несколько минут снова передумал: — Не хочу здесь жить, поеду в другое место.

В 12 часов ночи нашли коляску. Петр уехал в Дулен, где поместился в посольстве. Здесь повторяется прежний разговор:

— Где я буду спать?

И вновь отказывается от чистой кровати. Обезжав все закоулки, он находит слугу, спящего в чулане на полочке, и пинком сбрасывает его с места:

— Вставай, вставай! Тут я буду спать.

Это не обычные причуды Петра, это нечто более серьезное: у него было что-то вроде боязни пространства. Он не выносит, например, высоких комнат. Если не было никакой возможности найти для ночлега никакого низенького помещения, он требовал устройства особого потолка из натянутого для этой цели холста.

Так же болезненно не выносит Петр одиночества. Он не может спать один. Если близ него нет Екатерины или какой-нибудь другой женщины, он кладет с собой кого-либо из денщиков. Даже укладываясь спать днем, он кладет голову на живот дежурного денщика. Горе пошевелившемуся и нарушившему покой Петра — избьет в кровь своей дубинкой. Но без этого живого тела рядом Петр не может заснуть ни на один час.

По пути в Голландию Петр категорически отказывается остановиться в Берлине. «Город неинтересный», — решает он. Софья-Шарлотта Прусская проявляет интерес к его приезду. В своем письме к министру Фуксу в мае 1697 года она пишет: «Хотя я враг нечистоплотности, но на этот раз любопытство берет верх. Мне бы хотелось, чтобы царя убедили проехать здесь. Мы с удовольствием истратили бы для такого случая то, что мы тратим на редких зверей».

Министр Фукс постарался залучить «редкого зверя» и пригласил царя в Коппенбрюгге, но, как мы уже знаем, увидев пышное общество, которое ожидало его здесь, Петр закрыл лицо руками и поспешно покинул дворец. Когда его нашли, пришлось более часа убеждать его вернуться.

«За ужином, — свидетельствует историк, — он не знал, куда девать салфетку, употребление которой было ему неизвестно, ел весьма неопрятно», но достаточное количество бокалов рейнвейна настолько развеселило царя, что после ужина Петр вместе со своими спутниками затевает танцы. Его спутники, принявшие корсеты дам за их тело, потом громко жаловались, что у немецких женщин «чертовски жесткие спины».

Глава IV

Ярче всего привычки Петра сказались во время его пребывания в Саардаме.

Официальные историки из кожи вон лезут, чтобы изобразить его пребывание здесь как сплошной подвиг, совершенный во имя любви к наукам и мореплаванию. Факты рисуют несколько иную картину. Здесь, в домике, где впоследствии, в 1814 году, Александр I приказал прибить в память о пребывании Петра белую мраморную доску, здесь, где поэт Жуковский написал на стене восторженные стихи, приветствующие «колыбель России», в дни пребывания Петра происходили главным образом оргии, безмерно пугавшие мирных голландцев.

Какая-то трактирная служанка завоевала здесь сердце Петра и получила от него в вознаграждение за свои ласки 50 дукатов. Когда ее сменила актриса Гросс, вознаграждение было сильно уменьшено. Бедная актриса попробовала было выразить недовольство скупостью Петра, но ответ его, даже в очень и очень смягченном виде (полностью привести его невозможно), был таков: «За 500 пенни я найду людей, готовых преданно служить мне умом и сердцем. Эта же особа посредственно служила мне тем, для чего природа создала женщину, а это и такой цены не имеет».

Вообще нежность Петра предназначалась в большей мере мужчинам, чем представительницам прекрасного пола. Он не скрывал той роли, какую играли при нем Меньшиков, Ягужинский, Лефорт и многие другие.

Любопытная деталь более позднего быта: когда в недавние еще годы голландское правительство в качестве реликвии уступило России «домик Петра Великого» в Саардаме, русские власти немедленно приступили к хозяйственному ремонту домика, и вместо исторически памятных деталей получился совершенно иной, заново отстроенный дом. Устроили даже духовое отопление. Ценители старины оказались разочарованы. Любопытна еще одна деталь: домик, в котором жил Петр Великий, был уступлен ему некой вдовой за плату в 7 флоринов, но плату эту, как оказалось, Петр «забыл» заплатить и так и уехал. Бедная вдова горько плакала, но судиться со знатным иностранцем не рискнула.

Во время путешествия Петр проявляет незаурядную любознательность. В Амстердаме, например, Петр увидел на базарной площади толпу людей, окружавшую фельдшера, вырывавшего кому-то зуб. Царь немедленно увлекся этим «спортом», долго любовался искусством зубодера, потом увел его в ближайшую харчевню, угостил обедом и нанял своим преподавателем.

После нескольких уроков Петр уже не расставался с футляром с хирургическими инструментами и с особым удовольствием вырывал зубы не только всем желавшим этого, но и не желавшим. Этим своим умением Петр почему-то чрезвычайно гордился, без конца злоупотреблял им по возвращении в Россию не только в лечебных целях, но и в карательных тоже. Он сдал в кунсткамеру целый мешок собственноручно вырванных зубов.

Любовь Петра к хирургии не ограничивалась зубоочисткой. Он неустанно требовал, чтобы его извещали обо всех интересных операциях, и, как бы ни был занят, находил время, чтобы явиться не только посмотреть работу хирургов, но и заменить их. В полной уверенности, что он все знает и все умеет, он брался за самые сложные операции. Если пациенты после операции, произведенной Петром, умирали, как было с женой купца Борсте после операции вскрытия брюшной полости, то винить за это было некого, тем более что Петр в таких случаях оказывал великую честь своим присутствием на похоронах.

Какая-то странная любовь к трупам. Нечто вроде некрофилии. Она проявляется в разные годы жизни Петра вместе с любовью к хирургии. Мы, например, увидим впоследствии, как, приказав в своем присутствии казнить свою любовницу Анну Монс, Петр поднимет отрубленную голову и вопьется поцелуем в мертвые губы.

Случай не единичный. В Утрехте, приехав к профессору анатомии Рихше, Петр, увидев в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, кидается его целовать. «Вот как разделали — словно живой, улыбается даже!»

В Лейдене, попав в анатомический театр доктора Беергава, Петр, любуясь трупами, усмотрел, что отдельные лица из его свиты выказывают отвращение. Он тотчас же приказал им зубами перекусывать мускулы трупов.

Среди следов, которые остались в Англии от пребывания там Петра, кроме царского портрета, вывешенного вместо вывески на дверях той харчевни, которая в память о постоянном посетителе так и стала называться «Царская», любопытны официальные документы, удостоверенные в судебном порядке, о тех разрушениях, которые были произведены Петром и его свитой в домах, которые они занимали.

Описание того, в каком виде, например, остался дом в Дептфорде после трехмесячного пребывания Петра, приводит в ужас. Картины на стенах прорваны, так как они служили мишенями для стрельбы. Вся мебель поломана, газоны в саду затоптаны, пол и стены заплеваны.

Дом, принадлежавший генералу Джону Эвелину, после пребывания в нем царя имел такой вид, будто претерпел татарское нашествие. Все окна и двери были выбиты и сожжены. Картины, которыми также пользовались в качестве мишеней для стрельбы, изорваны или исчезли. Рамы поломаны на куски. Сломанными и уничтоженными оказались даже деревья в саду. После отъезда высокопоставленного гостя английской казне пришлось по суду платить только Джону Эвелину в счет его убытков 350 фунтов стерлингов. Гости, очевидно, не скучали!

В пути у Петра не хватило денег. Поиздержался в дороге русский царь. Тогда он нашел группу английских капиталистов и экспромтом запродавал ей монополию на русский табак за 48 тысяч рублей. Если вспомнить, что еще совсем недавно, при царе Алексее Михайловиче, за курение табака отрезали нос, то можно понять, что предприимчивость Петра была очень велика.

Еще ярче сказалась эта черта Петра в области дипломатических переговоров. Он сумел, например, пообещать католикам обратить Россию в католичество и одновременно дать такое же обещание протестантам!

В Вене Петр устраивает бал для высшего общества и с гордостью пишет своему приятелю Винусу, что бал превратился в оргию со всеми операми до свального греха включительно: «В день святых апостолов было у нас гостей мужского и женского пола больше тысячи человек, и были до света... из которых иные свадьбы в саду играли».

Впрочем, что же говорить об этой первой поездке Петра за границу, если и следующие, гораздо более поздние путешествия, отличаются теми же специфическими особенностями.

В 1711 году, в Дрездене, покидая гостиницу «Золотое кольцо», он, несмотря на протесты администрации, собственноручно содрал все драпировки и украшения, присланные саксонским двором для украшения апартаментов царственного гостя.

В Данциге, в 1716 году, находясь в церкви, Петр почувствовал, что дует сквозняк. Ни слова ни говоря, он протягивает руку, срывает парик с головы стоящего рядом с ним

почетного бургомистра и напяливает на себя.

Петр и вообще-то любил заявлять себя оригиналом и чудачком. Но всего «оригинальнее» оказывается его поведение именно в путешествиях. В Берлине, в 1718 году, залюбовавшись коллекцией неприличных статуэток в музее, он не только потребовал от короля, чтобы эта коллекция была ему немедленно подарена, но еще и сделал бурную сцену жене, требуя, чтобы она здесь же, при всех, перецеловала эти украшения.

— Голову оторву! — кричит он попытавшейся возражать Екатерине и на радость окружающим добивается исполнения своего требования.

Того же жанра держится Петр и по приезде в Копенгаген. В час ночи он требует, чтобы ему открыли естественноисторический музей. На горе хранителя музея, ему понравилась здесь мумия, и он сразу же потребовал, чтобы эту мумию ему подарили. Королевский инспектор обещал довести об этом желании гостя до сведения своего повелителя, и Петр сразу же успокоился и отправился было спать. Но когда ответ, полученный от короля, оказался отрицательным, Петр снова отправляется в музей, отрывает у мумии нос, прокалывает его в нескольких местах и, изувечив бедную мумию до неузнаваемости, весело заявляет:

— Теперь пусть у вас остается!

Любопытно, что, отправляясь в Париж, этот решительный мужчина совершенно потерял обычную твердость характера. Обычно он разъезжал в эти годы с Екатериной, но в Париж он не рискует ее брать, считая неудобным показывать ее в этой стране, которой он и сам побаивается. Его мечта — выдать свою дочь Елизавету за малолетнего Людовика XV. Он хочет показаться с лучшей стороны и, желая подчеркнуть свою важность, уже по дороге в Париж устраивает ряд скандалов. Бедный агент де Лебуа в отчаянии. Денег, отпущенных французским правительством (полторы тысячи ливров в день), никоим образом не хватает для удовлетворения претензий Петра и его свиты.

«Царь хотя и обнаруживает зачатки доблести, но в совершенно диком состоянии», — жалуется де Лебуа, докладывая, что царь поглощает невероятное количество водки, пива, вина и всевозможной еды. «Это обжора и ворчун», — пишет он, не выдерживая тона.

Денег на обжорство и пьянство трагически не хватает, и бедный де Лебуа горько жаловался, пока не добился от Версаля инструкций: «В расходах не стесняться, лишь бы царь был доволен». Но и деньги не помогли исправить положение, не наладили отношений. Петр и вся его свита сочли, например, требованием хорошего тона выразить недовольство поданными им экипажами: «В таких катафалках русские дворяне отродясь не ездили!» Экипаж переменили, но Петр снова заупрямился: «Не хочу карету, желаю двуколку, как у меня в Петербурге заведено».

В Кале навстречу Петру прибыл маркиз де Маннель. Он приготовил длинную и цветистую речь для приветствия гостя, но Петр отмахнулся и не стал слушать, а когда удивленный маркиз попытался сесть в экипаж рядом с царем, то немедленно получил от Петра «по морде». Маркиза удалось убедить, что на этих «русских варваров» не следует обижаться, что интересы «дорогого отечества» требуют установления добрых отношений с монархом могущественной северной державы. Маркиз самоотверженно вновь отправился с визитом, но приема не добился: царь и вся свита были мертвецки пьяны. «Наступила русская Пасха», — объяснили смущенному маркизу.

Пьянство продолжалось долго. Испуганный маркиз никак не мог добиться, чтобы посольство, наконец, двинулось в Париж. На этот раз Петр заартачился по-иному: вместо

двуколки он потребовал, чтобы ему устроили паланкин — особые носилки, которые можно прикрепить к спине лошади. «Я желал бы от всего сердца, чтобы он прибыл в Париж и даже оттуда уже выехал, — пишет маркиз в официальном донесении. — Когда его величество король увидит гостя, я убежден, королю будет приятно от него избавиться».

Наконец 10 мая царь торжественно въехал в Париж.

Для него были приготовлены покои в Лувре, а для размещения его свиты отвели зал заседаний французской Академии Наук. Специально позаботились освежить даже позолоту и картины. Для царя приготовили самую богатую и великолепную кровать, сервировали роскошный стол. Но, бравирюя, Петр, явившись на место, ограничился тем, что потребовал кусок хлеба и редиску, выпил пива и приказал потушить огни.

— Очень уж много жжете, — заявил он. — Нет, я тут жить не буду.

И ушел в гостиницу.

В гостинице Петр засел безвыходно. Подвижный, шумный и суетливый человек, он насильственно выдерживает себя в добровольном заточении. Он желает, чтобы французский король первым явился к нему с визитом. До этого он никуда шагу не сделает.

В прежние свои поездки Петр держался совершенно иной тактики. В Берлине в 1712 году он сразу же по приезде отправился во дворец и застал короля еще в постели. В Копенгагене он силой врывается к Фридриху V, разбросав царедворцев, пытавшихся удержать его ввиду необычно раннего визита. Но в Париже... О, Париж — совсем другое дело! Здесь Петр желает проявить обращение самое тонкое: «Знаем, мол, порядки, сами не лаптем щи хлебаем».

Тщетно пытаются разъяснить Петру, что именно он, гость, должен нанести первый визит. Он знать ничего не желает. Сидит в гостинице и ждет.

Напрасно приезжает регент и через переводчика — по-французски Петр не знает ни единого слова — убеждает его, что приезд его, регента, посланного королем, вполне заменяет визит самого короля. Петр неумолим — он желает, чтоб приехал король.

На пятый день французское правительство уступило. Малолетний Людовик приезжает к царю. Несмотря на свои семь лет, он «не испугался русского царя», а на следующий день Петр отдал визит и, к великому ликованию парижан, стал, наконец, показываться на улицах. Его кафтан немедленно вошел в моду под названием «одежды дикаря». Когда лучший парижский портной и парикмахер торжественно преподносит ему шедевр своей работы — чудесный парик, Петр хватается за ножницы и отхватывает большой кусок спереди: так, дескать, красивше будет.

Церемониймейстеры, приставленные к царю, в ужасе. Царь то и дело куда-то пропадает, уходит шататься по лавкам, никого не предупредив, демонстративно садится в первую попавшуюся карету, предоставляя находящимся в ней пассажирам возвращаться домой пешком.

Когда 14 мая Петра пригласили на торжественный спектакль в оперу, Петр, явившись в отведенную для него ложу, громко заявляет басом:

— Мне пивка бы.

Растерявшийся регент лично приносит на подносе пиво, и Петр, вытянувшись во весь рост у барьера, не спеша и покрюживая, пьет кружку за кружкой, оставляя поднос в руках регента.

С принцами и принцессами крови Петр ведет себя демонстративно грубо. Герцогиня де Роган, возмечтавшая очаровать Петра, наслушалась от него таких вещей, что ушла в слезах. В Академию Наук он присылает письмо на русском языке и, по отзывам современников, «ведет себя повсюду с видом безусловного превосходства».

Эта неумеренная гордость не мешает ему предаваться совершенно нелепому мальчишеству и пьяному разгулу. В Трианоне он, забавляясь, залил водой из фонтанов весь парк и гуляющую публику. В Версаль он, забавляясь, притащил с собой, к великому смятению окружающих, публичную женщину, а в Марли, в апартаментах госпожи де Монтенон, он считает возможным уйти от хозяев и гостей, чтобы запереться в спальне хозяйки с дамой, приведенной им с улицы.

«Этот чудак рожден быть боцманом на голландском корабле», — пишет Вольтер, почти дословно повторяя мнение, высказанное за двадцать лет до этого Бернетом во время пребывания царя в Лондоне.

Глава V

В чем сущность, в чем первооснова взбалмошной, бестолковой, стихийной и огромной фигуры Петра?

Любил ли что-нибудь по-настоящему этот дикарь, стремившийся к просвещению, этот пьяница и развратник, желавший исправить нравы в России, этот палач и сыноубийца, издававший законы, этот сифилитик и педераст, веривший, что стоит на страже доброй нравственности?

По первому впечатлению, он любил Россию. Правда, своеобразной любовью хозяина, собственника и крепостника, тупой и звериной любовью инстинкта, но все же любил. Находил же он время среди невероятных кутежей, чтобы заниматься и государственными делами, кораблестроением? Умел же он во время своих разгульных путешествий учиться западным порядкам? Умел же он, преодолевая природную трусость, появляться под неприятельским огнем? Умел же он, наконец, заполнить свою оголтелую, жестокую и пьяную жизнь какими-то неотступными заботами о державе Российской?!

Внешне эта вот держава — она и есть святая святых в жизни Петра. Лишняя тысяча казненных, лишняя десятка тысяч погибших в войнах и строительстве новой столицы в топких болотах — только бы «державе нашей польза была», а кровь смывается легко. Еще легче, чем грязь.

«А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, была бы только Россия во славе и благоденствии».

Но вот это объяснение при внимательном рассмотрении загадочной фигуры Петра кажется неполным, неудовлетворительным. Как ни резко, даже уродливо выпячивается мысль о заботе, о пользе державе Российской во все периоды жизни Петра, здесь проявляется все та же изумительная, воистину дьявольская ирония, кощунственная насмешка. Ничего нет святого, ничего нет серьезного на земле! Все окружающее — только «машкерад», глумливо хихикающие хари и личины.

Когда всматриваешься в интимное существо этого человека, неизменно видишь колпак скомороха рядом с царской короной, клоунскую маску на суровом лице.

Ценил ли он свое царское звание?

Достаточно было малейшей ошибки в титуле царя, чтобы виновный оказался на дыбе или под батогами, сослан в Сибирь, если раньше не потерял голову на плахе. Но наряду с этим царь назначает Федора Ромодановского «петербургским королем» и долгие годы неизменно именуется «ваше величество» и в особой блестящей короне, верхом на свинье торжественно возит его по улицам столицы.

«Всешутейский кесарь», «король», которому Петр в течение ряда лет смиренно воздает царские почести, становится во фронт и почтительно рапортует. Это не кто иной, как министр кнута и пыточного застенка, начальник розыскного Преображенского приказа — Ромодановский. «Собою видом как монстра, нравом — злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян во все дни» — таков портрет его по запискам современников.

Чтил ли Петр основы религии?

Жесточайшими мерами внушается народу религиозность, но в то же время Зотову присваивается титул «всепьянейшего архиепископа Петербургского, патриарха берегов Яузы и всея Немецкой слободы», а Тихона Стрешнева возводит в сан «папы римского» и долгие годы величает не иначе, как «ваше святейшество», «святейший отец». Веселого развратника Мусина-Пушкина по распоряжению царя торжественно купают в водке и пиве и нарекают «митрополитом Киевским».

Устав «Всешутейшего собора» разработан очень строго. «Служение Бахусу» путем «честного обхождения с крепкими напитками» требовало особых обрядов, облачения, молитвословий и песнопений. Первейшей заповедью ордена, обязательной для всех чинов этой пьяной епархии, — «напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвым».

Есть что-то болезненное в том странном упорстве, с каким Петр держится за весь этот «всешутейный» ритуал. Маскарадному «петербургскому королю» Ромодановскому присвоены все царские почести: обо всех делах Петр пишет ему доклады, подписываясь «нижайший служник вашего пресветлого величества Петрушка Алексеев». Но вот Ромодановский умер. Петр все же продолжает эту странную забаву. И после смерти Ромодановского он настаивает на том, чтобы титул и все привилегии этого выдуманного королевства перешли полностью по наследству его сыну Ивану Ромодановскому. И служатся особые патриаршие служения «на номер первый с водкой, на номер третий с рейнвейном». И в самые торжественные моменты неизменно заботится Петр о той или иной, не столь забавной, сколь издевательской «машкере».

При праздновании в Москве Полтавской битвы в 1709 году строится на Царицыном лугу особый деревянный дворец. На пышном троне восседает «его величество», все тот же заплечных дел мастер Ромодановский. Шереметев, Меньшиков и сам Петр стоят навтыжку, торжественно рапортуя «его кесарскому величеству, всешутейшему царю» о своих победах. К стопам этого «кесарского величества» приводят изумленных, ничего не понимающих

шведских пленных.

Такого рода дьявольские, самонасмешливые настроения неразлучны с Петром во все время его царствования. В 1691 году, по возвращении из первой поездки за границу, он после долгой и серьезной подготовки устраивает дикое карнавальное шествие по улице столицы. Впереди, в патриаршем облачении, — Зотов. На его огромной митре нарисована непристойная фигура, изображающая Бахуса. За ним — оголтелая толпа пьяных «вакханок», на головах которых вместо гроздьев винограда — пачки зажженного табака.

В этом же году, в самый день казни ста пятидесяти стрельцов, Петр зовет к себе обедать явившегося на прощальную аудиенцию бранденбургского посла и разыгрывает сложную мистификацию: за обедом присутствует в полном облачении, с крестом и евангелием в руках, патриарх. Но только посол настроился на молитвенный ряд, как оказалось, что патриарх — поддельный, что евангелие в его руках — это искусно сделанная фляга с водкой, что на кресте — неприличные символы, а роль патриарха состоит только в том, чтобы начать грандиозную пьянку. И царское звание, и патриарший сан, и евангелие, и крест — все это для кабака, для лупанария.

Это издевательство над самим собой и над всеми окружающими не случайно проявляет себя в эти годы.

Через двадцать лет на улицах столицы повторяется та же дикая картина. Пьяное братство, называвшееся «Беспечальным собором», занимавшееся организованным пьянством и оргиями, и теперь вместе с царем устраивает все тот же бесшабашный карнавал. Толпа людей в самых невероятных и непристойных костюмах с царем во главе движется по улицам столицы. Рядом с гордостью процессии, неким матросом, умевшим ходить на руках, рядом с пьяницами со дна идет вся знать, духовенство и высшее офицерство. Здесь же приближенные царя. В том числе и царский духовник Надеждинский.

Обязательное веселье из-под палки было тягостным. Тысячи масок обязаны были пить и плясать целую неделю. За уклонение полагался крупный штраф. Пока не перепьются все без исключения, пока старый адмирал, дряхлый Апраксин, не начнет плакать горючими слезами о том, что он остался на старости лет круглым сиротой, без отца, без матери, пока светлейший князь Меншиков не упадет в обморок, — до тех пор ходят и ходят гвардейцы с ушатами сивухи. У запертых ворот приставлена стража, строго следящая за тем, чтобы никто не смог уйти. Гвардейцы огромными кружками поят сивухой гостей. Уклоняться никому, даже дамам, не разрешается. Все должны держать себя «развязно». Молчать не разрешается, полагается поддерживать разговор. Но когда на одном из таких праздников некий иноземный офицер вздумал что-то доказать царю по своей специальности, с чем Петр был не согласен, царь, не дослушав, плюнул в лицо собеседнику и отправился разговаривать с другими.

Отказываться от участия в забавах Петр не позволял никому. Когда в 1725 году родовитый восьмидесятилетний Матвей Головин попытался было уклониться от участия в процессии, считая невозможным для себя надеть предназначенный ему костюм черта, старика по приказу Петра раздели донага, надели на него шапку с картонными рогами и в таком виде долго продержали на льду Невы. Старик схватил горячку и умер.

Быть может, перед нами своеобразная манера буйного царя развлекаться? Ведь был у Петра целый штат «дураков» и шутов. В этом списке придворных увеселителей наряду со знаменитым Балакиревым имеется и некий еврей-португалец Акоста, которого царь в 1713 году не только произвел в графы, но еще и сделал «ханом самоедов». По этому поводу был

устроен целый ряд праздников и шутовских церемоний, для которых специально доставлялись настоящие самоеды из далекой Сибири.

Мало ли какие развлечения привлекали царя! Любил же Петр на Рождество ходить по домам обывателей с толпой славильщиков и совершенно серьезно собирать подачки! Любил же царь драться на кулачки и даже смиренно терпел, когда один из противников, любимый повар Екатерины, оказывался сильнее и успевал «наложить по первое число» императору.

Петр очень любил всяческие развлечения, но что-то болезненное чувствуется в этой страсти к насмешкам и издевательствам над самим собой и над своими собственными святынями.

Французский посланник Кампредон в депеше от 14 марта 1721 года пишет: «Патриарх — это записной пьяница, избранный царем, чтобы выставить напоказ и на посмешище все духовенство». Выставляя рядом с этим патриархом еще и самозванного кесаря Ромодановского, Петр всемерно старается выставить на посмешище, опозорить и унижить и царский титул, и царское звание, то есть то единственное на земле, что он считал как будто ценным и важным.

До чего же последователен в этом сумбурный во всем остальном Петр!

Ему недостаточно шутовским образом отпраздновать заключение Ништадского мира, о котором мечтал столько времени, пролил столько крови!

Ему недостаточно целой серии шутовских свадеб и шутовских похорон. Он доходит до того, что в 1724 году, во время маскарада, длившегося восемь дней, приказывает сенаторам не снимать масок даже в зале заседаний сената во время рассмотрения важнейших государственных дел.

Петр ни в коем случае не хочет, чтобы это болезненное шутовство было хоть какой-нибудь чертой отдельно от действительной жизни и государственной деятельности.

Зотов, например, исполняя роль всепьянейшего патриарха, одновременно назначается хранителем государственной печати. Иван Головин, ничего не понимавший в мореплавании, на основании своих всешутейских заслуг назначается адмиралом русского флота.

Обычай, установившийся с тех пор, когда патриархом являлся Филарет, отец царя Михаила Федоровича, требовал, чтобы в вербное воскресенье царь и патриарх одновременно показывались народу в торжественной процессии. Петр оставляет эту традицию, но сводит ее к кощунственным, издевательским формам. «Всешутейший князь-папа» появляется в процессии верхом на быке. За ним — пьяная гурьба на повозках, запряженных свиньями, козлами, медведями.

Петру недостаточно иметь «папу», он заботится о создании особого «конклава пьяниц».

Написав собственноручно особый регламент, он из года в год совершенствует его, дополняет, расширяет. Именно этой работой он был занят, например, накануне Полтавской битвы.

Наряду с горчайшими пьяницами в члены собора назначаются наиболее серьезные и строгие государственные деятели эпохи. Все назначенные обязаны собираться в дом «князя-папы», названный Ватиканом, для обряда торжественного представления, церемониймейстерами на котором были четверо заик. Разряженные в ярко-алые одежды, все члены «Всепьянейшего собора» отправлялись отсюда в особый зал консистории, где происходили оргии с шутовскими выходками. Отсюда пьяной гурьбой отправлялись всей процессией, имея во главе «князя-папу» верхом на бочке, запряженной четырьмя волами, — в конклав. Вокруг толпились шутовские монахи. Сам царь руководил шествием в костюме

голландского матроса.

Конклав происходил непрерывно в течение трех дней. Главное украшение конклава — бочки, наполненные вином. Опустевшие бочки распиливают пополам и ставят их тут же. По регламенту одна половина каждой распиленной бочки предназначалась для съестных припасов, а другая — для естественных нужд.

Покидать заседание конклава строго воспрещалось. Чтобы внести разнообразие в порядок празднеств, Петр вздумал в 1714 году женить «князя-папу» Зотова. Бывшему учителю Петра было в то время восемьдесят четыре года. Дети и внуки Зотова, занимавшие видные посты при дворе, долго умоляли царя пощадить седины их отца и деда. Петр остался неумолим.

«Невестой» Петр выбирает родовитую старуху, шестидесятилетнюю Анну Пашкову. Дело происходит в разгар Северной войны, поглощавшей огромное количество жертв и ставившей на карту судьбу государства Российского. Но Петр берется за шутовскую свадьбу всерьез.

Приготовления к свадьбе были воистину грандиозны. Уже за четыре месяца до назначенного дня всем придворным чинам разослан приказ подготовиться к участию в торжестве. Канцлеру графу Головину предписано заранее вытребовать у всех приглашенных подробное описание заказанного каждым из них костюма. Ни один костюм не должен был повториться в толпе более трех раз. Не довольствуясь этим, Петр считает необходимым еще и лично проверить приготовленные костюмы и устраивает для этого специальные смотры 12 декабря 1714 года и 15 января 1715 года.

И вот настал торжественный день шутовской свадьбы.

Специально разыскивали девятилетнего священника, которому поручили свершение обряда. Пышное шествие двинулось от царского дворца по льду Невы к церкви Петра и Павла. Впереди глава Тройного Приказа, шутовской «кесарь» Ромодановский, специалист по казням и пыткам, который во время оргии хвастливо говорит Петру:

— Нам, батюшка, водки и вина, чтобы пьяными напиться, мало. Нам кровушка горячая для этого дела нужна.

В этой процессии Ромодановский наряжен царем Давидом. В его руках лира. Задрапированный медвежьей шкурой, он едет в санях, запряженных четырьмя медведями. Пятый, дрессированный, стоит на запятках его кареты.

За ним — на высоких санях — новобрачные. На запятках свадебной кареты, везущей престарелых жениха и невесту, помещен козел. Свадебная карета украшена купидонами и ветвистыми оленьими рогами.

В третьей карете следует «его святейшество всепьянейший патриарх» в полном парадном облачении. Далее — вся столичная знать.

Здесь и представители дипломатического корпуса, все иностранные посланники, какие были в то время в русской столице. Сам царь в матросском костюме бьет в барабан. Всем присутствующим розданы трубы, свирели. Все усердствуют что есть мочи. За знатью движутся пестрой толпой специально для этого выписанные калмыки, лапландцы, тунгусы. Здесь и лютеранские монахи, и дикари, и японцы.

По приказу царя во всех церквях звонят колокола. Толпа кричит: «Патриарх женится! Ура патриарху!»

Музыки Петр не любил, с трудом переносил игру оркестра на балах и обожал барабан, на котором охотно играл и сам. С болезненной истовостью совершается обряд, и после «бракосочетания» начинается всенародное пьянство. Буйная оргия длится целую неделю —

так приказал царь.

В самый день шутовской свадьбы Петр в маскарадном костюме принимает графа Витстума, посланника Августа II, который в соответствующем костюме из любезности к царю тоже принимает участие в маскараде. Оба «замаскированных» собеседника говорят о важнейших государственных делах, и Петр тут же, в промежутках между двумя тостами, пишет важнейшее письмо Августу II. В тот же день он принимает еще одного посланника, Брсевица.

Маскарадный костюм, буйная оргия — все это для Петра не есть что-то отличное от государственных дел. К оргиям и забавам своим он относится со всей серьезностью.

Когда в 1717 году «князь-папа» Зотов умер, Петр долго работает над составлением нового регламента. Непристойные подробности этого документа делают многие его пункты совершенно невозможными к пересказу. «Они не будут напечатаны ни при каком режиме», — говорит В. О. Ключевский.

Именно в эти дни Петр ждет возвращения непокорного сына Алексея и готовит для него пытки и смерть. Но это нервное ожидание ничуть не мешает ему со всей серьезностью подыскивать нового «всешутейшего патриарха» на место скончавшегося Зотова. Кандидат — Петр Иванович Бутурлин. До сих пор он носил звание «архиепископа Петербургского». Петр, избрав нового «папу», берет на себя лично роль «протодиакона конклава». Избирательные записки все члены конклава получают из рук княгини-игуменьи. Этот пост занимала ранее Ржевская, ловкая и льстивая, по отзывам современников, всегда пьяная баба. Затем ее заменила княгиня Анастасия Голицына. Эта Голицына в течение многих лет считалась ближайшим другом Петра. Он называл ее своей сестрой, но, заподозрив ее в дружеских чувствах к своему сыну Алексею, Петр приказал отстегать плетью во дворе Преображенского приказа. Чтобы вернуть себе милость царя, княгиня Голицына взяла на себя выигрышную роль княгини-игуменьи в конклаве.

По ритуалу, утвержденному Петром, все члены конклава должны получать избирательные списки из рук княгини-игуменьи, целуя при этом ее груди. Сами записки изображались яйцами. Впрочем, процедура выборов из-за ее непристойности совершенно не допускает передачи.

Петр Великий относится к заседаниям конклава с болезненной, мрачной серьезностью. И в те дни, когда царевич Алексей изнемогал в тюрьме под пытками, готовясь к смерти от руки отца, Петр продолжает пиры с новым патриархом. Унизительные картины пьянства, связанные с римским способом опорожнения желудка для все новых и новых возлияний, продолжают с какой-то исключительной, подчеркнутой серьезностью.

Новый «папа» взамен умершего Зотова избран. Но царю этого мало. Он надумал женить заместителя Зотова, нового патриарха, на вдове Зотова, Анне Пашковой.

Снова процессии и торжественные празднества. Кошунство и профанация здесь еще ярче, еще изумительнее.

Постель новобрачных устраивается в пирамиде, воздвигнутой в память победы над шведами на площади напротив Сената. «Молодых» заставляют пить из стаканов, сама форма которых — верх непристойности. Мертвецки их напоив, торжественно ведут к памятнику и укладывают в постель. Через специальные отверстия, сделанные в стенах пирамиды, толпе верноподданных дают возможность любоваться своеобразными картинками...

Не пересчитать, не перечислить все новых и новых примеров болезненной склонности к издевательствам над окружающими и над самим собой, которыми заполнены все годы

жизни и царствования Петра.

Мы видели в пьяной толпе участников оргии царского исповедника Надеждинского. Ему навязывались омерзительные роли в «заседаниях» конклава, но наряду с этим Петр сохраняет религиозность, простаивает долгие часы на молитве в церкви, горячо исповедуется перед тем же Надеждинским. Уходя из церкви, он целует ему руку, а через несколько минут после этого щелкает его по носу, заставляет пить до одурения и смеется, видя его валяющимся под диваном в скотоподобном виде.

Назавтра он снова будет исповедоваться перед тем же Надеждинским и благоговейно целовать ему руку...

Широкая, очень широкая и загадочная душа была у этого русского царя!

Как случилось, что династия Романовых вообще и Петр Великий в частности не привлекли до сих пор пристального внимания врачей-психиатров?! Не только историк, социолог, но и доктор медицины, специалист по душевным болезням должен был в первую очередь уделить пристальное внимание той потрясающей картине, какую в течение 300 лет являл собой резко вырождающийся род Романовых!

Глава VI

Если так трудно определить, относился ли Петр к чему бы то ни было на свете — к церкви, религии, державе Российской — с подлинным человеческим уважением, то, быть может, легче ответить на вопрос, любил ли он кого-нибудь вообще?

Увы, ответить на этот вопрос еще тяжелее.

Окружающих его сановников он презирал от всей души и не случайно так часто и так щедро поколачивал их своей знаменитой дубинкой. Презирая всю родовую знать своего времени, он находил особое злое удовольствие в том, чтобы на первые посты в государстве выдвигать кучеров, пирожников, лакеев. Но горе было не в отдельных людях, а во всем строе, и эта замена, в сущности, положения не меняла.

В 1722 году посол Кампредон в своем письме к кардиналу Дюбуа с отчаянием пишет, что без крупных денежных сумм для раздачи русским сановникам никаких государственных переговоров с Россией вести невозможно. Когда царь заявил однажды, что хочет повесить всех казнокрадов, его любимец Ягужинский ответил исторической фразой: «Стало быть, ваше величество хочет остаться без подданных».

Чем больше было глубокое презрение Петра к жадной толпе придворных, тем естественнее было думать, что весь жар своего сердца он отдаст женщинам, что подлинная человеческая любовь прояснит его хмурые и загадочные черты.

Но женщины — одной, определенной, единственной хотя бы на один день — Петр не знал в течение всей своей жизни. Он знал только женщин — огромную толпу, лишённую индивидуальности, представительниц женского пола, которых брал то силой, то за деньги, наспех, не обращая внимания на каждую в отдельности.

Современники, описывающие пребывание Петра в Берлине, указывают, что при царице находилось около 400 так называемых «дам». Наряду с представительницами родовой русской знати здесь были немецкие служанки, исполнявшие обязанности горничных, прачек и кухарок. Почти все эти особы (говорит с изумлением летописец) держали в руках богато разряженных детей, и на вопрос, чьи это дети, отвечали, кланяясь в пояс: «Царь почтил меня».

Наиболее прочной привязанностью Петра была Екатерина. Превенная жена, Евдокия Лопухина, была, как известно, отправлена в монастырь. Однако отношения с Екатериной так и остались убогими, какими-то примитивными. За первое любовное свидание со своей будущей женой Петр заплатил Екатерине один дукат. Вообще же он расценивал женские объятия дешевле и не раз заявлял, что платить надо «по одной копейке за три объятия».

Екатерина, крестьянская дочь, рано оставшаяся сиротой, во время войны со Швецией в 1702 году оказалась беженкой. Ее бурная молодость после ряда приключений и скитаний привела ее к роли «солдатской женки» при русской армии. В то время она еще не носила имени Екатерины.

Первое известие о ней относится к ее пребыванию в семнадцатилетнем возрасте в Мариенбурге, в Лифляндии, в услужении у пастора Глюка. Здесь эта католичка перешла в лютеранство. Азбуке она не училась и даже впоследствии, оказавшись на престоле самодержавной императрицей, успела научиться только подписывать свое имя, да и то кое-как.

Юность Екатерины протекала исключительно бурно. От своего любовника унтер-офицера, бывшего ее смертным боем, она перешла к случайно увидевшему ее в толпе солдат Шереметеву.

После новых и новых перемен она переходит к Меншикову, в доме которого она была прачкой, «портомоей». Краткая благосклонность Меншикова дала ей возможность принарядиться.

Здесь ее впервые увидел Петр. Хорошенькая женщина в кокетливом фартучке, стоявшая на подоконнике и протиравшая оконные стекла, заинтересовала царя.

Петр, как известно, был связан с Меншиковым, как и позже с Ягужинским, и Лефортом, и многими другими, не скрываемыми им узами однополый любви. В первое время после того, как Петр увидел Екатерину и заплатил ей первый дукат из казначейства российского (впоследствии эта женщина обойдется России несравненно дороже), Петр и Меншиков одновременно были ее любовниками.

Эта деталь отнюдь не противоречит нравам, прочно установившимся вокруг Петра. Точно так же, как любовью Екатерины, Петр делился с Меншиковым любовью и многих других фавориток тех дней — двух сестер девиц Арсеньевых, например, других тоже.

Уже и после того, как Екатерина стала пользоваться более серьезным вниманием Петра и перешла в его «женский терем», она живет там с целым рядом других «героинь», находящихся в том же, что и она, положении. Но Екатерина сумела привязать к себе Петра. В 1708 году, когда Екатерина родила уже двух детей от Петра, он, уезжая из Москвы, оставляет Меншикову записку: «Если что случится волею Божьей, выдать Екатерине Васильевне 3000 рублей». О возможности брака с ней, матерью его детей, он в те годы еще и не помышляет.

Но Екатерина умеет сделаться все более и более необходимой царю. С 1709 года она не покидает его, ездит с ним в Польшу, в Германию, находится с ним во время военного похода на Прут.

В 1711 году произошла известная история с Петром, когда русская армия на берегах молдавской реки была окружена турками и татарами и Петр, как мы уже видели, мог быть захвачен в плен. Мы знаем также о том, каким образом Петру удалось выпутаться из этого положения, как Екатерине, при помощи генерала Шафирова, удалось добиться, чтобы Петр остался на свободе, как великий визирь, так и не разобравший (как будто), какой огромный

kozyрь оказался в его руках в военной игре с Россией, взял взятку от Екатерины (по некоторым сведениям, не только драгоценностями, но и натурой тоже) и, махнув рукой, отпустил Петра с миром.

По всему, что мы знаем о характере Петра, трудно предположить, чтобы последовавшая в дальнейшем его женитьба на Екатерине была вызвана благодарностью за спасение. Верности и благодарности Петр не знал. Он всегда зависел от настроения данной минуты. Все любимцы царя знали, что благосклонность, проявленная сегодня, ничуть не спасает от перспективы батогов, пыток, а то и смертной казни завтра. Вероятнее всего поэтому, что бывшая «портомоя» оказалась действительно незаменимым товарищем.

Эта «походная жена» не боялась никаких испытаний. Она вместе с Петром совершает походы, спит на земле, живет в палатке, делает верхом на лошади двойные и тройные перегоны, и Петр настолько привыкает к этому товарищу, что она становится незаменимой.

Она принесла Петру одиннадцать душ детей, но эта почти постоянная беременность не мешает ей неотлучно дежурить при царе и во время пьяных оргий, и во время походов. Почти все дети умирают уже в детстве, но Екатерина образа жизни не меняет. Она не знает ревности и с ласковой улыбкой смотрит, как ее друг сердечный на ее глазах предается гнуснейшему разврату со встречными женщинами и мужчинами. По письмам Петра к Екатерине легко проследить, как эта изумительно энергичная женщина как бы врастает в его жизнь.

«Жду не дождусь, когда увижу тебя, — пишет ей царь в 1708 году. — Скушно без тебя, и некому за моим бельем присмотреть». Долгие годы она называла его «ваше величество», «царь-батюшка». Даже после того, как Петр обвенчался с ней, она остается далека от тона царицы и охотно вспоминает о своем «низком» происхождении. Когда после Ништадского мира Петр посмеивается над женой по поводу ее ливонского происхождения («Как договором постановлено всех пленных возвратить, то не знаю, что с тобой делать»), Екатерина целует ему руку и отвечает:

— Я ваша служанка, делайте со мной что хотите.

Быть царю приятной, полезной и необходимой — вот девиз, вот цель, какую с изумительной энергией преследует эта бывшая «солдатская женка». Она заботится не только об удобствах Петра, но и об удобствах его «метресок». Если Петру понравилась в Нарве некая горничная, то по приезду в Петербург, придя в покои Екатерины, он застанет эту девушку здесь. Царица позаботилась о том, чтобы угадать желание своего мужа.

Воистину изумительны энергия и самопожертвование этой постоянно беременной женщины, с ласковой улыбкой несущей все тяготы и походной жизни, и пьяных развлечений Петра.

После смерти Петра, когда Екатерина, заботами старого друга Меншикова, неожиданно окажется самодержавной императрицей всея Руси, не останется и следа от ее былой энергии, силы воли, ласковости и приветливости. На троне окажется ленивая, развратная, злобная самка, ничем не отличавшаяся от Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и других «царствующих женщин», которых в изобилии знает многострадальный трон русский!

Петр женился в феврале 1712 года. Генерал-лейтенанту Ягужинскому было приказано приглашать гостей «на прежнее бракосочетание его величества». Именно это выражение было предписано царем, желавшим этим странным способом исправить положение, из-за которого роль фрейлин во время церемонии исполняли дочери «невесты» — Елизавета и Анна, трех и пяти лет.

Первый брак Петра с Евдокией Лопухиной не был расторгнут, и поэтому новое бракосочетание было, собственно говоря, незаконным. В дальнейшем это обстоятельство принесет много осложнений в вопросе о престолонаследии. Но теперь царская невеста пышно изукрашена. «Платье на ней, — описывает графиня Браницкая, — куплено как будто на толкучке: оно все покрыто серебром, весь перед убран драгоценными камнями. Кроме двуглавого орла, усыпанного алмазами, вдоль отворотов ее платья нашита дюжина орденов и столько же образов святых. Когда она шла, можно было подумать, что идет навьюченный мул».

Графиня, конечно, по-дамски ехидничает, но Екатерина и вправду отнюдь не представляла собой образец изящества. Ее башмаки, доньше хранящиеся в музее Петергофа, в свое время дали повод графине Шуазель заявить, что «царица живет на широкую ногу».

И вот свадьба отпразднована. Как наладились отношения супругов? Петр называл Екатерину «матерью», «мудер». В письмах к ней он писал по-голландски, но русскими буквами. Переписка Петра и Екатерины полностью никогда напечатана не была ввиду совершенной невозможности опубликовать те циничные выражения, которыми полны письма не только царя, но и царицы тоже.

Любопытно, что Екатерина уже после свадьбы, не доверяя судьбе, «все время копит деньги». Она ухищряется в добывании денег, берет крупные взятки за заступничество перед государем. Свои сбережения она, по совету и примеру Меншикова, хранит в Амстердаме и Гамбурге. Когда в 1718 году Екатерина за крупную сумму взялась спасти от виселицы князя Гагарина, обвинявшегося в громадных взятках во время пребывания генерал-губернатором Сибири, она часть полученной суммы уделила князю Волконскому, которому было поручено ведение следствия по делу. Но подкуп раскрылся. Волконский во время допроса попытался спасти свою жизнь ссылкой на то, что он не решился отвергнуть предложение царицы, а выдать царицу не мог, потому что боялся поспорить ее с царем.

— Дурак ты, — сказал на это царь. — Нас бы ты не поспорил, я бы только хорошенько жену проучил. Это я и теперь сделаю, а тебе, дураку, глядишь, виселица!

«Учил» Петр жену усердно. Он зверски бил ее, подвергал унижительным издевательствам в присутствии посторонних и даже во время пребывания за границей, но по-своему как будто все же крепко любил ее какой-то особой, мужичьей, полужвериной любовью.

Эстетика Петра отличается крайним своеобразием. В 1722 году саксонскому художнику Даненгауэру поручено было, например, сделать портрет одного из денщиков императора в совершенно голом виде.

Снисходительная любовь к жене ни в коей мере не изменяет обычных развлечений Петра. В воспоминаниях князя Голицына, например, описывается драка царя с садовником, который попытался граблями отогнать императора от своей жены.

Мужчины и женщины равно возбуждают чувственность Петра. Он до последней степени неразборчив, и потому ничуть не удивляют свидетельства, доказывающие, что он не только сам заболел сифилисом (виновницей была некая госпожа Чернышева, не только высеченная своим мужем по требованию Петра, но и привлеченная за это к ответственности), но еще и передал эту болезнь Екатерине.

Глава VII

Первая жена Петра Евдокия Лопухина не только не привлекала к себе любви своего

супруга, но и вызывала в нем какую-то особую ненависть. Он не упускает случая сделать неприятность «постылой». Одного из ее братьев, например, он облил винным спиртом и приказал сжечь. Но когда Евдокия, насильно постриженная в монастырь, провела там двадцать лет, Петр вдруг загорелся ревностью к своей бывшей жене.

Пока Евдокия писала горькие письма, жалуясь на то, что она мерзнет и голодает в своей келье, Петр не обращал на это никакого внимания. Но вот некий майор Глебов принял участие в горькой судьбе бывшей царицы. Между ними возникла связь. Петр наряжает строжайшее следствие. Следователи произвели обыск и нашли у Глебова письма Евдокии. «Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, — пишет Евдокия к этому скоро покинувшему ее любовнику, — почто ты покинул меня? Чем я тебе досадила? Лучше б у меня душа моя с телом разлучилась, нежели мне было с тобой разлучаться. Кто мое сокровище украде? Кто свет от очей моих отниме? Ради господя Бога, не покинь ты меня, целую тебя во все члены твоя, сокрушаюсь по тебе».

Неосторожный Глебов, храня эти письма у себя, собственной рукой надписал на каждом: «Письмо от царицы Евдокии». Все улики оказались налицо. В какой же гнев пришел Петр, узнав об этой связи давно покинутой и забытой им женщины! Все 50 монахинь, жившие в монастыре, были подвергнуты лютым пыткам за недонесение. До пределов жестокости довел Петр те пытки, которым был подвергнут несчастный Глебов. Для него в тюрьме устроили особое помещение. Весь пол был утыкан острыми кольями, по которым несчастный должен был ходить босиком. Дыба, колесование, капанье на голову холодной воды, вывертывание суставов — всего этого показалось Петру недостаточно, и, когда медики заявили, что со смертным приговором следует поторопиться, ибо иначе обвиняемый и сам по себе скончается от пыток, он выбирает кол!

В день казни Глебова — 16 марта 1718 года — был 30-градусный мороз, и, чтобы продлить муки осужденного и не дать ему замерзнуть, его, уже посаженного на кол, укутали в теплую меховую шубу и надели шапку. Казнь продолжалась 28 часов. Когда Петр подошел было к скорчившемуся на колу умирающему человеку и стал над ним издеваться, несчастный плюнул ему в лицо.

Жестоко наказанной батогами, Евдокии сохранили жизнь. Когда Петр умер, взошедшая на престол жена Петра Екатерина распорядилась усилить меры строгости и приказала перевести несчастную Евдокию в крепость, поместив ее в особой, подземной, переполненной крысами камере.

Здесь измученная старуха провела еще два года до смерти Екатерины I. И только когда на престол взошел Петр II, сын казненного Алексея, внук Евдокии, неожиданно распахнулись двери Шлиссельбургской крепости. С царскими почестями явились придворные приглашать ее принять участие в празднествах по поводу вступления на престол нового монарха, ее внука. В распоряжении Евдокии дворцы с пышными палатами, нарядные экипажи, толпы одетых в золото придворных. Ее везут в позолоченной карете на коронацию нового монарха. Она, старица Евдокия, впереди всех на празднествах, ей главный почет, ей всеобщая преданность и уважение.

Но старуха находит, что все эти дары пришли несколько поздно. У нее давно седеющая голова, ее не интересует теперь суетная жизнь при дворе. Оставив дворец, измученная старуха, на этот раз уже добровольно, уходит в монастырь, выбрав для этого стены Новодевичьей обители.

Здесь жила Евдокия последние годы своей жизни. До 1731 года, когда зеленая могилка

на монастырском кладбище скрывает измученную женщину, имевшую несчастье быть в свое время женой императора.

От момента заточения в монастырь Евдокии Лопухиной до появления новой жены, Екатерины, Петр успевает приблизить к себе целый ряд иных женщин. Анна Монс — такова фамилия первой заместительницы отправленной в монастырь Евдокии. Анна Монс была любовницей Лефорта, но с Лефортом у Петра были те же отношения, что и с Меньшиковым, и оба они не считали неудобным делить между собой благосклонность Анны Монс. Но от такого дележа Петр вскоре уклонился.

К Анне Монс Петр стал было относиться очень нежно. При дворе начали всерьез считаться с этой вновь восходящей звездой. Обычно скупой, Петр успел подарить Анне Монс в 1703 году большое поместье Дудино, но ее аппетиты были велики — этого подарка оказалось недостаточно. В опубликованных Мордовцевым архивах имеется письмо фаворитки с просьбой подарить ей «из дворцовых сел волость». К этой записке она, со своей стороны, тоже приложила подарок — четыре лимона и один апельсин.

Целый ряд современников свидетельствует, что Петр собирался жениться на Анне Монс. Но в это время случайно утонул находившийся при дворе саксонский посланник Кенигзег. В кармане его одежды нашли несколько любовных записочек, по почерку которых Петру нетрудно было догадаться, что автором их является не кто иной, как Анна Монс.

Фаворитка в тюрьме. Но она так упорно отстаивает свою независимость, так горячо уверяет царя, что ее оклеветали злые люди, желающие их поссорить, что Петр освобождает ее.

Очень скоро после этого Анна Монс снова попадает в тюрьму. На этот раз из-за своей связи с посланником Пруссии Кайзерлингом. Но и на этот раз ей удалось вывернуться. Кайзерлинг официально заявляет, что Анна Монс — его невеста. Петр сохраняет ей жизнь и разрешает выйти замуж. Однако еще много времени после этого замужества Петр сохраняет злобу к обманувшей его фаворитке.

Когда через год Кайзерлинг попробовал воспользоваться добрым настроением царя и попросил его о назначении брата Анны Монс на какую-то должность, Петр гневно ответил:

— Я твою Монс при себе держал, чтобы жениться на ней. А коли ты ее взял, так и держи ее при себе и ко мне с ней соваться не смей.

На свою беду Кайзерлинг вздумал повторить просьбу, но на этот раз дело закончилось плохо. Разъяренный Петр вместе с Меньшиковым вытолкнул Кайзерлинга за двери и спустил его с лестницы.

После разлуки с Монс Петр долгое время не хочет знать женщин. Меньшиков и Лефорт должны заменить ему радости женской любви. Но Лефорт и Меньшиков имеют огромные гаремы. Тут и две сестры Арсеньевы, и Екатерина Василевская-Михайлова, и многие другие. Здесь же оказываются даже и родные сестры Меньшикова — Мария и Анна. Жуткие оргии разыгрываются в этих гаремах в дни кутежей Петра.

Петр делит со своими фаворитами ласки обитательниц этих гаремов, но женщин он презирает и пользуется всеми способами, чтобы продемонстрировать это презрение. Для этого периода характерна, например, сцена, «героиней» которой является Варвара Арсеньева.

Вильбуа в своих «Записках» так описывает эту историю: «Петр любил все необыкновенное. За обедом он сказал Варваре: „Не думаю, чтобы кто-нибудь пленился тобой, бедная Варя. Ты слишком дурна. Но я не дам тебе умереть, не испытав любви“. И тут

же, при всех, повалил ее на диван и исполнил свое обещание». Так рассказывает Вильбуа.

Наиболее яркой любовной историей в этот период жизни Петра является так и просящаяся на экран кинематографа история Марии Гамильтон.

В этом романе Петра не было и речи о каком-нибудь серьезном увлечении, как в романе с Анной Монс. Случайно оказавшаяся на пути, застигнутая царем, по выражению современника, «между двумя дверьми», Мария Гамильтон была сразу же брошена Петром. На смену ей тотчас явился царский денщик. Историки перечисляют целый ряд любовников, сменивших друг друга около этой женщины, пока она не совершила кражи для одного из них, мелкого служащего царской канцелярии, некоего Орлова. Гамильтон похитила деньги и бриллианты у императрицы. Кража была бы не замечена и прошла без последствий, если бы не случайность. В царском кабинете затерялся в это время какой-то документ, еще недавно переписанный Орловым. Документ нашелся, но в необычном месте, и для выяснения дела Орлов был призван на допрос к царю.

Испуганный Орлов, приведенный на допрос, решил почему-то, что дело касается его отношений с Марией Гамильтон. Когда из показаний допрашиваемого неожиданно выяснилось, что Орлов был ее любовником, Петр внезапно заревновал.

За дело взялись сурово. Орлов сознался в том, что пользовался бриллиантами, украденными Гамильтон, рассказал все детали своих отношений с ней, рассказал о выкидыше, который был сделан его любовницей.

Себя Орлов не спас, но Марию погубил. Создано было дело о детоубийстве, и Петр отправил Гамильтон на плаху. В белом шелковом платье с черными лентами взошла она 14 августа 1719 года на эшафот. Петр счел своим долгом явиться на казнь. Он демонстрирует нежность к осужденной. У подножия эшафота он обнял Марию Гамильтон, поцеловал, посоветовал ей горячо помолиться в последнюю минуту. С царским благословением, из царских объятий была она передана в руки палача.

Подробности казни, передаваемые Шеррером, потрясающи. Когда палач отрубил осужденной голову, Петр подошел к плахе, поднял эту голову и, указывая на разрезанные топором железом, стал рассказывать присутствующим, какое значение имеет каждая из них в человеческом организме. Окончив «лекцию», Петр поцеловал мертвые губы, перекрестился, отшвырнул от себя голову и, будто бы сразу забыв о Гамильтон, занялся делами.

Трудно искать какой бы то ни было закономерности и последовательности в сумбурной, залитой кровью, сумасшедшей биографии Петра. Но как будто суровая Немезида задалась целью отомстить за жестокую казнь Марии Гамильтон. Царь узнает что единственная женщина, которой он верил, женщина, которую он подобрал в грязи, вывел из солдатской казармы и сделал ее, любовницу Меншикова, своей женой и даже короновал, что она, эта женщина, неверна ему что она изменяет ему с его слугой, что она любовница Вильяма Монса — родного брата казненной Анны Монс.

Даже нарочно, если придумывать фабулу для бульварного романа, не изобрести более злой и более эффектной насмешки над Петром.

Как относился Петр к Екатерине в этот период? Впервые в жизни он всерьез привязался к женщине. Его письма к ней исполнены грубой нежности, он рад исполнить все ее просьбы. Положение Екатерины крепнет день ото дня. Из одиннадцати детей, которых она родила, девять успели умереть. В живых осталось только две дочери — Анна и Елизавета. Отсутствие престолонаследника, которому могли бы перейти права Алексея — сына Евдокии, — единственное, что заботит в этот период недавнюю солдатскую женку,

будущую императрицу Всероссийскую. Спокойно относясь к многочисленным связям Петра, Екатерина боялась только одного — что у какой-нибудь из фавориток царя родится сын, и тогда ее влияние окажется сильнее, чем влияние самой Екатерины.

Против этого принимались сложные и хитроумные меры. Когда дочь господаря Молдавского Кантемира Мария, одна из любовниц Петра, забеременела, Екатерина подкупила врача. Тот во время осмотра беременной производит какую-то манипуляцию, за которой последовал выкидыш, и Петр снова равнодушен к фаворитке, а значит, снова спокойна и весела укрепившая свое влияние Екатерина.

Это влияние в последние годы жизни Петра поднимается на предельную высоту. В 1721 году по приказу Петра сенат и синод единогласно признают за ней титул императрицы. Еще через два года Петр повелевает произвести коронацию бывшей «портомой». До того времени русская история в отношении женщины такого обряда не знала. Только Дмитрий-самозванец в свое время поторопился короновать Марию Мнишек. Приняв это решение, Петр провел его в жизнь по всем правилам. Обряд коронавания Екатерины был произведен исключительно пышно. Платье для императрицы на этот раз было заказано в Париже. Петр сам возложил специально заказанную золотую, украшенную бриллиантами, корону на голову своей жены. Опустившись на колени перед алтарем, Екатерина, вся в слезах, пыталась обнять колени царя. Он, улыбаясь, поднял ее и вручил ей эмблему царского достоинства — скипетр, оставив себе эмблему царской власти — державу.

Эта церемония происходила 7 мая 1721 года.

После этого не успело пройти и полгода, как Петр получил донос о связи императрицы с молодым и красивым лакеем Вильямом Монсом, братом казненной фаворитки Анны Монс. Петр не верит — ложь, наглая клевета, не может этого быть. Но проведенное расследование подтверждает донос. Все окружающие, оказывается, давным-давно знали о связи императрицы. Через Вильяма Монса добывали протекцию, осуществляли свои пожелания министры, посланники, епископы. Все знали о позоре, и только муж, только сам Петр был слеп. Ему и в голову не приходило, что Екатерина, эта единственная женщина, к которой он относился с нежностью и доверчивостью, продала и предала его, что она изменяет ему с его лакеем.

Петр рассвирепел. Но внешне он держался спокойно. Больше двух недель прошло с тех пор, как он все знает, но не подает вида. Спокойно, как ни в чем не бывало, разговаривает он с императрицей, с Монсом. Спешить некуда. Только выяснив все детали, разузнав, где именно (оказалось, что у сестры Монса, фрейлины императрицы Матрены Балк) встречается Екатерина со своим любовником, только изучив все положение и роли всех соучастников и покровителей этой связи, в начале третьей недели Петр отдает, наконец, приказ об аресте Монса.

Не было той лютой казни, какой не подверг бы Петр неверную жену, но для таких мер время миновало. Уже поздно. Она законная жена императора, она коронована. Что скажут в других странах, если позор царя разнесется? В это время Петр мечтал выдать свою дочку Елизавету замуж за французского короля. Нельзя, просто невысказано допустить огласку, которая повредит всем планам.

Поборов себя, Петр оставляет Екатерину в покое. Она коронованная особа. С ней уже ничего не поделаешь. Аресту подвергли Вильяма Монса и соучастницу Матрену Балк. Следствие ведет сам Петр. Во время допроса он принимает все меры, чтобы не впутать в дело императрицу. Монс официально обвиняется только во взяточничестве, в злоупотреблениях по должности. Чтобы уберечь от огласки обстоятельства дела, Петр берет на себя лично не только роль судебного следователя, но даже и роль тюремщика. Никто не должен знать подробностей. Петр владеет собой до такой степени, что даже избавляет Монса от пыток. Одна только сестра его, Матрена Балк, испытала обычный порядок, принятый для таких случаев.

Уже через неделю, 28 ноября 1724 года, Монсу отрубили голову. Перед казнью Петр в последний раз приходит к осужденному проститься. О чем говорили они в этот последний час, оскорбленный муж и приговоренный к смерти любовник, так и осталось неизвестным. Но Монс сумел сохранить на эшафоте бодрый вид и умереть с достоинством.

Екатерина принимает все меры, чтобы показать, что дело Монса ее не касается. В день казни она проявляет завидное присутствие духа. В этот день она кажется необыкновенно веселой. Вечером в день казни она приглашает учителя танцев и вместе с придворными дамами старательно разучивает па менуэта.

Судьба Матрены Балк оказалась легче. В день казни Монса его сестру избивают кнутом и ссылают в Сибирь. После смерти Петра она еще вернется и станет веселиться с воцарившейся Екатериной.

Но одной казнью Монса Петр не ограничивается. В тот же день особым указом Петр, говоря о целом ряде злоупотреблений именем императрицы якобы без ее ведома, предписывает отныне не принимать от ее величества государыни не только никаких приказаний, но и никаких рекомендаций. В тот же день под предлогом правительственной ревизии наложен арест на контору, ведающую делами императрицы. Все дела опечатаны, все деньги отобраны. Оставшаяся без средств Екатерина вынуждена по мелочам выпрашивать деньги и даже занимать их у придворных.

Петр сдержал себя, победил жажду мести. Екатерина избежала пыток и казни. Но Петр неспокоен. Назавтра царь вместе с женой выезжают в санях и едет на площадь к эшафоту, где выставлено тело казненного Монса. Петр подводит императрицу вплотную к казненному. Но сила воли у Екатерины огромная. Она улыбается.

Петр не ограничивается и этим. Он приказывает положить отрубленную голову казненного Монса в особую банку со спиртом и поставить ее на видное место в спальне

императрицы. Екатерина и теперь остается спокойной. Она и не думает протестовать против этого зловещего украшения супружеской спальни. Она спокойна. Она улыбается. Даже Петр не в силах выдержать этой улыбки. Со всего размаха он разбивает кулаком огромное венецианское зеркало, украшающее спальню. Екатерина спокойна. Екатерина улыбается. Ее дело дотерпеть до того момента, когда Петр умрет, когда она, солдатская женка, окажется на престоле.

19 декабря 1724 года Лефортов в очередной депеше пишет: «Царь и царица не говорят друг с другом, не обедают и не спят больше вместе». Другие источники сообщают о том, что Екатерина, стоя на коленях, молит о прощении. Петр угрюм. Простить и забыть он не может. Это выше его сил.

Проходит несколько месяцев. Угрюмость Петра все усиливается. У него вид человека, у которого как будто оборвалось что-то внутри. Он потерял свою обычную, постоянную, звериную жадность, волю к жизни. Теперь простой простуды достаточно, чтобы прикончить его сумасшедшую, бурную, сверхчеловеческую жизнь.

Двадцать лет непрерывной борьбы открыли, наконец, Екатерине доступ к престолу. И с первых же дней разнуздываются прежде сдерживаемые инстинкты. Всего шестнадцать месяцев провела она на престоле, но все это время сплошь занято теми же оргиями, пьянками, от которых она когда-то старательно оберегала мужа, диким развратом, бесшабашной оголтелостью. Одного Меншикова ей недостаточно. Левенвольд, Девиер, Сапега — каждую ночь новый избранник, новый фаворит оказывается на дежурстве у кровати этой старой женщины. Держава Российская бесконтрольно отдана в руки Меншикова. Льются рекой золото и кровь. Беспробудная, неправдоподобная вакханалия заполняет собой дни и ночи недавней портомой, а ныне Российской императрицы.

Глава VIII

В поисках той огромной и сложной загадки, которую представлял собой Петр, одним из наиболее показательных эпизодов является судьба царевича Алексея.

Сын нелюбимой, насильно отправленной в монастырь царицы Евдокии, Алексей в течение ряда лет оставался единственным наследником престола. У Екатерины дети «не держались». Одна беременность сменяла другую в обстановке утомительных походов и бурных оргий, но дети один за другим умирали в раннем детстве. Наследником престола Петр дорожил тем более, что не мог не чувствовать, что вся окружающая его среда в самой основе своей враждебна его преобразованиям, что все вокруг только и мечтают забрать железной решеткой, наглухо заколотить то окно, которое он «прорубил в Европу».

«Нет никакого сомнения, — пишет Кампредон в 1721 году, — что сейчас же после смерти царя это государство вернется к прежним обычаям правления, о которых все подданные втайне вздыхают».

Уже из самолюбия Петр не хотел, не мог допустить, чтобы погибло дело всей его жизни.

Дела тайной канцелярии во все время правления Петра заполнены разбирательствами попыток мятежа. «Петр — не настоящий царь. Его подменили, в колыбель подложили немца, сына Лефортова и немки», — говорили в народе. «Это не царь, это антихрист» — таково было очень распространенное убеждение. В 1701 году некий Талицкий был даже приговорен к смерти за распространение сочиненной им книги о том, что Петр — антихрист.

Из года в год повторялись покушения на царя. Как ни жестоки были расправы, массовые казни и пытки, покушения повторялись. Лави сообщает в 1718 году о новом, двадцать девятом по счету с начала царствования, покушении на жизнь царя.

«Петр — царь не настоящий. Царя подменили, подложили в колыбель немца» — упорно продолжают говорить в народе.

Сам Петр тоже не верит в то, что он настоящий. Не верит в то, что является сыном царя Алексея Михайловича. Для этих сомнений у него и вправду много оснований. Он ничем не похож ни на хилого Алексея Михайловича, ни на болезненного брата Федора, ни на полуслеплого идиота Иоанна Алексеевича.

Среди рассказов современников находим характерную сцену, когда Петр во хмелю хватает за бороду Тихона Стрешнева, одного из тех придворных, кого молва называла любовником матери Петра, Натальи Кирилловны.

— Чей я сын? — кричит Петр. — Говори, не твой ли, Тихон Стрешнев?.. Этот вот, — показывает он на стоящего рядом Ивана Мусина-Пушкина, — этот знает, что он сын своего отца. А я чей сын? Не бойся, Тихон, говори! Говори, а не то я удушю тебя, как собаку!

— Батюшка, смилуйся! Я не знаю, что отвечать. Я был не один, — отвечает полузадушенный Стрешнев.

Но если Петр и вправду не похож на своего отца, болезненного Алексея Михайловича, то еще меньше похож на Петра его сын Алексей Петрович, наследник огромного хозяйства, которому отдал Петр всю жизнь, наследник Российской державы.

Это тихий, ограниченный юноша, у которого нет ни малейшего интереса к буйным оргиям Петра, к заботам, его волнующим. Когда Петр пытается внушить Алексею интерес к своим воинственным планам против шведов, Алексей отвечает:

— А зачем биться? Не лучше ли сидеть дома, а шведов не трогать?

Петр глубоко презирает этого тихоню с характером вегетарианца, с его смирением монаха, с его любовью к старине. Царь тщетно пытается заинтересовать его своими делами, приохотить к той жизни, которой он сам жил. Все его усилия безрезультатны. Алексей предоставлен самому себе, выброшен Петром из его жизни, как ни на что не годная вещь.

Петр ездит с места на место, носится как шальной из города в город. Он то в России, то за границей. А Алексей остается безвылазно в любимой им Москве. Вокруг него с отчетливостью химического процесса кристаллизации стали отстаиваться все недовольные, все мечтающие о возврате к прошлому, все тоскующие по старине.

Здесь и жалкие остатки сторонников Софьи, немногие из стрельцов, уцелевшие после преследований царя. Здесь и бояре, мечтающие о праве на ношение бороды, и враги «богомерзкого табачного зелья», твердо уверенные, что Петр — антихрист, враг рода человеческого.

Петр знает о группировке вокруг сына элементов, враждебных и ему, и его преобразованиям, и от этого его равнодушие к сыну сменяется лютой злобой и ненавистью.

Не было любви к отцу и у Алексея, помнящего горькую судьбу матери, насильственно заточенной в монастырь, когда ему исполнилось девять лет. Сыновьей любви у Алексея неоткуда было взяться. Петр был суров и нещадно бил сына. Все разговоры Петра с сыном ограничивались допросами, чему он выучился, как провел день. Когда же Алексей был изобличен в том, что он тайно посетил свою мать, заточенную в Суздальский монастырь, гнев отца дошел до предела.

Петр преодолевает себя, снова делает целый ряд попыток, мечтая приучить своего

наследника к делам. Он посылает его то в Смоленск по делам продовольственным, то в Москву, но сын оказывается неумелым, неудалым. Дело в его руках не спорится, все разваливается. Государь изволит гневаться. Алексею приходится хлопотать, искать протекции у придворных, чтобы смягчить ожидающие его суровые кары. Он пишет жалобные письма целому ряду лиц, в том числе и фаворитке Петра, будущей императрице Екатерине.

Во время Полтавской битвы Петр желает видеть при себе наследника, но наследник отказывается, уверяет, что нездоров, простужен.

Петр решает, наконец, послать сына в Германию. Пусть поучится, пусть найдет себе жену, может быть, человеком сделается! Но Алексей, умудрявшийся соединить в своем лице византийскую религиозность с крайней развращенностью, не может заставить себя заниматься науками. Единственное, что он успел сделать за границей, это жениться на принцессе Шарлотте. Это бедное запуганное существо так и не сумело сыграть в его жизни сколь-нибудь заметную роль. Очень скоро Алексей расстался с ней, заменив любовницей, некоей Ефросиньей, которая, как увидим, сыграет в его жизни огромную роль и передаст на жестокую расправу Петру.

Бедная Шарлотта испытала много горя со своим мужем, который то жестоко бил ее, беременную, сапогами по животу, то падал в обморок, видя, как она мучается в предродовых схватках.

Петр очень недоволен поведением Алексея за границей. Когда, по возвращении его в Петербург, Петр приказал сыну показать чертежи, чтобы убедиться, исполнил ли он предписанную ему программу, царевич показал подложные чертежи, а чтобы отец не заставил его чертить при себе — он нарочно прострелил себе руку. Дело открылось, но разъяренный Петр терпит, ибо видит в Алексее единственного наследника престола.

Но вот у Алексея и Шарлотты родился сын, и Петр считает, что теперь можно подтянуть вожжи. В случае чего внук может остаться наследником престола вместо сына. Петр пишет суровое письмо Алексею: «Горесть меня съедает, видя тебя, наследника, весьма в направлении дел государственных непотребного. Я есмь человек и смерти подлежу. Кому свое насаждение оставлю? Какого злого и упрямого нрава ты исполнен? Сколь много за сие тебя бранил и бивал, но все даром. Последний сей тестамент тебе пишу, аще не лицемерно обратишься. Если же ни — известен же будь, что я тебя весьма наследства лишу, яко уд гангранный отсекают. Не могу тебя, непотребного, пожалеть».

Но и этот последний «тестамент» не действует.

Через некоторое время после этого Петр обращается с новым посланием к Алексею. «Так остаться, как желаешь быть, ни рыбой ни мясом, невозможно, — пишет он сыну, увещая его исправиться. — Не то я с тобой, как со злодеем, поступлю». Сурово грозит Петр сыну, собираясь постричь его в монахи. Никаких особых грехов за Алексеем не числится, но он сын нелюбимой Евдокии, возле него группируются лица, недовольные Петром, а главное — он «ни рыба ни мясо». Не такой он сын, какого хотел для себя энергичный царь.

Проходит еще полгода. Занятый своими делами, Петр как будто забыл на все это время об Алексее. За это время он успел уже окончательно склониться к мысли о заключении сына в монастырь, но Алексей, напуганный угрозами отца, захватив с собой Ефросинью, бежит из Петербурга за границу.

Официально он заявляет, что едет в Ригу, куда его вызывает Петр, но на самом деле

отправляется в Вену, чтобы отдаться под покровительство австрийского императора, родственного ему по жене. По наведенным справкам император не только обещает «не выдавать» своего зятя, но еще и ассигнует ему пенсию — три тысячи флоринов ежемесячно. Им с Ефросиньей хватит.

Когда весть о побеге Алексея дошла до Петра, царь рассвирепел. Этот мальчишка осмелился обмануть его, императора всероссийского! Смерть виновному! Петр рассылает по всей Европе сыщиков. Здесь и Веселовский, и Толстой, и Румянцев. «Напали на след, скоро нагоним зверя» — сообщают посланные. Однако «скоро» оказалось весьма относительным — поиски сбежавшего наследника затянулись почти на год. Император австрийский поместил Алексея в старой башне замка Эренберг, где тот жил инкогнито, ничем о себе не заявляя. Но хитрый Румянцев, русский резидент в Вене, умудрился все же разузнать тайну местопребывания царевича. С несколькими офицерами Румянцев появляется возле убежища Алексея, стараясь выкрасть его оттуда и во что бы то ни стало арестовать.

Венский двор решает тогда перевести царевича Алексея в Неаполь, только что уступленный австрийцам. Алексею поставлено условие расстаться с русскими слугами, ибо из-за их постоянного пьянства сохранение тайны делается затруднительным. Царевич соглашается, но настоятельно требует, чтобы ему разрешили взять с собой одного пажа. Под видом этого пажа с ним едет все та же Ефросинья, как будто заколдовавшая Алексея. В чем тайна обаяния этой толстой и коротконогой некрасивой рыжей женщины, неизвестно, но Алексей не может прожить ни одного дня без своей Ефросиньи.

Румянцев сумел узнать и новый адрес. Вдогонку за добычей он едет в Неаполь. Вместе с Толстым он является к австрийскому императору с официальным требованием выдачи скрываемого наследника престола. Император Карл VI испуган угрозами Петра: «Буде цесарь откажет и наших послов видеться с сыном нашим не допустит, мы сие примем за явный разрыв и будем пред всем светом искать неслыханную и несносную нам и чести нашей обиду отомстить».

Румянцев и Толстой допущены к Алексею. Румянцев начал с того, что подкупил не только всех представителей власти, но и Ефросинью. Искусно запугивая Алексея предстоящим будто бы приездом Петра в Италию и неизбежностью насильственной выдачи его в руки царя, Румянцев и Толстой убеждают его по доброй воле отдаться на милость царственного отца. Покорного сына отец всегда простит. Если же Алексей будет упорствовать, ему грозит суровое наказание. К тому же местные власти сегодня же разлучат его с «сокровищем» — Ефросиньей.

«Сокровище», получившее много подарков, тоже замолвило и со своей стороны словечко, и слабохарактерный Алексей поддался. Он пишет смиренное письмо царю. Выражает горькое раскаяние, отказывается от каких бы то ни было прав и молит только об одном: чтобы ему, как недостойному престола, разрешили тихо жить в отдалении, на покое, с его возлюбленной Ефросиньей.

Петр отвечает сыну милостиво, дает ему целый ряд обещаний, разрешает даже исполнить давнюю мечту сына о женитьбе на Ефросинье, но требует одного — чтобы свадьба произошла в пределах России.

Царевич в восторге. Ему не приходит в голову, что все эти обещания Петра — простая ловушка.

Он отправляется в путь.

Карл VI, желая полностью исполнить свой долг перед доверившимся ему Алексеем,

посылает к нему своего губернатора, графа Коллорадо, с тем, чтобы он наедине, без свидетелей, поговорил с Алексеем и спросил его, правда ли, что он без принуждения, по своей доброй воле возвращается на Родину. Но агенты русского царя с Румянцевым и Толстым во главе умудряются в пределах чужого государства силой оружия прогнать посланного австрийским императором представителя.

Судьба Алексея предрешена. Ничто в мире уже не спасет его от той ловушки, которую приготовил ему Петр. Он еще долго будет, как кошка с мышкой, играть с запуганным, слезливым сыном, но судьба жертвы предрешена безусловно.

3 февраля 1718 года в Кремле устраивается торжественное собрание духовенства и высших гражданских чинов. Предстоит публичный суд над недостойным сыном.

Алексей в качестве обвиняемого появился «без шпаги», бледный и перепуганный. Петр в присутствии всех в гневной речи осыпает его бранью и упреками. Алексей, заливаясь слезами, падает на колени, молит о прощении, напоминает отцу о тех обещаниях, которые дал царь в своем письме.

Но те письма, которые писались, когда Алексей был за границей и его надо было оттуда выманить, теперь ничего не стоят в глазах Петра. Теперь он требует одного: Алексей должен назвать всех соучастников и торжественно, в Успенском соборе, отказаться от престола. А там видно будет.

С первого же допроса Алексей называет длинный ряд имен «соучастников»: Вяземский, Василий Долгорукий, Дикий, Афанасьев, Кикин. Длиннен список оговоренных лиц. Вины за ними нет никакой. Они только состояли в переписке с Алексеем, они только не приняли мер, чтобы помешать его побегу. Но разъяренный Петр в застенках Преображенского приказа свирепствует вовсю.

Кикин получил 1000 ударов кнутом и колесован. Афанасьеву отрубили голову. Досифей, епископ Ростовский, уличенный в том, что говорил о возможности воцарения Алексея, после пытки также колесован. Поклоновскому отрезали язык, губы и нос. Головы всех казненных вздеты на кол, их трупы всенародно сожжены. Петр заставляет Алексея присутствовать при всех этих казнях и пытках, а затем увозит его с собой в Петербург.

Несчастный Алексей думает, что былые вины уже искуплены. Он выдал всех друзей своих, виновных и невиновных. В Успенском соборе, на том самом месте, где в будущем он должен был короноваться, Алексей по указке Петра провозгласил торжественный текст отречения от престола. Он мечтает, что теперь Петр позволит ему жить вдали от себя с Ефросиньей. Но в Петербурге допросы возобновляются. Оказывается, Ефросинью уже заключили в крепость, а вскоре после этого арестовали и самого Алексея, до тех пор остававшегося на свободе.

Показания «милого дружка», Ефросиньи, окончательно загубили Алексея. Петр еще не хочет официально подвергать пытке своего сына, так недавно еще известного всей России в качестве наследника престола, но неофициально пытка была применена. Один из крестьян графа Мусина-Пушкина был осужден на каторгу за то, что рассказал, как на его глазах царевича, сопровождавшего государя во время прогулки за городом, отвели в отдаленный сарай и оттуда раздавались крики и стоны.

До середины июня Алексей хотя и подвергался такого рода допросам, но оставался на свободе. Петр не хочет лично решать вопрос об аресте сына. Он снова созывает собрание высших чинов и высшего духовенства, вручает им обвинительный акт и требует, чтобы они решили распрю между ним и сыном. Духовенство от определенного ответа уклонилось.

Витиеватая отписка духовенства в ответ на запрос царя содержит в себе ссылки, с одной стороны, на Ветхий Завет, позволяющий отцу наказывать сына, а с другой стороны, на Новый Завет, допускающий прощение отцом блудного сына. Сенат тоже не находит определенного ответа и требует дополнительных данных. Никто не хочет взять на себя решение вопроса о судьбе царского сына.

Тогда решение берет на себя Петр. Алексей оказывается в тюрьме. 19 июня он получает первые 25 ударов кнутом и впервые подвергается пытке. «Желал ли он смерти отца?» — вот основной вопрос, основной пункт допроса. Следствие по делу поручено Толстому, пощады ждать не приходится.

Окончательно потерявший присутствие духа Алексей не пытается спорить. Он сразу же признает себя виновным, принимает все обвинения и заботится только о том, чтобы выгородить Ефросинью, свою возлюбленную. Он не знает, что Ефросинья еще со времени пребывания за границей получает жалованье от Толстого. Он не знает также, что Ефросинья давно отпущена на свободу и, хорошо вознагражденная, занята в это время заботами о покупке какой-то «материи», «карамелек» и «сладкой каши». А Алексей под пытками, под кнутом только и думает об этой, предавшей его, толстой, уродливой и грязной бабе.

24 июня новый допрос, снова пытки и кнут. Вопрос о судьбе царевича давно предрешен. Ясно, что Петр не оставит в живых сына, побывавшего в застенках, сына, которого народная молва уже зачислила в святые и мученики. Но Петр продолжает допросы. Алексей называет все новые и новые имена. Долгие месяцы длится террор. Десятки и сотни лиц корчатся в мучениях над раскаленными жаровнями. Дыба, колесование, вырывание ноздрей, четвертование совершаются день за днем. Лишь немногие счастливики отделяются батогами и ссылкой.

Петербург изнемогал в атмосфере сплошного террора. «Город сделался зловещим», — пишет Лаби в январе 1718 года. Все живут, словно охваченные общей заразой. Жителей как будто нет, остались только обвинители и обвиняемые.

Но вот допрос царевича объявляется законченным. Создан, наконец, верховный суд. В его состав входят министры, сенаторы, высшие военные чины (духовенство за недостаточную определенность решений отстранено).

Суд созван для произнесения последнего слова о судьбе царевича. Все знали, что царь хочет смертного приговора своему сыну. Совещаться было не о чем. 127 судей, все как один, холопски и рабски угодливо требовали смертного приговора и без долгих рассуждений подписали этот смертный приговор. Нашелся только один гвардейский офицер, который уклонился от подписи. Неужели нашелся такой смельчак? Дело оказалось проще: просто этот человек не умел написать своей фамилии!

Но и этого смертного приговора оказалось недостаточно, чтобы успокоить свирепость Петра. Алексей умер раньше, чем приговор успели привести в исполнение. Он умер «скоропостижно». Впоследствии, на примерах Петра III и Павла I, мы еще встретимся с этим, свойственным роду Романовых, видом скоропостижной смерти.

Как произошла смерть Алексея? Царский манифест, подписанный Петром, указывает на «жестокою болезнь, подобную апоплексии». Все остальные современники единодушно указывают иную причину: царевичу была отрублена голова. Девиче Крамер было поручено пришить голову к телу казненного. Позже эта умелая портниха сделает придворную карьеру и станет гофмейстериной великой княжны Натальи, дочери казненного Алексея.

В записной книге петербургской канцелярии, в которой велась запись всего

происходящего в стенах крепости, встречаем подробности относительно пыток, применяемых в присутствии Петра к царевичу Алексею. Суд, вынесший смертный приговор, состоялся 24 июня. Но еще и 26 июня записи гарнизонной канцелярии рассказывают о пытках. Они производились и в тот самый день, когда произошла «скоропостижная смерть» Алексея. «В день смерти Алексея, — сообщает Лефорт, перебивший службу у Петра на роль саксонского советника, — царь в 4 часа утра в сопровождении Толстого отправился в крепость. Здесь в сводчатом подземелье Алексея подняли на „кобылу“. Удары кнутом вместо палача наносит сам царь».

В 10 часов утра пытки возобновляются. Петр снова явился, на этот раз вместе с Екатериной. Бьет кнутом приговоренного к смерти не только Петр, но и, по его приказанию, Екатерина. Когда она оказывается недостаточно умелой, Петр выхватывает кнут из ее рук и первым же ударом отшибает сознание своего несчастного сына. Присутствующие сочли было Алексея мертвым, но вскоре царевич пошевелился.

— Еще черт не взял его! — кричит Петр.

В тот же день последовала, наконец, «скоропостижная смерть». Тело царевича с пришитой головой выставлено напоказ, чтобы каждый мог убедиться в его смерти, а особый манифест сообщил о том, что «сын наш Алексей получил от нас прощение по христианской и родительской должности и сего числа, исповедавшись и причастившись святых тайн, жизнь свою христианскую закончил».

На другой день после убийства сына Петр устраивает благодарственный молебен о Полтавской баталии. Торжество отпраздновано весьма пышно. Дали залп из 129 пушек.

Еще через день, когда тело Алексея, еще не похороненное (дабы избежать в будущем появления самозванцев, тело старались демонстрировать подольше), продолжает показываться народу, в журнале санкт-петербургского гарнизона рассказывается о торжествах по случаю тезоименитства его величества Петра Великого. Петр настроен все эти дни чрезвычайно празднично. По официальному сообщению, «его величество и прочие господа сенаторы и министры веселились довольно».

Праздники, балы, фейерверки совершаются ежедневно. Члены дипломатического корпуса позволяют себе осведомиться у Петра, как быть с ношением траура. Его ответ был краток: «Царевич умер, как преступник. Траура не полагается».

Ефросинья после убийства Алексея не осталась забытой. За свое предательство она получила в наследство имущество убитого. В указе Петра от 3 ноября 1718 года генерал-лейтенанту Бутурлину предписывалось выдать ей 28 мужских рубашек, ленты белой один аршин, кунтуш женский, 2 шапки, оставшиеся после Алексея, и много другое, вплоть до тафтяной юбки, кафтана и рукавиц. Указ требует отдать их «девке Афросинье с распиской».

Петр и Екатерина надолго сохранили благодарность к этой «девке Афросинье». Она вышла замуж за офицера петербургского гарнизона и прожила с ним свыше тридцати лет в спокойствии и довольстве.

После убийства Алексея Петр заметно повеселел, как человек, избавившийся от грозящей ему опасности.

В конце года по приказанию государя была даже выбита особая медаль с изображением царской короны, освещенной солнцем, и надписью: «Горизонт очистился».

Глава IX

Петр Великий был человек веселый. В 1711 году сорокалетним дядей он катается в Дрездене на деревянных лошадках карусели и до слез смеется от удовольствия. Через десять лет после этого, в 1721 году, во время народных увеселений по случаю Ништадского мира, он поет и прыгает в толпе, «вскакивает на столы и во все горло распевает дикие песни».

Петр был человек веселый. Ему не доставало тех хитрых выдумок, которыми он разнообразил и усложнял казни, производимые в его присутствии и им лично. В 1723 году, имея за плечами уже свыше пятидесяти годков довольно бурной жизни, Петр приказывает, например, среди ночи бить в набат, поднимает с постелей всех жителей Петербурга, и когда они в ужасе, связанные царским приказом, обязывающим всех помогать при тушении пожаров, бегут по направлению к видному всему городу зареву, то находят там разложенный по приказанию царя огромный костер и слышат веселый хохот:

— Гы-гы-гы! Первое апреля!

Мы видели уже в главе о «Всешутейшем соборе», как много болезненного надрыва, издевательства над самим собой и кощунства было в характере Петра. Во все свои забавы и увеселения Петр вносил прежде всего элемент строгого приказа и строгого ритуала. Никто не смел отказываться от напитков, от танцев, от буйного «машкерада» под угрозой строгого наказания. Все должны были веселиться не только по приказу, но и с оглядкой, потому что никто не знал, чего можно ожидать от этого буйного весельчака. Вспыльчив был Петр неимоверно. Даже его любимцы Лефорты и Меншиковы сплошь и рядом попадали в очень тяжелые истории. Петр то опрокидывал Лефорты на пол и топтал его ногами, то до крови избивал на празднике Меншикова.

Если так обращался царь с привилегированными, то гораздо хуже было положение рядовых подданных. Сплошь и рядом повторяются случаи, когда царь убивает на месте не угодившего ему слугу.

Даже в церкви, в базильянском монастыре в Полоцке, например, разгневавшись на настоятеля отца Козиковского, Петр выхватил шпагу и убил его на месте. Офицеры его свиты считают наиболее подходящим также вынуть шпаги и наброситься на остальных монахов. Трое заколоты на месте, двое умирают от ран назавтра.

В 1703 году, оказавшись недоволен словами голландского посланника, Петр ударил его в ухо и кинулся на него со шпагой. Заступничество окружающих спасло на этот раз жизнь посланнику, и дело последствий не имело. Дипломатический корпус успел привыкнуть к нравам русской столицы.

«Народ безмолвствовал». Во все времена и во все дни в полной силе оставалась эта трагическая формула. «На всех языках усе мовчить, бо благоденствуе», — объяснил это неизменное при всех Романовых безмолвие Тарас Шевченко.

И если безмолвствовал народ и ранее, то в дни Петра, когда буйно свирепствовала тайная разыскная канцелярия, когда день и ночь творилась заплечная работа в Преображенском приказе, когда призрак доноса, отзвуки жуткого восклицания «Слово и дело!» чудились на каждом шагу — народное безмолвие должно было быть еще мрачней, еще более всеобщим. Но в низах, где-то в глубине народной, назревал и рос угрюмый ропот. Документы тайной полиции, сохранившиеся до наших дней, которые В. О. Ключевский называет особым и редким видом народного творчества, рисуют чрезвычайно яркую картину. До эпохи Петра в народном сознании царь, живущий во дворце и восседающий на троне, был окружен ореолом неземного величия, и поэтому все грехи правления, все тяготы жизни ставились на счет «средостения» бояр и приказных.

Петр сошел с заоблачной высоты, он был здесь же, рядом, то горланящим пьяные песни в трактире Немецкой слободы, то в рабочем костюме в толпе плотников, то в «машкераде», наряженным в шутовской костюм. Вместо царя, в порфире и короне, со скипетром и державой в руках, рядом оказывается коренастый человек с гримасничающим лицом, трясущимися руками, с трубкой в зубах. Человек, который пил водку, сквернословил и дрался, как любой матрос.

В народе выростала легенда: «Это не настоящий царь, а подменный самозванец».

Народные толки, подслушанные тайной полицией, как раз говорят о том, что на престоле вместо подлинного царя оказался подменный немчонок. Царица Наталья родила будто бы девочку, а Лефорт подменил ребенка, подложил другого. Отсюда и пошло немецкое заведение брить бороды, носить немецкое платье, курить окаянный табак, ассамблеи немецкие с маскарадами проводить. Например, после Нарвы колокола с церковью приказано поснимать и на пушки переплавить. Сразу видно, что не настоящий, не русский царь. Недаром жену и сестру в монастыре держит.

Протоколы допросов в Преображенском приказе полностью передают те жалобы, за которые так нещадно Петр со своими палачами рубил головы: «С тех пор как нам Бог царя прислал, мы единого светлого дня не видели. Боярские дети жалуются на налоги, крестьяне на принудительные работы, дворяне на обязательную службу. Какой он царь — мироед! Убить его мало!»

Рядом с легендой о том, что Петр еще в детстве был подменен немчонком, вырос целый ряд других: уехал за границу настоящий царь, но в «стекольном» государстве (Стокгольме) настоящего царя посадили в тюрьму, а вместо него самозванца прислали, вот он теперь над русским народом и издевается. Еще более распространилась легенда о Петре-антихристе. Известия об этом шли из церковных кругов, взбаламученных новшествами Никона. Эта легенда особенно укрепилась, когда Петр изменил прежний календарь и ввел летоисчисление от Рождества Христова (а не от сотворения мира, как это было заведено раньше). Вместо первого сентября праздник Нового года был перенесен на первое января. Именно это почему-то более всего всколыхнуло население. «Статочное ли дело — зимой Новый год встречать!» Общее возбуждение было очень велико. Дошло до того, что в 1703 году, например, некий нижегородец, посадский человек Андрей Иванов, пришел в Москву с донесением на самого государя — на то, что он-де веру православную разрушает, бороды велит брить, платье немецкое носить, зелье табачное тянуть. Дальше Преображенского приказа этот фанатик, поставивший себе целью обличать Петра, конечно, не дошел. Но его поход очень характерен: толщи народа взволнованы были глубоко и серьезно. В городах разбрасывались подметные письма: «Неужели издевательство антихристово потерпим?»

Призывы к восстанию росли и ширились. Талицкий, оставивший для распространения в народе целый ряд тетрадей, говорил в них о том, что «настали последние времена: на землю Русскую пришел Божьим попусением антихрист, выдающий себя за царя».

Талицкого немедленно казнили лютой казнью, но учение его в народе привилось. Если тамбовский архиерей или князь Хованский тишком умилялись этими тетрадями, то в низах народных, особенно среди раскольников, этих хранителей древнего благочестия, бежавших на север от гонений, начались массовые самосожжения.

«Раз на свет пришел антихрист и людей православных клеймами метит (клеймение применялось при приеме рекрутов на службу в качестве меры борьбы с дезертирством), то на земле этой делать нечего. Не допустим вражью силу измываться над собой. Своей волей

на небо уйдем, к венцу мученичества приобщимся».

Потрясающе сильно росла волна самосожжений. Целые села замуровывали себя в своих избах и с благочестивыми молитвами горели заживо. По данным того времени, количество людей, предавших себя сожжению, чтобы не подчиняться новшествам Петра, было свыше 20 тысяч.

Все эти симптомы были известны Петру, но он прет напролом, вводит все новые и новые порядки, заводит одно еретическое новшество за другим.

Первая газета «Ведомости», которая по почину Петра стала выходить в России с 1703 года, не дает и приблизительной картины того, о чем думал и чем жил в те дни Петр. Это были номера размером в одну восьмую листа, в один или несколько листочков, напечатанных еще церковным шрифтом. Газета выходила раз в два-три дня, по мере прихода заграничной почты. Несмотря на то, что сам Петр правил корректуру и заботился о материалах для номера, газета поражает своей бессодержательностью. Не только иностранные, но и русские новости появляются здесь в дословном переводе с иностранных источников. Петру, очевидно, и в голову не приходит, что текст заметок нужно редактировать, поэтому искать отражения личности Петра в номерах его газеты не приходится.

Гораздо показательнее в этом отношении книги, которые напечатаны по выбору и распоряжению царя. Одной из книг такого рода, напечатанных уже новым шрифтом, явились «Приклады, како пишутся комплименты» и «Юности честное зеркало, или Показания житейскому обхождению».

Книги ставят себе целью преподать правила, как следует держать себя в обществе, чтобы иметь успех при дворе и в свете. Первое и главное правило: не быть подобным деревенскому мужику, который «на солнце валяется». Больше всего рекомендуется «быть отважным и неробким»: «Кто при дворе стыдлив бывает, тот с порожными руками от двора уходит».

Книга «Юности честное зеркало» имела большой успех, выдержала при Петре три издания и издавалась еще много раз впоследствии. Книга в общем весьма поучительная. Она рекомендует, например, находясь в обществе, «в круг не плевать, а на сторону». Или «перстом носа не чистить, ножом зубов не чистить, перстов не облизывать, над пищей, как свинья, не чавкать, не проглотив куска, не говорить».

Эта книга, изданная в 1717 году, почти дословно повторяет те же советы и наставления, на которых настаивал «Домострой», написанный за два столетия до этого. Еще «Домострой» учил правилам хорошего тона: «Носа перстом не копать, не кашлять, не сморкать, не харкать и не плевать; аще же нужно — отошед в сторону, устроиться». За два столетия, протекшие от «Домостроя» Сильвестра до Петра, культурные привычки в России не очень сильно шагнули вперед. Трогательное сходство нравов при Петре и при Иоанне Грозном вовсе не случайно.

Если «Домострой» настоятельно рекомендовал покрепче бить слуг и не останавливаться перед «учащениям ран», поучая, что главное — это бить, а причина для побоев всегда найдется, то книга «Юности честное зеркало» со своей стороны, также рекомендует со слугами «не сообщаться», относиться к ним недоверчиво, презрительно, всячески их «смирять и унижать».

Советы такого рода, надо думать, не устарели еще и в царствование Николая II. Уже во времена Петра они были хорошо усвоены. «Младым отрокам» «Зерцало» рекомендует «между собой по-русски не говорить». Во-первых, для того, чтобы не поняла прислуга, а во-

вторых, чтобы их можно было отличить от «незнающих болванов».

Где-то за границей, может и живут люди. В России людей нет. Есть только подданные: холопы и рабы, требующие постоянной и суровой опеки. Вот почему Петр сам руководит розыскным делом и любой из жителей, заявивших «Слово и дело!», имеет право на личное внимание царя во время допроса под пытками.

Суровость Петра проявляется не только в моменты вспыльчивости. И в спокойном состоянии его приговоры поражают жесткостью.

Какой-то крестьянин обвиняется в том, что приветствовал царя при встрече «необычным образом». Вечные каторжные работы для «преступника» заканчивают собой длинную серию перенесенных им во время допросов пыток.

Другой крестьянин повинен, что он не знал о том, что царь принял титул императора. Вечные каторжные работы и вырванные ноздри завершают и это обвинение.

У какой-то женщины нашли бочонок пива с какими-то буквами. Кто начертал эти буквы, что они значат, она объяснить не может. Женщину забивают до смерти.

Какой-то студент в состоянии опьянения произносит непристойные слова. Тридцать ударов кнутом, вырванные ноздри и вечные каторжные работы.

«Если бы не знать, — говорит французский историк, — что все это выдержки из официальных протоколов петровской Тайной канцелярии, их легко было бы спутать с постановлениями революционных трибуналов под председательством Катона или Сен-Жюста».

Приведенные здесь приговоры являются характерными именно для «спокойных» моментов правосудия Петра. В гневе он не останавливается перед тем, чтобы целую толпу людей, среди которых, по его мнению, находятся несколько виновных, повесить без разбора на крюк за ребро.

Регламенты Петра кажутся жестокими даже для того времени. Ежели канцелярский служитель не отправил бумагу в срок — законом установлена смертная казнь. Ежели солдат шел на приступ «с воем» — смертная казнь. Нечего говорить о дезертирстве солдат. Даже уклоняющийся от гражданской службы объявляется вне закона.

В указе 1722 года относительно таких уклонившихся сказано, что «если такого кто ограбит, ранит или убьет, никакому преследованию не подвергать».

Фамилии таких уклоняющихся опубликовывались ко всеобщему сведению в виде особых объявлений, прибываемых на виселицы. Чтобы уменьшить большое число дезертиров, в 1712 году введено было специальное клеймение рекрутов наподобие каторжников: на левой руке накалывался особый рисунок, его натирали порохом и поджигали. Эта татуировка не блистала красотой, но зато отличалась редкой прочностью.

Поражает в характере Петра его странная и неумеренная любовь к рекламе. Голландский посланник пишет об этом в 1700 году: «После каждой малейшей удачи здесь поднимается такой шум, будто удалось перевернуть весь мир». Впрочем, точно такой же хвастливый тон принимает Петр и после неудач. «Отсутствующие победы с успехом принимаются как широкошумные победные реляции». В самый безуспешный период шведской войны, например, Петр упорно предается празднествам по случаю выдуманных им побед. Фейерверки, пальба из пушек, раздача наград только усиливаются в дни неудач на фронте.

Этот могучий, буйный человек, как ребенок, боялся насекомых. При виде таракана он не только в ужасе шарахался в сторону, но и доходил до обморока.

Любовь Петра к морю, к воде доходила до того, что когда в 1706 году огромное

наводнение затопило Петербург, Петр любуется наводненными улицами. Он не хочет знать о несчастьях, принесенных стихией, и, увидев, что его комната на два фута залита водой, хлопает в ладоши.

Общий уровень нравов среди сановников Петра проявляется тем резче, что количество мало-мальски грамотных людей среди них было наперечет. Убедившись, что тот или иной из приближенных оказывается казнокрадом или взяточником, Петр все же назначал его на прежнюю должность, а иногда даже и на более ответственную.

До чего велик был недостаток в людях, видно из того, что не только обличенные мздоимцы оставались на занимаемых ими важных постах, но даже и людей, осужденных по суду за серьезные преступления, назначали на видные должности.

Нужными оказывались именно такие люди. Грустная и трогательная судьба Посошкова доказывает это с очевидностью. Посошков, человек с философским отношением к миру, родился не в Англии или Германии, где он, бесспорно, создал бы целую школу, нашел бы учеников и последователей, а в России, где оказался трагически не ко двору. Посошков составляет и отправляет Петру политическую энциклопедию «Рассуждение о богатстве и бедности» — сочинение, исполненное исключительно глубоких и ценных мыслей. Но на эту работу никто не обращает внимания. Посошков пытается направить свою энергию на практические работы, основывает впервые в России производство селитры, но и это оказывается никому не интересным. Князь Голицын уплачивает ему за все его работы 14 рублей и от продолжения разговора уклоняется.

Только после смерти Петра работы Посошкова были наконец прочитаны при дворе, но единственный результат оказался в том, что автора посадили в тюрьму, где и гноили до самой смерти. Издатель для его книги нашелся только через 50 лет.

Любопытно отношение Петра к вопросам морали. Когда он узнает, что по статуту Карла V за прелюбодеяние полагается смертная казнь, он спрашивает:

— Разве у него, Карлуса, было слишком много подданных?

За детоубийство Петр неизменно назначает смертную казнь. Но прелюбодеяние он готов приветствовать, поскольку оно обещает ему еще одного подданного, еще одного солдата, еще одного слугу.

Дело подданных — служить своему государю. В этом Петр не сомневался. Он вербует армию шпииков и сыщиков. Он очень дорожит своей армией соглядатаев: должен же хозяин знать, что творится в его хозяйстве.

Посылая на усмирение бунта в Астрахани фельдмаршала Шереметева, он втайне от него назначает в его свиту шпиона Шопотьева. Посылая в Париж своим резидентом и посланником барона Шлейница, Петр прикомандировывает к нему в качестве шпиона канцелярского писца Юрина.

Когда вчитываешься в историю Петра, в историю его предшественников, получается впечатление, будто историки сговорились между собой приписывать именно Петру все заслуги, касающиеся робкого прорастания в России побегов культуры. Почему-то именно Петру приписывается заслуга первых попыток кораблестроения, тогда как уже его отец, Алексей Михайлович, кое-что сделал в этой области. Ведь не случайно тот ботик, который получил имя «дедушки русского флота», был найден Петром в уже готовом виде.

Так же точно именно Петру приписывается полная реформа костюма в России, хотя указ об обязательной смене длиннополого охабня и длинного кафтана на короткое платье издал тоже его предшественник.

Петру приписывается также начало раскрепощения женщины, тогда как признаки этого ярко проявляются задолго до Петра. Сама фигура Софьи — фигура по своему времени не только образованной, но и свободной женщины, — может служить подтверждением тому.

Петр не был творцом, а только подражателем. Все его реформы привезены им с Запада. Но Петр не был и начинателем. Заслуга Петра в том, что он проводил эти реформы решительно и даже жестоко.

Уже при Алексее с помощью иноземцев строились железные, суконные и полотняные заводы, делались попытки заводить свои корабли. Московский барин Ордын-Нащокин писал уже свой торговый устав. Россия покрывалась уже русскими фабриками и заводами Сериковых, Затрапезных и других. Во главе этих представителей крупной буржуазии того времени уже стоял «железный король» Урала Никита Демидов, который только что вылутился из мужицкого зипуна и не был еще князем Демидовым Сан-Донато.

В тех случаях, когда Петр изобретает, а не подражает, результаты получаются комические. Полиция, по указу Петра, обязана не только обеспечивать безопасность, но еще и «добрые порядки и нравоучения» насаждать, «рождать каждого к трудам и промыслам, юных в целомудренной чистоте и честных науках воспитывать, излишек в домовых расходах запрещать».

Петр выдвигал на первый план свои финансовые меры, но и здесь он беспомощен, как дитя. Особыми пошлинами обложены бани, бороды, раскольничьи верования. Казенной монополией объявлена не только продажа табака, но даже и продажа дубовых гробов.

Петр посылает офицеров, унтер-офицеров и даже простых солдат в качестве ревизоров. Всем им вменено в обязанность: «Губернаторам непрестанно докучать, и за ноги ковать, и на шею налагать цепи, пока они чего следует не исполнят». Так, калужского вице-губернатора Воейкова и остальных представителей калужской власти унтер-офицер Пустошкин по приказу царя держал «в цепи и в железах немалое время, но и то бесполезно».

Помещики крепко держались принципа: «Крестьянину не давай обрасти, но стриги его, как овцу, догола».

Дальше этой мудрости не пошел и всероссийский помещик Петр Великий, так гордившийся тем, что он не лодырь и расточитель, а подлинный и будто бы рачительный хозяин.

Екатерина I

Итак, Петр в могиле. Уже прозвучала над его гробом пышная речь: «Что видим, что делаем — Петра Великого погребаем!»

Хотя Феофан Прокопович в этой знаменитой проповеди при погребении Петра заявил гордо, что «сей преобразователь умер, но дух свой нам оставил», с первого же дня после смерти Петра валится, гибнет и распадается все, что сумел построить огромный и могучий при всех своих недостатках Петр. Он содрал с русских бояр старые кафтаны, но к новому немецкому платью они привыкнуть не успели. Новой души силой не сделать. Был разрушен старый уклад жизни, а нового быта еще не было. Разрушена оказалась старая правда, высмеяны и опозорены былые устои, но не выросли еще на русской почве европейские ростки, и еще более грустной и унылой кажется ныне широкая русская равнина.

Ближайшие к Петру люди не являлись деятелями сами по себе, а только его личными слугами. Умер хозяин, умевший держать их в руках и поколачивавший их дубинкой, и прахом пошло, рассеялось хозяйство, налаживаемое долгими годами.

Казнокрад Меньшиков, сухопутный адмирал Апраксин, буйный Ягужинский, за альковные услуги Петру назначенный на должность генерал-прокурора сената... Все эти люди сразу же после смерти Петра перессорились между собой, передрались и, по выражению В. О. Ключевского, «начали дурачиться над Россией».

Петр, как известно, отменил порядок престолонаследия и установил личную власть и волю царя вместо закона. «Царь по собственному произволу должен назначать себе заместителя», — повелел Петр, но сам-то он только и успел убить сына Алексея, но иного заместителя себе так и не назначил.

Тяжелы были последние годы жизни Петра. Он как будто чувствовал, что все дело его жизни пойдет прахом, что все эти годы строил он здание на песке, что продолжателей у него нет и не будет. Он как бы махнул рукой, да так и не указал, кому же должен перейти трон после его смерти...

Меньше всего мог он желать перехода царской власти в руки Екатерины. Он, правда, очень ценил ее таланты — таланты жены, заботящейся о белье мужа, умеющей создать ему уют и ласку. Но даже теперь, после всех лет, которые Екатерина неотлучно провела возле него в качестве адъютанта для хозяйственных и любовных поручений, он понимал, что от этой бабы ждать понимания не приходится.

За последние годы жизни Петр еще убедился, что она предала его, что изменила ему с его лакеем Вильямом Монсом. Петр не считал возможным устроить скандал на всю Европу, казнить после сына еще и жену, отрубить голову, на которую не так давно его руками была возложена царская корона. Придумав мучительную казнь для Вильяма Монса, Петр ограничился тем, что голову казненного поместил в спальне Екатерины. Он знал цену этой бабе.

Но как будто в насмешку над волей Петра именно «эта баба», ничего не понимавшая в государственных делах, захватила власть над Россией!

Когда в ночь на 28 января 1725 года Петр лежал в агонии, сенаторы и важнейшие сановники собрались во дворце для совещания о наследнике престола. Но сроки упущены. Поздно! Когда они обратились к Петру, чтобы узнать его последнюю волю, уже лишившийся

речи император успел написать холодеющей рукой только два слова: «Отдайте все...» Третье слово осталось недописанным. Кому отдать, так и осталось неизвестным. Ввиду казни Алексея единственным мужчиной в роде остался сын казненного, великий князь Петр. Именно его и считали законным наследником князя Голицыны, Долгорукие и другие, уцелевшие при дворе представители старой родовитой знати. Новые люди — Меншиковы, Толстые и прочие — всеми силами воспротивились этому выбору, мобилизовали все силы против этой кандидатуры. Все эти люди были причастны к суду и убийству Алексея, на их руках кровь замученного. Допустят ли они, чтобы сын этого Алексея оказался на престоле и отомстил виновным в гибели отца?

Дочери Петра, Анна и Елизавета, как известно, родились еще до свадьбы Петра. Это дочери «портомой», а не императрицы, их права отвергались ссылкой на незаконнорожденность.

Пока сенаторы и сановники обсуждают положение, в углу сада каким-то образом оказываются офицеры гвардии. Подобно хору античной драмы, они не принимают участия в развертывающемся на сцене спектакле. Они только размышляют вслух, выражают свои суждения о ходе совещания. Они, конечно, ни при чем. Пусть государственные люди решают, но, со своей стороны, они недвусмысленно заявляют, что разобьют головы всем, кто осмелится пойти против «матушки Екатерины».

Этих офицеров гвардии, этот «хор античной трагедии» привели в зал Меншиков и Толстой.

Они понимали, что голос гвардии, голос оружия представляют собой единственно убедительный аргумент, и заблаговременно сумели подпоить и подкупить кого надо из своих людей в гвардии.

Лиха беда начало! Отныне целый ряд восшествий на престол будет зависеть исключительно от воли гвардии, этих новых преторианцев. Именно гвардейцы будут низвергать с престола и возводить на престол. Сила оружия властно вмещается в игру страстей вокруг трона.

Женское царство, царство любовников, царство «гвардейской правоспособности», царство героев данной ночи надолго захватит неограниченную власть над безмолвствующей Россией. Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II — все эти женские царствования возникают и существуют путем откровенной замены «произволения Божия» произволением гвардии, поставляющей к трону все новых и новых любовников. Мы увидим впоследствии, что дело настолько усовершенствовалось, что для получения звания государственного любовника нужно было выдержать особого рода экзамен, тщательно обставленный, производившийся со всей серьезностью и компетентностью особыми «пробир-дамами» при троне.

В день восшествия на престол Екатерины I перед нами первый блестящий опыт такого рода. Как и следовало ожидать, слова, которые произносил «хор античной трагедии», наряженный в гвардейские мундиры, были услышаны. Малолетний внук Петра или его дочери — вот рамки вопроса. Меньше всего прав на престолонаследие было у Екатерины, но гвардию уже убедили, что Екатерина была не просто женой Петра, а «походной женой», «женой-солдаткой». Это же наша!

Еще длится торжественное заседание седых сенаторов во дворце, но с площади уже раздается барабанный бой. Преображенский и Семеновский полки, неизвестно кем вызванные из казарм, стоят с ружьями в полной боевой готовности.

— Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал? — хорохорился князь Репин.

Ловкий Бутурлин, давно уже успевший перемигнуться и сговориться с Меншиковым и Толстым, с усмешкой отвечает:

— Полки призвал я, Бутурлин. И призвал я их по воле императрицы Екатерины, которой все подданные, не исключая и тебя, обязаны повиноваться.

После этих слов заседание закончилось быстро.

У Меншикова старая любовная связь с Екатериной, он генералиссимус и начальник гвардии. Вид гвардейских полков под окнами, звуки барабанов были гораздо убедительнее юридических доказательств, и без малейших нареканий вопрос был немедленно решен. Это решение, по анализу В. О. Ключевского, является явной отменой изданного Петром 5 февраля 1722 года закона о престолонаследии. Но именно на этот закон сослался сенат, объявляя в особом манифесте о воцарении Екатерины.

Потратившая все силы на достижение звания жены императора, Екатерина, проявившая в долгие годы своего пути от солдатской прачки к трону совершенно исключительную, неиссякаемую энергию и самоотверженность, оказавшись императрицей, переродилась в один день. Она не хочет и на миг притвориться грустной вдовой. Она желает веселиться, не теряя ни одного дня, ни единого часа.

Не прошло и трех недель со дня похорон Петра Великого, как однажды поздно ночью Петербург был разбужен набатом, пушечными выстрелами. В чем дело? Набег иностранных завоевателей? Страшный ли пожар вспыхнул в столице? Нет! Это неутешная вдова умершего императора самодержавная государыня всея России Екатерина I изволила всемилостивейше пошутить над столицей по случаю 1 апреля.

Сразу же после того, как правительствующий сенат объявил на всенародное сведение, что, по воле Петра, на престол взошла Екатерина, чтобы все о том ведали и ей, самодержице всероссийской, верно служили, Екатерина начинает всеми мерами ласкать гвардию. На смотрах она из собственных рук угощает вином гвардейских офицеров. Целый ряд правительственных сообщений извещает о новых и новых заботах императрицы о своей гвардии. Солдатская женка хорошо помнит о том, от кого зависит ее царственная сила.

Под таким прикрытием можно спать спокойно. Екатерина даже для вида не желает заниматься делами государственными. Все отдано в руки Меншикова. Идет суровая расправа с врагами и недругами временщика.

Екатерина I царствовала недолго, около двух лет. Все эти два года длится сплошной пир, непрерывная оргия. Когда по утрам Меншиков входил в спальню императрицы с очередным вопросом: «Ну, ваше величество, что мы пьем сегодня?» — она требовала крепкого венгерского вина, закусывала его бубликами, и лишь затем переходила к очищенной водке. Секретарь саксонского посланника Фрездорф в докладе своему королю сообщает о новой императрице, что она «вечно пьяна, вечно пошатывается, вечно в бессознательном состоянии».

Читать и писать Екатерина до конца своей жизни так и не научилась. Меншиков сам подписывает за нее все высочайшие указы. Когда Меншикову неудобно, Екатерина поручает подписывать за нее своим дочерям. В это время всплывают на вершины многочисленные деревенские родичи Екатерины, новые фавориты, создающие новую знать России.

Перед нами в некотором роде таинство: рождение новой аристократии. Уже при

Петре Великом мы видели, как гомосексуальные наклонности царя в срочном порядке превращали мальчишку, торговавшего пирогами (Меньшикова) в светлейшего князя.

Еще ярче, еще определеннее этот процесс создания аристократии проявляет себя в эпоху женских царствований, которую так характерно открывает Екатерина I.

Романовы были дворянскими царями, и всмотреться в то, как зарождается аристократия у подножия трона, необходимо особенно внимательно. Без этого не понять, каким образом продержалась 300 лет эта глубоко бездарная, трагически неспособная семья.

Роль дворянства так часто извращается, переоценивается еще и в наши дни лирических сожалений о былой дворянской культуре.

Дворянская культура, тургеневские девушки, очарование подлинного барства, истинного аристократизма... Были на Руси подлинные аристократы, а теперь? Смотрите, как густо прет чумазы!

Но то, что называется аристократией, это, раньше всего, дело наживное.

Мы видели, как возник «из праха» род Меньшиковых. В свое время сиятельный князь не только мальчишкой, но уже и в возрасте, как известно, бегал по улицам с лотком, продавал пироги «с луком, перцем и горячим сердцем». Вознесенный Петром Великим на верхние ступени, как скоро забыл этот сиятельный князь свое демократическое происхождение!

Когда Меньшиков, уже после смерти Петра, оказался на высоте, провозгласил себя генералиссимусом и выдал сам себе все возможные ордена, он и сам уверовал в свой подлинный аристократизм.

Когда королевский дом Ангальт-Дессауский обратился к нему с предложением выдать его дочь за наследного принца, Меньшиков отвечает категорическим отказом. По его сведениям, в династии Ангальт-Дессауской был случай женитьбы одного из членов этой династии на дочери простого аптекаря. Светлейший князь с такого рода парвеню родниться не желает! Ему, продававшему на улицах пироги с лотка, неуместно соглашаться на такое сомнительное родство.

Быть может, однако, пример Меньшикова — это только случайное и карикатурное исключение? Увы, примеров такого рода в истории русской аристократии не оберешься.

Не будем говорить о тех чрезвычайно многочисленных родах аристократов, которые возвысились благодаря тому, что Екатерина, Елизавета и другие женщины на троне очень ценили так называемую «гвардейскую правоспособность» и раздавали солдатам, конюхам, певчим, которые имели удовольствие им понравиться, графские и княжеские звания, сотни тысяч крепостных, огромные имения и состояния. Ограничимся более спокойным примером.

Когда в свое время Петр Великий приблизил к себе Екатерину, неожиданно открылась целая серия новых аристократов, родственников царицы.

Один из сановников того времени, посланный в Ригу, торопя по пути ямщика, как полагалось, дал ему в зубы. Дело было естественное, но ямщик неожиданно обиделся:

— Меня бить нельзя, я царю родственником довожусь.

Началось следствие. С дыбой и кнутом. О деле довели до сведения Петра. Скоро выяснилось, что ямщик говорит правду. Нашли и целую толпу родственников, родных братьев и сестер императрицы. Был здесь, кроме ямщика Иоганна, какой-то огородник, были сапожник и землекоп, была и какая-то проститутка. Проститутку по приказу царя немедленно спрятали в тюрьму, остальных вызвали в Петербург. Царь дал им тайную аудиенцию, обошелся с ними милостиво, обещал небольшую пенсию и поставил условие,

чтобы о них «ни слуху ни духу» больше не было. Живите у себя с Богом.

Но вот Петр умер. Екатерина с помощью гвардии захватила престол. И всех родичей — конюхов, сапожников и землекопов — немедленно вызвали в Петербург. Им дали чины, богатые поместья, крепостных. Дали уж кстати и новые фамилии. Один брат стал называться графом Гендриковым, другой — графом Скавронским, третий — графом Ефимовским.

Уже через несколько лет оказывается, что граф Скавронский презирает все русское, любит только французские нравы и еще итальянскую оперу. Его крепостные обязаны говорить с ним не иначе как нараспев! У него свой театр, в котором крепостные девки изображают фею Артемиду, и граф не брезгует тем, чтобы во время представления, забравшись на сцену, собственноручно проучить арапником премьершу; остальных трех балерин, не угодивших его светлости, отправляют на конюшню.

Еще эффектнее ведет себя другой новоявленный аристократ — граф Гендриков (землекоп). Во время его выезда на охоту свора гончих, состоящая из 420 собак, перегрызла крестьянских овец. И вот обиженные крестьяне, отгоняя собак, осмелились убить двух из них. Его светлость возмущен. По его приказу провинившуюся деревню поджигают со всех четырех концов. Когда оказывается, что на пожарище еще остались кое-где пеньки, возле которых толпятся обездоленные и плачущие мужики, граф Гендриков предписывает наутро прислать 500 человек, которые перепахали бы всю деревню, чтобы и следа от нее не осталось.

Дело сделано. Крестьяне пытаются жаловаться воеводе, но воевода жалоб не принимает. Не дурак же он, чтобы из-за каких-то крестьян ссориться с аристократом! Крестьяне посылают свою жалобу в Петербург. Пусть царица рассудит.

Царица рассудила. Встретившись с графом Гендриковым на балу, императрица изволила погрозить ему пальчиком и сказать:

— Эй, Генрих, не шали...

Тем дело и кончилось.

Судьбы дворянства за время царствования династии Романовых исключительны и по-своему символичны.

Часто указывают на то странное отсутствие благородства, какое проявили дворяне российские, когда последнего дворянского царя Николая II свергали с престола. Не нашлось ни одного рыцаря, никого, по-настоящему преданного своему монарху! Только один охранник Зубатов покончил с собой от тоски по низвергнутому царю.

Приведем еще один пример. Перед нами судьба целого рода, яркая и характерная. Судьба князей Голицыных.

Летописи рассказывают нам об одном из первых Голицыных, который уже во время избрания на царство Романовых сильно интриговал, раздавал много денег, чтобы самому оказаться на престоле. «Номер не прошел». Пропали денежки задаром.

Вот еще один Голицын — Василий Васильевич, любовник царевны Софьи. Это — один из образованнейших людей своего времени. Он блестяще говорит и пишет, по-латыни. У него огромная библиотека. Он — о, ужас! — мечтает даже об освобождении крестьян с землею и делится своими планами с царевной Софьей. Правда, этот образованнейший человек не чужд суеверий и даже пытается какого-то крестьянина за то, что тот «напустил на него дурной глаз». Через несколько лет после воцарения Петра станут пытаться по тому же делу: за то, что он «приворотными зельями любви царевны добивался».

А вот еще один Голицын. Этот старый шут и скоморох выдвинется в царствование Анны Иоанновны. Ему 61 год, но его по высочайшему повелению разводят с женой и женят на старой шутихе, калмычке Бужениновой. Свадьба происходит в Ледяном Доме, сопровождается целым рядом непристойных забав, и, когда «молодые» укладываются в ледяной комнате на ледяном ложе, к ним приставляют особую стражу. Пьяная потеха требует, чтобы они вели себя всенародно так, «как полагается» вести себя молодым, чтобы они до утра не смели слезать со своего ледяного ложа.

От этого шутовского брака родились и в летописи зачислены два сына — князь Андрей и князь Алексей. После смерти старой шутихи князь умудряется, впрочем, жениться снова, в четвертый раз, и новые побеги появляются на генеалогическом древе князей Голицыных.

И вот, наконец, еще один из князей Голицыных. Эмигрант, живущий в настоящее время в Париже.

Я приводил как-то на страницах «Накануне» то письмо, с которым этот князь обратился к мужикам, живущим в его бывшем имении в Калужской губернии. «Грабьте, подлецы, все мое добро, грабьте. Только липовой аллеи не трогайте, которая моими предками посажена. На этих липах я вас, мерзавцев, вешать буду, когда вскоре в Россию вернусь».

Прочли мужики письмо, посмеялись в бороды и отнесли письмо князя в местный музей революции. Так и лежит это письмо последнего представителя рода Голицыных, дожидаясь будущего историка.

Нужно ли останавливаться и еще на одном Голицыне в нынешней эмиграции? «Цыганский хор под управлением князя Голицына» в каком-то берлинском кабаке «Альказар» ярко венчает собой столетиями строившееся здание.

Странными, путаными путями шла история России. Странными и путаными оказываются пути аристократии русской.

Пусть, кто хочет, жалеет о былом и прошлом, о дворянской культуре, о дворянских гнездах. Прет что-то новое, густое, крепкое, подлинно жизнеспособное. Переместились позиции, изменилась психика, перерождается душа. Где он, сутулый, хилый, нерешительный и прекрасодушный близорукий интеллигент российский? Где она — бывшая, так влюбленная в себя, аристократия, столько лет хваставшая какой-то особой культурой?

Впрочем, Екатерина, вслед за Петром, только начинает заготовление новых кадров аристократии российской.

При Екатерине I перед нами лишь «цветочки» системы фаворитизма. «Ягодки» появятся позже, при Елизавете, Анне Иоанновне, Екатерине II.

Говорить о Екатерине I как о царице, как о личности, как о правительнице не приходится. Ничего, кроме разврата с феерически быстрой сменой очередных героев, не отражают документы эпохи. «Это омут интриг, кабалы и дебошей, — пишет саксонский посланник Лефорт, в недавнем прошлом приближенный Петра, — только роскошь и бесхарактерность, лень и равнодушие видны тут во всем».

Единственное, о чем успела было задуматься Екатерина I в эти угарные, оголтелые, беспробудно пьяные два года своего царствования, — это вопрос о престолонаследии. Из 11 детей, какие у нее были, в живых остались только две дочери — Анна и Елизавета, так называемые поварские дочери (в те годы, в 1708-м и 1709-м, когда обе эти дочери родились, Екатерина, чтобы узаконить ее положение при дворе, была фиктивно выдана замуж за лейб-повара, служившего при Петре). Анна Петровна в свое время, выходя замуж за герцога Курляндского, в брачном договоре под присягой отказалась за себя и за свое потомство от

русского престола. Естественной наследницей уже и после смерти Петра была Елизавета. Ей-то и собиралась передать после себя престол Екатерина, но Меншиков смотрел на это дело иначе. Он изменяет своей партии, умудряется подружиться с малолетним Петром, по его же собственным настояниям в свое время отстраненным от престола, и теперь готовит гвардию к необходимости иметь на престоле именно мужчину.

Смерть императрицы — только смена маски для Меншикова, подлинного самодержца Всероссийского.

Вместо старой и пьяной женщины на трон призван малолетний Петр II.

Что принесет с собой в русскую историю этот типично дефективный ребенок?

Петр II

Когда умирала Екатерина I, всемогущий Меншиков позаботился о том, чтобы упрочить свою власть. Меншиков был почти самодержавен в годы пребывания на троне Екатерины II. Саксонский посланник Лефорт сообщает своему королю: «Никогда и никто не дрожал так от боязни даже перед умершим императором Петром, как приходится дрожать ныне перед Меншиковым. Даже дышать свободно не разрешается, все трепещут от страха перед этим палачом».

Желая обеспечить себе власть и после смерти Екатерины, Меншиков настоял на назначении престолонаследником десятилетнего мальчика Петра, сына убитого Петром I царевича Алексея. Еще недавно тот же Меншиков был ярым противником передачи престола в эти руки. Он помнил свою роль в процессе Алексея Петровича, боялся, что сын убитого будет мстить за отца, и принял все меры, чтобы, отодвинув в сторону внука Петра, помочь явно незаконному восшествию на престол Екатерины.

Теперь Меншиков придумал иной способ упрочить свое положение. Для этого он собирается женить маленького Петра на своей дочери.

У умирающей Екатерины удалось получить подпись под составленным Меншиковым завещанием. Одновременно с назначением наследником престола Петра Алексеевича мальчику-царю дается невеста, старшая дочь Меншикова. В том же духовном завещании двум цесаревнам, Елизавете Петровне и ее сестре Анне Петровне, за то, что они «уклонены от наследства отца своего», предписывается выдать отступное: каждой, сверх трехсот тысяч приданого, причитается еще по одному миллиону наличными «за бесчестие».

Откровенно, не стесняясь, торговали престолом в те дни.

И вот на троне одиннадцатилетний Петр II.

Первые месяцы мальчик ведет себя скромно, покорно слушается всевластного Меншикова, который в это время произвел себя в генералиссимусы. Этому человеку, конечно, уже не нужны новые чины и ордена — он сам раздает их кому вздумается. Но чин генералиссимуса нужен ему, чтобы занять пост начальника гвардии.

Как случилось, что Меншиков, еще так недавно бывший врагом восшествия на престол маленького Петра, боявшийся, что сын припомнит ему роль, сыгранную при убийстве его отца, вдруг стал ярим приверженцем назначения престолонаследником именно Петра Алексеевича? У маленького Петра оказалась «протекция». Он приходился племянником по матери принцессе Брауншвейгской, жене Карла VI.

Карл VI энергично взялся за хлопоты о своем протее. Меншикову было обещано герцогство Козельское в Силезии, ему было гарантировано не только прощение за прошлые грехи, но и согласие на брак будущего императора с дочерью Меншикова.

Сердце человека не камень. Меншикова удалось убедить легко. Гораздо труднее было склонить к этому плану Екатерину, которая ненавидела маленького Петра и называла его «чертушкой». По совету Меншикова император Карл VI послал 30 тысяч червонцев любимой фрейлине императрицы. Все кнопки были нажаты, и Екатерина I подписала-таки завещание, по которому царство Российское оставлялось малолетнему Петру. При условии, что будущий император женится на дочери Меншикова. Слово «подписала», впрочем, неточно. Императрица была неграмотна, за нее расписалась на сей раз Елизавета.

Таков был первый урок государственной мудрости, полученный Елизаветой Петровной. В будущем она напрактикуется и, когда сочтет себя опытной, придет ночью во дворец, стащит с трона императора Иоанна VI и сумеет прочно усестыся на его место.

Мы видели, как всевластен был уже и при Екатерине давний фаворит Петра I Меньшиков. После воцарения малолетнего Петра Алексеевича власть Меньшикова делается еще больше. В своем дворце на Васильевском острове Меньшиков живет воистину по-царски. Его покрытые золотом и серебром, украшенные гербами и коронами кареты наряднее царских. При Меньшикове состоит свой двор: пажи, гоф-юнкеры и т. д. Именно в этот период он так опьянен своим могуществом, что отказывает принцу, просящему руки его дочери Александры...

Петр II — один из немногих государей, о которых летописцы говорят всего несколько строк. Современники указывают на то, что он был умным мальчиком с хорошими способностями, будто бы очень добрый. При посторонних, правда, бывал холоден и надменен, но, возможно, из-за требований этикета. Среди же своих близких это был мальчик простой, веселый и беззаботный.

Меньшиков, считавший себя всевластным, обращался с мальчиком сурово. Без разрешения светлейшего князя мальчик не мог ступить и шагу. Даже в обращении с императором при посторонних Меньшиков бывал груб и резок — почти так же, как когда-то с сыном Петра I Алексеем. Но тогда у Меньшикова был могучий заслон — Петр. Теперь он был один, и мальчик оказался послушен до первого взрыва.

Воспитателем и обер-гофмаршалом к мальчику назначен Остерман. Давний конкурент Меньшикова, он тихо и незаметно, но очень успешно подзуживает мальчика на прямое восстание:

— Неужели Меньшиков смеет так обращаться с вашим величеством?! По какому праву?!

Петр II хранит послушание, смиренно готовит уроки и ведет себя пай-мальчиком, пока Меньшиков неотлучно находится во дворце. Но вот Меньшиков захворал. Идет день за днем. Мальчик успевает наглядно почувствовать, что без Меньшикова веселее, что разгульные князья Долгорукие, в отсутствие Меньшикова научившие императора пьянству и амурам, гораздо интереснее. Мальчик становится неузнаваем. С Долгорукими ему приятней проводить время. Меньшиков требует, чтобы юный император учился, проводил время за книгами, а Долгорукие зовут на охоту, устраивают веселые праздники и кутежи.

Меньшиков выздоровел. Ослепленный своей властью, он все еще держится повелительного тона, но Петр в глубине души уже решил свергнуть его, сбросить с себя эту неудобную узду.

Остерман насторожился. Он давно ждет удобного часа, а Меньшиков как будто все больше и больше раздражает мальчика.

Цех каменщиков поднес Петру II 9 тысяч червонцев. Мальчик распорядился было отослать их в подарок своей сестре Наташе. Но посланный по пути встретился с Меньшиковым.

— Это еще что за подарок? Отнеси деньги ко мне в кабинет. Император еще слишком мал, он не умеет распоряжаться деньгами.

Эта последняя капля переполнила душу. Маленький Петр взбесился в точности так же, как умел это делать его дед Петр I.

— Я покажу ему, что я император! Я заставлю его повиноваться!

И вот Меньшиков лишен всего своего огромного состояния, всех чинов, орденов и сослан

в сибирский городок Березов, где зима длится 7 месяцев, где мороз доходит до 40 градусов. Вместе с Меньшиковым отправляется в ссылку и его дочь, официальная невеста Петра II, Мария. В изгнании злобный, жадный, мстительный Меньшиков неожиданно сумел проявить подлинную силу характера. Жена его еще в пути ослепла от слез и умерла, но сам Меньшиков держится мужественно, со скромным достоинством. В изгнании он собственноручно построил не только деревянный дом для себя, но и небольшую церковь.

Первое место при дворе, вместо Меньшикова, занимают отныне Долгорукие. Младшие из Долгоруких забавляют государя, приучают его к кутежам, возят на охоту. Старшие — правят Россией. Все Долгорукие в восторге. Они не знают еще, что всего через два года последуют за Меньшиковым все в тот же Березов, что Алексей Долгорукий так и умрет в ссылке, что Иван Долгорукий будет возвращен для пытки и четвертования, что весь род их будет разгромлен.

Пока же Долгорукие ликуют. Под их влиянием Петр II окончательно махнул рукой на какие бы то ни было занятия. По просьбе сестры Наташи молодой император успел, правда, особым указом уничтожить Тайную канцелярию (Преображенский приказ) с его пытками и казематами. Только через два года Анна Иоанновна немедленно по своем восшествии на престол восстановит эту главную базу династии Романовых.

Долгорукие ревниво блюдут свою близость к Петру II. Пользуясь его любовью к охоте, они на целые месяцы увозят его в дальние охотничьи поездки. Петр II не только лично присутствует при кормлении огромной своры собак, но даже собственноручно варит им пищу.

Государь занят. Беспокоить его не приказано. Даже послы никак не могут добиться хотя бы пятиминутной аудиенции. Юный император изволит развлекаться с Долгорукими.

Какого рода эти увеселения, мы узнаем из записок современника князя Щербатова, жалующегося на то, что у Ивана Долгорукого, например, странная привычка: пользуясь своей близостью к царю, «затаскивать в свой дом замужних женщин и девушек и насиловать их в веселой компании. Другие его приятели сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не более была в безопасности в России, как от турков во взятом янычарском граде».

План Меньшикова женить Петра II на своей дочери, как мы видели, не удался, окончился трагически, но Долгорукие идут по тому же пути. Княжне Екатерине Долгорукой 18 лет, Петру только 14, но Долгорукие принимают все меры к тому, чтобы свадьба наладилась.

Увы, красавица Екатерина не нравится Петру, он влюблен в свою тетку Елизавету Петровну.

На общем совете князя Долгорукие решают форсировать события. Судьба слепа, надо уметь насильно повернуть ее лицом к себе. Во время пребывания Петра II на очередной охоте, которая длилась около двух месяцев, охотники поселяются в имении князя Алексея Долгорукого Горенки.

Для «участия в охоте» сюда срочно выписывают и дам. Обстановка создается благоприятная.

После охоты, после веселого ужина, за которым было много выпито, малолетнего государя оставляют с княжной наедине. Восемнадцатилетней красавице заранее объяснили ее роль, и она провела ее мастерски. Остается только убедить Петра, что он «рыцарь», не захочет же он обидеть бедную увлеченную и загубленную им девушку.

Петр II угрюм. Он нервничает, но соглашается. Да, в нем не ошиблись, он действительно

рыцарь. Он не мальчик, он взрослый, он сделает все, что надо, и ценой своей руки спасет бедную девушку от бесчестья.

Когда слухи о помолвке дошли до столицы, впечатление они произвели огромное. Возбуждение против Долгоруких было всеобщее. В день, назначенный для церемонии обручения, Долгоруким пришлось принять меры предосторожности и даже вызвать во дворец батальон Преображенского полка. Солдат разместили не только в прилегающих покоях, но даже и в торжественной зале, где проходила церемония.

Обручение императора совершает архиепископ Феофан, который меньше чем два года назад уже совершал церемонию обручения Петра II с княжной Марией Меншиковой. Княжна Мария давно в Березове, а ко дню нового обручения Петра II она уже успела умереть. Через несколько месяцев, в тот самый день, на который назначена свадьба, умрет и Петр II, а новая невеста вместе со своей семьей тоже поедет в Березов. Пока же Феофан торжественно проводит церемонию и торжественно возглашает многолетие.

Все присутствующие после обручения подходят к руке не только императора, но и государыни-невесты, окруженной целым штатом вновь назначенных ко двору фрейлин. К руке княжны Долгорукой приходится во время церемонии подойти и будущей императрице. Она знает, что на самом деле Петр влюблен в нее, что ее место захвачено Долгорукой. В будущем она сумеет отомстить.

Сразу же после изгнания Меншикова Петр II торжественно объявил себя совершеннолетним и заявил, что отныне он сам будет заниматься государственными делами. Но законы природы не повинуются высочайшим повелениям. Из попытки оказаться совершеннолетним в двенадцать лет ничего не вышло. Долгорукие продолжали всевластно править Россией.

Иностранные посланники в своих докладах единодушны: «Все в России в страшном расстройстве. Царь делами не думает заниматься. Денег никому не платят. Бог знает, до чего дойдут финансы. Каждый ворует, сколько может».

Уже назначена свадьба Петра II с княжной Долгорукой, но Петр все более сближается с властолюбивой Елизаветой.

Положение Долгоруких становится шатким. Пример Меншикова стоит перед ними, они видели, как легко повернулось колесо фортуны. Случайный каприз мальчика на троне — и вот у Меншикова оказались отняты не только чины и ордена, но и 90 тысяч крепостных, 130 миллионов рублей денег, более двухсот пудов золотой и серебряной посуды, а сам Меншиков в далеком Березове собственными руками строит церковь во имя «Рождества святая Богородицы».

К такого рода плотничьим работам Долгорукие никакой склонности не имеют. Они всеми мерами пытались ускорить свадьбу, а оставшиеся дни заполняли сплошь охотничьими кутежами, всяческими поездками, беспробудными пьянками — чем угодно, только бы не дать одуматься и прийти в себя мальчику на троне, только бы отвести его от мыслей о подлой интриганке, в будущем самодержавной императрице, Елизавете Петровне, в которую этот мальчик влюбляется все больше.

Торопиться со свадьбой приходится еще и потому, что пребывание в имении Горенки не прошло даром. Государыня-невеста Екатерина Алексеевна Долгорукая беременна.

Впрочем, это последнее обстоятельство только радует Долгоруких. Теперь-то уж Петр не откажется от свадьбы. Он ведь рыцарь! Судьба Долгоруких обеспечена.

Что делает в эти дни Петр?

Любопытно проследить, как сказывается влюбленность Петра в его тридцатилетнюю тетку Елизавету. Когда Елизавета после Шубина, сосланного Анной Иоанновной, сошлась было с Бутурлиным, Петр II, не рискуя казнить или посадить Бутурлина в тюрьму, чтобы не обозлить Елизавету, отсылает его на Украину, дав целую сеть поручений.

Но Елизавета, забыв о Бутурлине, очень скоро после этого сошлась с Семеном Нарышкиным. Он считается женихом, даже мужем царевны. Европейские послы уже сообщили о его роли при дворе в своих донесениях. Петр снова вмешивается, и Нарышкина, разлучив с Елизаветой, срочно отсылают в далекое путешествие в Париж.

После воцарения Елизаветы этот Нарышкин поторопится вернуться в Россию, но и он, и Шубин окажутся уже забытыми. Семен Нарышкин, поняв, что приехал поздно и никому здесь не нужен, станет с горя удивлять петербургское общество своими парижскими манерами и каретой, в колеса которой между спиц вставлены зеркала, ярко блестящие на солнце.

Записки современников говорят о том, что все семь недель со дня обручения до дня, на который была назначена свадьба, четырнадцатилетний император казался грустным, подавленным. Он часто говорит о предчувствии близкой кончины, о том, что «он равнодушен к смерти».

Но вот настали уже дни предсвадебных торжеств. Ликование Долгоруких доходит до предела. Князь Алексей Григорьевич уже получил в подарок от императора 40 тысяч душ. Отцу невесты, как в свое время и Меншикову, пока тот считался отцом невесты, обещан уже не только титул герцога и князя Священной Империи, но и все то же герцогство Козельское в Силезии. На радостях князь Алексей Долгорукий отныне заставлял всех придворных, приходящих к нему в гости, целовать свою руку.

Придворные удивляются, но пока что целуют.

Во вторник 6 января 1780 года на празднество водосвятия на Москве-реке государыня-невеста приезжает в золоченых санях, запряженных цугом. На запятках ее саней — государь. Богослужение на льду длится долго, и государь простудился. В тот же вечер он свалился, а наутро у него открылась оспа.

Есть основание думать, что Петр II не только разговаривал о своем желании умереть, но и действительно старался приблизить смерть. Он по-прежнему считает нужным поступить по-рыцарски и жениться на «обманутой» им девушке, но эта пышнотелая красавица глубоко антипатична ему. Он любит свою тетку Елизавету.

Болезнь протекает в сравнительно легкой форме. Уже через неделю издается бюллетень, что болезнь разрешилась благополучно и здоровье государя вне опасности.

Но четырнадцатилетний мальчик, этот неограниченный властитель государства, как будто сам ищет смерти.

Испуганные, растерянные Долгорукие наспех составляют подложное завещание, по которому престол российский будто бы волей императора передается государыне-невесте Екатерине Алексеевне. Это подложное завещание подписывает князь Иван, умеющий прекрасно имитировать детский почерк Петра II. Второй экземпляр завещания князь несет во дворец. В надежде, что умирающего государя удастся уговорить и тогда подлог будет не нужен.

Надежды напрасны. У постели больного неотлучно дежурит Остерман.

Иван Долгорукий пытается «пересидеть» Остермана, дежурит весь день и ночь в субботу и воскресенье, но Остермана не пересидишь. У него выдержки хватит. Он тоже не выходит

из спальни умирающего все эти дни. Подсунуть завещание Петру для подписи не удастся.

В понедельник 19 января, в тот самый день, на который назначена была свадьба, Петр, последний представитель мужского поколения рода Романовых, умер.

Верховный Тайный Совет решает вопрос о престолонаследии. Кого-то еще Бог пошлет России?

Князь Иван Долгорукий спешит на заседание Верховного Тайного Совета. А вдруг признают завещание настоящим! На грех ведь и из палки выстрелишь. Трон, царствование — это ведь все от удачи, от смелости. Дело нехитрое — кто палку взял, тот и упал...

Анна Иоанновна

Что представляет собой Анна Иоанновна — эта новая фигура, украсившая собой многотерпеливый трон русский?

Если первого Романова при спокойной оценке его способностей можно представить в роли полового в трактире, подающего солянку московским извозчикам, или даже телефонным мальчиком в отеле средней руки в наше время; если второго Романова, Алексея Михайловича, вдумываясь в его психику, легко представить себе неплохим кучером (дородность очень ценится на этом посту) в Елабуге, а то и в самой Костроме; если Петр I вместе с исключительными способностями имел многое и для роли такого бравого всероссийского капитана-исправника, лихого молодца, являющегося грозой для своего участка («Этот у нас молодчага! Всех подтянул!»), и наряду с этим проявлял еще и способности толкового купца... если, наконец, Екатерина I, судя по ее жизни при Петре, имела все основания оказаться чудесной экономкой, очень хорошей горничной из тех, кто весь свой век считаются преданными и только под старость умудряются украсть у доверяющей ей благодетельницы кругленькую сумму, — если рассуждать таким образом, то Романовы, какими мы их видели до сих пор, допускают все же ту или иную характеристику. Но уже Петр II — это воистину лицо без речей, без физиономии, без индивидуальности, без каких бы то ни было особых примет. Просто испорченный мальчик, один из так называемых дефективных детей, каких, к сожалению, появляется на свет так много во все времена и во всех странах.

Именно таким же лицом без речей, без характера и без индивидуальности явилась на трон и Анна Иоанновна.

Никак не решить, не определить, что представляет собой эта глупая женщина.

Восшествия на престол российский она дождалась тогда, когда ей было 37 лет. Молодость ее прошла грустно. Когда она в 17 лет была выдана замуж за герцога Курляндского и умудрилась овдоветь через два месяца после свадьбы, Петр Великий как будто обиделся на эту племянницу, столь плохо исполнившую данное ей в форме замужества политическое поручение, сводящееся к осуществлению «русского влияния в Курляндии». Неудачников, плохих исполнителей своих поручений Петр никогда не любил. Молодую вдову поселили в Митаве под надзором Петра Бестужева-Рюмина. На содержание было предписано отпускать ей поменьше — «столько, без чего прожить невозможно».

Анна Иоанновна долгие годы очень нуждалась в средствах, прибегала к униженным просьбам и займам, обращалась не только ко всем родственникам и знакомым, но и с горькими жалобами к самому Петру. В сохранившемся в архивах собственноручном письме ее от 1722 года она пишет: «Всемиловитейшему государю батюшке-дядюшке. Известно Вашему величеству, что я в Митаву с собой ничего не привезла, а в Митаве ж ничего не получила. И стола в пустом мещанском дворе... В пустом дворе не только по моей чести, но и против прежних курляндских вдовствующих герцогинь весьма содержать себя не могу. Мне в здешних краях не без подозрительность есть... За некоторые, самые нужные уборы много еще на себе долгу, которых мне ни по которому долгу заплатить невозможно. Принуждена в долг больше входить, а не имея чем платить и кредита нигде не будет».

Долгие годы бедности и унижений, долгие годы мечтаний о том, что другие весело и

богато живут, сплошные унижительные терзания и старание обернуться, попытки достать хоть что-нибудь в долг, «до будущей среды». И вот вдруг — шальная улыбка судьбы...

Закулисные интриги в Верховном Тайном Совете дали перевес среди всех враждующих партий той партии, которая хотела посадить на престол именно Анну Иоанновну. Вчера нищая, никому не ведомая, всем завидующая, любовница некоего курляндского конюха, сегодня приглашается взять в руки правление всей Россией. Как не закружиться этой бедной и слабой птичьей головке?

Теперь она дорвалась до богатства, до власти. Уж теперь-то она себя покажет!

Анна Иоанновна дождалась своего часа, дорвалась до бриллиантов, сладких блюд, прекрасных лошадей, а заодно уж и до сумасшедшей власти над огромной страной. Уж теперь-то она и ее любовник, конюх Бирон, покажут себя во весь рост народу русскому!

Годы от смерти Петра I до воцарения Екатерины II — эти 37 лет являются сплошной серией дворцовых переворотов. Редко случается, что даже бакалейная лавка где-нибудь в провинциальном городке так часто и так нелепо переходила бы из руки в руки, как болтался все эти 37 лет трон русский. Шесть царствований сменили друг друга в эту эпоху. «Никогда не только в нашей стране, но и ни в каком другом государстве, — говорит В. О. Ключевский об этом времени переворотов, — верховная власть не переходила по такой ломаной линии».

Большинство фигур, сменявших одна другую в этой дворцовой свистопляске, в этой вакханалии переворотов, где русский престол переходил, неизвестно по каким основаниям, от ничего общего с Романовыми не имеющего рода Брауншвейг-Люнебурггов к столь же далеким и от Романовых и от России Гольштейн-Готорпам, — это, как известно, именно женские фигуры.

Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II — все они, оказавшиеся на троне путем кровавых и предательских переворотов, вовсе не случайны. Созданная татарским владычеством самодержавная власть на Руси укрепляется и поддерживается гвардией, вооруженной частью дворянства российского.

Гвардия устраивает перевороты, гвардия стаскивает с трона прежних царей, гвардия же по своей воле выбирает новых. Удивляться ли после этого, что любой из энергичных гвардейских офицеров, становясь во главе переворота, тем или иным способом осуществляя очередную «дворцовую революцию», предпочитает содействовать восшествию на престол именно женщины, а не мужчины. Царствование мужчины давало приближенным только надежду выдвинуться в роли того или иного государственного деятеля, министра. Но для этого нужны кое-какие знания, нужны способности, нужна, наконец, работа. При воцарении женщины сделать карьеру надеялись легче, рассчитывая на совсем иные, не требующие образования и тяжелой работы способности. Деятели переворота говорили вслух о троне, но в глубине души думали о двуспальной кровати, думали об алькове. Именно поэтому после кратковременного царствования умершего от оспы Петра II на престоле оказывается 37-летняя Анна Иоанновна. Женщина не первой молодости, но это даже лучше — так рассуждают на многое уповающие гвардейские политики.

Надо ли останавливаться на той унылой конституции, на той жалкой попытке ограничить самодержавие, которая была сделана Верховным Тайным Советом при воцарении Анны Иоанновны?

Конституционный порядок был, как известно, принят новой царицей. Под предложенными ей «кондициями», ограничивавшими царскую власть, Анна Иоанновна собственноручно написала: «Посему обещаю безо всякого изъятия содержать. Анна». Но

этот порядок был нарушен ею же через десять дней. Уже через десять дней текст конституции был торжественно разорван новой царицей.

Когда Тайный Совет после смерти Петра II в составе восьми членов (из них четверо Долгоруких и двое Голицыных) собрался для обсуждения судеб престола, один из Долгоруких, отец невесты Петра II, сделал попытку предъявить подложное завещание, написанное им собственноручно от имени покойного императора и передающее все права на бедную Россию невесте покойного, а значит — всей семье Долгоруких.

Номер этот не прошел. Подложность завещания была сразу же установлена, и члены Совета саму попытку эту признали «непристойной». Любопытно, что пойманный с поличным на подлоге ничуть не растерялся; что ж, не прошло — и не прошло. Может, в другой раз что удастся.

Любопытно и то, что и все остальные члены Совета тоже не возмутились, не попытались извергнуть из своей среды партнера, играющего крапленой колодой. Передернувший игрок продолжает участвовать в этой игре как ни в чем не бывало. Никому и в голову не приходит, что для полноправного участия в составе Совета, решающего вопрос о судьбах России, нужно иметь хотя бы внешне чистые руки.

Заседание продолжается. По всей обстановке удобнее всех многочисленных кандидатов и кандидаток оказалась именно Анна. «Нечего рассуждать, выбираем Анну», — решили верховники единогласно и, по предложению председателя, старого князя Дмитрия Голицына, стали обдумывать, как «себе полегчить». Так появились на свет знаменитые «кондиции».

Хитроумные верховники решили сами «кондиции» сохранить в тайне, а дело представить таким образом, будто новая императрица сама, по доброй воле, установила конституцию.

Куца конституция имела в виду главным образом права Тайного Совета. Без этого Совета «в восьми персонах» Анна обязывалась ни с кем войны не начинать и мира не заключать. Смелость верховников дошла до того, что они в этих пунктах потребовали от будущей императрицы, чтобы ни у кого из дворянства «живота, имения и чести» без суда не отнимала.

Добиться того, чтобы Анна Иоанновна, к которой выехала особая депутация, приняла все пункты «кондиций», было не трудно. С голодухи то ли еще подпишешь, раз хорошую должность предлагают. Гораздо труднее было обеспечить выполнение этой скромной конституции.

Любопытнее всего, что первое препятствие конституция встретила именно в среде придворных. По случайным обстоятельствам вопрос о восшествии на престол нового лица стал на этот раз не только московским, но и всероссийским. Петр II умер 19 января, в тот самый день, на который была назначена его свадьба с княжной Долгорукой. В ожидании пышных празднеств к этому дню со всех концов России съехалось офицерство и дворянство. Все провинциальные «медведи» оказались втянутыми в самую гущу придворных интриг.

Феофан Прокопович, занимавший в то время кафедру архиепископа Новгородского, говорит об общем возмущении, какое встретило в те дни шепотом передававшееся известие о «кондициях», о попытке ограничить самодержавную власть: «Жалостное везде по городу видение стало и слышание. Куда ни придешь, только горестные нарекания на осмиличных оных затейников (членов Тайного Совета). Все их жестоко порицают, все проклинаят необычное их дерзновение, несытое лакомство и честолюбие».

Сама мысль о конституции кажется греховной. Карась желает, чтобы его жарили в сметане, и обижается при мысли о новшествах. Впрочем, молодежь и тогда была настроена иначе. Секретарь французского посла в своем донесении сообщает, что в Москве «на улицах и домах только и слышны речи об английской конституции, о правах английского парламента». Одни из молодых предлагали шведские образцы, другие избирательное правление, как в Польше, третьи говорили о республике и о том, что монарх вообще не нужен, но большинство все же обращало взоры к Англии. По образному выражению В. О. Ключевского, «глаза разбегались по разным конституциям, как по красивым вещам в ювелирном магазине. Лишенные политического глазомера, они не видели, что от пыточного застенка до английского парламента расстояние довольно значительное».

Все разбились на партии. «Партий бесчисленное множество», — удивляется этой русской черте итальянский посол де Лирия. Но, по всей видимости, большинство было все же за старину, за добрые старые порядки привычного самодержавия. В среде дворянства, по словам Феофана Прокоповича, определились два течения. Одно — «кроткое», представители которого мобилизовали свои силы, чтобы указать Верховному Тайному Совету, что маленькая кучка по своему произволу не вправе состав государства переделывать — «неприятно то и смрадно пахнет». Вторая партия — «дерзкая» — собиралась с силами, чтобы напасть на верховников с оружием и всех их «перебить».

В этом странном явлении, когда управляемые будто бы боятся послабления и облегчения крепкой узды, в которой держат их правители, есть, конечно, многое от исконного холопства, от тех рабских привычек («вы отцы наши, мы ваши дети»), от которых отвыкнуть вовсе не так легко, чему много доказательств дала нашему поколению даже и нынешняя революция.

Но одной этой привычкой к рабству дело, думается, не исчерпывается. Был здесь еще и здоровый скептицизм, боязнь «данайцев, дары приносящих». По выражению историка екатерининских времен князя Щербатова, главная основа конституции Тайного Совета сводилась к тому, что верховники выдвигали только себя лично: «вместо одного толпу государей сочинили». Иметь и одного государя вовсе не так легко, говорил приобретенный опыт. Что же будет, если их окажется несколько?

В письме, ходившем тогда по рукам в Москве в целом ряде списков, читаем: «Слышно здесь, что делается у нас, чтобы была республика. Я зело в том сомнителен. Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десять фамилий. Так мы совсем пропадем. Принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать».

Тайный Совет продолжает вести свою интригу. В торжественном заседании 2 февраля сенату, синоду, генералитету и штатским чинам преподнесены подписанные Анной «кондиции» с ее заявлением, будто эти новшества введены ею лично, по своей доброй воле, «для пользы Российского государства и к удовольствию верных подданных».

Все потрясены. По описанию Феофана Прокоповича, «все опустили уши, как бедные осляти. Один князь Головин часто отхаркивал и выкрикивал до сытости — вот-де как милостива государыня!».

И так как все молчат, Головин с упреком спрашивает:

— Что же никто слова не промолвит? Извольте сказать, кто что думает. Хотя, впрочем, и сказать-то нечего, а только благодарить государыню.

Но все продолжают задумчиво молчать, словно постарели разом, — «дряхлы и

задумчивы ходили».

Задумчивые и испуганные, все единогласно объявляют, что, выслушав присланное императрицей письмо с «кондициями», «все остались тою ее величества милостью весьма довольны, в чем своими руками и подписуемся».

Могла ли утвердиться и уцелеть — пусть куца — конституция в те годы? В городе начались волнения. Верховный Совет опубликовал особое напоминание, что для мятежников есть сыщики, пытки, а также полководцы. Оппозиция скрылась в подполье. По описанию Прокоповича, испуганные «маломощные» собирались тайком, шептались, боясь ночевать дома, перебегали из одного дома в другой и даже ночью появлялись на улицах только переодетыми до неузнаваемости.

На долгие годы сохранилась с тех пор в России привычка к конспирации, переодеваниям, ночевкам у знакомых.

Верховный Тайный Совет продолжает в ожидании приезда новоявленной конституционной правительницы разрабатывать в спешном порядке подробный план конституции. По этому плану верховная власть принадлежит Тайному Совету в составе 12 членов. Императрица имеет только два голоса. Над войсками начальствует тот же Совет. Рядом с сенатом возникают две палаты. Верхняя из 200 членов по выбору дворянства, и нижняя из городских и купеческих представителей. Императрица — подумать только! — ограничена даже в личных тратах. Сто тысяч в год — и баста! Екатерина I в последний год успела, например, прожить около шести с половиной миллионов. Верховный Совет делает все, чтобы задобрить, переманить на свою сторону дворянство, духовенство и купечество. Дворянству гарантировано освобождение от обязательной службы. Купечеству и духовенству обещан ряд важных льгот. Чтобы окончательно задобрить их, в текст конституции вводится требование: «Дворовых людей и крестьян ни к каким делам не допускать».

Но у палки два конца. Наряду с представителями дворянства, которые ликуют от этого отстранения «низких людей», возник уже при Петре I целый ряд деятелей, вышедших из низов, которых не может не восстанавливать против себя это обещание верховников.

Еще определеннее противоборствуют те сановники, которых Верховный Тайный Совет не включил в свой состав. Князя Черкасский, например, Трубецкой и многие другие.

Хитрая лиса старый Остерман все эти дни споров и столкновений сидит дома. По старой привычке он объявил, что он болен, что он собирается умирать и даже уже причастился. Он не хочет сделать ни одного неосторожного шага и внимательно присматривается, принохивается: кто сильнее. Этот старый циник знает, что дело вовсе не в тексте конституции, хотя бы она и была подписана императрицей, а в реальном соотношении сил. Хозяином положения, как и при воцарении Екатерины I и Петра II, явится все та же гвардия.

Гвардия не желает никаких конституций — только самодержавие, и все тут. Эта позиция гвардейских офицеров не вызывает удивления. У них уже есть опыт. Они знают не только то, что самодержавный царь (или царица) всегда будет ухаживать за главной своей опорой, гвардейским офицерством, они знают еще и то, что если царь (или царица) окажутся неудобными, их в случае чего можно и «по шапке». Стащить за ноги одного с престола и посадить туда другого — дело нехитрое. Но если во главе государства окажется вдруг Верховный Совет, бороться с ним, чего доброго, будет труднее.

Нет, гвардия не самодержавие.

Тщательно взвесив, обдумав положение, Остерман решает «выздороветь». Интрига

Верховного Тайного Совета идет полным ходом. Уже население присягнуло конституционной государыне, но Остерман человек хитрый. Он знает, что Анна Иоанновна в подмосковном селе Всехсвятском угощает преображенцев и кавалергардов водкой, объявляет себя капитаном кавалергардов и подполковником преображенцев, заводит дружбу с кричащими «ура» войсками, и вот уже офицеры громко возмущаются «злодеями» — верховниками, осмеливающимися «посягнуть на священные права» императрицы.

И вот уже 25 февраля, после торжественного обеда, Анне преподносят петицию со 150 наспех собранными подписями, в которой «всепокорнейшие рабы» просят государыню «всемилодивейше принять самодержавие» и уничтожить подписанные ею «пункты».

Анна была женщина глупая, совершенно необразованная, но актрисой она оказалась в тот день весьма способной. Свою роль в пьесе, написанной хитрым Остерманом, она разыграла блестяще.

— Как, — спрашивает с удивлением Анна, — разве присланные мне пункты не были составлены по желанию всего народа?

— Никак нет, ваше императорское величество, — отвечают ей.

— Так меня, значит, обманул князь? — гневно заявляет Анна, обращаясь к Долгорукому.

Тут же, при всех, с негодованием она разрывает подписанную ею конституцию. «Ура»! — громко кричат гвардейские офицеры, не понимая, что они, выполняя порученную им роль, еще на 200 лет закалили Россию в оковы самодержавия, еще на 200 лет оставили ее беспомощной в руках случайных людей, сменяющих друг друга на троне.

1 марта совершается новая присяга — вторая. На этот раз русский народ присягает уже самодержавной императрице.

Духовенство служит молебны о спасении от грозившей опасности. Кончилось четырехнедельное временное правление Верховного Тайного Совета, кончилась конституция русская XVIII века. А жития ей было всего 10 дней!

Офицерство и дворянство в тот же самый день, после своей победы над Верховным Тайным Советом, подают Анне Иоанновне еще одну петицию с просьбой вернуть прежнее значение сенату и предоставить дворянству выбирать и сенаторов для государственного правления, и губернаторов для местной администрации. Но уже поздно. Анна и Бирон даже и не думают исполнить эти просьбы. Подписавшие прежнюю петицию своими руками передали Анне самодержавие. Пусть же они не пеняют за те неудобства, какие это вызовет даже для них лично. Пусть не пытаются, снявши голову, плакать по волосам.

Даже в те тяжелые времена Анна Иоанновна умудрилась сделать из своего царствования нечто совершенно небывалое по жестокости, залив трон грязью и кровью в несравненно большей степени, чем мы это видели при ее предшественниках.

Сама по себе эта рослая и тучная женщина с мужским лицом не знала и не желала знать ничего, кроме праздников и увеселений. Государство было целиком отдано немцам и более всех — Бирону. Эти десять лет царствования Бирона характеризуются всеми историками как самые позорные, самые кровавые страницы русской истории.

Кто такой Бирон, этот новый временщик у русского трона?

Эрнст-Иоанн Бирон, служивший у Бестужева-Рюмина «по вольному найму для канцелярских занятий», однажды, 12 февраля 1718 года, по случаю болезни Бестужева, заменил его при передаче бумаг герцогине Курляндской Анне Иоанновне. С первой же встречи, увидев красивого и наглого молодого человека, Анна Иоанновна не скрывает своей

заинтересованности. Она в восторге от нового знакомства, приказывает Бирону каждый день являться к ней с докладом, делает его своим личным секретарем, а затем и камер-юнкером.

У молодого человека темное прошлое. Многие говорили о его службе при конюшнях, рассказывали о том, как после осложнений, возникших на почве разгульной жизни и безденежья, он вынужден был бежать ночью и тайно из Кенигсберга.

Репутация его была установлена прочно. Курляндское дворянство ни коим образом не желало принимать этого проходимца в свою среду. И когда Анна Иоанновна в качестве герцогини назначила его камер-юнкером, курляндское дворянство официально заявило свой протест. В будущем Бирон, не ограничиваясь самодержавной властью в России, добьется своего назначения на пост герцога Курляндского и сумеет люто отомстить своим недоброжелателям. Но теперь, когда Анна еще не знает о российском престоле, она старается всеми силами задобрить курляндское дворянство и создать хотя бы какое-нибудь положение своему фавориту. Для этого она, стараясь женить его на представительнице старинной дворянской фамилии в Курляндии, находит пожилую и нищую девицу, весьма некрасивую, с лицом, изрытым оспой, но зато имеющую длинный титул фон Тротта-Трейден.

Старая, обезображенная оспой дева, при всей своей нищете, на этот брак не идет. Родственники невесты в ужасе от такого мезальянса, но герцогиня применяет все приемы, пользуется всеми средствами и добивается-таки своего. Бирона удалось обвенчать, и эта новая семья фаворита делается на долгие годы, до самой смерти Анны Иоанновны, одновременно и семьей российской императрицы.

Жена Бирона — ее неразлучный друг. Поверенная всех ее тайн. Анна Иоанновна все время проводит в семействе своего фаворита.

Всегда исключительно суровая и резкая, бьющая по щекам придворных дам и фрейлин, Анна Иоанновна неузнаваема во время игр в мяч, в волан, во время пускания змея с маленькими Биронами. Эти маленькие немецкие дети на долгие годы становятся грозой всех придворных русского двора. Маленькие Бироны бегают по дворцу, обливают чернилами старых вельмож, срывают с них парики, бьют их хлыстом, и представители самых знатных дворянских фамилий России угодливо хихикают в ответ на эти забавы. Когда Карлуша Бирон, гуляя по дворцовым оранжереям, несмотря на запрещение своего гувернера Шварца, объелся зеленых слив, пришедшая в ярость Анна Иоанновна отправляет несчастного гувернера за границу. Мгновенно попадает в тюрьму придворный метрдотель Кирш, осмелившийся недостаточно почтительно отнестись к издевательствам одного из маленьких Биронов. Такие кары ожидают даже немцев. Что же говорить о русских, которые считались в это время людьми третьего сорта, чем-то вроде негров или китайских кули. Когда старый генерал-аншеф князь Барятинский оказывается недовольным тем, что Карлуша Бирон бьет его, явившегося на прием, хлыстом, Бирон-папа изумлен:

— Как! Вы недовольны?! Вон! В отставку!

Главные заботы Анны Иоанновны с того времени, как она очутилась на троне, сводились к тому, чтобы удивить мир великолепием и пышностью. С характерной для нувориша психологией она неустанно думает о том, чтобы перегнать богатством все остальные европейские дворы. Она строит исключительный по роскоши дворец, где, кроме театра, тронной залы, церкви, — 70 личных покоев императрицы, пышно разукрашенные, заполненные дорогой и крикливой золоченой мебелью.

Балы, спектакли, приемы, иллюминации, фейерверки, всяческие празднества назначаются ежедневно — утром, днем и вечером и даже ночью. Императрица заводит для себя два новых оркестра, выписывает итальянскую оперу, немецкую труппу, балет.

Лютое пьянство, которое было принято при Петре I, Екатерине I и Петре II, при Анне Иоанновне облагорожено. Ее величество боится и не выносит пьяных. Вместо сивухи в моду входят тонкие иноземные вина. Еще более модными становятся карты и азартные игры. Азарт доходит до очень больших размеров. Не редкость двадцатитысячные ставки, причем банк держит сама императрица. Правила игры во дворце странные. Выигравший получает деньги, но с проигравшего ее величество не спрашивает. Сколько интриг, сколько происков и хитростей употребляют вельможи, чтобы добиться для себя чести быть приглашенным к царскому игорному столу, чтобы принять участие в этой исключительно выгодной, беспроегршной игре!

До невероятных размеров развивается и гурманство. Кроме российских стерлядей, кабаньей головы в рейнвейне, Анна Иоанновна вводит шпатель (спаржу) и громоздкие прелести немецкой кухни. По дворцовым обычаям все кушанья щедро приправляются не только пряностями, перцем, мускатным орехом, но еще и тертым оленьим рогом, который, как считается, «увеличивает силы по типу шанских мушек». Все последствия, которые влечет за собой такая приправа, оказываются как нельзя более уместны при дворе Анны Иоанновны.

Кроме огромных денег, которые при очень отощавшей казне тратила на себя и свои прихоти Анна Иоанновна (расходы царицы на себя лично уже в первый год оказались впятеро выше, чем бюджет Петра Великого), двор своим примером заставляет всех приближенных тратить огромные средства. По описанию современника, князя Щербатова, претендующие на знатность люди именно с того времени стали вводить мебель, сделанную из красного дерева, заводить «открытые столы», золоченые кареты, стали обивать стены домов штофными материями и так далее. По мнению князя Щербатова, непомерная роскошь того времени способствовала сближению: «Вельможи, проживаясь, привязывались более ко двору, яко к источнику милости, а низшие — к вельможам для той же причины».

Наряду с оперными и драматическими труппами императрица заводит колоссальный штат шутов и приживалок разного рода. Тут и карлы с карлицами, и калмыки с калмычатами, и татары, и персиянки, и разные старухи — приживалки и монахини. По указу императрицы, «личностей, которые разговорчивые», разыскивали по всему государству и немедленно препровождали ко двору.

В государственном архиве сохранилось несколько собственноручных писем Анны Иоанновны, посвященных отысканию все новых и новых «дур». Императрица пишет в Москву своему родственнику генерал-губернатору Салтыкову: «У вдовы Загряжской живет одна княжна Вяземская, девка. И ты ее сыщи и отправь сюда. Только чтобы она не испугалась, объяви ей, что я ее беру для своей забавы, как сказывают, что она много говорит». В другом письме в Переяславль она пишет: «Поищи из дворянских девок говорливую, которая была бы похожа на Татьяну Новокшенову, а она, как мы чаем, что уже скоро умрет, то чтобы годна была ей на перемену. Ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые говорливы».

Целый штат приживалок должен был сообщать Анне Иоанновне все сплетни, которые шли по городу, все интимные подробности из семейной жизни придворных. Не ограничиваясь петербургскими сплетнями, она требует от московского генерал-губернатора,

чтобы он наладил розыск о домашних делах московских жителей.

Фрейлины императрицы должны были во множестве всегда присутствовать с вышиваниями в соседней комнате, ожидая, когда Анна Иоанновна откроет двери и скажет: «Ну, девки, пойте». Когда две фрейлины, сестры Салтыковы, певшие без перерыва весь вечер, осмелились заявить, что они устали, императрица собственноручно изволила надавать им пощечин и отправила на неделю стирать на прачечном дворе.

Шуты императрицы обязаны были всей толпой неотлучно присутствовать при ней. Любимой забавой Анны Иоанновны было заставлять их драться между собой, таскать друг друга за волосы и царапаться до крови.

Императрица была восхищена и даже ввела для своего штата шутов особый орден святого Бенедикта, носившийся на красной ленте. Знаменитый Балакирев, шут Петра I, в свое время оказался причастным к роману Вильяма Монса с Екатериной, был за это наказан батогами и сослан на каторжные работы. Анна Иоанновна вернула Балакирева ко двору и дала ему звание придворного шута. Был при ее дворе и Акоста, тот самый шут, которому еще Петр I за усердную шутовскую службу не только пожаловал титул «хана самоедов», но и официально подарил остров Соммерс в Финском заливе. Был здесь даже и неаполитанец Пьетро Мира, которого при дворе звали Педрилло и которого, по почину Бирона, объявили мужем козы, уложили вместе с козой в постель и в таком виде он принимал являвшуюся к нему с визитом Анну Иоанновну со всем штатом придворных.

Шут при Анне Иоанновне — это своего рода государственный деятель. Этому вот мужу козы, шуту Педрилло, Анна Иоанновна поручила добыть для нее у герцога Гастона Медичи знаменитый тосканский алмаз, весивший сто восемьдесят с половиной каратов. По поручению Анны Иоанновны Педрилло в своем письме к герцогу Тосканскому, кроме денег, предлагал 55 тысяч российского войска, из которых 40 тысяч казаков, — и все это для войны с испанцами. Бриллиант, правда, так и не попал в руки Анне Иоанновны. Он достался австрийскому императору. Но само наличие официального предложения услуг русского войска, да еще сделанного через шута, достаточно точно рисует эту горничную на троне.

Интерес к литературе у Анны Иоанновны был весьма своеобразный. Узнав от своих приживалок, что у Василия Тредьяковского среди его сочинений есть неприличные, она вызывает поэта к себе и велит ему эти стихотворения прочесть. В сохранившемся письме этот несчастный придворный пиит не без гордости рассказывает: «Имел счастье читать государыне императрице, стоя на коленях перед ее императорским величеством, и по окончании одного чтения удостоился получить из собственных ее императорского величества рук все милостивейшую оплеушину».

Если бы за преступления нравственности надо было давать оплеушины, то Тредьяковский имел право в ответ на полученную им дать Анне Иоанновне не добрый десяток затрещин. Она делала все, чтобы их заслужить.

Пока Бирон свирепствовал, увеличивал все больше тяготы населения, вводил все новые и новые пытки, новые и новые налоги, Анна Иоанновна развлекалась. Пока Бирон принимал все меры, чтобы о праве на звание человека могли мечтать в России одни только немцы, а русские оставались только смердами, только холопами, только удобрением, Анна Иоанновна устраивала все новые маскарады.

После свадьбы шута с козой устраиваются новые торжественные празднества — женят князя Никиту Волконского на князе Голицыне.

Правят всей Россией немцы. И если в кабинет министров под председательством

Остермана попали двое русских — князь Черкасский и канцлер Головин, — то им поручено просматривать счета за кружева для государыни, а также выписывать зайцев для стола ее величества.

Не только на всех значительных местах оказываются немцы, но даже охрану дворца Анна Иоанновна, не доверяя русским, полностью передает иноземцам. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого Петром II Преображенского приказа, работает без устали. День и ночь производятся пытки. Из десяти тысяч сосланных в Сибирь о пяти тысячах не удалось сыскать никакого следа, ибо ссылали часто и без всякой записи, а иногда и нарочно переименовывали ссыльных, и тогда человек пропадал без следа.

Невероятно круто завинченный налоговый пресс, команда немцев и лифляндцев во всех частях России привели страну к положению, дотоле небывалому. Жители от невыносимого гнета толпами бежали в леса, пробирались за границу. Многие источники указывали, что целые провинции были точно войной опустошены. Были устроены специальные «доимочные облавы», снаряжались многочисленные вымогательные облавы и экспедиции.

Крестьян били на «правеже», продавали все их имущество. Из показаний современников встает подлинная картина этого «второго татарского нашествия». «Русских людей считают хуже собак. Пропало наше государство», — читаем мы в одном из писем той эпохи. Создаются специальные полки из эстляндцев, финляндцев и курляндцев. На командные должности в гвардии назначаются исключительно немцы.

Пышное богатство того времени при дворе Анны Иоанновны имеет характер только внешнего украшения. Грязное, как тряпка, нижнее белье вовсе не считается противоречащим расшитому пышно золотом платью.

Анна Иоанновна охотно беседует с монахами, любит — как это ни неожиданно — церковное благолепие, но главная ее забота и забава — это все те же шуты, дураки и дуры всякого рода.

Когда Анне Иоанновне удалось достать слабоумного, полудиота от рождения, князя Голицына, внука фаворита царевны Софьи, мечтавшего об освобождении крестьянства, она приходит в восторг от него и пишет Салтыкову 20 февраля 1733 года: «Спасибо, Семен Андреевич, благодарна за присылку Голицына. Он здесь всех дураков победил. Ежели еще такой сыщется, то немедленно уведошь».

Анна Иоанновна так довольна этим своим новым дураком, что решает повенчать его со своей любимой дурой, калмычкой пятидесяти лет.

Голицыну уже шестой десяток, у него есть законная жена, но это неважно. По высочайшему повелению прежний брак признается немедленно недействительным.

Начинаются пышные приготовления к свадьбе. Образована особая комиссия под председательством кабинет-министра Волинского, которому поручается построить на Неве дом изо льда, чтобы поселить в нем после свадьбы дурака и дуру.

Анна Иоанновна в восторге. Согнанные со всей России толпы рабочих пилят лед, ледяные плиты. Кладут их одна на другую и примораживают, поливая водой. Придворные архитекторы, придворные художники всю работу над постройкой ледяного дворца. В издержках, конечно, не стесняются.

Здание делится сквозной галереей, украшенной столбами и статуями. Крыльцо с резным фронтисписом ведет в вестибюль. Далее — внутренние покои. Стекла из тончайшего льда. Оконные и дверные косяки окрашены зеленой краской под мрамор, стены расписаны особыми непристойными картинами, нарисованными на льду и освещенными изнутри

множеством свечей. У ворот ледяного дворца устроены ледяные дельфины, выбрасывающие из челюстей с помощью особых приспособлений горящую нефть.

У ворот — ледяные деревья. На ледяных ветках — ледяные птицы. Перед домом стоят ледяные пушки и мортиры, большие остроконечные пирамиды, внутри которых устроены огромные фонари, также разрисованные непристойными фигурами. Внутри пирамид должны сидеть люди и, вставляя свечи и фонари, поворачивать рисунки фонаря во все стороны. У дома сделан ледяной слон в натуральную величину. На нем спит ледяной персиянин. Еще два таких же персиянина стоят по сторонам. Днем слон пускает вверх фонтаны высотой в 24 фута, а ночью выбрасывает горящую нефть. Посаженные в него люди должны особыми трубами воспроизводить крик слона.

Еще более пышным было внутреннее убранство ледяного дворца. В комнатах были не только ледяные зеркала, ледяная двухспальная кровать, такие же мебель и камины с ледяными дровами, но еще и ледяная точеная посуда, рюмки и блюда, даже ледяные карманные часы. Ледяные свечи и дрова намазывались нефтью и горели. Здесь же была устроена даже ледяная баня, которую умудрялись жарко топить.

И вот настал торжественный день. По именному высочайшему повелению во всех концах России доставлены в Петербург представители всех племен и народов — «по два человека обоего пола в нарядной местной одежде». Калмыки, абхазцы, киргизы, чуваша, якуты, чухонцы. Одни на верблюдах, другие на оленях, на собаках, на волах, на козлах, на свиньях. С шумной национальной музыкой движутся представители всех народов России на свадьбу старого дурака и дуры.

Тредьяковскому поручено написать особый гимн. Особые балетмейстеры ставят национальные танцы всех народов России. Пышная процессия, в которой принимает участие императрица со своим двором, возглавляется молодыми, которых везут на свадьбу в клетке, стоящей на слоне.

Пройдем мимо жутких подробностей того, как молодых со всеми церемониями всенародно укладывают на ледяную постель, как по высочайшему повелению к дому приставляют особый караул. Солдатам поручено следить, чтобы новобрачные вели себя как следует и до утра не смели оставлять своего ледяного дома.

Счастливый новобрачный, шестидесятилетний князь Михаил Голицын, как мы видели, специально для этой свадьбы на старой калмычке был высочайшим указом разведен со своей второй женой, итальянкой. От этого «ледяного брака» родилось двое сыновей — князя Алексей и Андрей Голицыны. Когда калмычка умерла, старый князь обвенчался в четвертый раз.

Пока Анна Иоанновна развлекалась свадьбами то шута и козы, то двух князей, то шута и шутихи, Бирон царствовал.

Польша желает избрать на свой престол Станислава Лещинского, но Бирон не желает. Он требует трон для своего ставленника Августа и посылает в Польшу русские войска. Желание Бирона исполнено, но он не удовлетворен этим. Русскую армию посылают преследовать Лещинского, и, когда он успевает бежать в Данциг, русские солдаты осаждают город. 133 дней длится эта кровавая осада, но Бирон стоит на своем.

Бирон затевает все новые и новые войны. Русская армия под командованием немцев посылается на юг, в Крым. Свыше ста тысяч русских солдат убито, но по миру с Турцией Россия не имеет даже права держать флот в Черном море. Кровавопролитная война, затеянная Бироном, оказывается совершенно безрезультатной. Это не мешает Анне Иоанновне пышно

отпраздновать заключение мира.

Немецкое владычество проявляется в России с совершенно исключительной жестокостью. Не только простой народ, но даже аристократы принимают свою долю мучений. Ивану Долгорукому после колесования отсечена голова. Тому же наказанию подвергнуты еще трое Долгоруких. Русская знать в оцепенении. Простой народ все чаще поднимается. Вспыхивают восстания. Восстают башкиры и киргизы. Волнения и бунт проявляются на ярославской полотняной фабрике Ивана Затрапезного. В селе Ярославец появляется лже-царевич Алексей.

Анна Иоанновна ничего не знает и знать не желает. Все свои дни она проводит на кушетке, в шляфроке, в игре в карты, за вином, в обществе шутов и шутих.

Десять лет длится этот веселый маскарад, эта сплошная забава.

17 октября 1740 года, ко всеобщему ликованию, ее величество Анна Иоанновна за обедом почувствовала себя дурно и через несколько часов скончалась.

Как ни далека была императрица от государственных дел, она успела все же подумать о престолонаследнике. Не решив этого вопроса, она не могла чувствовать себя спокойно на престоле.

На собственном примере она знала, что выражение «нести власти еще не от Бога» в правильной его транскрипции звучит — «нести власти еще не от гвардии».

Если бы не было законного престолонаследника, любая кучка офицеров могла бы выдвинуть своего кандидата. Анна Иоанновна рисковать не хотела. Свою племянницу Анну Леопольдовну, вызванную для этого из Макленбурга, она выдала замуж за принца Антона Уильриха, выписанного из Брауншвейга. Ясно и понятно, что сын Иоанн, рожденный от этого брака, является прямым и естественным самодержцем российским. Именно его, этого внучатого племянника своего, сына макленбургской принцессы и брауншвейгского принца, торжественно объявили наследником-цесаревичем.

Когда Анна умирала, престолонаследнику было всего два месяца.

В той ожесточенной свалке, какая началась у постели умирающей императрицы Анны, сенаторы и члены синода успели «подлизнуться» к Бирону и подать Анне Иоанновне для подписи особый указ о назначении Бирона регентом. Бирон после опубликования указа похвалил за это русское дворянство, обратившись к нему с особой речью, где сказал:

— Господа, вы поступили как истинные римляне.

«Римляне» сконфужены, но помалкивают и втайне надеются, что Бирон сумеет оценить их преданность и самопожертвование. Но на этот раз расчеты не оправдались. Продажа русского трона немецкому конюху не принесла «римлянам» даже тридцати сребреников. Не на ту лошадку ставили и — прогадали!

Как ни терпеливы были «туземцы» в этой стране, но есть предел и русскому терпению. Сильный ропот, который раздался в народе по поводу того, что регентство при малолетнем императоре отдано не его родителям, а немецкому выходцу, который давно уже успел заявить себя крайними жестокостями, не остался безрезультатным.

Регентство Бирона продолжалось всего три недели.

Ропот и недовольство в народе настолько серьезны, что во главе нового заговора становится на этот раз осторожный Миних. Только руками немца Миниха удалось свести немецкого конюха Бирона с престола российского.

Миних сделал свое дело исключительно легко и просто. С отрядом в двадцать человек он явился ночью ко дворцу, где жил Бирон, поговорил по душам с начальником караула, и вот

уже всевластный самодержец, десять лет неограниченно царствовавший в России, в одном белье сташен с кровати и связан дюжими Преображенскими гренадерами.

По запискам адъютанта Миниха, Манштейна, герцог кричал, рвался, кусался, но солдаты, отводя душу, «набили ему морду», воткнули регенту в рот носовой платок, завернули в шинель и потащили на улицу.

И вот уже новая регентша, мать Иоанна VI, Анна Леопольдовна, предписывает отвезти Бирона в Шлиссельбургскую крепость.

Сенат, только что еще пресмыкавшийся перед временщиком и моливший Анну Леопольдовну о передаче власти в его руки, уже через месяц по предписанию регентши судит Бирона и «за безбожные и злоумышленные преступления» приговаривает его к смертной казни. Даже Анна Леопольдовна сконфузилась от этого усердия господ сенаторов и заменила Бирону смертную казнь ссылкой в городок Пелым в Сибири. План дома, где содержали Бирона в Пелыме, и правила тюремного распорядка вырабатывал Миних, не зная, что скоро сам попадет в устроенную им тюрьму и проведет там безвыходно 20 лет, а Бирон по высочайшему указу Елизаветы Петровны будет из тюрьмы возвращен.

Говорить о царствовании маленького Иоанна VI так и не пришлось. Через год после того, как Миних стащил с постели полуголого Бирона и возвел на престол Анну Леопольдовну, Елизавета, дочь Петра, повторила поступок Миниха. С толпой солдат она подошла ночью ко дворцу, и вот уже сташена с кровати Анна Леопольдовна, вытащен из колыбели маленький император. Современники рассказывают, что новая императрица Елизавета Петровна взяла на руки свергнутого ею маленького монарха, поцеловала его и сказала: «Бедное дитя».

Судьба этого бедного ребенка исключительна. Елизавета Петровна после своего восшествия на престол приняла все меры, чтобы исчезли следы царствования маленького Иоанна. В особом манифесте было объявлено, что принц Иоанн и вся его семья будут отправлены в Германию со всеми почестями, подобающими их положению. Вместо этого маленького царя с Анной Леопольдовной и всей семьей посылают в Двинск, а оттуда предписывают через два года перевести в Ораниенбург. По ошибке пленника увозят в Оренбург, за Урал. Оттуда возвращают в Ораниенбург, потом гонят всех в Архангельск, в Соловецкий монастырь. Во время этих путешествий Анна Леопольдовна произвела на свет еще двух сыновей. Умерла она в Холмогорах в 1746 году. Муж пережил ее почти на 30 лет. Дети росли полудиотами.

Через 10 лет после смерти Анны Леопольдовны командированный из Петербурга сержант охраны по распоряжению императрицы похитил бывшего царя Иоанна и в глубокой тайне привез его в Шлиссельбург, где его держали в одном из казематов до самой смерти. Все эти годы он так и не знал, где находится: по строгой инструкции он не должен был видеть ни одного лица. Через 25 лет заточения его убили.

Все эти годы в сумрачном каземате он медленно, но верно теряет человеческий облик. Уже в 1759 году сообщения о нем рисуют Иоанна полупомешанным. Но в эти годы он еще сохраняет туманное сознание своей личности. Когда ревизовавший Шлиссельбург Шувалов спросил его: «Кто ты?» — Иоанн ответил: «Я очень важная особа. Я принц. Мое имя подменили».

Другие источники рассказывают, как в ответ на побои тюремщика узник заявляет: «Как ты смеешь так обращаться со мной? Я государь!»

За долгие десятилетия своего заточения два раза несчастный Иоанн в наглухо закрытой

карете был вывезен в Петербург. Императрица Елизавета желала видеть то «бедное дитя», которое она когда-то в ночь своего восшествия на престол вынула из кровати и нежно поцеловала. Она пожелала своими глазами убедиться в том, что вместо претендента на престол перед нею действительно сломленный, разучившийся говорить, обросший волосами, полупомещанный человек.

Эпоха переворотов продолжается. Елизавета, пришедшая вслед за Анной Леопольдовной, спихнувшей в свою очередь с трона Бирона, уступает свое место Петру III. Новый император Петр III задушен в Ропше — на престоле оказывается Екатерина II. Идет, движется смена лиц, смена партий, а бывший царь Иоанн по-прежнему заживо гниет в Шлиссельбурге. Даже Екатерина II не пожелала облегчить участь бывшего царя и его семьи. Иоанна убили, а братья и сестры его (отец умер в 1775 году) все еще пребывают в Холмогорах.

Только в 1780 году Екатерина II по просьбе королевы Дании, тетки Иоанна VI, согласилась, наконец, отпустить несчастных за границу.

Архангельский губернатор Мельгунов послан в Холмогоры, чтобы сообщить несчастным радостную весть: отныне они свободны, будут жить в Дании, получают крупную пенсию. Но на лицах заключенных вместо радости изумление и ужас. Услышав имя императрицы, они в страхе бросились на пол. Архангельский губернатор с трудом смог добиться от них объяснений — они разучились общаться с людьми, боялись их. Старшая, Екатерина, оглохла и объяснялась только жестами. От имени всех говорила младшая — Елизавета: «Мы разучились жить среди людей; прежде мы ждали свободы, мечтали о ней, а теперь не хотим ее. Нам прислали платья, но мы не умеем их надевать. Мы никуда не поедем, мы останемся здесь».

— Мне предписано выполнять все ваши желания, — рапортует бравый губернатор. Но желаний у несчастных нет.

— Вот только рядом баню выстроили. Мы боимся сгореть. Уберите баню.

Бравый губернатор нашелся. Он решил, что рассуждать — не его дело, на то начальство имеется. Раз есть приказ препроводить в Данию заключенных, значит, надо препроводить, пусть даже силой.

Семья была выслана за границу и с этих пор стала получать от русской казны пенсию по 8 тысяч рублей на каждого. Но, вырванные из привычной обстановки заключения, несчастные не умели жить на воле и очень быстро умерли. Только старшая, глухая Екатерина, умудрилась прожить еще 27 лет после этого. Ее могила и могила ее сестер и теперь считаются достопримечательностью маленького датского городка Горсинс.

Судьба Иоанна вызывает горячее сочувствие и симпатию. Он не царствовал, он так и не взошел на трон и прямо из колыбели попал на всю жизнь в глухой каземат.

Отчего же остальные, царствовавшие Романовы, симпатии и сочувствия не вызывают?

Елизавета Петровна

Глава I

— Ура! Мы победили! Наша взяла!

— А кто это «наши»?

— А кто победил, те и наши. Дело ясное!

История повторяется. Всего год назад Миних глухой ночью ввел во дворец кучку солдат стаскивать с трона Бирона и возводить на престол Анну Леопольдовну с маленьким Иоанном.

Экспедиция, как мы видели, удалась блестяще. Но вот уже новая смена на троне. Не прошло и полгода царствования, как в ночь на 25 ноября все повторяется. На этот раз кучку в меру подпоенных солдат ведет Лесток. На руках солдаты несут Елизавету Петровну.

Новый переворот — новая смена стекляшек в российском калейдоскопе.

— Кто там? — только и успела спросить разбуженная шумом верховная правительница Анна Леопольдовна.

На этом разговоры кончились. Анна Леопольдовна с мужем и детьми сослана в Холмогоры, где она умрет, а муж останется с больными детьми. Маленького Иоанна отвезут в Шлиссельбургскую крепость, где его сведут с ума, обратят в полуживотное состояние, а потом, через двадцать пять лет, убьют.

На престоле Елизавета. «Ура!» — кричат причастные к перевороту и обеспечившие этим свою карьеру при дворе счастливцы. Кричать «Караул!» людям, к перевороту непричастным, строго воспрещено.

Переворот идет как по нотам. Именно так, как полагается. Одним из немногих членов прежнего правительства, уцелевших при перевороте, оказался фельдмаршал Ласси. Когда его уже под утро в ночь переворота разбудили обычным в то время вопросом: «Вы за какое правительство?» — он догадался без малейшего колебания ответить: «Конечно за то, которое стоит у власти». Этот догадливый человек был оставлен на своем посту — такие люди всегда нужны.

Остальные оказались не так находчивы. В казематах Петропавловской крепости очутились и Миних, и Остерман, и Левенвольд, и многие другие. В свое время здесь окажутся Щегловитов, Протопопов и также многие еще.

Комиссия под представительством генерал-прокурора Никиты Трубецкого (не путать с комиссией под председательством Муравьева при Керенском) творит грозный суд, производит следствие над бывшими вершителями судеб, чинит допросы с пристрастием. Любопытная Елизавета, спрятанная за занавеской, неотлучно присутствует при этих допросах. Она очень любознательна.

Годы бироновщины были отмечены тяжелым деспотизмом немцев, и переворот Елизаветы Петровны совершен под флагом освобождения от засилья иноземцев.

Новые герои желали уничтожить страх. Делалось это до такой степени откровенно, что одновременно с допросами, судом и следствием над всеми, кто принадлежал к немецкой партии, победители делят между собой даже наряды, платье и чулки немецких придворных. Особенно богатые запасы такого рода найдены у обер-гофмаршала графа Левенвольда. Вот

это подсудимый! Такого и судить приятно!

Убрать немцев оказалось сравнительно легко, но найти им заместителей из русских было несравненно тяжелее. Немецкий посланник Марденфельд в своем донесении Фридриху сообщает: «Белье и платье графа Левенвольда разделено между новыми камергерами императрицы. У них ничего не было. Двое из них были раньше лакеями, третий служил в конюхах».

Следствие и суд над представителями немецкой партии дали, конечно, именно те результаты, какие требовались. Список приговоренных бесконечен. Остерман приговорен к колесованию. Миних — к четвертованию. Елизавета может спать спокойно. Дело в том, что одновременно с заточением в казематы очередных жертв переворота в срочном порядке возвращаются из тюрем и ссылки жертвы переворотов прежних. Возвращен, например, бывший любовник императрицы Елизаветы Петровны сержант Шубин. В свое время именно за свои отношения с царевной он перенес все ужасы пытки и был сослан в Сибирь.

Теперь его вернули, но Елизавета, увы, не желает его больше видеть. Поздно. Красота Шубина сильно пострадала во время его пребывания на Камчатке. Кроме того, теперь сердце Елизаветы занято Разумовским.

Возвращены были все Долгорукие, многие из которых успели оставить свои языки в руках у палача.

Именно они, эти освобожденные жертвы прежних переворотов, проявляют наибольшую жестокость по отношению к своим заместителям — жертвам переворота нового. Больше всего свирепствует, например, вернувшийся из ссылки и оказавшийся судьей в комиссии Трубецкого Василий Долгорукий.

Елизавета активной роли на себя не берет. Она только следит за допросами. Мы еще увидим, какую странную и сложную фигуру представляет собой Елизавета Петровна, как причудливо соединяется в этой дочери Петра утонченно-грубая развращенность и пылкая религиозность, крайняя жестокость и слезливая сентиментальность.

Следственная комиссия, разбирающая дела свергнутых представителей немецкой партии, помнит, что здесь же, за занавеской, присутствует Елизавета, и усердствует вовсю.

Но когда 18 января 1742 года на Васильевском острове воздвигнут эшафот, когда его начинает окружать толпа любопытных, Елизавета Петровна, по воле которой вынесены все эти приговоры — четвертование для Миниха, колесование для Остермана и так далее — срочно уезжает в одну из своих загородных обителей, на дачу. Она не может выносить жестокостей...

В будущем, затеявая многочисленные и кровопролитные войны, Елизавета Петровна будет требовать, чтобы ей ни в коем случае не сообщали о количестве раненых и убитых. Она требует, чтобы были приняты все меры, чтобы она никогда не видела ни одного раненого. Ей всего 32 года. Эта очаровательная «птичка» уверяет, что она любит темы исключительно поэтические, разговоры только возвышенные.

Старого Остермана, больного подагрой, вносят на эшафот в кресле. Огромная толпа во все глаза глазееет на этого тонкого дипломата, недавно еще могущественного и властного. Остерман спокоен, он внимательно слушает приговор, присуждающий его к колесованию. Этого старого, выдавшего виды человека удивить трудно. Он слишком долго жил в России, чтобы чему-либо удивляться. Колесование так колесование.

Уже закончены приготовления к зверскому обряду, уже сделано все, что полагается, чтобы на глазах у любопытных зрителей приступить к раздавливанию живого человека

тяжелым колесом, — как вдруг новое поколение: ее императорское величество в неизреченной милости своей повелеть изволила заменить колесование обезглавливанием.

Остерман и против этого не спорит. Он все так же спокоен и невозмутим. В своем коротеньком паричке и маленькой шапочке из черного бархата, которую так хорошо знают и помнят дипломаты всей Европы, он корректно ждет, когда приготовят плаху. Палач уже вынул из особого чехла топор, уже сняли с Остермана паричок, расстегнули ему рубашку и положили голову на плаху, как вдруг новый эффект. Ее императорское величество повелела отменить и обезглавливание. Она соизволила заменить смертную казнь ссылкой.

Остерман спокойно оправляет рубашку, запахивает старенькую лисью шубу, вежливо просит палача вернуть ему паричок и с тем же неизменным достоинством отходит в сторону, уступая свое место возле плахи старому генералу Миниху.

Толпа недовольно гудит, с сожалением провожает глазами Остермана, но ожидание предстоящей церемонии четвертования Миниха скоро утешает недовольных. Это, правда, не колесование, но все же и это любопытно. Сначала будут рубить правую руку, потом левую ногу, затем правую ногу и левую руку, а потом уже голову. Так объясняют в толпе опытные люди, и все успокаиваются. Вот сколько удовольствия от одного только Миниха предстоит зрителям, а ведь на эшафоте целая толпа приговоренных, так стоит ли об одном Остермане переживать?

Но зрители оказались разочарованы. Суеверная Елизавета, оказывается, дала обет не проливать крови. Зрители обижены и возмущены. Буйно гудит, надвигается взбешенная, возмущенная, лишенная зрелища толпа — «сами расправимся, своим судом кончим!»

Но гвардейские офицеры, находящиеся во главе отрядов стражи, во всеоружии. Инструкции получены, диспозиция составлена. Свистят кнуты и нагайки, и вот уже приведена в повиновение толпа зрителей. Приговоренных, которым смертная казнь заменена вечной ссылкой, отводят в каземат Петропавловской крепости.

Старый Остерман поедет в Березов, куда так недавно он сам сослал Меньшикова. Ко всеобщему удивлению, в это сплошь вороватое время вдруг выясняется, что за многолетние годы своего пребывания у власти Остерман ничего не скопил и покинул свой пост бедняком! Сенсация небывалая! Сановник — и вдруг не ворует! Вы только подумайте!

Миних отправляется в Пелым, где по его чертежам устроена тюрьма для Бирона и для Долгоруких. Теперь в ней придется жить самому Миниху. Это, конечно, очень неприятно, но старый генерал держится молодцом. Его товарищи по несчастью жалуются, ноют и причитают. Все они в тюрьме чахнут и тают. Но Миних, который и на эшафот, не зная еще о предстоящем помиловании, всходил бодро, свежесбранным, в лучшем мундире, с веселой улыбкой раскланиваясь со знакомыми, Миних не сдается. Он отправляется в ссылку с улыбкой и живет там долгие годы, веселый, довольный, как и влюбленная в него старушка-жена. Он полностью сохраняет бодрость и уравновешенность.

Возле Казани по пути в Пелым Миних встретится с возвращающимся оттуда по приказу новой императрицы Бироном. Встреча их многозначительна. Старые враги успели многое понять за то время, что были в разлуке. Каждый из них воистину побывал и «на коне» и «под конем». Они почтительно снимают шляпы при встрече. Они многое могли бы рассказать друг другу. Но оба, сняв шляпы, молчат. Все понятно и без слов.

Старые вернулись. Новые отправились в ссылку. Вернется ли назад и эта партия? Те, у кого крепкие нервы, вернуться.

Через 20 лет, когда Елизавету Петровну сменит на престоле полупомешанный Петр III,

он, в ожидании того, когда новый переворот Екатерины свергнет его с престола и лишит его жизни, успеет еще попытаться вернуть сосланных при Елизавете. Но для того, чтобы дожидаться этого, нужны очень крепкие нервы. Двадцать лет — срок нешуточный. Остерман не дожидается — его судьба умереть в Березове. Но подтянутый, бодрый Миних приедет назад в дырявом тулупчике, снова займет свои роскошные апартаменты, проявит бешеную энергию, будет пытаться во все вмешаться, всем распорядиться.

При Екатерине он опять окажется в опале за слишком большую любовь к Петру III. Его отошлют вдаль от столицы, назначив его для этого начальником портов, но Миних будет по-прежнему бодр и даже в 1764 году, восьмидесяти четырех лет от роду, останется веселым и подвижным, будет писать красавице княгине Строгановой любовные записки. Одна из них, сохранившаяся в архивах Воронцова и относящаяся к этому времени, такова: «Склоняю перед вами колени. Нет такого места на вашем прекрасном теле, которого я бы не покрывал поцелуями, исполненными благоговения». Письмо галантного кавалера подписано словами «Милый старик».

Великое дело быть влюбленным в жизнь и ее радости!

Итак, давняя мечта Елизаветы Петровны осуществилась. Она на престоле.

На этот раз переворот был совершен под флагом борьбы с немцами. Этот лозунг был чрезвычайно популярен в те дни. В Москве архимандрит Кирилл Флоринский с кафедры клеймит немецких хищных «птиц» и называет по именам всех немецких сановников. Епископ Амвросий Юшкевич произносит еще более пылкие проповеди против «немецких еретиков» и тоже спешит назвать немецкие имена. Теперь это безопасно, и этим злоупотребляют.

Во главе движения сама Елизавета Петровна. Когда ей дают на подпись бумагу о назначении, хотя бы на скромную должность, человека с нерусской фамилией, она неизменно с неудовольствием спрашивает:

— Опять немец? Разве нет русского?

Но объявить лозунг национализма оказывается гораздо легче, чем осуществить его. Грамотных, умелых людей найти в России в те времена очень нелегко. Бирона больше нет, Миних в Пелыме, Остерманы в Березове, но антинемецкое течение идет вглубь, в самые низы.

Идя этим путем, государственных вопросов не решить. Без немцев пока не обойтись. И при Елизавете начальником артиллерии назначен полковник Фелькерзам, начальником пехоты — бригадир фон Берг, кавалерии — майор Вернулен, инженерной части — полковник Этингер. И так вплоть до главнокомандующего, на пост которого назначен не кто иной, как Пальменбах.

И чем яснее, что без иноземцев не обойтись, тем очевиднее пылкий национализм, который объявлен главным лозунгом новой императрицы с первых же дней ее восшествия на престол. Национализм вырождается в простую смену ориентации. Вместо немцев пытаются привлечь французов. Вместо немецких навыков, немецких вкусов выдвигают на первый план французманию, французскую ориентацию во всех видах и формах. Французские люди, французские нравы, французские вина. Вместо венгерского, какое вошло в нравы двора еще со времен Петра, хлопают пробки французского шампанского.

В подражание двору увлечение всем французским среди русского дворянства становится манией. Даже остальные провинциалы, толстопузые помещики стараются превратиться в парижан. «Французик из Бордо» делается героем эпохи, и любой барабанщик, любой лакей,

приехавший из Франции в эту «страну белых медведей», может рассчитывать не только на хорошее место, но и на всеобщий почет и уважение.

В одном из журналов той эпохи («Кошелек», 1774 год) читаем: «Без французов разве мы умели входить, кланяться, душиться, надевать шляпу и выражать разные состояния души? Входя раньше в собрание женщин, о чем мы говорили? О курицах и цыплятах! Франция снабдила нас предметами для разговора».

Сама Елизавета считала главной гордостью своей походить на француженку, «быть совсем как парижанка». Удавалось это плохо, но все-таки вместо тяжеловесных, на немецкий образец, ассамблей Петра I, эпоха проявляет себя в совершенно иных формах. Веселиться, забавляться, развлекаться во чтобы то ни стало — таковы были лозунги (для крепостных, впрочем, отнюдь недействительные) веселого царствования веселой Елизаветы.

Молодость Елизаветы, по осторожному высказыванию В. О. Ключевского, «прошла не назидательно». После восшествия на престол прежние черты проявились еще ярче, но по-иному: с первых дней и до самой смерти Елизавета в тревоге. Сама взобравшаяся на престол путем переворота, свидетельница целого ряда переворотов, она панически боится и не считает себя спокойной ни одного дня, ни одного часа.

Постоянная потребность балов, пикников, маскарадов, поездок, кутежей, пышных приемов, празднеств, спектаклей — все это прежде всего средство заглушить постоянную боязнь, вечный страх.

Все перевороты, свидетельницей которых она была, совершались ночью, и от этого по ночам она не спит. Даже если почему-то нет ни гостей, ни очередного любовника, она бодрствует до зари. Особенно тревожна она в те часы, когда солдаты, приведенные ею и Лестоком, стаскивали с постели Анну Леопольдовну с ее супругом Антоном-Уильрихом, вытаскивали из колыбели «бедное дитя», императора Иоанна VI.

Елизавета дала обет не проливать крови. Она суеверно соблюдает его, но все время помнит, что враги ее живы. Все время ей чудится, что они идут, что приближаются к ней солдаты, ведущие ее заместителя на престол.

Когда после долгих поисков ей удалось найти верного лакея, старика Чулкова, который обладал способностью бодрствовать сколько нужно, умел, даже заснув, просыпаться при малейшем шорохе, Елизавета возвела этого лакея в генералы, сделала его камергером, наделила его огромными богатствами и требовала от него, чтобы он не покидал ее ни на один час. Все ночи обязан был Чулков проводить в спальне императрицы. Чего только ни посмотрелся старик во время этого многолетнего своего дежурства при Елизавете, которая унаследовала умение одинаково ценить и мужские и женские ласки.

Главная, основная черта Елизаветы — страсть к нарядам, украшениям. Это в то время, когда в Москве, например, была только одна парикмахерская, умевшая делать особенно эффектные «вавилонны из волос», и потому, живописует современник, многие дамы причесывались там за три дня до выезда на вечер, а затем спали сидя, боясь испортить прическу.

Как обстояло дело в Петербурге, в точности неизвестно. Но судебные архивы хранят дело эпохи Александра II, когда некая дама, найдя особо искусного парикмахера, немедленно посадила его в клетку в особой комнате возле своей спальни и не выпускала его оттуда годами. Парикмахер был крепостной, и это не возбранялось. Ежели таково было мнение Александра I, то чего же было ждать от Елизаветы?

Страсть к украшениям и нарядам была у Елизаветы Петровны изумительная. Несмотря

на многие и многие тысячи платьев, которые сгорели во время пожара в ее гардеробе, после смерти императрицы осталось, как известно, свыше 15 тысяч платьев, два сундука шелковых чулок и т. д.

Эта страсть к нарядам была развита у Елизаветы до пределов чисто патологических. Она выслеживала, например, прибытие французских кораблей в петербургскую гавань с тем, чтобы пересмотреть все без исключения галантерейные новости прежде, чем кто-либо в России мог их увидеть. Послу в Париже Бехтееву вменялось в обязанность добывать образцы новых материй, шелковых чулок. Даже английский посланник лорд Гайндорф не мог уклониться от поручений по добыванию для русской императрицы материй на выбор.

Пост заведующего туалетами при Елизавете считался чуть ли не более важным, чем пост министра. Когда этот пост перешел в руки Олсуфьева, могущественный канцлер Бестужев приходит в ужас: ведь Олсуфьев — его враг! Новое назначение знаменует для Бестужева потерю контроля за туалетными делами императрицы, а значит, и потерю огромного, почти неограниченного влияния на все дела государства!

Даже официальные запросы о туалетах считались государственными вопросами. В 1746 году, например, сенату предписано заняться вопросом о количестве и цвете бархата, который должно выпускать в России. Петербургские сенаторы, под влиянием императрицы, решительно осудили материю с разводами — темно-красными на светлом фоне. Производство этой ткани высочайшим указом было воспрещено.

Когда некая мадемуазель Тардые оказалась повинной в том, что, продавая модные вещи, она кое-какие новинки — о, ужас! — продала другим покупательницам, не показав их предварительно государыне, — эту Тардые мгновенно отправили в тюрьму.

Государыня всемерно заботится об усилении шелковых мануфактур. Особыми указами предписывается разводить на этот предмет шелковичных червей.

В стране — сплошная нищета, одеться было не во что, самое простое полотно было редкостью, а императрица во что бы то ни стало требовала, чтобы в разных концах России устраивались фабрики отборных кружев, и предоставила исключительные преимущества выписанной на этот предмет брюссельской кружевнице Терезе.

Особым указом в 1745 году предписывалось ввести ряд ограничений, которые могли бы предохранить императрицу от конкуренции с нею в нарядах придворных дам.

Люди без чина вовсе не имели права носить ни шелка, ни бархат. Люди чиновные имели право покупать материю для платья не свыше 2 рублей за аршин. Только особам первых пяти классов разрешалось пользоваться шелковыми материями по 4 рубля. Более дорогие ткани имела право носить только одна императрица Елизавета.

Обойти этот порядок выпиской материи из-за границы было невозможно. Те, кто выписывал заграничные материалы, должны были заблаговременно заявлять об этом начальнику царского гардероба, чтобы Елизавета могла отобрать для себя те ткани, которые ей понравятся.

Тяжелое, хлопотное и сложное дело быть императрицей!

Так же болезненно и внимательно, как к вопросу о туалетах, относится Елизавета Петровна и вообще к своей наружности.

Процедура ее туалета, румяна, белила, прическа, по свидетельству французского посла маркиза де Бретеля, отнимает чуть ли не полдня: «четыре или пяти часов едва хватает, чтобы каждую прелесть поставить на место».

Долгое время до восшествия на престол не имевшая финансовых возможностей

удовлетворить свою страсть к туалетам, Елизавета считает необходимым ни разу не надевать уже однажды надетого платья. Во время балов императрица — гулять так гулять! — меняет туалеты по три раза за вечер.

Елизавета зорко следит за тем, чтобы избранные ею костюмы, прически оставались ее монополией. Только после того, как императрица соизволит изменить свою прическу или покрой платья, придворные дамы имеют право пользоваться уже установленной ее величеством модой. Горе тем, кто осмелится нарушить этот порядок! Когда славившаяся своей красотой Лопухина явилась однажды на бал с такой же розой в волосах, какая была у самой императрицы, Елизавета устраивает ей грандиозный скандал. В самый разгар бала она останавливает танцы, приказывает Лопухиной стать на колени среди зала, требует ножницы, отрезает виновной волосы вместе с розой и, дав ей две пощечины, продолжает танцы.

Через некоторое время императрице докладывают, что Лопухина упала в обморок. Елизавета отвечает короткой фразой:

— Так ей и надо, дуре!

В будущем — мы увидим — Лопухина попадает в руки палача. Елизавета и до самой смерти не простит ей этой розы в волосах.

Всенародное избиение выпало и на долю Анны Салтыковой, которая осмелилась явиться на бал с такой же прической, что и сама государыня. Отец этой Салтыковой только что оказал Елизавете очень крупные услуги, но прическа дочери... нет, это «преступление» слишком значительное. И на виновную принародно сыплется град высочайших пощечин.

Елизавета непрерывно веселится и развлекается и все же не может заглушить постоянной тревоги. Ее напуганному воображению все время мерещатся заговоры. В 1742 году все чины придворной охраны наказаны кнутом за какую-то бочку с порохом, будто бы подложенную под спальню императрицы. В следующем году раскрывается заговор Ивинского, заговор Ботты.

Императрица целый ряд ночей вовсе не ложится спать. Бессонные ночи, постоянные кутежи с обилием любовных приключений разрушают здоровье Елизаветы, но это ее не беспокоит. Ее страшит только то, как эти бессонные ночи отражаются на наружности. Чем ближе подступает старость, тем упорнее и настойчивее неослабная борьба Елизаветы с каждой морщинкой.

Что ей до того, что идут кровопролитные войны, ею затеянные? Что ей до тревожных, сплошь и рядом почти трагических докладов о том, что казна пуста, что все новые и новые волнения потрясают ее царство? Ей не до того. Ее не интересуют даже ни вчерашний, ни сегодняшней ее возлюбленные. На ее гребне снова оказалось два седых волоска!

Глава II

Как произошел переворот, в результате которого Елизавета оказалась на русском престоле?

Переворот готовили давно, но произвели его внезапно, экспромтом. Близкий Елизавете Лесток, ее возлюбленный, получил сведения о том, что Елизавете снова грозит заточение в монастырь, от которого ее при Анне Иоанновне спас Бирон, что те планы, которые она исподволь готовила в гвардейских казармах, стали известны Анне Леопольдовне.

Переворот готовили уже давно. Главной задержкой был финансовый вопрос. Без того,

чтобы напоить солдат гвардии, без того, чтобы подкупить караул, приступить к делу было нельзя. Денег у Елизаветы не было, она очень нуждалась в этот период после смерти влюбленного в нее Петра II. Все, что она могла сделать, чтобы задобрить мало-мальски влиятельных гвардейцев, она делала. И даже более того. Но кроме взяток натурой нужны были все же еще и крупные средства.

Их добывали из разных источников. Один из любовников Елизаветы, французский посол де Шетарди, добыл средства от своего двора путем обещания военной помощи, которая будет оказана Елизавете после ее воцарения. Другой любовник, Лесток, добыл деньги в Швеции, которой Елизавета обещала за помощь вернуть после восшествия на престол побережье Балтийского моря, завоеванное Петром Великим.

Как известно, Елизавета и не подумала выполнить этих обещаний. Вместо возвращения Балтийского побережья она предпочла завоевать и присоединить еще и Финляндию. «То, что обещано просто принцессой, не может быть обязательным для императрицы», — гордо заявляла она в ответ на упреки.

Внезапность переворота сказалась, между прочим, и в том, что, уже вступив на престол, Елизавета не знает, как себя вести. Она не решила даже, хочет ли она объявить себя регентшей при малолетнем Иоанне VI или же провозгласить себя императрицей и заменить его на престоле.

В первом манифесте она еще не называет себя императрицей и говорит только о том, что «волнения, происходившие ввиду несовершеннолетия государя, побудили всех верноподданных, духовных, мирян и особенно гвардию» просить ее занять престол.

В первый день, выходя к народу, обступившему дворец, она появляется на балконе с маленьким Иоанном в руках. В это время она, очевидно, считает себя еще только регентшей.

Но уже завтра утром она объявляет де Шетарди, что народ требует, чтобы она объявила себя не регентшей, а императрицей, и, как верного друга, спрашивает у него совета, что делать с маленьким императором? Галантный француз отвечает, что следует позаботиться о том, чтобы исчезли всякие следы царствования Иоанна VI. Он советует на всякий случай задержать курьеров, которые должны были быть отправлены ко дворам Западной Европы с сообщением о восшествии на престол Елизаветы Петровны.

Елизавета решает уничтожить не только следы царствования Иоанна VI, но и самого Иоанна. В новом манифесте заявляется, что «принц Иоанн Брауншвейгский и вся его семья будут отосланы в Германию со всеми подобающими почестями». Эти «почести» в конце концов свелись к каземату, но в первые дни своего царствования Елизавета еще ничего не решила.

Эта нерешительность на всю жизнь останется характерной чертой императрицы. Легкомысленная, бесхарактерная, через минуту забывающая о принятом решении, любящая только удовольствия, именно свою нерешительность она делает главным законом жизни России на целые двадцать лет.

Елизавета Петровна дала обет не прибегать к смертной казни. Этот обет свой она выполняла, когда дело шло о политических преступлениях. В делах, касавшихся церкви, она со вздохом говорила, что не вправе миловать, поскольку здесь обижен сам господь Бог. И казни совершались исправно.

Доброта Елизаветы вообще несколько своеобразна.

Когда в 1753 году ей доложили, что ввиду неутверждения ею смертных приговоров в тюрьмах скопилось около четырех тысяч человек, и спросили, что с ними делать, она

«милостиво» отвечает: «Вырезать им ноздри и отрубить правую руку».

На этот раз и самые жестокие сенаторы недовольны и торгуются: ведь отрубить руку — это убыточно, человек не сможет работать. Чем их кормить? Расходы будут.

Елизавета соглашается уступить. Сторговались на отрезании ноздрей, клеймени, наказании кнутом и пожизненной каторге.

Елизавета Петровна всегда подчеркивает, что она человек добрый, жалостливый.

Когда, например, она узнала, что в Лиссабоне землетрясение, то сразу заявила, что на своей счет отстроит целый квартал в городе, и только полное отсутствие средств в казне помешало ей осуществить этот богоугодный план.

Но эта жалость проявляется редко. Елизавета, например, не только не имеет ничего против пыток и истязаний, которые применяются в застенке Ушаковым и его преемником Шуваловым, но даже и по собственному почину охотно и широко прибегает к этому средству. Когда придворный шут Аксенов, кстати сказать, последний представитель это почтенной профессии при русском дворе, вздумал преподнести ей в подарок только что пойманного им ежа, Елизавета пронзительно завизжала и упала в обморок. А бедного шута послали в застенок и подвергли пытке за то, что неуместной шуткой напугал ее величество.

Елизавета Петровна, конечно, очень добра. Когда ей приносят на подпись «Уложение о наказаниях», она категорически отказывается:

— Не могу, этот устав написан кровью.

Но когда при расследовании так называемого «заговора Ботты» (никакого заговора не было и в помине, а были только непочтительные выражения о наружности и поведении императрицы) среди направленных к допросу под пытками оказывается Анна Лилиенфельд, беременная, — Елизавету это не пугает. Анна Лилиенфельд, правда, сама ни в каких преступлениях не виновата, она только не донесла о недоброжелательных замечаниях по адресу императрицы. Даже Ушаков считает нужным запросить, можно ли пытать, растягивать на дыбе и полосовать кнутом женщину, ожидающую ребенка. Елизавета отвечает утвердительно:

— Конечно, можно. Она не хотела беречь мое здоровье, мне нет надобности беречь ее.

Скрытая занавеской, Елизавета и в этом процессе присутствует во время допросов, но просит начинать пытки до ее прибытия и продолжать их только после ее отъезда. Ах, у нее очень слабые нервы! Поберегите императрицу!

Эти слабые нервы не помешали ей воспользоваться случаем и свести счеты с Лопухиной и Бестужевой в связи с делом Ботты. Императрица в бешенстве. Как? Кто-то осмелился непочтительно говорить о ее характере, о ее образе жизни, даже о ее наружности? О, она сумеет проучить дерзновенных!

Кроме обычных дыбы и кнута пущены в ход все разновидности пыток. Специальное судилище из членов сената и представителей духовенства приговаривает к обезглавливанию целую толпу виновных и соучастников.

Как всегда в делах политических, Елизавета заменяет смертную казнь. Вернувшись с бала, она составляет список: кому вырвать язык, кого отправить в каземат, кого в ссылку.

Публичная расправа назначена на 31 августа 1743 года. Среди приговоренных к истязаниям Лопухина и Бестужева оказались рядом. Государыня еще с вечера уехала в Ораниенбаум. У нее слабые нервы.

Обе жертвы уже раздеты рукой палача. Толпа гогочет, любясь раздетыми красавицами: «Ну-тка, ну-тка! Пущай и они попробуют!»

Бестужева успела, пока палач раздевал ее, сунуть ему в руку свой украшенный бриллиантами крестик и отделалась сравнительно легко. Палач не усердствовал при наказании кнутом. Лопухина вела себя иначе. Когда палач сорвал с нее платье, она пришла в ярость, стала отбиваться и даже укусила палача за руку. О, палачи умеют мстить! Палач схватил ее за горло, добыл свои щипцы — и вот в руке его уже кусок окровавленного мяса. Кому язык Лопухиной? А теперь, красавица, кнута попробуй. Будешь помнить!

Вместе с мужем, который также подвергся истязанию кнутом, Лопухина была после этого сослана в глубь Сибири, в Селезинск.

Идут долгие, мучительные годы. Через 10 лет Лопухина решается «припасть к стопам» императрицы Елизаветы, умоляет о прощении, взывает к ее религиозным чувствам. Но богомольная Елизавета не желает и слышать о помиловании. Лопухина остается в ссылке еще и вторые 10 лет. Только после смерти Елизаветы, при воцарении Петра III, она возвращается, наконец, в Петербург. Никто не может поверить, что эта страшная, костлявая седая старуха, что-то мычащая безъязыким ртом, и есть знаменитая красавица Наталья Лопухина — гордость и украшение петербургского общества.

Любила очень веселиться
Веселая императрица
Елисавет..

Бестужева после наказания была сослана в Якутск. Она умерла там через 20 лет, всего за несколько дней до изданного Петром III указа об ее освобождении. Все эти годы Бестужева проживала в страшной нужде, в холоде и голоде, а ее дочь в это время продолжала блистать при дворе, а муж разъезжал в качестве посланника из одной столицы Европы в другую и благополучно выхлопотал у Елизаветы разрешения жениться на другой женщине, богатой госпоже Гаугвиц.

Да, Елизавета была очень добрая, очень чувствительная и сентиментальная женщина!

Глава III

Нужно ли подробно останавливаться на любовниках этой чувствительной императрицы?

Их было много, даже слишком много. Как пересчитать всех героев ее романов, если любая встреча с красивым солдатом или рослым кучером сплошь и рядом создавала еще одного генерала-аншефа! Даже встреча с Алексеем Разумовским, связь с которым продолжалась долгие годы и даже была узаконена особым тайным браком, даже и эти отношения начались только по рекомендации. Подруга Елизаветы, Нарышкина, вернулась после свидания с этим, тогда еще неведомым императрице придворным певчим, «очень усталой и утомленной» и в беседе с Елизаветой дала о нем самые лучшие отзывы. Елизавета сочла нужным убедиться... Так вот, если даже любовь к Разумовскому началась таким образом, то естественно, что перечислять все случайные забавы Елизаветы совершенно излишне.

Елизавета любила театр. Так как во время придворных спектаклей женские роли исполнялись молодыми кадетами, то одевала их всегда собственноручно сама императрица.

Кадеты знали, что это одевание — не что иное, как смотр. Один из них, понравившийся ей кадет Бекетов, после такого «одевания» во время спектакля умудрился заснуть. Испуганный режиссер поспешил было опустить занавес, но Елизавета повелела занавес поднять:

— Не будите его, пускай спит. Он такой красивый, дайте полюбоваться.

Карьера Бекетова, начавшаяся с этого спектакля, была головокружительна. Осыпанный чинами, орденами, поместьями, крепостными, он уже на следующее после этой ночи утро «милостиво» принимает первых сановников государства, почтительно склоняющихся перед новым «государственным деятелем».

Показания современников упоминают еще и о кадете Свистунове, которого императрица также успешно одевала перед спектаклем с не менее благоприятными результатами.

Если оставить в стороне многочисленные любовные истории Елизаветы и всмотреться в них лишь постольку, поскольку они касаются Елизаветы как императрицы, имеют отношение к ней не только личное, но и государственное, эта длинная цепь любовников сразу же распадается на любовников по ведомству министерства внутренних дел и любовников по ведомству министерства дел иностранных. Они-то и правили Россией все эти годы.

Здесь сказывается яркая и характерная черта, свойственная всей династии Романовых: чуть ли не все эти цари-самодержцы полагали главной своей заботой сделать все, чтобы не царствовать. Уклониться от решения государственных дел — едва ли не главная задача каждого из Романовых в отдельности и всех Романовых вместе.

Если уже в царствование Михаила этот первый Романов всю свою царскую власть так охотно отдал в руки своего отца, Филарета, если Алексей-Тишайший так охотно ограничивает свои задачи посещением бани и церкви, а царскую власть отдает сначала Морозову, а потом Никону, — то еще ярче и разительнее эта черта всемирного уклонения, своеобразного дезертирства, сказывается в царствовании женщин. Екатерина I отдала всю власть Меншикову. Анна Иоанновна — Бирону. Анна Леопольдовна — Остерману. По этому же пути идет и Елизавета Петровна. Ярая сторонница разнообразия, она меняет на своем троне одного самодержца за другим, оставляя себе лишь балы, забавы, наряды и развлечения.

Наиболее близким ей человеком был ее муж, связанный с ней тайным браком Алексей Разумовский. Но этот добродушный хохол до конца своих дней так и не пожелал ни в коей мере путаться в дела государственные. Такого честолюбия у него и в помине не было. Веселый человек, не дурак выпить, он охотно брал те удобства жизни, какие доставляли ему его должность при императрице всея России. Ни забот, ни дел государственных, ни обязанностей он не желал. Малороссийская песня, малороссийская запеканка — это дело другое...

Мы не знаем, что делала бы императрица Елизавета, если бы Разумовский был ее единственным возлюбленным. Но, к счастью, выбор был очень велик, в связи с чем царствование ее резко и определенно разделяется на три периода.

В первом фактическим самодержцем, главой и распорядителем является Лесток — домашний доктор царевны Елизаветы, который оказался во главе заговора, возведшего ее на престол. Во втором периоде, когда Лесток в опале и после кнута, тюрьмы и пытки сослан в Устюг, на его место становится неограниченным властителем Бестужев. И, наконец, после опалы Бестужева и до самой смерти Елизаветы самодержавная власть принадлежит новому любовнику Шувалову и его братьям.

Эта странная черта передачи своих прав самодержицы кому-нибудь из близких лиц характерна и для женщин, и для мужчин на троне одинаково. Фигура Григория Распутина, которому Николай II через Александру Федоровну старается передать свои права

венценосца, вовсе не случайна. Это явление имеет глубокие и серьезные исторические корни.

В длинной череде царей, сменявших друг друга на троне, единолично исполняли свою «службу» разве что Петр и Екатерина II. Не потому ли и получили звание «Великих» оба этих монарха от благодарного, но не всегда последовательного потомства, что нарушили это общее правило и, вместо того, чтобы передать свою сумасшедшую власть кому-нибудь из находившихся рядом проходимцев, задумали вдруг царствовать самостоятельно.

Что нового, индивидуального принесла с собой на трон Елизавета? Мы видели в лице Анны Иоанновны характерную фигуру горничной на троне. Мы проследили в недолгое царствование Екатерины I, что делает на троне не менее типичная коронованная кухарка. В лице Елизаветы перед нами впервые на троне оказывается барышня-аристократка.

Елизавета, по сравнению со своими предшественницами, может считаться образованной женщиной. По воле Петра к ней был приставлен целый ряд воспитателей. Екатерина, сопровождавшая Петра в походах, оставляя дочерей на попечение мамки Авдотьи Ильиничны, в письмах к княгине Меншиковой требовала: «За детьми хорошенько смотреть и мамкиного Евдошкиного самовольства не допускать».

Возле девочек, кроме большого штата гайдуков, кухмистеров, конюхов, неизбежных «шести калмыков и четырех дворян», еще и «мастер немецкого языка» господин Клюк и некая француженка Латур Лануа.

Воспитание ее было не чуждо и эстетических заданий. Заботами родителей Елизавета уже в детстве была «испанским танцам изрядно обучена». Художнику Людвигу Каравату было поручено написать масляными красками портрет дочерей Петра, где обе девочки были изображены «в виде гениев с развевающимися драпировками и эфирными крылышками мотыльков за плечами».

Еще когда Елизавете было только 10 лет, Петр очень хотел выдать ее замуж за французского дофина Людовика XV и с этой целью даже специально ездил в Париж. Соответственно с этим, не желая ударить лицом в грязь перед Европой, Петр старался дать Елизавете воспитание самое утонченное. Он любил даже этим прихвастнуть: вот, дескать, какую барышню из своей дочки сделал! Девочку вывозили на ассамблеи, начинавшиеся 3 часа пополудни. По ритуалу сначала играли монотонный марш и все пары делали реверансы. После чего маршал должен был ударить жезлом о пол и заявить, что теперь каждый может танцевать, что и как ему угодно. Уже тогда, по отзывам современников, одиннадцатилетняя Елизавета «вызывала всеобщее удивление исполнением польского, а также немецкого менуэта и английской кадрили». Вступив на престол, Елизавета гордилась, что во всей России никто лучше, чем она, не умеет танцевать.

Наряду с тонким знанием танцевальной науки Елизавета Петровна владела французским и немецким языками. Она даже пишет какие-то, впрочем, очень плохие, стихи. По существу, однако, эта новая черта некоторой интеллигентности проявляется вовсе не так резко. Елизавета до конца дней своих бесконечно суеверна, полна предрассудков, старинных привычек и ложных страхов. Она свято верит в леших, домовых, русалок. Ложась спать, она требует, чтобы ей рассказывали сказки, обязательно страшные. Главный ее интерес — к сплетням. На сон грядущий ей чешут пятки. И до самой своей смерти она была уверена, что в Англию можно проехать посуху.

Влюбленная внешне в западноевропейскую культуру, бесконечно внимательная ко всем утонченностям западного быта, Елизавета наряду с этим свято соблюдает правила о грибной

и рыбной пище во время поста. Даже во время болезни врачи не могут убедить ее хотя бы на йоту отступить от этих правил.

Когда всемогущий канцлер Бестужев-Рюмин вздумал было не есть грибного в постные дни, ему понадобилось для этого особое разрешение константинопольского патриарха.

По выражению В. О. Ключевского, «вся карта Европы была в распоряжении Елизаветы, но заглянуть в эту карту ей и в голову не приходило». Бестужев-Рюмин ее именем плетет хитроумнейшие дипломатические кружева, решает важнейшие вопросы жизни Европы, а Елизавета остается в своих внутренних покоях среди приживалок, сплетниц, рассказчиц. Именно здесь создается тот интимный кабинет, который олицетворяет собой фактическое самодержавие на Руси. Здесь, среди баб, которые делали туалет императрицы, возились с ее гардеробом, рассказывали ей сплетни и сказки, чесали на ночь пятки и приводили очередных любовников, — «премьершами» являются Мавра Егоровна Шувалова, Анна Карловна Воронцова и еще какая-то старуха Елизавета Ивановна, которую в столице называли «министром иностранных дел» за то, что «все дела через нее государыне подавали». От этого вот «кабинета министров», который правильнее было бы назвать спальней, зависела не только раздача чинов, назначения, царская милость и царская опала, но и само направление дел государственных.

Мы видели, как ярко и резко проявляется в характере Елизаветы ее болезненная страсть к нарядам. Следующей чертой, наиболее характерной для нее, если оставить в стороне ее многочисленные любовные истории с мужчинами и женщинами, является исключительная, воистину патологическая лень.

Всматриваясь в документы и показания современников, ясно видишь, до какой степени ей лень было вставать с постели, ложиться спать, лень одеваться, лень целоваться и лень наряжаться. Эта черта, резко проявившаяся еще в юности, все растет и увеличивается после восшествия на престол.

Она очень дорожит тем, что она — императрица, тем, что она — дочь Петра, чьи заветы она будто бы исполняет и воплощает. Поначалу Елизавета даже объявляет, что она будет лично присутствовать на заседаниях сената и на заседаниях коллегии иностранных дел. Но все эти обещания не выполняются. Да что обещания! Уже в 1742 году, то есть очень скоро после восшествия на престол, Бестужев горько жалуется саксонскому министру Петцольду на лень и рассеянность ее величества. Она не позволяет решать дел без ее участия, но когда ей препровождают рапорты, докладные записки, она ничего не хочет читать и даже уже законченные дела ленится подписывать.

Все растут и растут горы бумаг. Из-за задержки осложняются новые дела. Грозит разрывом Австрия, настойчиво требует ответа по поводу договора Англия. Но добиться внимания Елизаветы хотя бы на пять минут оказывается совершенно невозможно. Даже когда коллегия иностранных дел — характерная черта эпохи! — занимается покупкой для императрицы бриллиантов, а в сенате заняты воспитанием двух медвежат, которых надо для забавы ее величества научить ходить на задних лапах и прыгать через палку, даже тогда Елизавета не находит ни одной минуты. «Нет возможности говорить о делах, — жалуется в 1744 году англичанин Тираули. — Балы, маскарады, оперы — вот все, что поглощает все наши мысли».

Эта беззаботность в делах государственных связана с большой требовательностью Елизаветы: она требует и настаивает, чтобы доставляемые издалека для ее стола персики, апельсины, устрицы и особого рода раки присылались быстро, она требует, чтобы для этого

были устроены особые станции, особая почта.

Через шесть лет после своих горьких жалоб саксонскому министру Бестужев в 1750 году жалуется австрийскому послу Гернесу на полную невозможность какой бы то ни было работы при Елизавете: «Вся империя разваливается. Мое терпение подходит к концу. Я принужден потребовать отставки».

Даже тогда, когда Елизавете удастся хотя бы на минуту усадить за письменный стол, это еще не служит ручательством, что она подпишет ту бумагу, которую обещала подписать. В 1746 году, например, заключен договор с Австрией. По сообщению маркиза де Бретейля, в тот самый момент, когда императрица, расписываясь под текстом договора, написала первые буквы своего имени, на перо уселась оса. Елизавета расстроена — это плохая примета. Она откладывает подписанные договора на целых шесть недель. По описанию современника, в то самое время, когда балы, любовники и кутежи заполняют все ее внимание, она «по целым дням стоит перед иконой, разговаривает с ней, просит у нее совета». Елизавета бесконечно мнительна: пылинки, попавшая в глаз, кажется ей бесспорным предвестником слепоты. Малейшее недомогание представляется ей смертельной болезнью. Постоянные истерические припадки делают невозможным даже напоминание ей о тех важнейших бумагах, которые месяцами ждут ее подписи.

Царствование Елизаветы Петровны исключительно по тому огромному влиянию, какое имела тогда Россия на дела всей Европы. Перед ней заискивают Англия, Австрия, Франция. Россия по воле Елизаветы бросает войска на Германию и одерживает изумительные победы над Фридрихом II. Русские «серячки» захватывают Берлин, но Елизавета сама ничего не знает и знать не хочет. Когда среди придворных находится фанатик, который, рискуя суровыми карами, осиливает многочисленные препятствия, добирается до Елизаветы и в длинной пламенной речи, приводя документы и доказательства, рассказывает о той невероятной вакханалии насилия и произвола, от которых стонет вся страна, о сплошных подкупах и взятках, которые берут ближайшие к царице люди, о том, что все ее министры получают жалованье от дворов Германии, Франции, Англии, о том, что данные ею приказы не выполняются, освобожденные ею люди гниют в тюрьмах, а люди, подлежащие по ее приказу аресту за взятки, гуляют на свободе, — Елизавета, выслушав все это, делает удивленные глаза и заявляет:

— Боже, как меня обманывают!

И сразу же, забыв об этом, возвращается к своему туалетному столику, к своим приживалкам, которые чешут ей пятки, к своим нарядам и иконам.

Говорить о каких-либо принципах Елизаветы Петровны не приходится. Эта взбалмошная истеричка понятия не имеет о какой-нибудь определенности. Мы видели, как резко объявляет она о борьбе с немцами, о своем непреклонном решении уничтожить «засилие иноземцев». И тем не менее царствование ее как началось с Лестока, Шварца и Гринштейна, так и продолжалось. Маршалом двора ее величества назначается Брюммер. И даже во главе той роты, которая возвела Елизавету на престол и получила название лейб-кампанцев и целый ряд особых привилегий, поставлен принц Гессен-Гамбургский.

Та же переменчивость и непоследовательность проявляется и в отношении Елизаветы к евреям. Особый указ от 2 декабря 1742 года категорически требует изгнания из России всех евреев, за исключением тех, кто примет православие. Сенат пытается доказать императрице, что этой мерой наносится большой вред отечественной торговле, но Елизавета стоит на своем прочно. От врагов Христовых она не желает интересной прибыли. Даже какой-то секретарь русского посла в Вене должен был немедленно покинуть свой пост. Его имя, оказывается, Симон! Даже знаменитый португальский врач Санхес, только что приглашенный самой Елизаветой в члены Российской академии и по ее приглашению приехавший в Россию, тоже попадает под действие этой меры. Президент академии по этому поводу пишет Санхесу письмо: «Ее величество лично против вас ничего не имеет, но она думает, что ее совесть не позволяет ей оставить в академии человека, который, покинув знамя Христа, позволил себе сражаться под знаменами Моисея и пророков Ветхого Завета».

Академик Санхес очень удивлен. В простоте души он полагает, что никогда не «покидал знамени Христа», ибо христианином никогда не был, что он вовсе не «сражался» под знаменем Моисея и что пророки Ветхого Завета — это даже и с точки зрения христианства вещь никак не позорящая. Но Елизавета разбирается во всем этом лучше.

Отношение к евреям у императрицы, кажется, достаточно определенное.

И все же принципиальность императрицы в этом вопросе совсем не такая угрожающая, как это можно было подумать. Некий еврей-ювелир Грюнштейн получает от Елизаветы в дар 1000 крепостных, самых настоящих христиан. Через несколько лет после этого еврей Грюнштейн женился. Елизавета Петровна приезжает к нему на свадьбу и дарит ему еще 2000 крепостных. Далее Елизавета делает его дворянином и зачисляет в самую элитарную часть гвардии, в число лейб-кампанцев ее величества.

Главной трагедией Елизаветы являлось безденежье во всех его видах и формах. Если даже не говорить о том трагическом недостатке денег, какой отличал ее девические годы, затянувшиеся до четвертого десятка, то даже и после воцарения она сплошь и рядом остается без гроша. Тратятся огромные, ни с чем не сообразные суммы, аппетиты становятся все больше, требования все повышаются, а денег, увы, все нет и нет. Уже в 1742 году Мардефельд в своем донесении сообщает: «Все кассы исчерпаны. Офицеры уже 10 месяцев не получали жалованье. Адмиралтейство не имеет ни одной копейки». Мардефельд рассказывает о том, какие сцены разыгрываются зачастую во дворце по случаю визитов кредиторов. У них брали ткани, бриллианты, но денег никто платить не желает. Тот же Мардефельд описывает, например, сцену, когда Елизавета восторженно кидается в переднюю, узнав, что к ней пришел торговец модными товарами. Елизавета пламенно желает посмотреть новые образцы, но, увы, ничего нового не принесли. Торговец пришел требовать 400 рублей, причитающихся ему за отпущенный ранее товар. После долгих разговоров, когда заведующий финансами Чоглоков категорически заявляет, что денег нет, что он не господь Бог и чудес творить не умеет, Елизавета отправляется в свою спальню и

приносит оттуда 400 рублей. Но дает она их не торговцу, а Чоглокову с тем, чтобы он эти 400 рублей вернул не позже чем через месяц — Елизавете нужно платить за бриллианты.

Любопытной чертой Елизаветы является еще и то, что она всегда заботилась копить свои личные, особые деньги, как будто всегда была готова к внезапному отъезду, к срочному бегству, при котором нельзя же оказаться «без валюты».

Французские галантерейные магазины отказывались отпускать во дворец модные товары в кредит. Но траты продолжают полным ходом. На постройку Зимнего дворца потрачено более десяти миллионов рублей. Огромные деньги уходят на бриллианты и наряды, на выписку итальянских певцов. Платить за все это зачастую нечем. Сплошь и рядом за столом Елизаветы «недоставало пряностей и слив, а вино подавали самое отвратительное».

У Мардефельда мы находим сведения о том, как толпа матросов остановила карету Елизаветы, едущей в монастырь. Надо сказать, что поездки в монастырь считались особо важными. Кроме религиозных мотивов, были еще мотивы другого свойства: почему-то любимым местом для любовных свиданий Елизаветы были именно монастыри. Грубые матросы, не считаясь ни с чем, окружают карету и громко требуют выплаты жалованья.

Отчетности казны в то время вовсе не существовало. Брала налоги со всех концов, старались нахватать больше и больше. Воеводы, которые жалованья не получали, а кормились по своей должности, обязаны были следить за тем, чтобы «и государыне не обидно было». Тратили при дворе столько, сколько понадобится. Лишь бы хватило. Но хватить не могло. К концу царствования Елизаветы долги составляли восемь миллионов рублей. Самых неотложных платежей в одной армии накопилось около трех миллионов. А наличность была сведена к пятидесяти тысячам рублям. На такие деньги не раскрутишься.

Игру ума в денежной области Елизавета проявляет изумительную. Сенатским указом от 1758 года предписывается Дворянскому банку заплатить семь тысяч рублей жалованья итальянской труппе в Петербурге. При чем тут Дворянский банк — ответить совершенно невозможно. Вводится система оплаты долгов товарами. Бесконечно повышаются косвенные налоги. Цена за соль повышается чуть ли не в сто раз. Шувалов прибегнул к переплавке монеты: величина монеты уменьшена вдвое, а ценность ее вдвое увеличена. Состоявший в это время в любовниках Шувалов очень гордился элегантностью этого способа. За изобретательность он получает тридцать тысяч рублей в подарок. Но положение от этого легче не становится.

«Елизавета жила в золоченой нищете», — констатирует В. О. Ключевский. Денег все меньше, долгов все больше, и от этого все больше неприятностей. Все растут волнения, бунты и мятежи. Елизавета даже выпускает особый манифест «О цветущем состоянии государства Российского, равного которому оно не переживало». Иностранцы читают и возмущаются. Русские читают и хихикают.

В этой обстановке из того типа барышни-аристократки, который явила было на российском престоле Елизавета, с течением времени только и могла получиться толстая, дебелая помещица.

Провинциальная помещица — это наиболее точное определение этой, быть может, по существу и не злой, и не глупой, но совершенно безнадежно ленивой и распушенной женщины.

Как и следовало ожидать, все вокруг было безнадежно запущено у этой русской помещицы. Она обожала лоск, блеск, роскошь, но нищета проявляла себя трагически ярко. В ее дворце огромные залы, театральные фойе, пышные балы, но жилые комнаты дворца

«поражают теснотой, убожеством обстановки, неряшеством». Двери не затворяются, в окна дует, комнаты чрезвычайно сыры, вода течет по стенным обшивкам. В печи, которая находится в спальне, зияют огромные щели. В маленькой каморке возле спальни теснится 17 человек прислуги. Мебели до такой степени мало, что зеркала, постели, столы и стулья приходится возить с собой не только из одного дворца в другой, но даже и при поездках из Петербурга в Москву. Во время путешествий вещи ломают, бьют и в таком виде, жалкие, ободранные, так и оставляют по дворцовым комнатам.

Таков внешний обиход этой помещицы. Таков же обиход и личный. Не любившая порядка, не имевшая определенных часов для сна, вставания и еды, ненавидевшая всякие серьезные занятия, иногда до крайности фамильярная, а в следующую минуту готовая рассердиться из-за пустяка, гостеприимная до того, что не стеснявшаяся, по примеру матери, зайти в кухню и угостить гостя блюдом собственного изготовления, и в то же время бранившая своих придворных самой грубой бранью, окруженная кучей сплетниц и приживалок, — такой была эта провинциальная помещица на троне.

У Петра была по крайней мере дубинка. Был свой, пусть грубый, но порядок. Елизавета Петровна бьет своих приближенных старой туплей по щекам.

Перед нами именно тот тип, который в народе называют звучным словом «халда». Но эта «халда» во что бы то ни стало хочет быть изящной и поэтической. Вот-вот улетит! Она называет себя феей Астреей. И специальной труппе поручено поставить аллегорический балет «Радости русского народа при появлении его Астреи». Этот жанр считается до такой степени государственно важным, что в Академии Наук, переименованной для пущей важности в «Академию де Сианс», вводится особая кафедра по аллегориям.

По свидетельству Дугласа, предшественника маркиза де Опиталь, в Царском Сельском дворце, летней резиденции Елизаветы, введены все утонченности, самое последнее слово роскоши и комфорта. Здесь и подъемные механизмы, на мягких подушках поднимающие гостей на второй этаж, и механические столы, на которых блюда появляются без участия слуг, и «самодвижущиеся лодки и кареты».

Но рядом с дворцом — никем не убираемые трупы лошадей, и германский посол, приглашенный в Царское Село, жалуется на невероятно тяжелый запах.

То же соединение полного убожества с комфортом проявляется во всем. Когда императрица Елизавета едет из Петербурга в Москву, она во имя комфорта берет с собой сенат и синод, иностранную и военную коллегия, дворцовую канцелярию. Ехать так ехать! В эту временную поездку командируются не более и не менее как 80 тысяч человек и 19 тысяч лошадей! Императрица проявляет большие требования и к удобствам поездки. Коляска ее представляет собой целый дом на колесах, в окна которого видны столы, заставленные бутылками и богатыми яствами. В высоком кресле восседает сама императрица, а рядом на стульях — придворные. Дюжина лошадей, которых запрягают в гигантскую карету ее величества, должна была все время нестись вскачь. Рядом мчались запасные лошади, чтобы можно было молниеносно заменить загнанных. В двое суток нужно было во что бы то ни стало промчаться из Петербурга в Москву, так что лошадей для поездок императрицы выбирали специально тренированных.

Как только заканчивалась эта пышная поездка — в Москве, тотчас по прибытии, проявляло себя обычное, глубоко провинциальное, средневековое какое-то убожество. Подъезд императорского дворца в Москве был превращен, увы, в отхожее место. Елизавета сплошь и рядом требовала присылки для задуманных ею построек неограниченного числа

плотников, добивалась того, чтобы дворец был воздвигнут именно в 24 часа, но во дворцах этих, блещущих внешней пышностью, не успевали построить самых необходимых отделений.

Личные вкусы императрицы, несмотря на демонстрировавшуюся ею любовь к изысканным блюдам французской кухни, проявлялись в нескрываемом пристрастии к щам, баранине, кулебяке и гречневой каше. Не удивляет зафиксированное летописцами умение Елизаветы в один присест съесть два десятка блинов.

Русская натура требовала всего помногу. Если уж устраивать бал по случаю именин Шувалова, так танцы должны продолжаться 48 часов без перерыва!

Русская натура требовала, чтобы всего было много, начиная с количества фаворитов. Образ жизни вела Елизавета самый светский: с вечерни — на бал, с бала поспешала к заутрене, оттуда на допрос в Петропавловскую крепость, оттуда на пристань смотреть драгоценности, оттуда в гости к кумушкам, составлявшим ее «звездную палату», оттуда на богомолье в монастырь, где должно состояться любовное свидание. Чем, в самом деле, не повторение буйной и бурной природы Петра Великого!

Удивляться ли тем коммерческим способностям, которые так часто проявляет с высоты трона томная Елизавета? Не довольствуясь монополией на водку и табак, она надумала ввести монополию на мануфактуры, всерьез мечтая «погубить лионскую индустрию». По указу Елизаветы открываются два банка — Дворянский и Торговый. Елизавета желает именно в области финансов показать миру чудеса.

Толку от этих стараний выходит ужасно мало. Когда некий раскольник Прядунов открыл источники нефти в России и послал образчики не только в Петербург, но и в Гамбург, то они вызвали всеобщее одобрение. На его горе в дело вмешалась Елизавета. И вот уже медицинская канцелярия ссорится с коллегией копей по вопросам «о лечебных свойствах этой субстанции», а бедного Прядунова на всякий случай отправляют в тюрьму, предварительно подвергнув крупному денежному штрафу.

Когда крестьянин Яранского уезда Леонтий Шемшуренко, сидя в тюрьме, изобрел какой-то новый самодвигатель, изобретателя на три месяца отпустили на свободу и даже дали ему 80 рублей на опыты.

За 15 лет до этого Шемшуренко уже изобрел новый аппарат для подъема на колокольню большого церковного колокола, и аппарат этот артиллеристы одобрили и уже применяли в деле. Но это не изменило судьбы Шемшуренко. Изобретателя продержали в тюрьме 15 лет (преимущественно за его крестьянское происхождение). Дело, по которому он привлечен, пустяковое: какой-то донос об обманной продаже водки, причем Шемшуренко был даже не обвиняемым, а свидетелем.

Когда ему выдали 80 рублей и отпустили на три месяца на свободу, он проявил энергию небывалую, закончил свою машину, построил самодвижущиеся сани и самодвигатель на колесах с особым счетчиком-часами, приделанными позади, показывавшими пройденное расстояние и звонившими после каждой пройденной версты. Но по истечении трехмесячного срока Шемшуренко препроводили назад в тюрьму. Императрица Елизавета считает необходимым уважать закон. Никакого дальнейшего развития это изобретение, по тем временам изумительное, так и не получило. Никто Шемшуренко так и не заинтересовался.

Барышня-аристократка давно обратилась в растолстевшую провинциальную помещицу — «халду». Давно потерял счет любовникам и фаворитам, годы уже не те, но императрица

Елизавета по-прежнему молодится и настойчиво пользуется румянами и белилами, по-прежнему старается поразить земной шар туалетами, по-прежнему боится заговоров.

Но костлявая заговорщица-смерть неуловима даже для всемогущего Ушакова с Шуваловым. Кто сменит на русском престоле эту провинциальную помещицу, женщину рыхлую и сырую? Ей бы свахой где-нибудь в Замоскворечье — может быть, и хорошего слова от людей дождалась бы.

Но она — императрица, самодержавная повелительница огромной страны, и безрадостны и унылы грешные итоги грешной жизни.

Петр III

В большой зале дворца освещение тусклое. Сальные свечи уже заменены стеариновыми, но, по новизне дела, стеариновых свечей как следует готовить еще не умеют. Фитили дымят, чадят, дают мало света.

Высокая, вертлявая, суетливая фигура, отражаясь тенью в высоких зеркалах, кажется призраком. Фигура делает странные движения, потирает руки, ходит вокруг стола на цыпочках. Лицо этого человека с оскаленными зубами, узкое, продолговатое. Оскаленный рот беззвучно смеется. Белесые невыразительные глаза кажутся безумными.

В зал входит невысокого роста, красивая, эффектная женщина.

— Смирно! На караул! — кричит мужчина.

Женщина становится во фронт, берет в руки ружье, проделывает по команде целый ряд упражнений. В перерывах между ними она справляется о причинах радости тонконового мужчины.

Оказывается, его императорское величество доволен по поводу торжества справедливости. Только что ему удалось закончить военный суд над пойманной крысой. Процесс был проведен по всем правилам. Крыса оказалась виновной в нападении на крахмального часового, стоящего на столе возле картонной казармы. Суд закончился смертным приговором, и вот над столом висит пойманная крыса.

Беззвучно смеется, потирая руки, его величество император Петр III. Снова и снова до утра проделывает военные упражнения под грозную команду царственного супруга очаровательная женственная Екатерина.

«Все наши ночи с мужем уходили на выделывание под команду военных артикулов, экзерсисов с ружьем и маршировку по прусскому образцу. Целыми часами стояла я с ружьем в руках, — расскажет впоследствии в своих „Записках“ императрица Екатерина. — Мне казалось, что я годилась для чего-нибудь другого».

Перед нами воистину странная пара, какой еще не видели даже много выдавшие стены русских дворцов.

Всю жизнь боявшаяся покушений и заговоров, все дни свои ждавшая переворота, Елизавета Петровна очень внимательно относилась к вопросу о своем наследнике. Она знала, что ее, выражаясь мягко, легкомысленный образ жизни известен всем, и даже не пыталась поэтому передать престол кому-нибудь из своих внебрачных детей. «Это будет непрочно», — решила раз и навсегда Елизавета и детей своих от разных отцов раздала под чужими именами вельможам.

На роль наследника престола ею был избран принц Гольштейнский Карл-Петр-Ульрих.

Этот назначенный ею наследник (по определению всегда ехидного В. О. Ключевского, «самое неприятное из всего неприятного, что только оставила после себя императрица Елизавета») был ее племянником, сыном сестры Елизаветы и внуком шведского короля Карла XII. Вследствие этого мальчику, кроме трона маленького герцогства Гольштейнского, «грозила серьезная опасность стать наследником двух крупных престолов — шведского и русского».

Поначалу маленького Карла-Петра-Ульриха готовили к шведскому престолу. Он изучал шведский язык, лютеранский катехизис, латинскую грамматику. О России, русском языке

он не имел и понятия. Но вот испуганной Елизавете понадобилось укрепить свой трон назначением «законного престолонаследника».

Исполняя возложенное на него поручение, майор Корф уже привез в Петербург герцога Карла-Петра-Ульриха. Его поторопились женить на принцессе Ангальт-Цербтской — Августе-Софии-Фредерике. Кому же непонятно, что соединение Карла-Петра-Ульриха Гольштейн-Готоропского с Августой-Софией-Фредерикой Ангальт-Цербтской должно естественно дать в результате переименование одного из них в самодержца всероссийского Петра III Романова, а второй — в ее императорское величество Екатерину II. Для русского престола, для самодержцев российских воистину «закон не писан».

Когда четырнадцатилетнего Карла-Петра-Ульриха привезли в Россию, он приехал таким неучем, что даже Елизавета Петровна, женщина в этом отношении довольно беспечная, пришла в ужас и заахала! Мальчик-то был явно ненормальным, типичный вырожденец с дегенеративными чертами лица, белесыми глазами и всегда полуоткрытым ртом. Даже В. О. Ключевский, несмотря на цензурные условия своего времени, говорит об этом царе, как об алкоголике, человеке ленивом и вздорном, который «в лета мужества остался тем же, чем был в детстве: на серьезные вещи он смотрел детским взглядом, к детским затеям относился с серьезностью взрослого мужа».

Когда после двухлетнего пребывания на троне Петр III по системе, которая к тому времени уже успела обратиться при русском дворе в традицию, будет сброшен с престола Екатериной, когда он будет задушен в Ропше, всем будет казаться, что иначе и быть не могло. «Он дал себя прогнать с престола Екатерине, как мальчик, которого отсылают спать», — презрительно скажет о покойном король Фридрих. «Снисходительность была важнейшей ошибкой этого государя, — авторитетно заявит доживающий свои дни Бирон. — Русскими должно повелевать не иначе, как кнутом и топором».

Петр III, как и Павел I, оклеветан и слишком очернен на страницах истории — таково было мнение хорошо знавшего и прекрасно чувствовавшего русскую историю Льва Толстого. Кое-какие добрые черты в характере Петра III и вправду успели проявиться. Петр III уничтожил, например, Тайную канцелярию Петра I. По выражению принятого им указа, это ведомство «дает способ клеветать людям на своих врагов, почему отныне Тайная канцелярия уничтожается навсегда». Мы знаем, что это «навсегда» в царском указе сохранит свою силу ненадолго, но наличие добрых намерений Петра III здесь бесспорно.

Столь же ярко проявлялись его добрые намерения в указе об уничтожении обязательной службы для дворян. По свидетельству современника, этот указ вызвал всеобщее ликование. Люди целовались на улицах, поздравляли друг друга. Был еще указ о запрещении преследования раскольников. Раскольникам, бежавшим в прежнее время за границу, он позволил вернуться в Россию, отвел им землю и приказал «защищать от всяческих обид».

Наряду с этими добрыми чертами в характере Петра III сплошь и рядом оказывается ярко выраженный тип буйного психопата. Уже когда в январе 1742 года Карл-Петр-Ульрих торжественно въезжает в Петербург, когда его торжественно встречают с пышностью, подобающей будущему императору, он на всех видевших его производит впечатление полудиота.

Первая забота, которую приходится взять на себя выписавшей его Елизавете, — это забота о целом штате врачей, которые принялись за лечение этого хилого, развинченного мальчика, похожего на впавшего в детство старика.

Маленького Карла-Петра-Ульриха прежде всего переименовали. Отныне он — его

императорское величество Петр Федорович. Но Карл-Петр-Ульрих не только истерически влюблен в свою родину, готов молиться на Фридриха II, но еще и болезненно ненавидит Россию. Он ничего не понимает из того, чему его пытаются обучить. Он играет в солдатики, травит крыс, а с одиннадцатилетнего возраста приучен напиваться допьяна с придворными лакеями.

Елизавета относилась к своему наследнику с гневом и отвращением. Она горько жалуется на «проклятого уroda». В последние годы царствования у нее появилась мысль выслать Петра III из России, лишить его престола и объявить своим наследником шестилетнего сына Петра III — Павла. Но так как Павел и физически и морально был уродлив ничуть не меньше своего отца, эта мысль так и осталась неосуществленной.

Болезненный и жалкий кретин, Петр III долгие годы царствования Елизаветы остро мечтал о своем восшествии на престол. Елизавета вела войны с Пруссией, которую он обожал, с Фридрихом, на которого он молился, и Петр III мечтал встать у власти, резко прервать войны, вернуть Фридриху все, что успели добыть своей кровью русские солдаты.

«Ум его, гольштински тесный, пугался всего в России, — говорит Ключевский, — как пугаются дети, оставшись одни в обширной пустой комнате». Он боялся всего русского, называл Россию «проклятой страной» и даже не пытался как-то освоиться с ней, с той страной, власть над которой передавалась в его руки.

Призыв гольштинского принца, как мы видели, объяснялся тем, что захватившая власть путем переворота и сама панически боявшаяся возможности нового переворота, Елизавета желала укрепить свое положение на троне провозглашением законного наследника. Во имя этих же соображений она считала необходимым как можно скорее женить «проклятого уroda», хотя уже тогда боялась, что потомства от него ждать не придется.

Выбор невесты был чрезвычайно затруднительным, западные дворы не желали родниться с русским царствующим домом, ибо памятовали о тех постоянных переворотах, которые вошли в систему в России. И совсем мало желания испытывали они отдавать замуж какую-нибудь из принцесс за переkreщенного в Петра III Карла-Петра-Ульриха. Его странности, его болезненные выходки, постоянное кривлянье, его хилость не были секретом. Сведения об этом можно встретить в донесениях на родину послов, живших в России уже в первые годы после приезда Петра в Петербург.

Когда в поисках невесты Елизавета запросила Фридриха II, не согласится ли он отпустить в Россию свою сестру, Фридрих ответил резким отказом: «Ни одной из своих сестер я в Россию не отдам». Но подыскать подходящую невесту из дружественной ему семьи, чтобы на всякий случай укрепить связи с русским двором, Фридрих все же постарался. И невеста была найдена. Это была Августа-София-Фредерика, принцесса из захудалого рода, дочь генерала, служившего в армии прусского короля. Есть известия, что эта невеста — незаконная дочь Фридриха. Мать невесты отличалась бурным темпераментом, какой проявила и в России. Приехав в Петербург пристраивать дочь, она не забыла и о себе. Ее роман с вельможей Бецким стал притчей во языцех. Ее дочь, будущая императрица Екатерина II, всю жизнь оказывала Бецкому совершенно необычные почести — при встрече с ним целовала ему руку и этой особой почтительности к нему не скрывала от придворных.

Брак престолонаследника с принцессой захудалого европейского рода мог показаться мезальянсом. По существу же невеста была несравненно значительнее, умнее, ярче, чем

жалкий урод, ее жених. Карточку Ангальт-Цербтской принцессы показали Елизавете. Портрет понравился, произвел впечатление. И вот счастливой невесте послана валюта, отпущено из русской казны на дорогу 10 тысяч рублей, и она с матерью едет в Россию.

Юные годы принцессы прошли невесело, в постоянной нужде и лишениях. Переменить убогую нищенскую жизнь на огромную Россию с ее возможностями молоденькой принцессе казалось очень интересным. Судя по ее письмам того времени, молоденькая пятнадцатилетняя девушка в восторге. Еще больше ликует приехавшая с ней мать, сумевшая очень быстро оценить полученные в день приезда подарки — табакерку с драгоценностями, которые показались ей более внушительными, чем ордена, которыми щедро увесили грудь приехавшей невесты. Орденов было у них достаточно и на родине. Правда, жених оказался непрезентабельным. В свой дневник невеста записывает впечатления от первой встречи: «У него очень грубые черты лица, кожа, исковерканная оспой. Волосы его коротко стриженные, а парик придает ему еще более уродливый вид. Он мне ужасно неприятен!»

Впрочем, личные переживания никогда не считались при дворе имеющими какую бы то ни было важность. Августа-София-Фредерика уже присоединена к православной вере, уже именована Екатериной Алексеевной. «Ее высочество — красавица из себя, очаровала всех, — описывает церемонию присоединения к православию репортер петербургской газеты. — В церкви царила мертвая тишина. Все взоры были устремлены на вновь помазанного члена православной семьи, и все сердца бились в пользу его».

Слог у репортера довольно тяжелый, но и в самом деле невеста, очень быстро овладевшая русским языком, владеющая к тому же западноевропейским лоском, рядом с полуидиотом-женихом производила очень большое впечатление.

И вот настали торжественные празднества по поводу бракосочетания их императорского высочества. На улицах и площадях Петербурга герольды три дня кряду объявляли об этом событии. Перед дворцом сооружены фонтаны, выбрасывающие вместо воды вино. Пить разрешено всем верноподданным. «Душа меру знает» — это правда, но возле фонтанов собираются неистовые толпы, которые приходится разгонять солдатам. На площадях становятся огромные столы для дарового угощения народа. На Неве — корабли, которые салютом пушек приветствуют новобрачных. Свадьба отпразднована пышно. «В союзе сей четы нельзя не видеть перст всевышнего», — так начинает свою речь по случаю бракосочетания митрополит в Казанском соборе.

Во время церемонии всюду суетится, во все вмешивается, всем мешает новоявленная теща. Спокон веку нищая, попав в Россию, дорвавшись до «своего термина», она превзошла самое себя. Она выклянчивает все новые и новые подарки, заводит самые невероятные сплетни, успевает поссорить между собой всех придворных, заводит любовную интригу с директором воспитательного дома, требует для себя каких-то особых карет, заявляет, что ей должно быть отведено наиболее видное место в свадебной процессии, создает столько интриг, суеты и осложнений, что все приближенные единодушным хором умоляют Елизавету Петровну как можно скорее отправить «тещу» туда, откуда она приехала.

Жених с изъянцем, но так или иначе брак состоялся. Елизавета нетерпеливо ждет внука или внучку, но все сроки миновали, а признаков продолжения царского рода все нет.

Елизавета устраивает совещания с целым рядом врачей. Она в тревоге, но полуидиот Петр меньше всего на свете интересуется Екатериной. Он все играет в куклы, в деревянные солдатики, вешает мышей и крыс, хоронит их со всеми воинскими почестями, заставляет жену упражняться с ружьем, и Екатерина со вздохом записывает в своем дневнике: «Мой

возлюбленный муж мною вовсе не занимается. Он проводит все свое время с лакеями или играет с солдатами. Я зеваю и не знаю куда деться со скуки».

Годы идут. Петр III уже далеко не мальчик. Но он остается верен себе. Двадцативосьмилетний балбес все так же изнуряет своих лакеев военной муштрой, дрессирует собак, заставляет взламывать все полы во дворце, чтобы разыскать крысу, ускользнувшую от очередной казни, а Екатерина, тоскуя в одиночестве, все определеннее начинает думать о будущем. «Рано или поздно, — пишет она в дневнике, — я буду властительница России в самом обширном значении этого слова».

И Екатерина уже в то время, при жизни Елизаветы, начинает энергично готовиться к будущей роли. Она изучила русский язык, она пытается знакомиться с историей России. Но Елизавете Петровне нужно совсем не это. Ей нужен внук, а его нет.

По приказу Елизаветы к молодой женщине и ее мужу в качестве менторши прикрепляется некая Чоглокова, пользующаяся славой примерной супруги и добродетельной матери. У нее самой дюжина детей, она это дело изучила в совершенстве. Чоглоковой вменено в обязанность следить за добродетелью супругов, чтобы никто из них не увлеклся на стороне и не растрачивал пылких чувств, которые нужны отечеству и трону. Чоглоковой даются на этот предмет особые письменные инструкции, доселе сохранившиеся в сенатском архиве.

В этом любопытном документе указано: «Великая княгиня, которую мы призвали быть достойной супругой нашего возлюбленного племянника, осчастливлена этой нашей царской щедростью только в видах того, что ее высочество сумеет повлиять своим умом и своими душевными качествами на его императорское высочество и, привязав к себе тем его сердце, подарит дорогому нам отечеству православного наследника, нашему же императорскому дому достойного преемника». Программа достижения этой цели указана весьма подробно. Екатерине рекомендуется прежде всего «проявлять полное подчинение характеру ее супруга, ибо от этого зависит ее же счастье и благополучие». От нее требуется, чтобы она «проявляла всевозможные любезности и старания» для достижения высокой цели обеспечения династии престолонаследником.

Чоглоковой предписывается «наставить великую княгиню в любезности, в любви, в уважении и теплоте к супругу, стараясь тем смягчить его характер».

Опытная Чоглокова делает со своей стороны все возможное, но Петр женой не интересуется. «Если бы он хотел любви, это было бы для меня вовсе не трудно», — пишет в своих записках Екатерина.

Но Петру интересны все женщины на свете, кроме его жены. Он занимается фрейлинами, женами своих лакеев, может увлечься первой встречной, лишь бы она могла пить, не отставая от него. Его рекорды в этой области изумительны. Старая поговорка «пьет, как сапожник» в применении к Петру III звучала бы «пьет, как самодержец».

Хроника того времени, очень подробно отраженная в дневниках самой Екатерины, много рассказывает об унылых любовных похождениях Петра III, который как будто нарочно подбирает самых некрасивых женщин. Некая Шапирова, за ней Теплова, потом Елизавета Воронцова. Эта Воронцова, сестра Дашковой, славилась своим уродством. Толстая, малорослая женщина с лицом, изрытым оспой, лишенная ума и «всяких добрых качеств», держала Петра под башмаком и оказывала на него огромное влияние. Екатерина не только не восстает против походов своего супруга, но даже сама подыскивает для него тех, кого при дворе в то время называли «фаворит-султаншами».

«Нет ничего ужаснее, чем быть женой мужа-ребенка, — пишет Екатерина в этот период. — Я, вне всякого сомнения, любила бы его, если бы только это было возможно, если бы он только пожелал этого».

Историки уже в этот период жизни Екатерины указывают на те ее увлечения, бороться с которыми была приставлена госпожа Чоглокова. Совершенно бесспорным представляется, однако, что бурный темперамент этой женщины был разбужен совершенно необычно. Когда после восьмилетнего супружества Петра и Екатерины выяснилось, что надежды Елизаветы Петровны дожидаться внуков не имеют под собой почвы, то именно Елизавета со своими приближенными позаботилась о приискании любовника для Екатерины. Им оказался молодой граф Салтыков. По свидетельству Рюлье, французского посла, оставившего большой труд с описанием этой эпохи, Салтыков «отличался прекрасной наружностью и недалеким умом», то есть совмещал в себе именно те качества, которые требовались.

Великому канцлеру Бестужеву-Рюмину поручено было предупредить Екатерину, подготовить ее к той «жертве», которая от нее требовалась, и отрекомендовать ей Салтыкова. По словам Рюлье, услышав, что от нее требуется, она негодовала, угрожала, указывала даже на то, что при отсутствии детей она сама с успехом может заменить на престоле своего мужа. Но все ее доводы канцлера не убедили. Екатерина обозлилась и заявила, что сейчас же пойдет жаловаться ее императорскому величеству. Старый канцлер с улыбкой ответил, что предложение, с которым он пришел, продиктовано самой императрицей.

— Нельзя жаловаться ей на то, что исходит от нее же, — сказал канцлер. — Вдумайтесь лучше в те опасности, которым вы, продолжая упорствовать, подвергаете империю.

Выслушав это, Екатерина внезапно меняет точку зрения.

— Я все понимаю, — говорит она, не опуская взгляда. — Приведите его сегодня же вечером.

В будущем возле Екатерины вслед за Салтыковым пройдут Понятовский, Орлов, Потемкин, Заводовский, Мамонов и прочие, прочие, вплоть до Зубова, который умудрится стать любовником императрицы Екатерины, когда ей исполнится 61 год.

Перед нами окажется несомненно больная в этом отношении женщина, которая не только не скрывает этой своей болезни, но как будто даже гордится ею и употребляет все усилия, чтобы звание фаворита сделать чем-то вроде государственной должности. Будущее покажет, какой пестрой чередой станут мелькать у трона Екатерины эти фавориты, уступая место один другому, вплоть до случайных гастролеров из придворных конюхов, лакеев, от первого попавшегося солдата до иностранного посланника. Но сейчас, во имя справедливости, надо запомнить, что первый любовник, Сергей Салтыков, был все же навязан Екатерине императрицей и ее окружением, что этот первый фаворит призван был не по ее капризу, а по воле «старших».

«Во имя интересов империи и престола».

При Сергее Салтыкове госпоже Чоглоковой заботиться ни о чем не приходилось. Очень скоро стареющая Елизавета, а за нею весь двор и вся страна были обрадованы вестью о ребенке, которого готовится даровать России супруга Петра Федоровича.

Надежда осуществилась не сразу. Первые две беременности Екатерины оказались безрезультатными. Два раза рождение мертвого ребенка разбивало вдребезги все надежды царствующей бабушки. Только в третий раз новая беременность подарила России Павла.

Немедленно после рождения Павла Салтыков был удален от двора. Ему придумывают

официальное поручение в Европу. Он сделал то, что от него требовалось, и больше не нужен.

«Он был красив, как день, — записывает в своем дневнике Екатерина. — Никто при дворе не мог сравниться с ним по красоте».

Кажется, вовсе не случайно то, что Павел родился ребенком болезненным, ненормальным, уродливым. Уже в детстве он проявлял те унылые и жуткие особенности, которые характеризуют в будущем его царствование как царствование фельдфебеля на троне. Петр III — это установлено безусловно — не является его отцом. Его настоящий отец — Сергей Салтыков. Он был «красив, как день», по выражению Екатерины. Очаровательна была в эти годы и Екатерина. Но с фатальной неумолимостью проявляет себя начало вырождения, свойственное русскому трону. Даже и в том случае, если считать, что династия Салтыковых сменила на троне династию Гольштейн-Готторпских, перед нами все те же неумолимые и роковые черты дома Романовых. Маленький, сморщенный, злобный уродец Павел трагически похож на вихлястого, развинченного Петра III. Воистину тяжелый рок тяготеет над тронем в этой тайной игре природы, подневольным участником которой явится, в конечном счете, многомиллионный российский мужик!

Итак, Сергея Салтыкова услали в дальние края. Мавр сделал свое дело — мавра отослали в «заграничную командировку».

Екатерина в отчаянии! Очень скоро она утешится, и тогда Чоглокова будет напрасно пытаться мешать ее новым планам. Екатерина уже почувствовала себя женщиной, уже клокочет в ее крови тот демон, которого вызвать было легко, а укротить в ближайшие 50 лет окажется невозможно.

Справиться с закусившей удила Екатериной уже не удастся. Она не мешает жить Петру III, пусть же никто не пытается мешать и ей. Вместо «красивого, как день» Салтыкова возле нее «красивый, как солнце» граф Понятовский. Правда, он не долго сохранит свою близость к Екатерине, но и после его отставки она будет к нему неизменно благосклонна. В будущем, в виде благодарности за былые «заслуги», она даже сделает его польским королем. Поляки останутся в этом вопросе при особом мнении. Но Екатерине это покажется неинтересным...

Совершенно новое и очень любопытное освещение личности полусумасшедшего императора Петра III дают исследователи жизни и быта русского сектантства и, в частности, скопчества. Для скопцов Петр III является «своим» императором, «белым голубем». С учетом этого перестаешь удивляться решению Елизаветы об официальном любовнике для Екатерины: «белый голубь», естественно, не годится для заботы о будущем русского престола, и роль и место Салтыкова становятся как бы более оправданными.

Что делает в то время, когда Екатерина эмансипировалась, ее царственный супруг?

В одну из ночей, когда граф Понятовский направлялся на свидание к Екатерине, он неожиданно попадает в руки ее мужа.

Скандал разыгрался огромный уже потому, что Понятовский, являвшийся польским посланником в России, не будучи в силах объяснить свое появление ночью возле спальни Екатерины, сослался на свою дипломатическую неприкосновенность. Скандал, таким образом, должен был задеть не только русский, но и польский двор. Петр III растерялся не меньше, чем Понятовский. Он не знает, что делать. Посадив пойманного под арест и приставив к нему караул, он посылает за своим адъютантом Гудовичем, чтобы посоветоваться, что делать в этом затруднительном случае?

Екатерина не желает ждать, когда разразится скандал. Она переходит из обороны в

наступление и сама является к мужу. Она не желает ничего скрывать. Да, это ее любовник! Пусть ей не мешают жить, как ей нравится, и она со своей стороны готова пойти на уступки. До сего дня она восставала против близости Петра с Воронцовой, выражала ей свое презрение. Отныне она обещает быть внимательной и ласковой к ней и даже обещает платить ей жалованье из собственных сумм, ибо знает, что собственных денег у Петра III на все его затеи с обмундированием своих лакеев не хватает. Пусть только он распорядится немедленно, без огласки, без шума и скандала отпустить на свободу пойманного любовника Понятовского.

Петр III в восторге.

— Ах, так это твой любовник? Чего же ты, глупая, раньше не сказала? Я думал, что это покушение на мою жизнь!

Дело заканчивается ко всеобщему удовольствию. Понятовского немедленно выпускают на свободу. Кого-то из камергеров срочно посылают за Елизаветой Воронцовой. Обе парочки мирно ужинают в старых, выдавших виды дворцовых апартаментах.

Во время ужина Петр, довольный и веселый, потешает всех своим любимым занятием — кривлянием, — в котором он достиг небывалого совершенства. Скорчить такую рожу, сделать такую гримасу никто в Российской империи не умеет.

Будущий император Петр III, будущая императрица Екатерина II празднуют новый, счастливый период своей жизни.

Увы, этот период оказался недолгим.

При дворе Елизаветы Понятовский считался ставленником канцлера Бестужева-Рюмина. Но Бестужев-Рюмин непрочен. Елизавета Петровна желает еще пользоваться радостями жизни — она еще веселая! И вот новая смена любовников при дворе. Полетел в отставку всемогущий канцлер, оказались в опале его ставленники, удален, разлучен с Екатериной и новый ее возлюбленный Понятовский.

Екатерина снова пытается действовать «в лоб». Она отправляется к Елизавете. Ничего не скрывая, она говорит, как дорог, как нужен ей Понятовский, она умоляет императрицу не отсылать его, бросается ей в ноги, молит ее со слезами на глазах, но Елизавета неумолима. Она и без того с неудовольствием смотрит на так называемый «молодой двор», который начинает группироваться возле Екатерины и Петра. Она, стареющая, вянущая, всегда настороженная, страдающая бессонницей, со злобным чувством смотрит на молодую, красивую, исполненную жизненных сил Екатерину. Ей доставляет злое удовольствие отказать, оттолкнуть валяющуюся у ее ног плачущую женщину, столь похожую на нее в молодости.

Екатерина снова одна. Петр III занят своими обычными забавами, придумывает особые, необыкновенной формы шляпы, которые делают его маленькое, злобное лицо пугающим даже и без его любимых гримас. Петр III надумал вдруг объявить себя гениальным музыкантом. Он без конца играет на скрипке, раздирая уши слушателей. Вместо оловянных солдатиков он стал играть живыми — из сержантов и капралов прусской армии. Он заводит особую гольштинскую гвардию, вводит прусскую форму, выписывает прусское вино, прусский табак. Когда остается свободное время, он придумывает себе новые развлечения: передразнивает священников в церкви, высовывает язык, пугая их страшными гримасами. Во время благословения, когда все вокруг опустились на колени, он, глядя на священника в упор, делает ему страшные рожи и, полюбовавшись остолбеневшим от ужаса священнослужителем, с громким хохотом выходит из церкви. Мало ли есть веселых забав на

свете, которые можно осуществить при условии безнаказанности!

Петр III живет, не скучая, и упорно ждет того дня, когда смерть Елизаветы откроет, наконец, ему путь к трону. Екатерина, разлученная с Понятовским, как ранее с Салтыковым, не хочет больше знать мужчин. По словам Рюлье, она провела несколько лет, имея известные связи только с молодыми женщинами, но интересы этого порядка у нее на втором плане. Все эти годы она встает на рассвете и берется за книги. Она учится, много читает, знакомится с работами французских философов. Усердствует она до того, что старается не терять времени и за столом, даже за туалетом. Она считает необходимым как следует подготовиться. Она уверена уже теперь, еще до восшествия на престол ее мужа, что тем или иным путем, но она будет на троне! Она подождет, она сумеет дождаться!

Но вот настал торжественный день. Слабоумный, полупомешанный Петр III на престоле. Елизавета Петровна умерла 5 января 1762 года. Перед смертью ей вдруг стало ясно, что совсем не так, как следует, прошла ее жизнь, что вовсе не тех, кого следует, оставляет она своими преемниками. В последние дни и минуты умирающая о чем-то загрустила, задумалась. Всегда столь далекая от какой бы то ни было лирики, она вдруг пытается помирить Петра и Екатерину. У мужа и жены уже давно нет ничего общего. Но слабеющее сознание умирающей подсказывает ей, что наследнику, а может быть, и всей России будет легче, если он, болезненный, полусумасшедший, окажется под влиянием Екатерины.

Умирающая соединяет руки супругов. Поначалу Екатерина серьезно относится к этому примирению, заботится о муже, пытается ему помочь, даже сочиняет ему речь, которую он должен произнести при вступлении на престол. Она убеждает его провозгласить себя императором не в присутствии гвардейских полков, а сената. Но Елизавета уже мертва, Петр самодержец — он вовсе не намерен выслушивать советы Екатерины. Вместо сената он, как одержимый, сразу же кидается к войскам. Как оголтелый носится он по Петербургу со своими любовницами и вечно пьяными приближенными. Екатерину он знать не хочет, всюду и везде заявляет, что Павел не его сын, что он терпеть не может Екатерину и ее незаконное отродье.

Вступив на престол, Петр редко оставался до вечера трезвым. Документы того времени дают яркую картину: сплошное беспробудное пьянство, сумасшедшие кутежи, прерываемые только парадами да еще экзекуциями, — вот и все, к чему сводится жизнь нового самодержца.

В первую очередь Петр III распорядился отдать Фридриху II все области, завоеванные у него русскими войсками, исключительно победоносными в тот период. Еще когда Елизавета была жива, Петр считал своей гордостью быть шпионом Фридриха II и тайно осведомлял его обо всех планах и намерениях русской армии. Генералы, стоявшие тогда во главе армии, желая заслужить благосклонность будущего монарха, старались не очень «нажимать» на Фридриха. Измена в армии, особенно в ее верхах, с одобрения престолонаследника, достигла небывалого размаха. Теперь скрывать больше нечего. Вступивший на престол Петр III всячески рекламирует свое болезненное, воистину безграничное преклонение перед Фридрихом. По царскому приказу во время высочайшего выхода, например, вносят бюст Фридриха II. Император при всех почтительно и благоговейно целует его.

В другой раз, во время парадного обеда во дворце, Петр III в полной парадной форме становится на колени перед портретом Фридриха. Кровь, только что пролитая русскими солдатами, забыта. Все завоевания страны отданы обратно. Более того, русскую армию снова посылают в бой, но теперь уже в интересах Фридриха. На армию возложена задача —

завоевать для Фридриха гольштинское герцогство.

Это болезненное влечение Петра III ко всему прусскому проявляется даже в мелочах. Армии предписано сбросить русское обмундирование и обрядиться в узкие прусские мундиры. Введена немецкая дисциплина, немецкие порядки, обязательные отныне для всех чинов без исключения. Сановники, больные подагрой, даже старый фельдмаршал, обер-прокурор сената Никита Трубецкой — все без исключения должны были ежедневно являться на плац и под команду прусских офицеров маршировать «гусиным шагом».

Прусский посланник является отныне при русском дворе самодержцем. Петр III считает почетным для себя называться верноподданным его величества короля прусского.

Екатерина остается в отдалении. Она ведет свою игру тонко и очень дорожит своей ролью жертвы, обиженной, несчастной. Именно на этом будет она играть, когда начнет сговариваться с гвардией, которая тоже обижена. Все командные должности в армии и гвардии отданы немцам. Образованный из немцев Гольштинский отряд захватил в свои руки все права и привилегии. Прежняя гвардия, офицеры которой привыкли чувствовать себя господами положения при дворе, оттерта на второй план и потому глухо бурлит, волнуется, негодует. Екатерина внимательно следит за ее настроением.

А Петр III как будто нарочно делает все возможное, чтобы обозлить, восстановить против себя все классы, все слои населения. Вслед за сановниками, обязанными маршировать во время парадов, вслед за гвардией, отнесенной на второй план, приходит очередь духовенства. Петр щеголяет своим пренебрежением к православным обрядам, публично дразнит русское религиозное чувство. Во время служений в церкви он назначает аудиенции послам, демонстративно громко разговаривает с ними, а заодно высовывает язык и корчит страшные рожи священникам.

Петр не желает знать никого из представителей русской знати. Его ежедневные кутежи проходят только в гольштинском обществе. В эту избранную немецкую группу допускаются только приезжие певцы да актрисы. Бывают здесь и иностранные посланники, причем, по свидетельству Болотова, «император говорит такой вздор и такие нескладицы, что у верноподданных сердце кровью обливается от стыда перед иностранцами».

Сверх прежнего увлечения игрой на скрипке, Петр столь же внезапно начинает считать себя незаурядным комическим актером. Его специальностью, кроме гримас, становится отныне еще умение передразнивать всех окружающих. Особенно усердствует он, передразнивая митрополита и архиереев.

Не упускается ни малейшего повода для проявления комического «таланта». Старинный русский поклон по царскому указу заменен при дворе французским приседанием. Эта реформа необходима потому, что она дает лишний раз повод паяцу на троне передразнивать книксены пожилых придворных дам.

Отношения Петра и Екатерины даже внешне разорваны. Комнаты августейших супругов расположены теперь в разных флигелях дворца. Даже к обеденному столу Екатерина не появляется. Ее место занято Елизаветой Воронцовой, чья спальня теперь устроена рядом со спальней государя.

Только по утрам Екатерина является на прием в рабочую комнату императора. Петр III не обращает на нее никакого внимания, и, отбыв эту повинность, она, сконфуженная, обиженная, удаляется на свою половину. «Государыня находится в крайне незавидном положении, — пишет современник. — Она пользуется удивительным презрением со стороны супруга, но выносит поведение Петра, а также и надменность Воронцовой с

изумительным терпением. Государь оскорбляет ее на каждом шагу, Екатерина же отвечает на его обиды повиновением и слезами».

Но слезы Екатерины — это вовсе не слезы терпения, а тонкая, хорошо рассчитанная и прекрасно исполненная игра. Каждую обиду, нанесенную ей, она раздувает в событие. О каждой мелочи узнают и придворные, и гвардия, и духовенство. «Вот как обижают вашу государыню! Если бы она была на престоле, и ей, и вам всем было бы гораздо легче» — примерно так рассуждает Екатерина.

Петр недостаточно умен, чтобы разобраться в этой кружевной игре. Он только старательно помогает Екатерине утвердиться в положении жертвы. Придворному ювелиру Пуазье воспрещено отпускать царице какие бы то ни было драгоценности. Придворному садовнику дан приказ не отпускать государыне фруктов.

Шведский граф Гордт в своих записках рассказывает о следующей, например, сцене, разыгравшейся во время торжественного приема. Граф беседует с государыней, но вдруг к ним подходит Петр и, резко прервав их беседу, уводит его в другой конец зала. Екатерина остается одна. Она краснеет, ее глаза наполняются слезами.

На парадные обеды во дворце Екатерину не приглашают вовсе. Редкие ее появления сопровождаются скандалами. Когда, например, после прекращения войны с Пруссией Петр устроил целую серию праздников, ликуя, что ему удалось выслужиться перед обожаемым Фридрихом, на торжественном обеде он устраивает Екатерине сцену. Он посылает графа Гудовича с приказом передать сидящей на другом конце стола Екатерине, что она дура. Этого Петру недостаточно. Он не уверен, что граф Гудович точно и дословно передаст то, что ему поручено. А вдруг он смягчит выражения? И Петр, ко всеобщему смущению, выкрикивает через весь зал:

— Дура ты! Дура! Дура полосатая!

Екатерина заливается слезами. Пытаясь затушевать скандал, сидящий с ней рядом камергер Строганов начинает что-то рассказывать, притворяясь весело болтающим, как будто ничего не случилось. Это проявление «оппозиции» не проходит ему даром. В тот же день Строганов получает приказ отправиться в ссылку в свою деревню без права выезда.

Всеми случаями такого рода Екатерина пользуется ловко и умно. Она ведет свою политику, выпукло и четко выделяющуюся на фоне сумасбродного поведения Петра III.

Указ Петра III, изданный им в начале царствования и освобождавший дворянство от обязательной службы, вызвал такое ликование, такую беспредельную радость, что русское дворянство решило было отлить статую Петра III из золота. План считался окончательно решенным, оставалось решить вопрос о том, в каком виде должен быть изображен император. Проблема была сложной, потому что, например, когда художник, готовивший портрет Петра III для чеканки на монетах, вздумал было облагородить его черты и украсить чело императора лавровым венком, Петр пришел в ярость. «Не хочу быть похожим на французских королей», — запальчиво заявил он. Петр, видно, очень дорожил своим уродством и добился-таки того, что изображение его на монетах было сделано в столь безобразном виде, что, по словам Рюлье, «каждая из монет, обращаясь в народе, подрывала народное почтение к царю».

Как и все предыдущие царствования, сразу же по восшествии на престол нового лица начались гонения и ссылки прежних приближенных и приближение тех, кто состоял в опале в дни прежнего царствования. Все любимцы Елизаветы в суровой опале, но зато возвращается из Сибири Бирон, на совести которого, по подсчетам современников, лежит не

менее 11 тысяч казненных. Возвращается и низложивший Бирона фельдмаршал Миних, веселый и бравый старик. Уезжая в ссылку, он оставил в Петербурге взрослого незаконнорожденного сына. Этот сын женился, затем женил и выдал замуж своих детей, и, когда Миних после 20 лет пребывания в ссылке, на восемьдесят втором году жизни, возвращается в Петербург, его неожиданно встречает целых 33 его потомка. Миних, всегда гордившийся тем, что он во всех случаях жизни остается неизменно спокойным, сумевший наладить свою жизнь в ссылке, при виде этого потомства первый раз в жизни не выдерживает и заливается слезами.

Петр III прекрасно знает о старых счетах между Бироном и Минихом. Он знает все подробности того, как Миних в свое время ночью в одном белье стащил с постели Бирона и изгнал его с русского престола, сослав в Сибирь. Петр III знает и то, что еще задолго до того ареста Бирон преследовал Миниха и отдал того под суд за побег короля Станислава из осажденного Данцига. И теперь Петр III желает позабавиться встречей старых врагов.

Во время минутной встречи в пути, в Казани, Бирон и Миних обменялись только безмолвными поклонами. Что-то скажут теперь эти два старых волка?

Император приглашает Миниха и Бирона, каждого в отдельности, во дворец в одно и то же время. Каждый из них не знает о предстоящей встрече с врагом.

Встреча происходит в присутствии императора. На столе стоят три налитых бокала. «Ну-ка, чокнемся», — говорит, хихикая, гримасничая от душащего его смеха, царственный идиот. Бирон и Миних в упор смотрят друг на друга. У каждого из них в руках бокал, но чокаться они не спешат.

В это время кто-то отзывает Петра в сторону. Враги еще раз меряют друг друга взглядами, ставят бокалы на стол нетронутыми и демонстративно поворачиваются друг к другу спиной. Старая ненависть, как и старая дружба, не ржавеет!

Рядом с ними на этом же балу оказывается еще один возвращенный из ссылки. Это Лесток, тот самый любовник Елизаветы Петровны, который проколол своим кинжалом барабан и помешал этим караульному солдату поднять тревогу в час переворота. Он был неограниченным владыкой России, пока состоял фаворитом возведенной им на престол Елизаветы, а потом оказался в опале и по воле бывшей своей любовницы перенес и пытки, и кнут, и долгие годы ссылки.

Возвращенным из ссылки Петр III задавал веселые балы, а новые ссыльные отправлялись в это время на смену вернувшимся. Полугодовое правление Петра III представлялось современникам непрерывной пьяной оргией. По описанию Рюлье, «прелестные женщины разоряли себя английским пивом и, сидя в табачном дыму, не имели позволения отлучаться к себе ни на одну минуту в сутки». Ненормальный, взвинченный Петр III все время требовал непрерывных увеселений, парадов, пиров.

Что представляли собой эти пиршества?

На одном из них Петр «по пьяному делу» надумал было драться на дуэли с одним из своих придворных. Оба отправляются в лес, вооружаются шпагами, становятся друг против друга. Долго оба дуэлянта переминаются с ноги на ногу, пока Петр наконец не заявляет:

— Жаль, если люди, столь храбрые, как мы, переколются. Лучше поцелуемся!

Дуэль окончена. Оба горе-дуэлянта возвращаются во дворец продолжать пирушку. Но кто-то из придворных увидел здесь случай сделать себе карьеру. Он кидается к императору и с выражением отчаяния на лице говорит:

— Ах, ваше величество, вы ранены! Я вижу кровь на вашей руке. Позвольте мне

забинтовать ее!

Петр III в восторге. Он хвалится своим геройством и мужеством. Прекрасно зная, что никакой раны нет и быть не могло, он позволяет забинтовать себе руку. Карьера находчивого придворного обеспечена. Он замечен, он выдвинулся. Почет и уважение новому государственному деятелю.

Многие из сосланных при Елизавете вернулись, но Иоанн Антонович, это «бедное дитя», вытасченное из колыбели Елизаветой, продолжает гнить в казематах Шлиссельбурга. Он давно потерял образ человеческий, он разучился говорить, но и теперь еще страшен лицам, сидящим на престоле. Возвращены Миних, Бирон, Лесток, но его императорское величество, царь Иоанн, все еще погребен в подземелье, все еще ждет счастливого часа, когда его, наконец, убьют.

Разобраться в психике императора Петра III — дело безнадежное и под силу только психиатру. Все черты его характера доведены до крайности, до уродства, до карикатуры. Ему недостаточно, например, церемонии коленопреклонения перед бюстом Фридриха II и всенародного целования его руки на портрете. Он желает еще воздать какие-то невероятные, воистину божественные почести посланнику короля Фридриха. От всех молодых женщин при дворе он требует, чтобы они отдавались прусскому посланнику, и, запирая его с очередной избранной им жертвой в свою спальню, император сам становится на караул у дверей с обнаженной шпагой. Он приглашает в Петербург своего дядю, гольштинского принца Георга, и требует, чтобы с ним все вели себя как с императором. Когда государственный канцлер явился со срочными делами к государю, тот заявляет:

— Обращайтесь к принцу Георгу. Вы видите, я только простой солдат при его величестве!

Петр III желает перекроить карту Европы. Для начала он решает начать войну с Данией. Надо отомстить ей за обиды, нанесенные ею в свое время Пруссии, надо отобрать у нее Гольштину и в качестве военного трофея вручить ее обожаемому Фридриху.

Гвардия, и без того обозленная, возмущена до предела.

В то же время Петр III «заботливо» усиливает ненависть к себе и духовенства. Решение отобрать несметные богатства, накопленные монастырями, вызывает бурю негодования. Впоследствии Екатерина II осуществит эту меру спокойно и благополучно. Но Петр III действует нахрапом, и возмущенное духовенство распространяет в народе негодование против императора, осмелившегося посягнуть на «святыни».

Екатерина все это время готовит переворот. Она не упускает ни одного случая ласково поговорить с любым караульным солдатом, подарить ему золотой, не забывает интимно побеседовать с французским посланником, обещает посланнику шведскому в случае воцарения вернуть шведам все завоевания Петра I, то есть почти дословно повторяет то, что в свое время обещала Елизавета.

Не доверяя даже самым близким друзьям, Екатерина плетет кружева заговора, скрывая от каждого из участников, даже самых ближайших, роль остальных. Княгиня Дашкова искренне уверена, что она главная, почти единственная деятельница готовящегося переворота. Но то же самое думает о себе и Панин, и гвардии капитан Пассек, и многие другие.

Петр III обречен. Все так же буйно шумят пирушки и кутежи, все так же льются рекой вино и кровь, но за спиной Петра уже стоит грозная тень надвигающегося переворота. Каждая деталь его жизни, его поведения, прежде незаметная и обычная, теперь кажется

событием.

— Вы слышали? Император сегодня избил в кровь двух придворных. Раскрылось, что они брали взятки, и его величество, отобрав все деньги, собственноручно бил виновных по щекам и кричал: «Отчего вы со мной, черти, не поделились?»

Петр III обречен.

Он еще на троне, он самодержец, но вот-вот пробьет назначенный час и его прогонят с престола, как напроказившего мальчишку. Задушат, как котенка.

Павел I

Низкорослый, уродливый, желчный, с курносый носом, глазами сумасшедшего и мертвой улыбкой черепа. Лицо угловатое, шафранное, похожее на маску, болезненное... Этот Квазимодо на троне был сумасшедшим. Не в том обычном, обывательском понимании этого слова, при котором о людях иной раз говорят: «Он психопат», желая указать на странности в их характере. Нет! В данном случае перед нами психопат в смысле чисто медицинском, клиническом.

Петр III, при всей своей болезненности и ненормальности, не может идти ни в какое сравнение с яркостью и очевидностью сумасшествия, которое проявляется в каждом шаге этого успевшего целых пять лет провести в роли самодержца буйного душевнобольного. С точки зрения психиатров перед нами совершенно точные, ярко выраженные признаки и мании преследования, и эротомании, и навязчивой идеи, проявляющейся в неустанным и неуклонном стремлении к суровости и жестокости.

Павлу недостаточно палочных ударов и шпицрутенгов, тех истязаний, которые по малейшему поводу производятся по его приказанию, а часто и в его присутствии. Он лично производит избиение генералов и полковников, чьи части вызвали его недовольство недостаточно исправной маршировкой.

Во время парадов он собственноручно щиплет трех офицеров, чье поведение ему не нравится. И когда А. И. Тургенев рассказывает в своих воспоминаниях о том, как царь вызвал его к себе и медленно и страстно щипал его в присутствии всех приближенных, — он рассказывает не об исключительном случае, а о своеобразной норме поведения, усвоенной этим самодержцем.

Долгие годы, которые провел Павел в роли престолонаследника, исполнены одной мечтой — царствовать. Этот душевнобольной маньяк считает не только дни, но и часы и минуты, которые отделяют его от того момента, когда ненавистная Екатерина, наконец, умрет, когда он окажется, наконец, на престоле полновластным монархом.

Вся юность Павла, все зрелые его годы — на престол он взошел лишь на сорок восьмом году жизни — заполнены этой мечтой: когда же, когда умрет эта старая развратная женщина, из-за которой он не может вступить на престол.

Екатерина ненавидела Павла так же остро, как Павел ненавидел Екатерину. В последние годы она твердо решила отстранить его от трона и назначить своим наследником Александра. Уже приготовлены были завещание и указ об этом. Но смерть пришла неожиданно. Указ не опубликован, а завещание известно только немногим лицам. Смерть застала эту старую и много грешившую женщину в уборной — там, где, во имя ее каприза, был поставлен превращенный в туалетную принадлежность бывший польский трон. Властолюбивая Екатерина, которая в свое время возвела на этот трон своего отставного любовника Понятовского, не удовольствовалась тем, что уничтожила Польшу. Ей нужна была еще и эта злобная насмешка. Пусть польский трон отныне украшает ее туалетную комнату. Именно на нем (не перст ли Немезиды?) грузную женщину разбил паралич. Она еще жива, она жалобно стонет, но уже не в силах сказать ни единого слова. Услужливые царедворцы уже успели спрятать заготовленное ею завещание, лишаящее права на престол сумасшедшего Павла, и вот Павел, предав завещание огню, в буйном восторге, не скрывая

своей радости, мчится из Гатчины.

Старая императрица еще жива, но сказать она уже ничего не может. Ее тело бессильно извивается. Она жалобно мычит, но никому из придворных ее судьба уже не интересна.

«Король умер, да здравствует король!»

Шумная и низкопоклонная толпа придворных обступает нового императора, приветствуя его громкими криками «ура!».

В первый же день своего воцарения Павел принимается не только мстить прежним любимцам и выдвигать новых (это уже давно никого не удивляет), но и всеми силами старается уничтожить все, что напоминает о царствовании Екатерины. Еще только почувствовавший себя царем, проезжая мимо здания театра, только что выстроенного по приказу Екатерины, он злорадно кричит, указывая на здание:

— Убрать его!

Воля императора священна. Немедленно присылаются пятьсот рабочих. Им предписано работать безостановочно, чтобы к утру и следа не осталось от только что законченного здания. Через несколько часов вместо нарядного театра — ровная, чисто подметенная площадка, присыпанная песком.

С первого же дня своего восшествия на престол новый император упивается властью. Уже назавтра командировано двести полицейских и отряд драгун на улицы Петербурга. Им поручено вводить «реформы». Павел ненавидит круглые шляпы, ненавидит фраки со стоячими воротниками, которые были тогда в моде, ненавидит модные жилеты, которые видны из-под отворотов фраков. И вот с самого утра полицейские и драгуны срывают с прохожих шляпы, обрезают воротники фраков, рвут на части снимаемые с публики жилеты.

Жители Петербурга в первый же день царствования возвращаются домой без шляп, в изорванном платье. Солдатам и полицейским предписано «действовать энергично». Кто будет сопротивляться, того наказывать палками.

Походы против неудобных фасонов одежды заполнили все годы царствования Павла. Не забыты были и женщины. Ширина кружев, форма пелерин, шляпы и чепцы — все это предписывалось царскими указами. За отступление от нормы виновных ждали суровые кары. Кроме того, Павел приказал, чтобы все имеющие счастье встретить на улице его величество выходили из карет и саней и здесь же делали низкий поклон строго установленного образца.

Указы следуют один за другим. Один указ раз и навсегда воспрещает всем иностранцам въезд в Россию. Другой — воспрещает русским выезд за границу. На полях докладов Павел делает замечания воистину изумительные: требует немедленного раздела Турции, настаивает на отобрании Константинополя. Сановников Павел ругает «идиотами», «мерзавцами» и другими, гораздо более неприличными словами. Например, адъютант его величества посылается к вице-канцлеру Панину, чтобы передать ему от имени Павла, что он, граф Панин, — «дурак набитый». Неприличной руганью Павел «обкладывает» при всех и Безбородько, и Растопчина, и старого Суворова. Способы управления Павел избирает замечательные. У какого-то извозчика найдено будто бы два пистолета и кинжал. Этого оказывается достаточно, чтобы все извозчики были объявлены опальными и единым махом высланы из Петербурга. Жители в отчаянии.

Этот «пьяный капрал на троне», по выражению А. И. Тургенева, в несколько часов перевернул вверх дном весь государственный правовой порядок: «все пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты с мест». Все перепуталось. Своего

парикмахера Кутайсова Павел производит в графы, назначает камергером. Лакея генерала Апраксина, Клейнмихеля, Павел не только производит в дворянство, но и велит ему обучать военному искусству фельдмаршалов. Семь фельдмаршалов русской армии, поседевшие в боях и походах, обязаны смиренно учиться у лакея тактике и стратегии. Этот Клейнмихель ничего, кроме маршировки, не знает, да и эти знания передать фельдмаршалам не может, ибо по-русски не знает ни единого слова.

Обычаи и порядки Гатчины, где Павел занимался муштрой и шагистикой, где он беспощадно забивал палками до смерти провинившихся солдат, введены теперь во всероссийском масштабе. Прежние гатчинцы, люди малограмотные, но «без лести преданные», получают важнейшие должности и всю Россию муштруют, как дисциплинарную команду. Общеизвестна история с кавалерийским полком, который неправильно исполнил команду императора на параде и за это услышал гневное приказание: «Налево кругом! Правое плечо вперед! В Сибирь — шагом марш!»

Сибирский драгунский полк, только что вернувшийся из персидского похода и находившийся на Кавказе, за какую-то провинность получил предписание отправиться в походном порядке в Тобольск. Переход туда — около 4 тысяч верст — занял более двух лет.

Впрочем, Павел не ограничивается одной только внутренней политикой. По тому же типу строится и политика внешняя. Не ограничиваясь высылкой всех иностранных послов, лица которых ему не нравились, Павел неожиданно приказывает захватить все иностранные суда, стоящие в русских гаванях, а все находящиеся на них иностранные команды арестовать.

Ссылка, тюрьма, шпицрутены, смертные казни — сыплются на мирных жителей, как из дырявого мешка. «Страх, в котором мы все живем, — пишет в одном из зашифрованных писем князь Кочубей графу Воронцову, — неопишимо. Люди боятся собственной тени. Все дрожат. Все крепости переполнены арестантами, всеми овладела глубокая тоска».

«Здесь народ, — пишет шведский посланник королю Густаву IV, — очевидно, создан для слепого повиновения и безусловной покорности».

Общая полоса террора, захватившая всю Россию, исключительно ярко сказалась и на самой семье сумасшедшего императора.

Если Кочубей, Ростопчин и другие считали необходимым всегда держать наготове экипажи, чтобы в случае надобности бежать, если все офицеры, отправляясь на царский смотр или на парад, имели при себе крупные деньги на случай внезапной высылки, то точно так же, в вечном страхе, живут и дети императора, великие князья Александр и Константин.

Александр своими глазами видит, что творится вокруг. Когда Аракчеев, например, засекает палками несколько солдат «для примера остальным», адъютант великого князя нарочно ведет наследника в лазарет, где умирают жертвы этой расправы. Адъютант надеется, что Александр расскажет своему отцу о преступлениях Аракчеева. «Но Александр, — отмечает в своих записках Лонжерон, — только тяжело вздохнул и промолчал». Когда Павел подзывает А. И. Тургенева и щиплет его, рядом стоит великий князь Александр. «Щипки продолжаются, — рассказывает Тургенев, — от боли у меня брызнули из глаз слезы. Великий князь Александр стоит бледный и молчит».

«И Александр и Константин, — сообщает в своих записках Саблуков, — ужасно боялись отца и, если последний казался сколько-нибудь расстроен, бледнели, как мертвецы, и дрожали, как осиновые листья. Оба они были шефами полков, и от этого им приходилось ежедневно выслушивать строжайшие распекания за недочеты в дрессировке и шагистике».

Семья Павла всегда находилась под гнетом ожидания новых мер, которыми ошарашивал своих приближенных, а часто и всю Россию и всю Европу сумасшедший император.

Павел в последний год жизни имел в виду объявить своим наследником выписанного им для этой цели принца Евгения Вюртенбергского. Не скрывая, говорит он своим приближенным, что его сыновьям на престоле не бывать, что он, Павел, расправится «со всей этой бандой», то есть с женой и сыновьями. Александр и Константин жили в постоянном страхе и всегда, в любую минуту, ждали для себя эшафота, а в лучшем случае ссылки — этой излюбленной меры императора.

В ссылку по указанию Павла был отправлено свыше 12 тысяч человек. Сам инструмент ссылки Павел усовершенствовал небывало. Помимо ссылки в Сибирь, на каторжные работы, была введена еще «ссылка в неизвестность». Назначенный к такого рода участи навсегда лишался имени. Никто не должен был знать, кто же именно этот ссылаемый. «Безывестного» везли в особой кибитке, наглухо зашитой рогожами, как зашивают тюки. Делалось только одно отверстие, через которое заключенному подавали пищу. Даже сопровождающий сосланного жандарм не знал, кого везет, не видел зашитого в кибитке, полученного под расписку заключенного. За попытку разговора с осужденным «безывестным» полагалась смертная казнь.

По доставке на место «безывестного» замуровывали в живую могилу — узкую камеру, где нельзя было повернуться. Заключенный в нее не должен был слышать ни одного слова, не имел права видеть ни одного человеческого лица. Даже в случае смерти «безывестного» о нем полагалось рапортовать по команде без имени, обозначая только тот номер, под которым несчастный содержался.

Сумасшествие Павла ни для кого не было секретом. На докладах, предоставляемых ему на подпись и содержащих иногда совершенно противоположные мнения, Павел сплошь и рядом делает надпись: «Быть по сему». Придворные в ужасе. На докладе межевого департамента о споре между казаками и частными владельцами, сопровождаемом особым планом с обозначением всех спорных мест, Павел также пишет сакраментальную фразу: «Быть по сему». Спросить, что это значит, никто из придворных так и не решается. Нарваться на тысячу палок никому не хочется.

12 января 1801 года Павел посылает именной высочайший указ атаману Войска Донского Орлову. Тому немедленно предписывается двинуть в поход на Индию 22 тысячи казаков. Куда именно идти, зачем — неизвестно. Карт нет, продовольствие не заготовлено, помочь делу, однако, невозможно: его величество приказать соизволили.

По выражению Карамзина, Павел, «ежедневно вымышляя способы устрашать людей, сам больше всех устрасался». Он действительно живет в постоянном болезненном страхе. Боится жены, детей, своих возлюбленных, своих шпионов. Этот запуганный человек мечтает запугать всю Россию. Все очевиднее и бесспорнее становится проявление прогрессирующего безумия. Саксонский резидент в своем донесении указывает, например, что Павел страдает припадками бешенства, которые делают его совершенно невменяемым. Английский посланник также доносит, что Павел «в буквальном смысле лишился рассудка». Даже принц Евгений Вюртенбергский, которого император нежно любил, и которому обещал передать престол, сообщает: «Разговор императора переполнен галиматьей и совершенно непонятными фразами».

Все в России и за границей давно знают, что на престоле сидит сумасшедший. Но этот сумасшедший все же продолжает царствовать. Его приказы исполняются свято и

беспрекословно. При Екатерине дворянство было уже избавлено от телесных наказаний, но обожавший кнут, нагайку и шпицрутен Павел не желает знать никаких исключений. Отныне все, даже и дворяне, подвергаются наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и клеймению. Восстановлено и телесное наказание для священников. А уж о мужиках и говорить нечего. Жаловаться на помещиков крестьянам запрещено. Когда во время пребывания Павла в Казани какие-то крепостные попытались принести жалобу на своего помещика, мужиков, осмелившихся жаловаться, по личному приказу Павла бьют палками.

Павлу недостаточно телесных наказаний для солдат. Секут розгами и офицеров, и генералов. Гвардия, может быть, и потерпела бы еще Павла, но сечь генералов розгами — это уж чересчур.

Именно эта вот «уравнительная система» и ведет Павла напрямик в могилу, обеспечивает успех заговора.

Как это ни странно, Павел считал себя либералом. Это воистину изумительно — чуть ли не все Романовы считали себя людьми исключительно либеральных и возвышенных убеждений. Еще в дни выборов первого Романова отец его писал о том, что неограниченный царь — это несчастье, бедствие для русской земли (что не помешало ему позже забрать в свои руки всю самодержавную власть).

«Придворная жизнь не для меня создана, — пишет Александр I в своем письме к В. П. Кочубею. — Я сознаю, что не рожден ни для того сана, который ношу, ни для того положения, которое должен буду занять. В наших делах господствует невероятный беспорядок, грабят со всех сторон, все части управляются дурно. Я решил по отречению от престола поселиться с женой на берегах Рейна, где буду жить спокойно, частным человеком, полагая свое счастье в обществе людей и в изучении истории и природы».

«Я не люблю самодержавия! Я в душе республиканец!» — часто говорит окружающим Екатерина Великая.

«Я еще когда великим князем был, был либералом не меньше вашего», — заявлял декабристам ее внук Николай Павлович.

«Я ненавижу деспотизм во всяком его проявлении, — говорит Александр II Адаму Чарторийскому. — Я сочувствую свободе, которая должна принадлежать всем! Я принимаю живое участие во французской Революции! Наследственная власть должна быть все время не по случайности рождения, а по голосу нации!»

Еще гораздо радикальнее, совсем уже коммунисткой на престоле заявляет себя, высказывая свои убеждения, Екатерина II. Не будем останавливаться на ее знаменитой переписке с Вольтером и Дидро. Но даже в манифесте своем от 6 июля 1762 года она борется с самодержавием, заявляет, что «самовластие есть зло, которое многим пагубным последствиям бывает причиною», и дает такие смелые конституционные обещания, что — небывалый случай! — манифест императрицы приходится изъять из обращения во избежание соблазна для верноподданных.

Да что Екатерина? Даже Павел, сумасшедший Павел, оказывается преисполнен убеждений самых возвышенных, принципов самых благородных. «Монархи воображают, — пишет он, — что они имеют право постоянно думать о своих удовольствиях и делать все что угодно. Но подчиненные имеют свою собственную волю, имеют свои собственные глаза и не могут быть слепыми».

Нужно ли продолжать? И без новых цитат ясно. Не изумительно ли, что даже Романовы, от первого до последнего, все сплошь имеют убеждения самые демократические, принципы

самые свободолюбивые? И все они эти свои убеждения красноречиво высказывают, а живая жизнь идет так же подло и позорно. Веками свистят нагайки, идет густой, сплошной, всероссийский, безграничный мордобой.

Наша страна была лучшей страной в мире литературы. Лучшего в мире балета. Но когда для опытов в Пастеровском институте в Париже понадобились насекомые — распространители сыпного тифа (по-русски, вши) — их, увы, привозили из России!

Как ни либеральны, как ни возвышенны идеалы всех Романовых, но «демократичность» и «возвышенность» Павла I начинают его верноподданным казаться несколько утомительными.

Все хорошо в меру. Пора кончать трагический фарс, главным героем которого выступает сумасшедший на троне.

Год за годом длится безумное царствование безумного царя. Каким образом терпели это придворные, как терпела это вся Россия?

Для русского трона уже давно не новостью были дворцовые перевороты. Не даром же в свое время, еще будучи наследником, Павел спрашивал у французского посла Сегюра: «Отчего это в других государствах на трон всходят законные наследники, а у нас же все путем переворотов?»

Еще когда Павел был наследником, он проявлял много признаков ненормальности: его преследовали галлюцинации, он беспрестанно ждал отравы и часто рассказывал, что к нему является тень Петра Великого, которая будто бы пристально смотрит на него, грустно качает головой и повторяет все одни и те же слова: «Павел, бедный Павел, бедный князь».

В те годы ненормальность Павла была явлением безобидным. Но после восшествия его на престол каждая его сумасшедшая мысль, каждый припадок вели за собой целую серию казней, заточений, шпицрутенов.

И вот неизбежное совершается. Ожиданием заговора, надеждой на переворот уже давно насыщена вся дворцовая атмосфера.

Павел все неистовствует. Когда он на каждом смотре хватается провинившихся офицеров «за грудки», пинками валит их в снег и требует палок, когда он сплошь и рядом приказывает наказать весь полк без исключения, эти его приказания выполняются беспрекословно и незамедлительно. Но уже все чего-то ждут, хотя и бессознательно, надеются на какие-то перемены.

Душой заговора является Александр I.

Трусливый, испуганный, слабохарактерный, он не в силах проявить активность, не хочет брать на себя ту или иную роль, но неумолимым ходом событий он выдвигается на первый план.

Когда граф Панин откровенно заговорил с ним о необходимости (из-за болезни) отстранить от власти его венценосного отца и объявить его, Александра, регентом и соправителем, Александр, после долгих колебаний (подлинных и притворных), согласился. Он потребовал только, чтобы жизнь Павла была сохранена. Пусть живет где-нибудь на покое, в довольстве. Александр при этом лицемерит, он прекрасно понимает, что это невозможно. Не такой человек Павел, чтобы ответить благодушным отказом на предложение оставить трон. Не таким были и обозленные, обиженные императором офицеры, принимающие участие в заговоре, чтобы оставить на свободе вечную угрозу их жизни — живого императора.

Но приличия соблюдены. Главари заговора охотно обещали сохранить жизнь Павла, и

Александр со спокойной совестью дал свое согласие заговорщикам.

Ведет переговоры с Александром граф Панин.

В будущем, вступив на престол, Александр, после нескольких лет близкой дружбы с Паниным, постарается от него отделаться, чтобы не иметь рядом с собой живого свидетеля и соучастника. У Александра найдется для этого очень удобный повод. В перехваченном письме, которое граф Панин написал Воронцову, сказано, что он, Панин, не ожидает от молодого императора «ничего хорошего», ибо тот «легкомыслен, любит танцы и более заботится о том, чтобы нравиться женщинам, чем вникать в государственные дела». Письмо это было отправлено с особым курьером, но перехвачено и доставлено Александру. В записках Шимана сохранились доказательства, что Александр I это письмо читал.

Но пока до будущей ссоры еще далеко и граф Панин считается ближайшим другом наследника. Надвигается, неотвратимо нарастает и близится новый заговор. Еще при вступлении на престол Елизаветы Петровны саксонский посланник Петцольд писал своему правительству по поводу очередного заговора и переворота того времени: «Все русские признают, что можно делать что угодно, имея в своем распоряжении известное количество гренадеров, погреб с водкой и несколько мешков золота».

Граф Панин и Александр ведут переговоры, встречаясь для этого в бане. Подозрительность Павла, его злобная настороженность так велики, что престолонаследник Александр со всемогущим сановником Паниным могут обменяться несколькими искренними словами только в бане, на полке, окутанные облаком пара.

Следующие свидания назначаются в подземелье, в длинных коридорах и подвалах под зданием дворца.

По описаниям современников, знавших обо всех деталях от самого Панина, бытовые картины этих встреч очень своеобразны.

Граф Панин, идя на свидание с Александром, боязливо озирается. Всякий раз ему кажется, что за ним наблюдают шпионы. Панин оставляет карету, идет пешком, заходит по пути к целому ряду знакомых, меняет направление, следует по извилистым переулкам, пока, наконец, натерпевшись страху, успевает скользнуть в один из входов в дворцовые подвалы...

Но что это? В неверном свете тусклого огарка он видит впереди себя чью-то фигуру. Гибель неизбежна! Наверно, шпионы проследили, все планы раскрыты и спасенья нет. Сейчас его схватят и поведут на расправу к беспощадному Павлу. Панин в ужасе. Он пытается ускользнуть, но и преследующий его «шпион» тоже пятится назад...

Оказалось, это не шпион, а престолонаследник, успевший натерпеться страху и принявший Панина за адъютанта, посланного, чтобы его арестовать.

Во время одного из таких свиданий Панин впотьмах, найдя Александра, коснулся его руки. Александр выхватил шпагу и кинулся на Панина. Так велико было напряжение. В краткие минуты встреч в бане или в подземелье они в большинстве случаев не рискуют разговаривать, а только обмениваются записками, которые молча передают в руки друг другу. Немедленно по прочтении записки полагалось сжигать.

В «Воспоминаниях» Ланжерона находим интересный эпизод, происшедший как раз в тот момент, когда Панин, только что получив одну из записок от Александра, неожиданно встретился с Павлом. Панин в ужасе прячет скомканную записку в боковой карман — в тот самый карман, где у него хранится список заговорщиков, — и старается веселым голосом приветствовать императора. Но Павлу кажется подозрительным и неестественным тон царедворца.

Павел пытливо всматривается в глаза Панина, долго говорит с ним о посторонних вещах, о хорошей погоде, о предстоящем бале и вдруг, подойдя вплотную к оторопевшему Панину, всовывает руку к нему в карман.

— Я хочу посмотреть, что у вас там. Может быть, любовная записочка от какой-нибудь фрейлины? Сознайтесь! — говорит Павел, не сводя глаз со стоящего навытяжку Панина.

«Вы знаете, любезный Ланжерон, — рассказывал об этом моменте впоследствии Панин, — что я не труслив и не легко теряю присутствие духа. Но, признаюсь, что если бы меня в эту минуту стали резать, из меня не вытекло бы ни капли крови».

Придворная школа была, однако, пройдена столь основательно, что даже в этот момент Панин с застывшей от ужаса кровью в жилах не растерялся.

— Что вы делаете, ваше величество, — говорит он спокойным равнодушным голосом. — Вы терпеть не можете табаку, а ведь я нюхаю очень много. Вы испачкаете руки, пропитаетесь табачным запахом.

— Фу, какая гадость, — говорит Павел, вынимая руку из кармана заговорщика.

На этот раз все кончилось благополучно. Но подозрительный Павел уже что-то почувствовал. Он не хочет больше видеть графа. Панин оказывается в опале. Он в отставке и уже сослан в деревню. Этой ссылкой Павел удаляет от себя единственного порядочного человека среди заговорщиков, единственного из всех, кто действительно помышлял только о регентстве, только о назначении Александра соправителем, единственного, кто искренне желал сохранить жизнь Павла.

После удаления Панина на первый план в подготовке заговора выдвигался граф Пален, братья Зубовы, генерал Бенигсен. Все эти люди с самого начала твердо решили с Павлом покончить.

Вскоре после переворота граф Воронцов пишет Панину: «Для России несчастье, что вы были в отсутствии при вступлении на престол императора Александра. Начало царствования носило бы совершенно иной характер».

«Не знаю, — напишет Панин в ответном письме, — было бы мое присутствие полезно Александру, но верно то, что я с опасностью для собственной жизни сопротивлялся бы делам, совершенным погрязшей в пороках разбойничьей бандой».

Между тем «разбойничья банда» осталась на местах. Панина удалили.

В руках ушедшего в отставку Панина находится уцелевший подлинник одной из тайных записок к нему Александра. Эту записку он хранит как доказательство того, что планы заговора, какие он составлял, имели полное одобрение престолонаследника. В будущем Александр не простит ему этого, как не простит письма о своем легкомыслии, ни, еще более, того плана регентства, который предлагал Панин. Александр не желал быть регентом, он хочет быть императором. И горе тем, кто хотя бы и в далеком прошлом осмеливался преуменьшать его права самодержца.

Во главе заговорщиков после отставки Панина остается Пален, «министр полиции» императора Павла. Павел одинок. Нет ни одной группы, ни одного класса, ни одной партии, которая хотела бы заступиться за этого несчастного душевнобольного человека. Павел одинок. Он одинаково презирает своих министров, своих любовниц, друзей своего детства. Даже жену Марию Федоровну, которую еще недавно он, казалось, любил нежной любовью, он презирает и ненавидит. Дверь, ведущая из спальни Павла в спальню Марии Федоровны, уже давно заперта на ключ. Но этого ему недостаточно. Он приказывает заделать эту дверь наглухо, заложить ее кирпичами. Подозрительный Павел никому не верит, всего боится, но

именно эта наглухо заделанная дверь явится причиной его гибели в момент осуществления заговора.

Когда, затравленный, избитый, в одном белье, он попытается спастись и кинется к тому месту, где была дверь — единственное его спасение в ту страшную минуту, — он натолкнется на глухую стену.

Заговор назначен на 11 марта. Все вокруг до странности осведомлены о предстоящем. Подготовка к перевороту продолжается уже около шести месяцев. Сестра Зубовых, Жеребцова, уже успела выхлопотать разрешение поехать за границу и, обильно снабженная деньгами и драгоценностями, выехала в Берлин, чтобы устроить «прибежище» для своих братьев и других заговорщиков на случай, если «предприятие» не удастся.

Все вокруг осведомлены о предстоящем. Красавица Гагарина, любовница Павла, заблаговременно предостерегает молодого принца Евгения Вюртембергского о том, что в эту ночь ему «лучше не оставаться во дворце». Адъютант принца Дибич, со своей стороны, тоже знает, что в эту ночь лучше во дворце не оставаться. Он обращается к младшему гувернеру принца с просьбой приютить его в первом кадетском корпусе. Но директор корпуса Фридрих Клиндер наотрез отказывается. Он тоже хорошо знает положение дел. В этот день оказать гостеприимство принцу он не может, он прекрасно понимает, в чем дело, и не желает ни с какой стороны, хотя бы и косвенно, оказаться прикосновенным к предстоящему делу. Пусть туземцы в этой странной России веселятся по-своему, он, честный немец, хочет остаться в стороне. Когда на престол взойдет новый император, он будет громко кричать «ура!» в его честь, но пока старого императора еще не убили, он никаких принцев в стены своего корпуса не допустит.

Дибич решает рискнуть и остаться во дворце. Но в эту ночь он не дает доверенному его заботам юноше ложиться в постель, убеждает его даже не раздеваться. Оба сидят и ждут в своих комнатах до тех пор, пока поздно ночью не явится капитан Фолькерсберг и, крикнув в дверь: «Все кончено!», не проведет выразительно рукой по шее. Только тогда Дибич скажет своему воспитаннику, что все благополучно и можно ложиться спать.

Все давным-давно знают о том, что должно произойти в царском дворце. Во время ужина у княгини Белозерской, состоявшегося 11 марта, камергер Загряжский около 12 часов ночи смотрит на часы и вслух говорит, обращаясь к присутствующим за столом, где представлены все так называемые сливки петербургского общества:

— Его величеству государю императору в эту минуту не очень-то по себе.

Все воспринимают это заявление без удивления. Никто не спрашивает разъяснений. Все понимают, в чем дело, и мирно разъезжаются по домам.

Пребывающая в Берлине сестра Зубовых, боясь, что наличных средств у нее «в случае чего» не хватит, едет в Лондон, чтобы встретиться там со своим другом Уитвортом. Эта встреча послужит поводом для долгих расследований того, в какой мере английские деньги прикосновенны к убийству Павла и возведению на престол Александра. Расследование полностью подтверждает версию об английских деньгах. «На дело» англичане никогда не жалеют средств.

В самый день 11 марта Павел пишет резкое письмо русскому посланнику в Берлине барону Крюденеру с требованием принять ряд весьма важных враждебных мер против Англии. Пален, отсылая это срочное письмо, делает нем приписку: «Его императорское величество сегодня нездоров. Весьма возможно, что эта болезнь не останется без последствий». Дело барона Крюденера догадаться, что после такой приписки торопиться с

исполнением приказа уже обреченного самодержца нет оснований.

Вечером 11 марта заговорщики собираются на ужин. Одна партия собралась у генерала Талызина. Генерал живет возле Летнего сада, поблизости с Михайловским дворцом, в котором томится от тяжелых предчувствий Павел. Здесь собраны именно молодые офицеры — как раз те, кто за разные проступки подвергались жестоким и унижительным наказаниям. Пален и Бенигсен приезжают сюда ненадолго, чтобы «поднять дух войск». Они сами ничего не пьют, но молодежь подпаивают обильно.

Многие из собравшихся здесь еще не знают о том, для чего их призвали. Им скажут только в последний момент, когда надо будет действовать.

Другой ужин в этот вечер устроен у Палена. Здесь более почтенные по возрасту люди. Вместо водки пьют шампанское.

Генерал Талызин уже с утра, чтобы быть свободным в течение дня, заявил государю, что он болен и в этот день на службу явиться не сможет.

Подозрительный Павел в этот же день посылает к Талызину своего медика, англичанина Гриве. Явившись по приказанию императора к Талызину, Гриве попал сюда как раз в тот момент, когда происходит совещание заговорщиков. На столе лежит развернутый план Михайловского дворца, горячо обсуждается вопрос, придется ли стрелять или удастся обойтись без выстрелов и справиться с Павлом путем удушения.

Неожиданное появление присланного государем доктора вызывает панику. Заговорщики решают тут же убить несвоевременного визитера. Кто-то из пылких людей предлагает даже разрезать Гриве на части, чтобы каждый присутствующий унес с собой свою часть. Но генерал Талызин не сторонник театральных эффектов. Старый скептик хорошо знает природу людей. Он знает, что завтра этот доктор будет верным слугой нового императора. Зачем зря губить человека? Чтобы он не успел донести, достаточно его арестовать. Через несколько часов дело будет кончено. Тогда и отпустить.

Генерал оказался прав. Доктор Гриве мирно сидит под арестом. Завтра он получит новое назначение от нового императора, получит новый орден и охотно сохранит при Александре торжественное звание медика его величества.

Во время ужина у графа Палена выпито много вина. Пален сам ничего не пьет, не дает пить Бенигсену и другим руководителям, но старательно спаивает исполнителей. В конце ужина Пален произносит короткую речь:

— Помните, господа! Для того, чтобы съесть яичницу, надо ранее всего разбить яйца!

Один из присутствующих, командир Измайловского полка полковник Бибилов, приходит в раж. По его мнению, мало убить одного Павла. Надо с корнем уничтожить все осиное гнездо.

— Для России, — торжественно заявляет он, — лучше бы сразу избавиться от всех членов этого семейства!

Но эта идея Бибилова кажется непомерной и успеха не имеет: а царствовать кто же будет?

Пален рассказывает участникам о тех страхах, каких он натерпелся еще сегодня утром. В этот самый день Павел получил анонимный донос о готовящемся перевороте. Утром Павел обратился к Палену с грозным вопросом:

— Господин фон Пален, вы были здесь в 1762 году? Знаете ли вы, что теперь злодеи хотят возобновить 1762 год?!

— Да, я знаю это, государь. Будьте спокойны, я сам принадлежу к заговору, — отвечает

играющий ва-банк Пален.

— Как? Вы принадлежите к заговорщикам?! Слышите ли вы, что говорите?!

Граф Пален спокойно вынимает из кармана список заговорщиков. В списке действительно значится его имя.

— Да, государь, как видите, я все знаю. Чтобы проникнуть в среду заговорщиков, я притворился, что я с ними. Сегодня же ночью все будет ликвидировано. Будьте спокойны, государь.

Павел поражен.

— Да, но ведь моего отца убили! — говорит он.

— Ваш отец был иностранец, вы русский, — успокаивает Пален. — Когда убили вашего отца, в Петербурге не было полиции. Теперь полиция организована превосходно. Без моего ведома не делается ни единого шага, не произносится ни единого слова. Будьте спокойны, государь!

Павел все-таки не спокоен. Зато Пален успокоился. Что бы ни случилось, он будет в стороне. Павел подготовлен к тому, что он находится среди заговорщиков. Если заговор сорвется, Палену ничего не грозит.

В тот же день, мучимый предчувствиями, Павел посылает за Аракчевым. В эту тяжелую минуту, когда его гнетет предсмертная тоска, когда он не находит себе места, кто ж еще, если не старый «без лести преданный» друг, жестокий и холодный Аракчев, сможет защитить, успокоить своего государя?

Все последние месяцы своей жизни Павел опасался быть отравленным. Русским поварам в последний год он вообще не доверяет. По его просьбе английский купец рекомендует ему специально выписанную английскую кухарку. Эту кухарку поселяют в комнате, непосредственно примыкающей к спальне Павла. Здесь устраивается для нее особая печь, на которой она готовит императору.

В ночь убийства английская кухарка, испуганная страшным шумом, бежит из дворца и в ночной тьме умудряется отыскать рекомендовавшего ее английского купца. Назад во дворец она идти не желает. Довольно! Больше играть в эту игру она не хочет!

Павел все последние дни жаловался на одышку. Обершталмейстеру Муханову он говорил:

— У меня такое чувство, точно я задыхаюсь. Мне не хватает воздуха. Кажется, что я умираю. Уж не задушат ли меня?

Муханов, хорошо осведомленный о заговоре, сам являющийся одним из заговорщиков, долго успокаивает Павла:

— Это одышка у вас, ваше величество. Это от оттепели. Весенний туман.

Павел долго молчит, качает головой и остается на месте, погруженный в свои мысли.

Веселый ужин заговорщиков тем временем подходит к концу. Пора браться за дело.

Караул во дворце в этот день составлен из представителей трех полков. Отряд Семеновского гвардейского полка, расположенный в ту ночь во дворе, «свой». Офицеры полка давно уже в дружбе с великим князем Александром. Другой отряд Преображенского полка — тоже «свой». Об этом позаботился генерал Талызин.

Но у дверей царского кабинета стоит еще один, третий, караул из 24 рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача. Эта часть находится под командой полковника Саблукова.

Саблуков — один из немногих офицеров, хранящих верность Павлу. Его следует обезвредить во что бы то ни стало.

Уже утром 11 марта адъютант великого князя Константина предписывает Саблукову вернуться в казармы — таков приказ великого князя, шефа полка. Это против правил, и исправный службист Саблуков не считает себя вправе исполнить этот приказ. Чтобы выяснить, в чем дело, он надеется во время парада в этот же день пожаловаться на действие адъютанта великому князю Константину. Но во время парада в этот день ни Константин, ни Александр не показываются. Оба они, как мы знаем, арестованы по приказанию Павла. Вечером, по особому приказу императора Павла, их поведут во дворцовую церковь к вторичной присяге. Через несколько часов после этого будет произведена еще одна присяга, на этот раз уже новому императору.

Не добившись толку, Саблуков вечером отправляется во дворец, чтобы поговорить с шефом своего полка и выяснить положение. У дверей апартаментов Константина оказывается камер-лакей Павла, не желающий пропустить полковника. Саблуков требует вызова другого лакея, кого-то из тех, кто постоянно служит Константину и хорошо знает в лицо Саблукова. Но и другой лакей отказывается на этот раз пропустить полковника.

— Да вы что здесь, все с ума сошли сегодня?! — кричит рассерженный Саблуков и, оттолкнув обоих лакеев, силой пробивается в комнату великого князя Константина.

Но расспросить «начальство» не удастся. В комнате Константина — великий князь Александр. У него вид «испуганно крадущегося зайца», — пишет в своих записках Саблуков. Полковник еще не успел сделать своему шефу доклад, как вдруг неожиданно открылась дверь и в комнату как привидение, вошел император.

В тот день ему не сидится в своих комнатах. Он бродит из одной части дворца в другую.

«Император, — описывает Саблуков, — появился в сапогах со шпорами, со шляпой в одной руке и с палкою в другой. Торжественно, прямо, не сгибаясь, как на параде, он направился прямо к нам. Константин словно окаменел на месте и имел такой вид, как будто стоит безоружный перед медведем. Александр сразу убежал в свою комнату».

Павел стоит молча. Саблуков рапортует ему о состоянии полка.

— Ты дежурный? — спрашивает государь.

— Так точно, ваше императорское величество!

Государь, не сказав ни слова великому князю Константину, выходит из комнаты. Константин стоит без движения.

Только через несколько минут, когда издали послышался скрип другой двери, доказывающий, что государь уже ушел, Александр «снова вполз в комнату, словно ластящийся пойнтер».

— Ну, брат, что ты на это скажешь? — спрашивает Александр Константина.

Больше всего оба брата удивлены, что Саблуков не испугался Павла.

— Неужели вы действительно не боитесь? — спрашивает его Александр.

По приказанию шефа своего полка Саблуков уходит домой. Но в тот же вечер, в три четверти десятого, к Саблукову является фельдфебель от государя:

— Его императорское величество немедленно требует вас во дворец.

Саблуков испуган и встревожен до крайности.

Оказывается, Павел вызвал его, чтобы поручить ему лично охрану дворца в этот день. Но граф Пален знает, что Саблуков любит Павла, знает, что присутствие Саблукова и его отряда может явиться серьезной помехой делу, и уже принял свои меры. Когда поздно вечером Павел переспросил графа Палена, может ли он, Павел, поручиться, что ничего не угрожает его безопасности, Пален ответил:

— Все благополучно, ваше величество. Все меры приняты. Но я не могу ни за что поручиться, если вы оставите в карауле этих якобинцев.

Якобинцами Пален назвал солдат саблуковского отряда.

В 16 минут одиннадцатого Павел со своим шпицем встречает экстренно вызванного Саблукова.

— Вы якобинец! — кричит ему Павел. — Весь ваш полк якобинский!

— Не говорю о себе, но относительно полка ваше величество заблуждается, — ответил Саблуков.

Но Павел его не слушает.

— Я лучше знаю. Ваш караул должен немедленно удалиться.

— Слушаю, ваше величество. Налево, кругом, марш! — командует Саблуков.

Позади государя стоит Уваров. Он, по запискам Саблукова, «стоит с глупым лицом и улыбается».

Саблуков не прав. Уваров вовсе не так глуп. Он улыбается не случайно. Он видит, что Пален добился своего. Он видит, что по личному приказу Павла удаляется именно тот караул, который только бы и мог спасти жизнь императора. Не случайно улыбается Уваров...

Саблуков уходит домой. Он растерян, смущен и ничего не может понять. В час ночи фельдъегерь Константина привезет ему собственноручную записку великого князя, написанную торопливо и в сильном волнении: «Как можно скорее соберите полк. Верхом и в полном вооружении. Прикажете хорошенько зарядить ружья и пистолеты».

Крайне пораженный, Саблуков немедленно исполнит приказ своего шефа, но поспешит послать извещение об этом и своему отцу с просьбой объяснить, в чем дело, посоветовать, что делать. Через три часа будет получено известие о наступлении нового царствования и делать что бы то ни было будет уже поздно.

Утром на торжественном параде, который станет принимать новый император Александр I, сияющий граф Пален с видом полководца, выигравшего важное сражение, подойдет к стоявшему в стороне полковнику Саблукову.

— Я боялся вас больше всех остальных военных во дворце, больше всего гарнизона, — скажет он.

— Вы имели на то все основания, — хмуро ответил Саблуков.

— Потому-то я и позаботился, чтобы вы были своевременно удалены, — скажет Пален с сияющей улыбкой.

Ужин у Талызина, ужин у Палена — кончены. Заговорщики идут нестройной толпой через Марсово поле, через Летний сад к Михайловскому дворцу.

Старые липы Летнего сада служат прибежищем для многих тысяч ворон. В записках Розенцвейга находим яркое описание того, как птицы, разбуженные толпой проходивших через час подвыпивших и взвинченных офицеров, подняли такой оглушительный крик, что заговорщики испугались. А что, если государь проснется и успеет скрыться? Виселицы, небось, не миновать!

Вороны Летнего сада могли сделаться не менее знаменитыми, чем capitoлийские гуси. Но измученный бессонницей, ворочающийся до позднего часа Павел только что заснул. Он спит крепко.

Хрустит не успевший стаять мартовский снег под ногами. Грозно кричит воронье в ночь очередного переворота, очередного убийства в этой несчастной семье, члены которой

называют себя Романовыми.

Батальонный командир Преображенского полка привел своих солдат, ничего им не объясняя. Только здесь, у самого дворца, отделенного от площади замерзшими рвами, он спрашивает:

— Братцы, на опасное дело пойдете?

— Рады стараться, — отвечают хором основательно подпоенные солдаты.

Наружные часовые обезоружены легко и просто. Никто из них не подумал оказывать сопротивление. На том месте, где только что стояли солдаты Саблукова, теперь находится отряд, приведенный адъютантом Преображенского полка Аргамаковым. Свой человек, один из видных заговорщиков, Аргамаков подает знак солдатам, и, заранее ознакомленные с планом, заговорщики всей гурьбой направляются в спальню императора.

Все стоящие на страже в Михайловском дворце офицеры были заранее посвящены в тайну. Кроме некого Пейкера. Это — немец, «глупый и ничтожный». Никто не решился осведомить его заранее, и теперь Пейкер портит все дело.

— Караул! Эти люди хотят убить государя! — кричит Пейкер. — Что делать?!

Его коллеги нашлись. Вместо того, чтобы прикончить Пейкера, как это хотели сделать одни, другие с серьезным видом посоветовали ему написать рапорт полковнику, командиру его полка. Честный немец немедленно послушался, добыл лист бумаги и стал писать рапорт. К тому времени, когда он его закончил, Павел был уже убит.

Мрачное здание Михайловского дворца как будто создано для того, чтобы служить ареной заговора, цареубийства.

Павел перебрался в Михайловский дворец из Зимнего именно потому, что Зимний считал опасным в стратегическом отношении — весь на виду, на площади, не забаррикадируешь.

Перебравшись в Михайловский, Павел устроил здесь особые рвы, подъемные мосты, тайные лестницы, подземные ходы. При первой тревоге можно было принять все меры защиты. Но этой тревоги не последовало. Пейкер пишет свой рапорт, а заговорщики всей толпой, стараясь не шуметь, движутся по коридору к спальне императора.

Стоящий во главе караула адъютант Аргамаков лично ведет заговорщиков, показывая путь к спальне. У дверей царских апартаментов появляется старый седой лакей. От толпы отделяются двое участников.

— Мы к государю, — говорят они.

— Как, ночью? Не имею права пускать.

— Ты пьян, старый пес! Какая теперь ночь? Заспался, что ли? Уже шесть часов утра! У нас срочный доклад к государю. Не видишь — с нами дежурный адъютант!

Кабинет Павла. Гостиная... Мимо, мимо. У дверей спальни на часах два гусара. Эти пытаются оказать сопротивление. Одного из них кто-то из офицеров ударил кулаком наотмашь. Тот свалился на пол. Ко лбу другого приставлен пистолет. Выхвативший оружие успел было даже нажать на курок, но последовала осечка. Еще и в эту минуту, если бы прозвучал выстрел, Павел проснулся бы на одну-две минуты раньше и еще смог бы спастись.

Пистолет дал осечку. Гусар, стоявший у дверей царской спальни, связан и обезврежен. Другой, с окровавленной головой, успел скрыться в коридорах и закоулках дворца. Он вбежал в тот зал, где пребывали преображенцы, находившиеся под командованием одного из участников заговора, поручика Марина.

— Братцы, государя убивают! На выручку! — кричит гусар.

Солдаты взволнованы, взвинчены. Добрые «серячки» не знают, как быть и что делать. Один из солдат выступает вперед и требует, чтобы их немедленно повели к царю.

Поручик Марин выхватывает шпагу, приставляет ее в упор к груди этого солдата.

— Убью на месте, если скажешь еще хоть одно слово! — говорит он и командует: — Смирно! Стройся! Оружие на изготовку!

Застывшие солдаты «едят глазами начальство», строго выполняют дисциплинарный устав, на котором всегда так настаивал влюбленный в муштру Павел. Солдат должен слепо выполнять приказания, солдат не имеет права дышать в строю, солдат должен выполнять только то, что ему приказывают.

Заветы Павла исполнены свято. Солдаты не рассуждают. Они стоят навытяжку до того момента, пока не придет известие, что Павел уже убит.

Первый отряд заговорщиков из 12 человек (среди них Бенигсен, Платон и Николай Зубов) уже вошел в спальню императора. Осторожный Пален и Валерьян Зубов в другом отряде. Они еще на пути.

Шум шагов разбудил Павла.

Выскочив из постели, он заметался по комнате. Если бы он кинулся направо, к тем дверям, что вели в спальню его любовницы княгини Гагариной, он мог бы еще спастись. Но Павел кинулся налево — к дверям, которые вели в спальню государыни Марии Федоровны, к тем дверям, какие еще недавно были заколочены по его приказу. Павел обречен.

Первые 12 заговорщиков, ворвавшиеся в спальню, кинулись к постели, но постель пуста. Павел убежал? Заговорщики в панике. Все мечутся по комнате, ищут под столами, под шкапами, чуть ли не в ящиках письменного стола. Если Павел спасся — все будут завтра же повешены. Это ясно каждому.

Нашел Павла граф Бенигсен. Павел спрятался в камин, но Бенигсен при свете луны увидел на полу босые ноги. И вот Павел вытасчен. Граф Бенигсен в парадном мундире, с лентой, во всех орденах. Павел в одном белье, в ночном колпаке. Съездившись, он пытается спрятаться за портьеру.

Граф Бенигсен старается вести себя джентльменом. Он опускает свою шпагу и по-французски заявляет:

— Государь, вы перестали царствовать. Теперь император — Александр. Мы арестуем вас по его приказанию. Будьте спокойны, вас не хотят убить. Вы должны отречься от престола.

— Что я вам сделал? — кричит император.

— Вы нас мучаете, вы нас мучаете уже четвертый год, — запальчиво отвечает один из гвардейских офицеров.

В этот момент смертельно бледный Павел внезапно пытается бежать. Босой, в одной рубашке, кидается он к дверям, стараясь прорваться через толпу заговорщиков. Его схватывают.

— Вы арестованы!

— Арестован? Что это значит — арестован? — хрипит Павел. Его обычно шафранное лицо блее бумаги. Он тяжело дышит.

В это время в прихожей раздается шум. Это пришла новая партия заговорщиков. Но первый отряд в панике — инстинктивно все решили, что это идет караул на защиту государя. В одно мгновение Павел остается один. В безумной панике, в ужасе заговорщики разбежались. Один Бенигсен остался возле государя, держа в руке шпагу. Еще минута, и выясняется, что новый отряд явился на помощь не к царю, а к заговорщикам.

Прежний и новый отряды снова вламываются в спальню.

В дикой толкотне падают ширмы. Они задевают лампу. Свет гаснет. В общей свалке

Бенигсен успевает крикнуть:

— Не противьтесь, государь! Дело идет о вашей жизни.

Но «противиться», убеждать кого бы то ни было в чем-нибудь уже поздно. Разъяренная толпа в темноте уже схватила свою жертву.

Большинство заговорщиков пьяны, и поэтому воспоминания участников в деталях разноречивы.

Павел не защищается. Он просит о пощаде, умоляет дать ему время помолиться.

Трагическая деталь: один из офицеров-заговорщиков оказывается похож на Константина. При тусклом свете принесенного ночника Павел принимает его за великого князя.

— Как, и вы, ваше высочество, здесь? — говорит он прерывающимся голосом.

Выяснить недоразумение нет ни времени, ни охоты. Павел умирает в полном убеждении, что одним из его фактических убийц является Константин.

Наиболее существенные подробности дают записки Саблукова. Вначале Павел говорит громко и жестикулирует. Николай Зубов, мясник по характеру, шталмейстер его величества по должности, человек очень высокого роста и очень сильный, бьет государя по руке.

— Ты чего орешь?! — кричит он.

У Павла не было привычки к такому обращению. Он не удержался от того, чтобы не оттолкнуть руки Зубова. В ответ тот с размаху бьет Павла по голове. Ему не достаточно простого удара рукой. Он берет в руку тяжелую золотую табакерку и ударяет своего императора в левый висок. Павел падает.

Остальные офицеры кидаются на упавшего. Они хорошо запомнили совет графа Палена о том, что «съесть яичницу может только тот, кто умеет разбить скорлупу яйца». Но и помимо этого многие из них чувствуют себя обиженными, оскорбленными.

— Пропустите-ка меня! Дайте я ему покажу!

— И я! И я!

Павла бьют, толкают ногами, топчут.

В коридоре слышен шум. Новый момент паники. Павел, пришедший в себя, пытается кричать. Жалобно, полузадушенным хриплым голосом, не очень громко, как будто сам не верит, что из этого крика может что-нибудь получиться. Он непрерывно повторяет одно и то же:

— На помощь... На помощь...

Бенигсен не в силах больше вынести. Он поручает пьяному князю Яшвилю сторожить государя, а сам выбегает в прихожую. Ему «нужно распорядиться размещением часовых».

Царь пытается вырваться от Яшвиля. Во время борьбы оба падают на пол. Стрелять заговорщики не решаются.

— Надо его задушить, — говорит кто-то. — У кого есть веревка?

Веревки ни у кого нет.

— Дайте салфетку, дайте что-нибудь!

Салфетки тоже не оказывается. Гвардейский офицер Скарятин срывает с себя шарф.

Павел извивается, кусает руки своих убийц, но их много. Уже отогнали в сторону тех, кто хотел позабавиться (приятно лишний раз дать по морде его императорскому величеству). Этим легкомысленных людей, этих спортсменов и удалцов, отогнали. Рядом с Павлом остались люди деловые, люди серьезные.

Упорное судорожное сопротивление не помогло. Одному человеку не справиться с

двенадцатью. И вот вокруг шеи Павла уже обернут шарф. Этот шарф тянут в обе стороны граф Николай Зубов («с диким выражением лица»), за другой конец — генерал Чичерин и князь Яшвиль. Придворная карьера достается недешево.

Еще много времени после этого каждый из участников убийства будет хвастливо рассказывать в высшем свете, что это именно он удушил Павла, именно он проявил чудеса храбрости и присутствия духа. Риска это хвастовство не влечет ни малейшего. Напротив. Ни один из участников заговора не был привлечен к ответственности. Чины и ордена получили многие. Александр умел ценить заслуги!

Смена на всероссийском престоле благополучно заканчивается. Серьезные, деловые люди задушили своего государя. Тайный советник Трощинский еще во время ужина заговорщиков, перед их отправлением в Михайловский дворец, успел заготовить манифест, в котором говорилось, что «его величество государь император Павел I по болезни повелеть соизволил взять себе в соправители великого князя Александра». Манифест составлен, но с первых же минут заговорщики стали вести дело серьезно, поэтому давать манифест для подписи избитому, окровавленному Павлу никто не пытался.

И еще раз возникает паника. Павел еще не задохнулся, когда в прихожей опять слышатся шаги. Заговорщики, оставив задушенного, но еще хрипящего императора, кидаются к двери. Но граф Бенигсен с обнаженной шпагой встает на их пути:

— Заколю, как собаку, всякого, кто попытается бежать! Отступать поздно!

Граф прав. Отступать поздно. Вино налито, его надо выпить. К счастью, страхи оказываются напрасными. Никто не собирается мешать людям, занятым возведением на престол нового венценосца. Заговорщики возвращаются к изуродованному Павлу. Еще несколько минут, и все кончено. Его императорское величество волею Божьей тихо скончался!

Король умер, да здравствует король!

Только к этому времени появляется, наконец, во дворце граф Пален со своим отрядом в сопровождении Уварова. Он во главе батальона гвардейцев должен был взять на себя одну из активнейших ролей в разыгранной пьесе, но он предпочел спешить медленно. Он ведет свой отряд кружным путем и появляется у дворца, когда Павел уже полумертв. Но и здесь, поднимаясь по главной лестнице, он приказывает не спешить. Есть моменты, когда, придя поздно, только выигрываешь.

В будущем новый император Александр попомнит Палену его медлительность. Игра графа слишком очевидна. Его отсутствие в момент убийства объясняют тем, что Пален имел в виду в случае неудачи явиться со своим отрядом в роли мстителя, арестовать Александра и всех заговорщиков. Так ли это — проверить трудно, но опоздание Палена, его медлительность замечены. Впрочем, граф Пален спокоен. Он знает, что в данный момент он нужен Александру. Он спешит успокоить нового монарха в этот исторический час, напомнить ему о том, что взоры всей России, всего мира следят за новым самодержцем. В кармане графа Палена — манифест о восшествии на престол Александра в роли соправителя, подписанный самим Александром за несколько часов до убийства. «В случае чего» эта бумага, предъявленная Паленом Павлу, должна была сыграть роль улики, добытой ценой провокации.

В этой игре ума, однако, нет надобности. Тем лучше.

Итак, на престоле новый император. На него смотрит вся Россия, на него глядит вся Европа и взирает сама История. В спальне Павла тем временем идет работа; целый ряд

врачей и художников командированы, чтобы привести в приличный вид обезображенное, исковерканное, изуродованное лицо и тело Павла. Работа кипит, врачи накладывают швы, художники закрашивают красками кровоподтеки. Привлечены к работе и портные. «Я видел, — рассказывает в своих записках Саблуков, — убитого государя на его парадной постели. Лицо его, хотя и накрашенное, было синее с черными пятнами. На нем шляпа, надетая так, чтобы прикрыть разбитые левый глаз и висок».

Слугам заявлено, что государь умер от удара. Платон Зубов первый кидается к дворцовой страже с сообщением о внезапном ударе, постигшем царя. О том, что этот удар нанесен табакеркой, он из понятной деликатности не говорит, но стража хмуро молчит.

Чтобы воодушевить солдат, срочно вызывается новый монарх.

— Ура императору Александру! — кричит Зубов.

Стража молчит.

Только здесь, в присутствии стражи, Александра официально извещают о том, что его обожаемый отец внезапно скончался. У Александра вид человека, обезумевшего от горя, но он держит себя в руках. Бенигсену он поручает командование дворцовой стражей, Палена посылает к императрице Марии Федоровне с поручением известить ее о кончине мужа.

Сам Александр занят. Он спешит к Зимнему дворцу, чтобы присутствовать при ранней обедне и принимать поздравления подданных.

Единственным человеком, кто действительно как будто горячо и непритворно переживает смерть Павла, является его жена. Пален не решается брать на себя лично осведомление овдовевшей императрицы. Он не любит неприятных поручений.

Вместо себя Пален посылает к Марии Федоровне графиню Ливен.

— Ваше величество, ваш супруг тяжело захворал. С ним случился удар.

Мария Федоровна в истерике.

— Его убили, его убили, я знаю! — кричит она.

Графиня Ливен почтительно молчит.

Мария Федоровна кидается с постели и, как была, босая, кидается кружным путем к покоям Павла. Но у двери часовые. Им отдан приказ никого не пускать. Пройти нельзя. У двери скрещены ружья.

Мария Федоровна кричит, молит, бросается в ноги, обнимает колени солдат, но начальник охраны неумолим.

Любопытно, однако, что в это время, в пароксизме тяжелого горя, вдовствующая императрица проявляет неожиданное желание оказаться на престоле, взять бразды правления в свои руки.

— Кто император? Кто смеет называть Александра императором? — спрашивает она.

— Голос народа, — почтительно отвечает лукавый царедворец граф Бенигсен.

Но Мария Федоровна не удовлетворена этим ответом.

— Я желаю царствовать. Вы слышите, лично я желаю царствовать, — твердо заявляет она.

Когда Александру доложили об этом, он хватается за голову и с непритворным ужасом заявляет:

— Господи, этого еще не доставало!

Но сеть заговорщиков достаточно велика, планы подготовлены слишком основательно. Александр для заговорщиков свой человек, соучастник, а всякий иной может оказаться мстителем. Реальное соотношение сил на стороне Александра. Странники иных

группировок и партий в меньшинстве. Уже приказано арестовать любимца Павла, парикмахера, возведенного покойным в графское достоинство и получившего сан камергера, — Кутайсова. Графа предписано арестовать вместе с его любовницей актрисой Шевалье. Но бывший парикмахер оказывается необыкновенно быстроногим. За минуту до ареста он успевает покинуть свою любовницу. Босой, в одном халате, он выбегает на улицу, мчится, полуголый, искать приюта и прячется в доме Ланского...

В спальне Павла все еще идет работа. Восемьдесят часов продолжает вдова безрезультатные мольбы пропустить ее к праху мужа. Мария Федоровна грозит страшными карами караулу, громко говорит об убийцах, которых она казнит, как только взойдет на престол.

Александр приказывает Палену «образумить Марию Федоровну», убедить ее отказаться от странной идеи завладеть престолом. Но Мария Федоровна ничего не желает слушать. Она изволит гневаться.

Когда Александр передает ей свое требование приехать к нему в Зимний дворец, она отвечает:

— Кто смеет говорить мне о повиновении? Я не желаю повиноваться моему сыну, я — императрица!

Генералу Бенигсену надоела эта дамская истерика.

— Сударыня, здесь не театр. Нечего комедии разыгрывать, — сурово говорит он.

Императрица смущена. А что, если эти солдаты посадят ее в тюрьму или, например, высекут? Они ведь такие грубые. Они могут даже убить ее, как убили несчастного Павла.

И Мария Федоровна делает последний опыт. Она соглашается последовать в Зимний дворец. В глубине души она надеется, что толпы на улицах предпримут что-то в ее пользу. Она столько времени тратила на своих бедных, на свои благотворительные учреждения. Не может быть, чтобы этот добрый русский народ не оценил этого, чтобы толпы не стали приветствовать ее криками: «Да здравствует императрица!» И тогда все наладится, все будет хорошо.

Увы, грубый солдат Бенигсен категорически требует от Марии Федоровны, чтобы она ни с кем не заговаривала. Надежды вдовствующей императрицы оказываются тщетными. Престола ей не добиться. Мария Федоровна уже видела труп своего мужа. Она ни на минуту не сомневается в том, как произошло дело, но при встрече с сыновьями Александром и Константином требует, чтобы они отправились с нею в часовню Св. Михаила и там поклялись, что они не знали о намерении заговорщиков лишить жизни императора. Оба сына охотно исполняют эту скромную просьбу. Отчего, в самом деле, не поклясться?

Гораздо важнее, как станут держать себя войска. Генерал Талызин сразу после «катастрофы» потребовал, чтобы Александр показался гвардейским полком. Александр послушно является.

— Препрежний император умер! — говорит солдатам генерал Талызин. — Вот перед вами новый император Александр! Он явился приветствовать вас. Да здравствует император Александр!

Ни одного возгласа. Солдаты хмуро молчат.

Растерянный Александр отправляется в свой Семеновский полк. Здесь крики «ура» обеспечены давней и планомерной подготовкой к заговору. Но Преображенский полк стоит на своем. Кричать «ура» солдаты не желают.

Рано утром полковник Саблуков выводит свой полк для принесения присяги новому

государю. Два солдата, Филатьев и Иванов, объявляют Саблукову от имени полка, что солдаты сомневаются.

Иванов спрашивает Саблукова, видел ли тот своими глазами труп Павла. Саблуков не видел.

— Не годится присягу принимать, — говорит Иванов. — А может, старый государь жив?

Филатьев подтверждает: необходимо сначала увидеть труп прежнего государя. Солдаты говорят, что иначе присягать не станут.

Куда-то ушло, исчезло в эти сумбурные часы понятие о дисциплине. Еще вчера был в полной силе режим Павла. Но сегодня солдаты Иванов и Филатьев требуют немедленно впустить их в комнату усопшего императора. Их выпускают. Только после того, как они увидели убитого своими глазами, Иванов говорит:

— Он умер крепко. Можно и присягать.

— Теперь будет легче, лучше, — говорит кто-то из заигрывающих в эти дни перед солдатами придворных.

— Для нас кто ни поп, тот и батька, — угрюмо отвечает солдатский депутат Филатьев.

Рано утром 12 марта собраны сенаторы, духовенство, сановники. В этих-то сомневаться не приходится. Эти присягнут с первого слова.

Вместе со всеми приходится присягать новому монарху и вдовствующей императрице. А жалко! Она бы поцарствовала! Дело нехитрое, а удовольствия много.

На улицах Петербурга безумное ликование. Люди встречаются словно после долгой разлуки. Все обнимаются и поздравляют друг друга. Целуются даже незнакомые.

12 марта все, как будто сговорившись, появились на улицах именно в таких костюмах, в таких прическах, с такой упряжью, какие строго воспрещались Павлом. Круглые шляпы, сапоги с ботфортами, фраки со стоячими воротниками, длинные панталоны. Носи что хочешь. Свобода!

Как же не ликовать, как не целоваться, не поздравлять друг друга!

Наивные обыватели верят, что если на место злого царя придет добрый, то вся жизнь, весь строй ее и режим изменятся. Все уверены, что если вместо сумасшедшего на престоле будет нормальный человек, жизнь наладится. «Все в восхищении, — пишет из Москвы своему дяде Воронцову Бутурлин. — После присяги все поздравляли и обнимали друг друга. Это неслыханное опьянение радостью».

«Божьей милостью возшло великое светило, — пишет из Дрездена Алексей Орлов. — Новое светило сияет и возвращает весну». Только старый граф Воронцов в письме того времени не поддается общему ликованию и грустно говорит о том, какое впечатление оставляет в народе безнаказанность и даже пышная карьера убийц, приближенных к новому царю. «Боюсь, что подобный пример может иметь плохие последствия и погубит Россию. Наша Россия обращается во вторую Персию».

Назавтра граф Пален, веселый, изысканно одетый, является на парад. Ни он, ни Зубов не скрывают свою роль в перевороте.

Через несколько дней граф Пален даст большой обед для «сближения представителей разных взглядов». На банкет приглашены несколько сот лиц.

Саблуков сначала не хочет и слышать о том, чтобы «обедать с убийцами». Ни он, ни его друзья на этот пир никогда не явятся. Но Пален улыбается. Он знает что если подождать еще несколько дней, то люди станут добрее.

— Вы, Саблуков, поступаете неправильно, — говорит он. — Дело сделано. Как

патриоты, мы должны думать только об интересах страны, которой мы служим, должны устранять все несогласия.

Пален прав. Он хорошо знает натуру человека. Через несколько дней уже и Саблуков со своими друзьями явственно почувствуют себя «патриотами». На обед, устроенный Паленом, они являются и ставят только одно условие: чтобы их посадили за отдельный столик. На это Пален охотно идет. За каким столом — это неважно. Шампанское льется на обеде рекой за всеми столами одинаково. Праздник примирения проходит как нельзя лучше.

Раз на престоле новый император, то вспоминать о старом, задушенном, — очевидная бестактность. Такого рода бестактность не по средствам никому, разве что вдовствующей императрице. Не ограничиваясь хранением постели Павла, его подушки с пятнами крови и других реликвий, не ограничиваясь особым памятником убитому, поставленным в часовне в Павловске, Мария Федоровна продолжает вести себя демонстративно. Вскоре после убийства Павла сектанты преподносят ей икону, на которой воспроизведена запись из второй Книги Царств: «Хорошо ли было Симрию, задушившему своего господина?»

Вдовствующая императрица не только принимает эту икону, но еще и дарит церкви. Надпись на этой подаренной императрицей иконе вызывает сенсацию. Весь Петербург толпится в церкви, жадно рассматривая икону.

Полиция в ужасе. Пален посылает «умного и образованного полицейского», которому поручено сделать копию с надписи и добиться от священника, чтобы возмутительная икона была убрана. Но священник на это не решается. Без распоряжения императрицы он ничего сделать не может.

Пален идет с докладом к государю. Между вдовствующей императрицей и государем происходит «тягостное объяснение», икона исчезает немедленно, но Александр одним этим не довольствуется. Столкновение Палена с его матерью он считает удобным поводом, чтобы отделаться от Палена. Когда на следующий день Пален, как всегда нарядный, надушенный, полулежа в чудесном, запряженном шестеркой вороных экипаже, приезжает на парад — к нему подходит адъютант государя.

— Его величество изволит требовать, чтобы вы немедленно оставили столицу и уехали в ваше курляндское имение.

Пален не говорит ни одного слова. Он опытный человек и понимает, в чем дело. Карта его бита. Пален безмолвно уезжает. В тот же вечер, одновременно с изданием рескрипта об увольнении от службы генерала от кавалерии графа Палена, получает предписание об удалении из столицы еще один участник заговора — Платон Зубов.

Следующим на очереди оказывается Панин.

Во время осуществления заговора Панин, сосланный Павлом, был вдали от Петербурга. Панин виноват менее всех еще и потому, что его планы не шли далее провозглашения Александра соправителем Павла. Но, быть может, именно поэтому судьба Панина оказывается более тяжелой. В первое время после восшествия на престол Александра возвращенный из ссылки Панин является одним из наиболее приближенных к новому государю. Он сопровождает царя на коронацию в Москву. Только что вне очереди произведенный в генералы от кавалерии, теперь он произведен в генерал-адъютанты. Александр всеми мерами проявляет свои симпатии Панину, но эти симпатии оказываются чрезвычайно непрочны. Как и остальные участники заговора, Панин слишком много знает, слишком хорошо помнит прошлое, поэтому неудобен. Мавр сделал свое дело, мавра гонят в шею.

В записках личного друга императора Александра, князя Адама Чарторыйского, читаем: «Александр удалил по очереди всех главарей заговора, которые совсем не были опасны, но вид которых был ему крайне неприятен, тягостен и ненавистен. Панину он никогда не мог простить, что он первый заговорил в свое время о путях, ведущих к престолу».

Панину в то время 31 год. Ссылка, которая снова постигает его, на этот раз навсегда кладет конец политической деятельности этого богато одаренного, необычайно честного человека.

Уже все последние месяцы пребывания в Петербурге Панин оказывается под надзором. Государь по несколько раз в день требует от тайной полиции сведений о том, что делал Панин, где был, с кем разговаривал. Поведение Панина совершенно невинно, сообщения, получаемые от шпииков, бессодержательны, но Александр, твердо уверенный все же, что Панин составляет какие-то заговоры, какие-то изменнические планы, не знает ни спокойствия, ни душевного мира. И так до тех пор, пока Панин не уехал. Еще не прошло и года с тех пор, как Панин встречался с ним в тайных закоулках, в бане и в подzemелье для тайных бесед. Но теперь Панин мешает, Панин неудобен, Панин тягостен, Панин уезжает в ссылку.

У Панина в кармане подписанная Александром записочка, касающаяся подготовлявшегося заговора. Все записочки такого рода немедленно сжигались, но одну, наиболее убедительную, Панин считает необходимым сохранить для потомства, чтобы никто не смел сказать, что он выступал инициатором заговора против Павла. Записочка цела, но Панин — джентльмен. До самой смерти он считает себя не вправе показывать кому-либо этот документ.

Как оказалось, Александр, со своей стороны, тоже хранит одну записку, подписанную именем Панина. Но у Александра не хватает благородства держать ее в секрете. Когда вдовствующая императрица, являвшаяся исключительно близким другом Панина, пытается заступиться за опального графа, убеждает, что гораздо лучше было бы отправить в ссылку других, фактических заговорщиков, а не Панина, который в момент убийства был вдали от Петербурга, Александр показывает матери записку, компрометирующую Панина. Мария Федоровна в ужасе. Чем нежнее относилась она до сих пор к графу Панину, тем более яркой ненавистницей его станет она отныне.

Тридцать пять лет провел в ссылке опальный, всеми забытый Панин. В ряде писем к государю он несколько раз требует привлечения его к суду, рассмотрения его мнимых преступлений. Но Александр не отвечает.

В 1810 году Панин в письме к графу Толстому жалуется, что он подвергся гражданской смерти, и умоляет разрешить ему хотя бы на время приехать в столицу. Ответа нет. Еще через девять лет Панин возобновляет ходатайство, но опять безуспешно. Даже после смерти Александра Панин остается гонимым и отверженным. После вступления на престол императора Николая тесть Панина граф Орлов на коленях молит нового государя прекратить гонение на Панина, но его просьбы остаются бесплодными. До самой смерти живет в одиночестве отверженный, ни в чем не повинный граф.

Глубоко поучительна параллель между убийством Павла I и убийством Николая II. Как ни относиться к гибели Николая в Екатеринбурге, но здесь перед нами убийство, совершенное в годы революции, приведенное в исполнение классовыми врагами, рабочими, для которых царь всегда являлся лютым врагом, олицетворением всего мрачного и преступного в общем уродливом строе жизни.

Павла убили «титурованные» дворяне, аристократы, гвардейцы, придворные. Это они, вчера еще пресмыкавшиеся перед «его величеством», получавшие от него чины и ордена, это они, всю жизнь клявшиеся именем царя, уверявшие, что они рады жизнь положить за своего монарха, это они сладострастно били «по морде» самодержца и топтали его ногами, душили его, давили его горло, — и это доказательство их «идейности» не может быть стерто со страниц истории.

Николай II

Глава I

Какое тяжелое ремесло, какая сложная профессия быть самодержцем! Не удивительно, что «профессионалы», объявляющие себя специалистами этого дела, так часто оказываются не имеющими о нем ни малейшего понятия.

Еще 100 лет назад, когда в Государственном Совете обсуждались «меры к улучшению быта крепостных крестьян», присутствующий на заседании Александр I был очень взволнован услышанными им прениями. После заседания князь Кочубей, улыбаясь, сказал графу Мордвину: «Государь почти двадцать лет царствовал, а так и не знал, что в России людей продают, как скотину, врозь с семьями».

Эта малая осведомленность не помешала, однако, Александру I получить звание «Александра Благословенного».

Но в этом «виноват» уже не Александр I, а Россия, бывшая в те времена страной покорных рабов, столетиями терпевших своих «обожаемых» монархов.

Чтобы сделаться шофером или ветеринаром, надо пройти особый курс, выдержать экзамен. Но чтобы сделаться самодержцем, не нужно ровно ничего, кроме рождения. Тем удивительнее те «выдающиеся» способности, та совершенно исключительная неподготовленность, которую проявил Николай II, выступив на исторической арене в роли последнего самодержца.

Царствование Николая II уже и теперь видно ясно и отчетливо. Оно цельно и последовательно. Победоносцев был и раньше, он достался Николаю в наследство. Но Распутин — это уже благоприобретенное. Земские начальники тоже были получены от отца, но военно-полевая юстиция — это уже свое, собственное. «Сорок тысяч полицейских» — это было готовое, но карательные экспедиции были созданы заново. В одном отношении царствование Николая II, отдадим ему должное, является вполне отвечающим своему назначению: он сделал невозможным самодержавие в России. Это был рок, его фатум, и всю свою жизнь он был орудием этого предопределения.

Воистину многое совершил для осуществления этого Николай II. Двадцать два года упорной, неослабной работы понадобилось ему на то, чтобы в насквозь монархической, мужицкой стране не только расшатать и ослабить, но и с корнем вырвать вон исконную любовь народа к царю, веру в него.

Это «историческое задание» свое Николай II выполнил блестяще. Если бы он сознательно и продуманно добивался этой цели, то и тогда он не смог бы этого сделать лучше, чем сделал. Ходынка и Григорий Распутин, виселицы и «Союз русского народа», спиритизм и война, «Кровавое воскресенье» и азефовщина — все средства были применены. Напрасно мешал ему Витте, вставляя палки в колеса и прикрывая зияющие дыры монархизма яркими заплатами: то «Манифестом 17 октября», то золотым запасом и расцветом промышленности. Напрасно пытался П. А. Столыпин подпереть гнилые стропила законом о землеустройстве. Напрасно старались кадеты ослабить работу Николая II и прикрыть историческое болото царского режима хотя бы подобием моста.

Но Николай не только сумел удалить все эти «помехи» на своем пути, но и обратить их

на пользу дела. Ему мало было Сипягиных и Плеве. От крайне левых (из эмиграции) он призвал Азефа, от Государственной думы — А. Д. Протопопова, от церкви — Гапона, от низов народных — Григория Распутина. Если и этого оказалось мало, он выписывал и из-за границы — то авантюриста парикмахера Филиппа, то спирита Папюса из Франции, то знахаря Бадмаева из Тибета. Он не упустил ни одного способа скомпрометировать трон, ни одного случая втоптать в грязь самодержавие. Для этой «исторической» цели он ничего не жалел.

Когда недостаточно оказалось Сипягиных и Плеве с их погромами, тюрьмами и нагайками и выяснилось, что для того, чтобы вызвать революцию, нужны дополнительные меры, он принял и их: шайке Абазы и Вонляровского удалось-таки путем сложных махинаций с концессиями вызвать войну. Но и этого мало. Как ни очевидно было позорище с разгромом великой России маленькой Японией, одного этого оказалось недостаточно, чтобы вызвать настоящую революцию в России. Николаю пришлось ввязаться в мировую войну и не остановиться перед миллионами жертв, чтобы добиться, наконец, цели, к которой он шел все эти годы, — окончательно и бесповоротно уничтожить саму идею самодержавия в России. И только когда Николай увидел, что труды его увенчались успехом, он спокойно и просто («как командование ротой передал», говорили современники) подписал текст отречения.

Погубить самодержавие, его корни и идею — такова была миссия Николая II, его судьба, его историческая роль в истории.

Глава II

Октябрь 1894 года. Александр III умер в Крыму. Тело новопреставленного самодержца, грузное и тяжелое, везут через всю Россию в Петербург.

И вот — надо царствовать. Есть огромная — от Белого моря до Черного — раскинувшаяся страна, есть 150 миллионов подданных. Они ждут и надеются. Надо царствовать. Надо как-то проявлять себя на троне.

Ах, отпустите с миром этого запуганного молодого человека! У него есть невеста, которую он искренно полюбил с той самой минуты, когда это было ему приказано суровым отцом. У него есть мамаша, суровая и заботливая, лишь теперь, после смерти супруга, выпрямившаяся во весь рост.

Дайте ему, этому мирному обывателю, командовать ротой, заведовать полковой швальней, сделайте его бухгалтером или кассиром. И каким же уравновешенным человеком и гражданином, хорошим семьянином и толковым исполнителем, любящим окружающих, остался бы на всю жизнь этот робкий, скромный, хорошо воспитанный, голубоглазый двадцатипятилетний человек!

Отпустите его, дайте уйти ему из дворца, предоставьте ему скромную подходящую должность, и всю жизнь он не сделает никому никакого вреда.

Но не отпустили. С его жизнью, с его существованием, с каждым его словом и настроением были связаны важнейшие интересы придворных сановников, великих князей, камергеров, фрейлин, банкиров, министров, губернаторов. Бедный юноша был тесно зажат в тисках 300-летних традиций дома Романовых.

Александр III похоронен. Надо царствовать. Есть какая-то внутренняя политика и есть политика внешняя. Он — «помазанник Божий». Ему нельзя и вида показывать, что он

растерялся, что он сконфужен. От его «державного слова» зависит судьба, честь и сама жизнь миллионов. Это он, молодой человек с образованием и опытом прапорщика, должен сейчас, сию минуту решать важнейшие государственные вопросы: нужна ли конституция, как держать себя с Германией, Францией, далеким Китаем, что нужно крестьянину, жалующемуся на малоземелье, чего хотят рабочие в шахтах Донецкого бассейна и на Ленских приисках, как удовлетворить тех, кто «жадной толпой» стоит у трона...

Чем больше вдумываешься в эти непомерно тяжелые переживания Николая, тем больше жалеешь его, бедного. Он, бедняга, и по-русски-то в те времена плохо говорил. Английское воспитание оказалось настолько сильным, что в первые годы царствования Николай II высказывался не иначе, как переводя свои слова с английского.

Даже личная свобода оставалась недоступной «бедному самодержцу». Газеты того времени обошел следующий характерный эпизод, относящийся к первым дням царствования. Глухой осенью 1694 года днем по Невскому проспекту шел молодой офицер с задумчивыми глазами. Он не привлекал ничьего внимания и благополучно миновал уже торговые ряды, как вдруг перед ним выросла фигура градоначальника фон Валя. Он бешено мчался в своем экипаже от Зимнего дворца, зорко осматривая идущих по проспекту. Увидев офицера, он выскочил из экипажа и, в упор глядя на смущенного офицера, тихо сказал ему:

— Это невозможно, ваше величество. Я прошу вас, умоляю вернуться во дворец.

Моментально вокруг государя — а это был именно Николай II — образовалась толпа. Последняя фраза была услышана, слова «царь... царь...» передавались в толпе из уст в уста, раздалось громкое «ура!», полетели вверх шапки. Тогда Николай II был еще очень популярен, на него возлагались большие надежды, и появление царя без свиты, без охраны наэлектризовало толпу.

А в это время из Зимнего дворца уже прискакали адъютанты, окружили царя плотной толпой и повезли в Аничков дворец ко вдовствующей императрице. «Мальчик» получил строгий выговор. С тех пор его окончательно заперли под замок.

Но если так тягостна была личная жизнь Николая II, то еще тягостней была его государственная деятельность. Как беспомощны, как даже трагичны оказываются первые шаги этого монарха! Уже в первые дни выясняется, например, что министр путей сообщения Кривошеин допускает совершенно недопустимое по размерам казнокрадство. В области воровства и хищений удивить кого-либо на Руси было трудно, но министр Кривошеин удивил. Не ограничившись постройкой роскошного дворца на казенный счет для себя и своей семьи, не ограничившись постройкой церкви в своем имении опять-таки для себя и своей семьи, не ограничившись даже постройкой железных дорог через свои земли, причем весь строительный материал министру Кривошеину продавал помещик Кривошеин, он пустился еще и в спекуляции огромных размеров, спекулируя не только именьями и драгоценностями, но даже продуктами.

Все это разоблачил перед Николаем II государственный контролер Т. И. Филиппов, человек жизни тоже далеко не безгрешной. Доклад его о злоупотреблениях Кривошеина оказал на Николая сильное впечатление. «Одной десятой этих грехов было бы достаточно, чтобы признать Кривошеина недостойным занимать пост министра», — свидетельствует Витте. Недаром же в народе ходила следующая легенда о Кривошеине: «Поймали его, значит, министра-то, что ворует очень уж, заставили его тут же присягать, что больше воровать не будет. Для верности икону принесли, целовать заставили. Ну, он, министр, конечно, плачет, клянется, икону целует, а пока целовал — глядь, самый главный

бриллиант, самый дорогой, и выкусил. Присягнул, ушел домой, а бриллиант так за щекой и унес».

Впрочем, что ж говорить о министре путей сообщения, если даже на один из главнейших постов в государстве — на пост министра внутренних дел — невозможно найти честного, преданного человека.

— Кого же вы советуете назначить — Плеве или Сипягина? — спрашивает Николай у престарелого Победоносцева.

— Один — подлец, другой — дурак, — со вздохом отвечает он.

Назначение получают оба: сначала «дурак», потом «подлец». Оба назначаются министрами. А когда надо после смерти Гирса назначить нового министра иностранных дел, после долгих поисков приходится назначить князя Лобанова-Ростовского, того самого, о котором Александр III на одном из донесений написал непечатную резолюцию. Николай прекрасно знает о существовании этого документа, но назначить приходится все-таки именно князя Лобанова-Ростовского. И в министерстве со дня вступления в должность нового министра стараются припрятать в архив скандальную резолюцию Александра III, а брат министра, молодой князь Лобанов, на вопрос о том, почему он уезжает за границу, раздраженно отвечает:

— Не могу же я оставаться в России, когда она дошла до такого положения, что даже мой брат может оказаться министром!

Назначение на министерский пост человека, который имел не только темное прошлое, но еще и «патент», то есть такое прошлое, которое закреплено высочайшей резолюцией, не является исключением. Таковы были нормы жизни при дворе. В свое время имеющаяся о П. Н. Дурново резолюция Александра III «Убрать этого мерзавца в 24 часа» не помешала Николаю II назначить Дурново министром. Между прочим, резолюция о Дурново появилась после того, как этот сановник в поисках частных писем некой дамы залез в письменный стол бразильского посланника. После смерти Александра III эта резолюция была опубликована и обошла всю русскую и европейскую печать, вызывая многочисленные комментарии и карикатуры. И все же... И все же П. Н. Дурново был назначен министром.

Людей нет. Их не было и не могло быть в распоряжении царского режима. Были «вахмистры по воспитанию и погромщики по убеждению», взяточники и казнокрады, были усмирители и каратели, воры и палачи. Государственных людей не было.

Еще ярче, чем история с Дурново, история с назначением Б. С. Штюрмера, оказавшегося, по рекомендации Распутина, не только министром иностранных дел, но и премьер-министром в самый ответственный период — в дни мировой войны.

За Б. С. Штюрмером числилась резолюция даже не Александра, а самого Николая. «Убрать этого вора в 24 минуты», — собственноручно начертал в первые же дни своего царствования Николай на докладе Витте о Штюрмере.

Б. С. Штюрмер был министром иностранных дел в последние годы царствования Александра III. Доклад С. Ю. Витте, представленный Николаю II, тот самый доклад, после которого Штюрмера незамедлительно убрали в отставку, был, даже и по придворным меркам, ошеломляющим. Дело в том, что Штюрмер, являясь владельцем очень крупных имений, пользовался своими связями так удачно, что из всего округа, составленного из его владений, никаких налогов в казну не поступало. Брать из казны широкой и щедрой рукой Штюрмер был согласен, но платить ему казалось смешным донкихотством. Делом заинтересовался государственный контроль, так как никаких налогов в последние годы не

поступало не только от имений Штюрмера, но и из тех округов, где они были расположены. Нашлись, как всегда, заинтересованные недоброжелатели, припомнились старые обиды, пущены в ход закулисные влияния, и вот государственный контролер Харитонов, не довольствуясь более бумажной волокитой, посылает на место контролеров с особыми полномочиями для ревизии.

Картина выяснилась исключительная. Подати от крестьян и налоги уплачивались населением не только сполна, но еще и с крупными надбавками. Но поступали они не в пользу казны, а в пользу самого Штюрмера. Пользуясь своим влиянием и связями, Штюрмер образовал своеобразное «государство в государстве». Он «отделился» от России и действовал вполне автономно. И если за недосугом не напечатал своих денег, то деньги установленного образца собирал на редкость ретиво и умело. Не уплативших по нормам, установленным Штюрмером, не только разоряли, отбирая у них лошадей, скот, орудия труда, но еще и учили уму-разуму, подвергая жестокой порке в имении все сильного министра.

«Убрать этого вора в 24 минуты», — написал разгневанный Николай на докладе Витте. И вора действительно убрали, но когда прошло время, «возвратился ветер на круги своя». И снова портфель министра оказался в руках этого вора. Ни кому иному, как Штюрмеру, суждено было оказаться премьер-министром и возглавить кабинет министров обреченного царя.

Обречен безнадежно и беспросветно был весь режим сверху донизу. Чем больше вдумываешься в это, тем яснее видишь путь, ведущий к революции. Но эта ясность не должна в наши дни диктовать ненависть и злобу к Николаю II. «Не палка бьет, а палкой бьют», — напоминает старая пословица. Мы все знаем, что сделал Николай II с Россией. Во имя справедливости и беспристрастия надо задуматься и над тем, что сделала Россия с Николаем II.

Трагизм нельзя считать уделом только избранных натур — людей, которые на голову выше окружающих. Есть какой-то трагизм и в переживаниях этого прапорщика на троне. Безвольный, слабохарактерный, не знающий, чего он хочет, не понимающий, чего хотят от него, — до чего жалкую фигуру представляет он собой во все годы своего царствования, но особенно в первые дни по восшествии на престол!

Вспомните Хлестакова, маленького провинциального вряля, покоряющего Марью Антоновну и Анну Андреевну и повергающего в трепет всех, от городничего до полицейского. Его кормят «лабарданом», его обхаживают, а он сидит в мягких креслах и залиvisto врет о том, как 35 тысяч курьеров зовут его управлять департаментом, о супе, приехавшем в кастрюльке из Парижа, о том, что у них в Петербурге «и вист свой составился: германский посланник, испанский посланник и я».

Все это только смешно, поскольку касается Хлестакова. Но все, о чем вдохновенно врал Хлестаков, воплотилось в трагическую действительность при Николае II. «Иван Александрович, пожалуйста управлять департаментом». А где-то глухо волнуются грязные и дурно пахнущие мужики, поют революционные песни рабочие, чего-то требуют великие князья с Марией Федоровной, с какими-то докладами пристают интригующие друг против друга министры, запугивают длинными донесениями охранное отделение, взрываются бомбы, убивающие одного за другим: Боголепова, Сипягина, Плеве, Сергея Александровича...

Как тут жить ему, этому бедному Хлестакову, чья ложь вдруг превратилась в явь, чьи сны

стали действительностью? Ведь у него нет верного Осипа, который увез бы его из этого городишка. Он не имел других заслуг, кроме заслуги родиться в царской семье. Но не имел он и других грехов, кроме этого своего греха.

Все остальное создавалось уже на троне. Как создавалось? Многое надо изучить и рассмотреть для ответа на этот вопрос. И прежде всего — быт, детство и отрочество, его отца и мать, жизнь семьи, в которой он вырос.

Глава III

На старой пожелтевшей гравюре — высокая дама с приветливыми чертами лица, с воланами на платье, с высокой прической. На диванчике рядом с ней — прелестный улыбающийся ребенок в светлых кудряшках.

Это Николай II со своей августейшей родительницей Марией Федоровной. Удивительно, как этот ласковый кучерявый мальчонка превратился в сумрачного и унылого заурядного прапорщика на троне, каким знала его Россия и весь мир. Такого рода превращения веселого ребенка в скучного взрослого свойственны не только царям.

Ко дню взрыва бомбы 1 марта 1881 года Николай II имел одиннадцать лет от роду. На фотографиях того времени перед нами тщедушный некрасивый мальчик с худой шеей, мешковатый и неуклюжий в своей матросской курточке.

До 1 марта 1881 года не только маленький Николай, но даже его отец, Александр III, был далек от двора. Наследником престола считался старший брат Александра — царевич Николай, дядя Николая II. Вступивший на престол 1 марта 1881 года Александр до этого времени жил с женой и детьми замкнутой семейной жизнью. Никто не знал, что именно этот грузный человек окажется самодержцем, а его отпрыск, тщедушный Николай, — наследником престола. Весь сложный клубок придворных интриг, хитрой политики и подсиживаний был в течение ряда лет сгруппирован вокруг царевича Николая, а Александр в те годы в этой игре не участвовал.

Впрочем, придворные политики в значительной мере отошли в то время и от царевича Николая, зорко всматриваясь в новую, только еще восходившую при дворе звезду — сына Александра II от княгини Юрьевой.

Роман Александра II с княгиней Долгорукой-Юрьевой резко отличался от остальных многочисленных приключений царя с фрейлинами и придворными дамами. Влюбчивый, легкомысленный, изменчивый, он резко переродился со дня встречи с красавицей княгиней. С этого времени (1871 год) он не обращает внимания ни на одну женщину. «Ах, если бы он был так верен мне, как своей Долгорукой», — говорила приближенным жена Александра II.

Своих увлечений и связей Александр II не скрывал и раньше. Тем менее желал он скрывать серьезную любовь свою. Существование второй семьи было признано при дворе официально. В срочных случаях министры ездили с бумагами для царя к Долгорукой, туда же он приглашал по вечерам наиболее близких приближенных и сам бывал там ежедневно.

Этот роман деда оказал большое внимание на детство Николая.

Придворные политики с самого начала этого романа напряженно следили за тем, как скажется влияние княгини Долгорукой на взаимоотношениях придворных партий и групп. Особенно много значения придавалось нежной любви государя к его детям от княгини, в частности, к сыну Георгу. Когда одна из придворных партий, группировавшаяся вокруг царевича Николая, попыталась бороться с влиянием княгини Долгорукой и стала пугать

Александра II тем, что его частные визиты к ней непременно вызовут внимание террористов, эти попытки привели к результатам прямо противоположным. Александр II не остановился перед тем, чтобы сразу же переселить княгиню с детьми в Зимний дворец, то есть под одну крышу с законной женой.

О брате царя, будущем монархе Александре, в те годы никто при дворе и не помышлял. Низкопоклонничество и интриги шли только по двум линиям: или Николай, или «сын любви» Георг.

Когда умерла жена Александра II, он женился на княгине Долгорукой, получившей к тому времени титул «светлейшей» и имя Юрьевской. В острой борьбе за власть, которая шла между партией Николая и сторонниками Георга, перевес оказался на стороне Георга.

Но вот царевич Николай умер в Ницце от чахотки. Светлейшая княгиня, с первой встречи с государем щепетильно боявшаяся упреков в «заинтересованности», подписала полное отречение от каких бы то ни было прав за себя и за своих детей. А потом взрыв бомбы 1 марта, и далекий от двора Александр Александрович внезапно становится императором.

До чего растерян он был от этого внезапно свалившегося на него «счастья», видно хотя бы из того, что манифест Александра III, извещающий верноподданных о вступлении его на престол, начинался неожиданными словами: «Час воли Божией свершился».

«Но если Желябов, Перовская и прочие, убившие Александра II, являлись исполнителями Божьей воли, то почему новый царь начинает свое царствование с того, что вешает этих исполнителей?» — размышляли обыватели всей России, перечитывая манифест.

Какое влияние оказал на Николая II его отец Александр Александрович? Дородный, высокий, статный, но неуклюжий («Топтыгин III» называли его между собой петербургские остряки), он и после восшествия на престол терпеть не мог придворного блеска и суеты.

Ему бы помещиком быть где-нибудь в Саратовской губернии. Крепостные девки ему бы спину бобковой мазью натирали, а доезжачий трубку бы подавал. И с хозяйством бы справлялся. Новшеств, сеялок там всяких, косилок со сноповязалками не заводил, но порядок бы по старинке прочно наладил. А уж наливки свои, колбаса домашняя, телята молочные — это все, и говорить нечего, первый сорт было бы! И распорядился бы вовремя: кого на конюшню послать, чтобы не баловался, кого из крепостных на приплод оставить, кого продать, пока цена хорошая. Так бы и шла жизнь спокойная, деревенская, неторопливая, налаженная.

Разве что раз в три года принесут с чердака мундир старый, нафталином пропахший — выборы дворянские, в губернию ехать надо. И здесь бы на месте оказался: лишнего бы не сказал, а уж что скажет — крепко будет.

И вдруг бомба... Извольте, Александр Александрович, царствовать, на трон императорский всходить, Россией править и с сего дня самодержцем Российским, царем Польским, великим князем Финляндским и прочая, прочая проявлять.

Но и на троне остался все тем же помещиком этот спокойный, немудрящий, дебелый человек. Государство для него — вотчина, где, главное, порядок требуется. Ушли в отставку либеральные деятели эпохи освобождения: граф Лорис-Меликов, граф Милютин, граф Валуйев. Остался Победоносцев, злой гений России. Призваны к власти рыцари кнута и нагайки: граф Д. А. Толстой, граф Н. И. Игнатьев. Управляющие и старосты нужны были этому помещику суровые и властные. Уже в первые годы царствования Александра III пути России оказались предопределены прочно.

В самый день своей смерти Александр II должен был подписать манифест о конституции. Бомба помешала свершиться этому событию. Подпишет ли конституцию новый царь? В свое время, при жизни Александра II, его будущий преемник фрондировал и либеральничал. Но иллюзии рассеялись очень быстро. Уже на первом заседании Государственного Совета под председательством нового царя К. П. Победоносцев произнес свою знаменитую речь о гибельности конституции и пагубности какого бы то ни было прогресса вообще. Он говорил о том, что уже освобождение крестьян погубило, оставило без необходимой твердой власти бедный и темный русский народ. Он отмечал, что так называемая культура — это гибель России, что земские и городские учреждения — не что иное, как говорильни, где ораторствуют люди негодные, безнравственные, сеющие разврат и смуту.

Он отмечал, что новые судебные учреждения — это говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления остаются безнаказанными. Отмечал, наконец, что самая ужасная говорильня — это печать, которая сеет раздор и недовольство, развращает людей мирных и честных, расшатывает уважение к власти и побуждает народ к вопиющим беззакониям. «Во имя Бога» Победоносцев заклинал царя «спасти Россию», вырвать с корнем мысль о какой бы то ни было конституции, избавить страну от этой заразы, решительно отвернуться от путей, ведущих вперед, которые только что привели к убийству Александра II, резко повернуть к старому, прибрать к рукам земские и городские учреждения, укоротить печать, всемерно ослабить результаты освобождения крестьян и железной рукой утвердить самодержавие в России.

Это были как раз те самые слова, которые после убийства отца ждал перепуганный пережитым Александр III. Победоносцев оказался победителем по всей линии: его речь о пагубности прогресса и культуры оказалась программной речью. Целые сорок лет именно эта программа предугадывала жизнь России. Победоносцеву, воспитавшему Александра III, было поручено и воспитание Николая II. На целые сорок лет были туго завинчены гайки государственной машины. Удивляться ли, что сжатый пар, лишь на время бурно вырвавшийся в памятные дни 1905 года, в конце концов разорвал котел и разметал во все стороны обломки.

Воспитатель Николая II Победоносцев с самого начала царствования Александра III оказался главной фигурой при дворе. В этом костлявом человеке с бескровным ушастым лицом вампира (внешность Победоносцева воплощена Л. Н. Толстым в образе Каренина) сосредоточилось все то темное и злое, что правило Россией. Победоносцеву было тем легче утвердить свое влияние, что при дворе витали тени казненных революционеров. Александр III, напуганный смертью отца, жил все время под угрозой нового царевубийства. Приближенные царя всемерно старались усилить этот страх, благодаря которому роль жандармерии и полиции становилась все нужнее.

Легко представить себе детские впечатления Николая II.

Александр III неизменно находил на своем столе угрожающие письма террористов. Такие же письма оказывались неожиданно то в карманах царского платья, то в поясках царских детей. Историки объясняют появление этих писем тем, что революционеры имели будто бы много сочувствующих среди высокопоставленных лиц, мечтавших о либеральных днях предыдущего царствования. Но мы, пережившие разоблачения Азефа и Богрова и знающие, до каких пределов может дойти провокация, можем предположить другое, гораздо более правдоподобное объяснение. Письма, вероятнее всего, подбрасывались самими же

представителями жандармерии и царской охраны, искавшими все новых и новых подачек, желавшими все большего и большего влияния.

Так или иначе, но маленький Николай рос в атмосфере постоянной напуганности. Александр III отказался от мысли поселиться в Петербурге и жил безвыездно в Гатчине, превращенной в своего рода крепость. Нечего и говорить, что у всех входов и выходов стояли усиленные караулы. Строжайше предписано стрелять во всякого, кто попытается проникнуть на территорию дворца. На несколько верст вокруг тоже тянулись цепи солдат в несколько рядов, которым предписывалось без особого распоряжения коменданта не пропускать живым ни туда, ни обратно ни одного человека.

Особые отряды дежурили также в подвалах и на чердаке дворца на случай попытки поджога или подкопа. Телохранители несли личную охрану царя. Для этого выбирались солдаты крупного роста, богатырского телосложения, наделенные большой силой. Обязанностью этих лейб-казаков было днем и ночью стоять у дверей царского кабинета, спальни, столовой. Особое внимание уделялось тайным агентам, которые в переодетом виде бродили на много верст вокруг дворца и следили за тем, что делают и говорят люди, кто и зачем приезжает в Гатчину.

Целый ряд сложных мер принимался также на случай попытки травить царя. За провизией царского стола посылали каждый раз в новое место, причем поставщики не должны были знать, для кого закупают продукты. Повара и повара ята служили в царской кухне в огромных количествах для того, чтобы назначать каждого из них на работу можно было не слишком часто, по очереди. Дежурить в ожидании назначения на работу должны были все, но только в последний момент это назначение давалось. Получившие наряд на данный день повара с этого момента изолировались от всех остальных и впускались на царскую кухню не иначе, как после тщательного обыска дежурными офицерами конвоя его величества.

Но эти меры считались недостаточным. И хотя Александр III распорядился, чтобы на кухне дежурил ежедневно кто-нибудь из членов семьи, чаще всего сама государыня, он, садясь за стол в кругу приближенных, не начинал есть, пока не убеждался, что все остальные сидящие за столом едят это блюдо спокойно. Таковы оказались в быту двора теории Победоносцева: чем безграмотнее и темнее народ, тем прочнее самодержавие.

И сама эта теория, и всеобщая напуганность, господствовавшая при дворе, одинаково сильно отразились на худеньком мальчике, росшем в этих условиях, на будущем императора Николае II.

Глава IV

Если исключить постоянный страх перед террористами, в остальном семейный быт, окружавший в детстве Николая II, почти ничем не отличался от жизни замкнувшегося в своем имении помещика средней руки. Пышности Александр III не любил. Жила царская семья не в парадных комнатах, а на антресолях, приспособленных для прислуги. Комнаты были узкие, тесные.

— Даже рояль поставить негде, не помещается, — жаловалась государыня Мария Федоровна.

— Ничего, ничего, пианино поставили, и ладно, — успокаивал ее супруг.

Комнаты, в которых жила царская семья все эти годы, настолько низки, что человек

среднего роста легко доставал рукой до потолка. Для могучей высокой фигуры Александра III они были и вовсе недостаточны. Но именно это и нравилось ему. Он был скуп в личной жизни. Например, фотографии, которые с немецкой аккуратностью развешивала по стенам Мария Федоровна, так и прикреплялись к стенам кнопками.

Правда, придворные балы в эти годы, по давно заведенному порядку, были совершенно исключительны по роскоши. «Это что-то фантастическое, воистину азиатское!» — удивлялись иностранцы. Ничего подобного по блеску, пышности и богатству не было ни при одном из европейских дворов. Но пышные балы и приемы — это было уже служебное, царское, обязательное, а все относящееся к этой области для Александра III было резко отделено от его личной жизни.

Это служба. И ее, эту царскую службу, Александр III, надо отдать ему должное, исполнял умело и с достоинством. Знаменитые фразы «Европа может подождать, пока русский царь ловит рыбу» или «Пью за здоровье моего единственного друга, царя Николая Черногорского» вызывали волнение европейских послов, аккредитованных при русском дворе, производили огромное впечатление во всем мире.

Это было не фанфаронство, а действительно мощь — спокойное и уверенное осознание своей силы. Иное дело, что эта сила строилась на темноте народной и бесправии, на кнуте и нагайке. Иное дело, что силу эту, самодержавную власть, беспощадно расхищали отделившие царя от народа чиновники, начиная от всесильного министра иностранных дел и до любого малограмотного полицейского.

У себя в доме Александр III жил по старинке, крепкой мещанской жизнью. Много было в доме икон, лампадок. От болезней лечили преимущественно святой водой да молитвами святым угодникам. Только от запоя, периодически посещавшего царя, лечил С. П. Боткин. Лечиться царь не любил. Тут было и самолюбие — как это так, простой докторишка царем командовать будет! Было тут и глубокое презрение к науке и ученым. И когда последняя, смертельная болезнь посетила царя, он так и не захотел лечиться, резко отказавшись выполнять распоряжения профессора Захарьина. Приказал вызвать к себе в Крым отца Иоанна Кронштадского.

В семейной жизни Александр III был крут: не брезговавший методами физического воздействия в воспитании детей, он жестокой рукой правил семьей, как и всей Россией. Доставалось не только женщинам и детям, но и великим князьям. Когда один из них, Михаил Михайлович, позволил себе самовольно, по любви, жениться на графине Софье Меренбург, внучке А. С. Пушкина, Александр III не только разжаловал его и лишил всех титулов, но и навсегда запретил въезд в Россию. Пример подействовал устрашающе. Когда о таком же браке по любви возмечтал, влюбившись в некую царскосельскую купчиху, великий князь Николай Николаевич, он обратился к царю с почтительнейшим ходатайством о разрешении жениться. Александр III ответил:

— Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным двором в родстве не был и не буду.

Нечего и говорить, что запрещение это оказалось действенным. Мысль о браке была немедленно оставлена. Впрочем, в области брачных вопросов Александр III считался с мнением Марии Федоровны. Дальше этого «баба судить не могла», и властолюбивая Мария Федоровна, когда хотела повлиять на государя, действовала через графа Воронцова-Дашкова, ближайшего друга государя. Сама она побаивалась тяжелой руки супруга и высказываться по иным вопросам, кроме брачных, не решалась.

Видимое влияние Марии Федоровны на государственные дела проявляется только после

смерти Александра III, в первые годы царствования Николая II.

Как рос маленький Николай II?

Особого внимания на дело воспитания и образования наследника престола не обращалось. Языками мальчик владел недурно, но родным языком для себя считал английский — так велико было влияние преподавателя английского языка мистера Гиза, красивого статного старика, чувствовавшего себя в царской семье как среди туземцев, но все же искренно полюбившего своего воспитанника. Каковы были замашки у маленького наследника, видно из первой встречи мальчика со своим учителем.

— Как же я с вами буду играть? Я великий князь, а вы простой старик.

Через минуту «простой старик» схватил мальчика на руки и закружил, завертел его по комнате. И гордый «великий князь» весело захохотал, но сам тон, каким были сказаны эти слова, тот гонор, с которым встретил мальчик своего учителя, немало говорили о тех влияниях, которым подвергался будущий царь.

Александр III не любил своей службы, своей «профессии». Министры, приезжавшие с докладами, были помехой в налаженном, мещански спокойном укладе жизни. На всю свою вотчину — 150-миллионную Россию — Александр III распространял именно те навыки, которые были им введены в семье. Была введена строгая религиозность в семье царя — и такая же религиозность стала полицейскими мерами насаждаться на Руси. Строились новые церкви, семинарии, епархиальные училища. Одних новых монастырей Александр построил свыше 150. Вводились церковноприходские школы, задачей которых было насаждать не образование, а православие. Вводились все новые и новые церковные праздники. Введено было обязательное посещение церкви для чиновников, офицеров, учителей, гимназистов, а также обязательное исповедование и причащение. До чего далеко заходил Александр III в этих заботах, видно из указа о том, чтобы постройки церквей по всей России происходили не иначе, как по плану, утвержденному лично государем.

Служка велась за всеми. Не только при дворе — по всей России. Особым указом Александр III передал министерство почт и телеграфов в ведение министерства внутренних дел — для лучшего обеспечения перлюстрации писем.

Была общая напуганность и суровая охрана во дворце, но такая же недоверчиво-охранная атмосфера была создана и по всей стране. И если в семейной жизни Александр III порол детей, поколачивал супругу, то удивляться ли, что, наряду со сплошным мордобоем и членовредительством, которые были заведены в полицейских участках для штатских и в военных казармах для военных, ввели еще институт земских начальников — «близкую к населению» власть, объединившую в дворянских руках административную и судебную власть, имевшую не только право, но и обязанность пороть крестьян.

Все эти житейские нормы брали начало в семье царя и распространялись на всю Россию при непосредственном участии Победоносцева, воспитателя маленького Николая, сумевшего обеспечить себе прочный авторитет в безвольной душе будущего царя.

Как сказались в детские годы влияние матери?

Мария Федоровна, до принятия православия — Дагмара, принцесса Датская, при жизни Александра III стояла в стороне от какой бы то ни было придворной политики. Частые роды, официальные приемы, выходы — вот и все, чем проявляет она себя при муже, совмещавшем в своем лице хорошего семьянина с суровым, зачастую хмельным деспотом.

История замужества Марии Федоровны не совсем обычна. Датская королева, мать Дагмары, прославилась на всю Европу своим умением изумительно «пристраивать» своих

дочерей, сыновей и внуков. Детей у нее было много, прожила она долго и мало-помалу стала тещей всех крупных европейских дворов. После того, как эта «теща всей Европы» умудрилась, например, выдать замуж одну из своих дочерей за сына королевы Виктории, принца Уэльского, будущего короля Англии, она пристроила сына «на должность» греческого короля, а заодно уж и внука женила на сестре германского императора. Удивляться ли тут, что она не могла пройти мимо и не заметить российского императорского двора.

Среди многочисленных детей своих королеве датской отыскать невесту было нетрудно. Принцесса Дагмара только того и ждала. Задержка была за женихом. Со временем нашелся и он. При том опыте, который был у датской королевы, при ее связях особого труда это не представило.

Женихом стал старший сын императора Александра II, наследник престола цесаревич Николай. Партия как партия, грех Бога гневить. И положение жениха, и влияние, и средства, и карьера обеспечены.

Стали писать посланники инструкции, посылать шифрованные телеграммы, плести кружева дипломатических переговоров, словом, «засылать сватов». И наладили-таки дело. Обручили жениха с невестой, опубликовали радостную новость в «Правительственном вестнике». Только и оставалось честным пирком да за свадебку, пусть бы теща в Дании лишний раз своему таланту порадовалась, да как на грех в это самое время цесаревич умер.

Так и уехала бы из России принцесса Дагмара, если бы не «теща всей Европы». Она, приходившаяся тещей Англии и Германии, а Греции даже родной матерью, считала ниже своего достоинства отказаться от звания «тещи России».

История получилась не лишенная комизма. Придворные было успокаивать стали: помилуйте, говорят, мамаша, будь наш наследник жив, мы и слова бы не сказали, жените его в полное ваше удовольствие. А раз умер, ничего не поделаешь — все в руках Божьих.

Но не на такую, видно, напали. Старуха на своем стоит крепко — жива быть не хочу, а на своем поставлю. Таких, говорит, и правил нет, чтобы девушку обрученную домой отсылать. Я, говорит, в случае чего жаловаться буду, у меня родня влиятельная.

Правильные оказались старухины слова. Вместо прежнего наследника, Николая, новый наследник объявился, Александр. И не успел он оглянуться, как мигом оказался не только нареченным женихом, но и мужем датской принцессы, нареченной в православии Марией Федоровной.

Надо сказать, что мать последнего русского царя не проявляла особенно нежной любви к своему сыну. Уже в раннем детстве в характере маленького Николая сказывается та угнетенность, подавленность, которые считаются типичными для нелюбимых детей. Эти черты отличают его всю жизнь. «Тяжелый человек, скучный», — говорили о нем его товарищи по полку.

«А царь-то наш скучный-скучный», — говорит баба с карикатуры, напечатанной в первый год царствования Николая II. «Да что говорить, ничего ясного от царя нет», — отзывается на той же карикатуре мужик.

Это отсутствие «ясности», подавленность и угнетенность формировались в раннем возрасте, в детстве, в том одиночестве, которое было привычно для этого ребенка. Среди трех братьев Николай слыл самым нелюдимым. Отец не любил старшего сына, как не любил и второго сына, Георгия, на характере которого уже с детства сказывалась тяжелая болезнь — туберкулез, рано унесший его в могилу. Любимцем царя был младший — Миша,

краснощекий здоровяк с веселым живым характером. Маленький Николай, панически боявшийся отца, только издали смотрел, какие смелые штуки вытворяет Миша. Как бы досталось за такие выходки ему! А в устах Миши любая шутка смешила отца до слез, заставляя его сотрясаться всем своим огромным телом.

Вот одна из зарисовок с натуры из жизни царской семьи.

Взрослые сидят на террасе, возле которой внизу копается в песке Миша. Бывший в хорошем расположении духа Александр взял лейку с водой и обрызгал мальчика. Смеялся Миша, грохотал грузный отец, почтительно заливались присутствующие.

— Ступай, Миша, переоденься. Глянь, весь мокрый.

Но Миша заупрямился:

— Ты меня поливал, теперь моя очередь — становись на мое место.

И вот Миша уже на террасе с лейкой, доверху наполненной водой, он теребит отца:

— Скорей, папа, скорей...

Ничего не поделаешь. Александр, как был в мундире, спускается вниз, становится на место Миши и терпеливо ждет, пока сын выливает содержимое лейки на его лысину. Довольные друг другом, возбужденные, отец и сын идут переодеваться.

О таком вольном обращении с грозным отцом не мог и мечтать конфузливый, угнетенный, всегда скучный мальчик Николай.

Глава V

Николай II был по-своему неплохой человек. Но у него было плохая наследственность: сумасшедший Павел I, отцеубийца Александр I, «зверь с лицом очковой змеи» Николай I, славившийся своей развратной жизнью Александр II, годами лечившийся от запоев Александр III.

«Будь Николай простым смертным и соверши он убийство или кражу, — пишет о нем В. М. Дорошевич, — его не стали бы судить, как отягощенного: 1) очень тяжелой наследственностью, 2) травматическим повреждением, давившим на мозг; его отдали бы на попечение родных».

В нашумевшем фельетоне А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» Ника-Милушка, робкий, неустановившийся молодой человек, тихоня, не знает иных слов в адрес отца, кроме «точно так, папенька», «никак нет, папенька».

«Весь дом читал „Гражданина“ князя Мещерского. Читал его и Ника-Милушка, хотя злые языки говорили, будто подговоренный мужичок с ближайшей станции носит ему потихоньку и „Русские Ведомости“. Будто сидит, бывало, Ника-Милушка, якобы „Гражданина“ изучая, ан под „Гражданином“ — то у него „Русские Ведомости“. Нет папаши в комнате, он в „Русские Ведомости“ вопьется, вошел папаша, он сейчас страничку перевернул и пошел наставляться статьями Мещерского, как надлежит драть кухаркина сына в три темпа», — заключает Амфитеатров.

Справедливости ради надо отметить, что если чтение «Гражданина» ярко сказалось на характере Николая, то вопрос о том, читал ли он «Русские Ведомости», так и остался открытым. Что могло дать ему образование и воспитание под руководством К. П. Победоносцева, ясно и так.

В остальном единственным и реальным были друзья, сослуживцы и собутыльники из гвардейских полков, а также замкнутая среда великих князей. Наиболее сильное влияние на

Николая в юношеские годы имел великий князь Сергей Александрович, командир Преображенского полка, где Николай проходил службу. Именно Сергей Александрович взял на себя роль ментора и руководителя юноши во всем, что касается искусства жить.

Влияние это проявлялось в кутежах и попойках, в длинной серии закулисных романов и интрижек. В этой области Сергей Александрович был «видным специалистом», хотя и с не совсем нормальными наклонностями. Как известно, именно это обстоятельство послужило причиной ухода в монастырь его жены Елизаветы Федоровны.

Впрочем, особой нужды в уроках дяди в области кутежей и попок у юного племянника не было. Учителей такого рода имелось более чем достаточно. В среде сослуживцев — молодых офицеров, которые в будущем, благодаря близости к наследнику, почти все сделали карьеру при дворе Николая II.

Какова была эта гусарско-великокняжеская среда, видно из того, например, что Александру III пришлось, не побоявшись огласки, удалить из гвардии двадцать офицеров за «ненормальные наклонности и порочность». Любопытно, однако, что это в дальнейшем не помешало их придворной карьере. Два человека из их числа стали даже архиереями.

Оба — и Гермоген, и Серафим — показали себя видными столпами самодержавия.

Характернейшей чертой было великокняжеское и гусарское пьянство. Кроме питья водки «аршинами» (рюмки, составленные вплотную друг к другу на расстоянии аршина) и «лестницами» (поднимавшийся по лестнице должен был выпить по пути все рюмки, стоявшие на каждой ступеньке), дело доходило до особой игры «в волков». Эта любимая игра Сергея Александровича проделывалась в Царском Селе ночью. Бравые гвардейцы раздевались донага, выбегали в сад, садились на «задние лапы» и начинали громко выть. Буфетчик выносил большую лохань, наливал ее шампанским, и вся «стая», стоя на четвереньках, кусаясь и с визгом отталкивая друг друга, лакала вино.

Полковой командир Николая отличался и другими странностями. Он, например, очень любил петь серенады своей купчихе, стоя на крыше соседнего дома почему-то обязательно в голом виде. Этот человек был неистощим на выдумки подобного рода.

В этой обстановке бесшабашного пьянства и разврата, абсолютного ничегонеделания и диких кутежей прошла вся юность Николая. Суровый Александр III считал полезной такую «школу жизни» для будущего царя: в молодости переберется — потом спокойным будет.

В этой же атмосфере зародилась и протекала первая любовь наследника, общеизвестный его роман с балериной Кшесинской.

Балерина не скрывала своих отношений с наследником, как не скрывала своей близости и с другими великими князьями, ближайшими родственниками Николая. Ни ноты поэзии, ни оттенка тех переживаний, которые освещают любовь незабываемым светом, так и не досталось на долю будущего царя. Таковы были нравы, такова была среда, и меньше всего мог что-то изменить в ней этот безвольный и бесхарактерный юноша.

Надо отметить своеобразное благородное отношение Николая II к женщинам. И к балерине Кшесинской, и к другим подругам своей юности он оставался неизменно благосклонным. Через пятнадцать лет после того, как он расстался с Кшесинской и давным-давно гордился своей ролью добродетельного семьянина по отношению к своей немке Алисе Гессенской, которая покорила его волю, в беседе с директором государственных театров князем Волконским он говорит о возможности предоставления наиболее выгодных ролей престарелой Кшесинской...

Когда дело касалось погромов и казней, Николай II не делал разницы между женщинами и мужчинами. Между тем, еще во время пребывания в полку, он обратил на себя внимание тем, что всячески поощрял браки офицеров с женщинами, ранее скомпрометированными. Он брал на себя заботы о судьбах этих женщин и их мужей, об их карьере, тем более что полковое общество после такой свадьбы немедленно исключало таких офицеров из своей среды. И если большую карьеру во время царствования Николая делали его товарищи по полку, то еще более удачными оказывались дела именно у таких, совершивших подобные браки офицеров. Таким, например, оказался знаменитый Нейгард. Этот человек всю жизнь пользовался покровительством Николая II. Устроитель еврейских погромов в Одессе, уличенный ревизией сенатора Кузьминского в целом ряде преступлений, он не только был освобожден Николаем от какой бы то ни было ответственности, но еще и, получив назначение в сенат, сам был послан ревизором в Польшу.

Целый ряд источников говорит о пылкой любви Николая в эти годы к какой-то молодой еврейке, которую он встретил случайно в саду во время прогулки. Она якобы не знала, что перед ней наследник престола, и нежные отношения зашли так далеко, что о них узнал суровый Александр III. Эти источники подробно описывают, как градоначальнику фон Валью было предписано выслать из Петербурга еврейку со всеми ее родственниками. Описывают бурную сцену, которая разыгралась, когда явившийся во всеоружии со своими подручными фон Валь застал в квартире еврейки молодого наследника. Николай вел себя по-рыцарски.

— Только перешагнув через мой труп сможете вы прикоснуться к ней! Она моя невеста! — заявил он оторопевшему градоначальнику.

Переступить через труп не пришлось. Достаточно было сурового окрика папаши, и юный наследник в сопровождении свиты уже едет в кругосветное путешествие.

Поездка наследника престола была обставлена со всей пышностью, которая полагалась в таких случаях. В предписаниях, посланных из Петербурга в места следования (губернаторам в России и русским посланникам за границей), указывали заранее перечень всего, что надо и чего не надо показывать наследнику. Посылались даже проекты речей, с которыми надлежало обращаться к именитому гостю во время приемов.

Живая жизнь только случайно пробивалась на этом фоне «потемкинских деревень». Так, когда великого князя Владимира Александровича во время его поездки чествовали в Самаре, ему в качестве местной достопримечательности показывали столетнюю бабу. Старуха вела себя чинно, стоя на коленях, поцеловала край великокняжеской одежды и с чувством перекрестилась.

— Ты что крестишься, бабушка? — спросил великий князь.

— Как же мне, отец, не креститься, ежели вот привел Бог вторую царственную особу видеть!

— А кого же ты еще видела — царя, что ли?

— Вестимо, родной, что царя. Самого нашего батюшку Емельяна Ивановича Пугачева, —

неожиданно заявила самарская древность к ужасу окружающих.

Но такие срывы случались чрезвычайно редко, хотя, конечно, всего не предусмотреть. Как ни бдительна была охрана, расставленная по пути следования царского поезда, как ни сурово исполнялось правило стрелять во всякого, кто приблизится к путям, как ни велико было число застреленных «по недоразумению» стрелочников во время следования поезда, так и не удалось избежать, например, крушения этого поезда в Борках, вызванного покушением на жизнь царя. Спасение царской особы было объявлено чудом.

Все путешествия Николая, уже и в дни его царствования, неизменно вели за собой целый ряд затруднений. В Италии в свое время много шума наделало требование созвать для охраны дороги во время проезда Николая до трехсот воинских частей, хотя итальянцы привыкли видеть своего монарха свободно появляющимся в толпе. В Германии вызвала сенсацию телеграмма о заготовке ко времени прибытия царского поезда брюссельской капусты «для осла его величества». Недоразумение выяснилось, когда оказалось, что осел везется в подарок и что он кушает только изысканную пищу. Но приезд «осла его величества» надолго оставался темой для юмористических журналов.

Путешествие престолонаследника сопровождалось подробными репортажами в «Правительственном Вестнике». В них рассказывалось, как пышно чествовали русского царя, какие богатые празднества устраивали в его честь, какие чудеса ему показывали, какие речи он выслушивал. О том, что говорил сам Николай, не печаталось ни слова...

Кругосветное путешествие не произвело как будто никакого впечатления на Николая. Не он ездил, а его возили. Он исполнил волю отца и со скучающим видом терпеливо переносил весь церемониал празднеств и приветствий.

Спутники наследника по путешествию рассказывают только о большом пьянстве на корабле «Память Азова», на котором следовал Николай со своим братом Георгием. По их показаниям, пьянство заходило так далеко, что нередко приводило к остервенелым дракам. Во время одной из таких драк случилось несчастье: отличавшийся и до того слабым здоровьем Георгий Александрович упал с лестницы и расшиб себе грудь. Процесс в легких обострился настолько, что его пришлось из ближайшего порта срочно отправлять в Россию. Вскоре после этого он умер от чахотки на кавказском курорте Аббас-Тумане.

Для самого Николая эта поездка тоже закончилась трагически. Во время путешествия по Японии он оказался жертвой покушения. Японец, накинувшийся на него, успел нанести ему сильный удар саблей по голове. Второй удар успел отразить товарищ Николая по путешествию греческий королевич Георгий.

Официально причиной покушения, этого первого удара, нанесенного России Японией, был объявлен фанатизм неведомого злоумышленника. Неофициальные свидетельства расходятся с официальной версией. Одни говорят о недопустимом поведении Николая и его свиты в японском храме. Другие указывают на чрезмерную предприимчивость, проявленную будто бы наследником русского престола по отношению к жене некоего самурая.

Так или иначе рана оказалась серьезной. Путешествие пришлось прервать: В черепной кости, треснувшей от удара, после заживления началось разращение костного сустава, повлекшее за собой давление в левой половине мозга, вызывающее не только частые боли, но и отражающееся на психических функциях.

С расшибленной головой наследник срочно возвращается в Россию. Уже было сильно расшатано здоровье Александра III, уже близко было восшествие на престол, уже зрели

надежды, «бессмысленные мечтания» в среде верноподданных.

Последние дни и часы Александра III были очень мучительны. Иоанн Кронштадский и придворный духовник Янышев чуть не до драки дошли, отбивая друг у друга честь напутствия отходящего в иной мир царя.

В способности Николая, в то, что наследник справится с делом, умирающий царь не верил. Но когда напуганный Николай попытался заявить о своем отказе от престола, Александр расвирепел. Он не допустит никакого отклонения от закона престолонаследия! Он заставит исполнять свою волю! И в срочном порядке выписывает принцессу Гессенскую. В свое время она уже приезжала ко двору в качестве кандидатки в невесты для наследника. Тогда она показалась неподходящей и, обиженная, уехала. Но теперь, в трагическую минуту, и она сгодится.

Принцессу заставляют срочно принять православие, чтобы выдать ее за Николая, а самого Николая заставляют подписать манифест о восшествии на престол, составленный самим Александром.

«Волею всевышнего тяжкое горе обрушилось на всех нас. Безвременно скончался дорогой родитель наш, император Александр».

С какими чувствами и с какими мыслями составлял этот манифест и давал его подписать Николаю умирающий Александр III? Верил ли он, что его наследник сумеет сохранить наследство, не погубит хозяйство, не разорит вотчины?

«Незыблемость самодержавия», — таков главный завет, оставленный Николаю его незабвенным родителем.

— Твой дед Александр II либеральничать вздумал, вот его бомбой и разорвало. А отец о либеральничанье не думал и, слава Богу, спокойно умер, — сказала Мария Федоровна.

Тихая и бессловесная при жизни мужа, она после его смерти стала неузнаваема: помолодела, похорошела, стала энергичной и властной.

— Вы хотите сказать, что государь не имеет ни воли, ни характера? — говорит Мария Федоровна о Николае, обращаясь к графу С. Ю. Витте. — Это верно. Но ведь в случае надобности его заменит Миша, а он имеет, поверьте мне, еще меньше воли и характера.

— Вы, может быть, правы, но от этого не легче, — раздраженно отвечает ей Витте.

«Не знаю, передала ли императрица-мать своему августейшему сыну этот разговор. Думаю, что да», — пишет об этой беседе Витте с своих мемуарах.

Злые языки к этому времени относят основательный «ремонт» наружности вдовствующей императрицы, заключавшийся в сложной операции эмалировки лица.

В книге И. Белоусова «Франция» об этой операции читаем: «Сначала острой ложечкой снимают со всего лица эпидермис. Лицо, как ошпаренное, представляет собой сплошную рану, слегка кровоточащую и выделяющую серозную жидкость. Его подлечивают, чем-то примачивая. Когда выделение серума прекратится, на поджившую кожу наносят эластичный прозрачный лак, который плотно прилегает к оголенным тканям. Потом лак подкрашивают. Получается удивительный по чистоте и нежности покров, с которым надо обращаться очень осторожно, иначе он треснет и тогда — всю работу надо начинать сначала».

Там же, у Белоусова, интересующиеся могут найти данные и о деталях. Например, о том, как при таком «ремонте» лица вставляются ресницы: «Особой тупой иглой расширяют волосяной канал выдернутой коротенькой ресницы, вставляют в него длинную ресницу и стягивают кожу впрыскиванием. Вы смотрите в прелестные глаза, опущенные длинными ресницами, и готовы слагать восторженные вирши о мерцающих звездах. А между тем дело

здесь в героическом терпении: операция вставки ресниц болезненна, надо много терпимости и решимости, чтобы отважиться на нее, да и денег нужно немало. Институты красоты берут дорого».

Но состояние русских финансов в те годы позволяло и не такие траты. И вот под крылышком Марии Федоровны и Победоносцева совершает свои первые шаги молодой царь. Его главная задача — охрана самодержавия. Мы уже видели, какую обстановку застал он при восшествии на престол.

А что представляет в те годы он сам?

«Бедный, запуганный молодой человек», — говорит о нем Лев Толстой.

«Прекрасно воспитанный человек, но лживый, хитрый, безвольный и коварный», — определяет его С. Ю. Витте.

«Царь Николай интеллигентен, умен, образован», — говорит немецкий журналист.

«Это существо робкое, боязливое и меланхоличное», — определяет французский журналист.

И если умеренное «Освобождение» Петра Струве уверяло, что «царь сам по себе добр и страстно хочет облагодетельствовать Россию», а всему виной только «средостение», то неумеренная «Революционная Россия» в то же время говорит о «кровожадных наклонностях этого представителя гнилого царизма». В. Л. Бурцев вопиет о том, что «этот палач, чтобы удовлетворить свои прихоти, отнимет у голодного народа его суму, вырвет последний кусок хлеба из его рта и таким образом наполнит своими капиталами английские банки».

В этом разноголосом хоре, среди резких противоречий в отзывах, есть только одна черта, которую признают чуть ли не все: царь — неудачник.

«Твой день рождения, дорогой мой, — читаем в одном из писем Марии Федоровны к Николаю, — совпадает с днем рождения Иова Многострадального». Любители примет могли бы собрать целый букет таких совпадений в биографии Николая. Тут и хлеб-соль, оброненные во время первой же речи Николая II, и появление государыни в Петербурге впервые одновременно с телом Александра III («за гробом пришла», говорили в народе), и гора исковерканных трупов на Ходынке в день коронации, и многое, многое другое.

Да, он был неудачником, этот последний царь. У него было все что только мог пожелать человек. Александр III оставил ему крепкую Россию, богатую, сильную, верящую в нового царя, в идею царской власти.

Что же сделал с этим наследством Николай?

Не стоит говорить о том, что мог он сделать уже в начале своего царствования. Но еще и после 9 января, в дни Первой думы, даже за неделю — за три до своего отречения, когда не только М. В. Родзянко, но и великие князья и Александра Федоровна требовали от него перехода на новые рельсы, он мог многое изменить в своей личной судьбе и в судьбе России.

Тогда, в первые дни царствования, он, конечно, не думал о том, каким войдет его имя в историю России. Он был занят тем, чтобы справиться со своими обязанностями, не опозориться. Лишенный таланта начинающий писатель старается писать так, как пишут именитые авторы, дорожит тем, что у него в произведении «все, как у людей», не понимая, что все дело именно в индивидуальности, в неповторимости, что надо писать не так, как пишут все, а так, как пишешь ты, — и только ради этого стоит браться за перо.

Первое появление Николая II перед членами Государственного Совета было поистине жалким. «Члены Государственного Совета, из которых многие были ветеранами,

служившими еще деду нового царя, — описывают английские корреспонденты, — вместо царского величества увидели ребяческую неловкость, шаркающую походку, бросаемые исподлобья взгляды. Маленький тщедушный юноша, пройдя бочком на свое место, опустив глаза, быстро произнес фальцетом одну-единственную фразу: „Господа, от имени моего покойного отца благодарю вас за вашу службу“. Затем, после некоторого колебания, повернулся и вышел. Присутствующие переглянулись между собой и после неловкого молчания разошлись по домам».

Николая II встретили при его восшествии на престол до странности доверчиво и любовно. Стыдно читать нежные адреса верноподданных, исполненные надежд. Кажутся карикатурой и сатирой слова, которыми в те дни приветствовали нового царя не только в русской, подцензурной, печати, но и в зарубежной прессе!

С усердием, ничем не оправданным, пытались найти доказательства наступления новой, либеральной эпохи, пришедшей будто бы на смену дням сурового царствования Александра III. С каким восторгом отмечались, например, такие шаги Николая II, как рескрипт на имя великого князя Сергея Александровича, который был подписан словами «любящий Вас племянник Николай». Так и подписался! Подумайте только — «любящий Николай». Не гордый, сразу видно!

А когда Николай II посадил на три дня на гауптвахту градоначальника фон Валя, ликование либерально настроенных обывателей дошло до предела. Откуда было знать ликующему обывателю, что дисциплинарное взыскание, наложенное на градоначальника, объяснялось всего лишь старыми счетами на почве столкновений в ресторане, где кутил наследник. Откуда было знать обывателю, что взыскание было вызвано «бестактностью» фон Валя, оштрафовавшего родственницу царя графиню Строганову, вывесившую траурный флаг раньше опубликования сообщения о смерти Александра III.

Уже 17 января, в день первого высочайшего приема представителей дворянства, земства и городов, прозвучала знаменитая фраза Николая II о «бессмысленных мечтаниях». «Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неукоснительно, как охранял их мой незабвенный покойный родитель».

Чрезвычайно характерна вся картина этого выступления Николая. В барашковой шапке, которую он держал в руке, лежал заготовленный текст речи, где было написано — «беспочвенные мечтания». Но Николай чувствовал себя очень сконфуженно, начал свою речь с высоких нот и закончил криком. Отсюда и произошла эта оговорка. «Это был манекен царя, автомат. Впечатление было болезненное и сильное именно из-за его истеричности и автоматизма», — свидетельствует сообщение одного из иностранных корреспондентов.

Молодой царь прокричал свою фразу о «бессмысленных мечтаниях» так громко, что Александра Федоровна, в те дни еще плохо понимавшая русский язык, сочла долгом осведомиться у великой княжны, стоявшей рядом:

— В чем дело?

— Он им объясняет, что они идиоты, — ответила та.

Один из «идиотов», предводитель дворянства Тверской губернии Уткин, от крика царя вздрогнул настолько сильно, что выронил из рук золотой поднос с хлебом-солью для самодержца. По полу покатился хлеб, рассыпалась соль.

«Плохая примета», — шептали сановные старички, глядя, как Воронцов-Дашков поднимает с пола подарки.

Впрочем, вскоре подоспела Ходынская катастрофа, происшедшая в день коронации и затмившая все многочисленные приметы в жизни царя-неудачника.

Глава VI

Если иной раз словечко, вырвавшееся из уст, характеризует человека ярче, чем целая речь, произнесенная им обдуманно и сознательно, то о деятельности Николая II нельзя судить одними лишь «историческими данными».

Мы не знаем, писал ли Николай II стихи. Для ответа на этот любопытный вопрос у нас нет сведений. Но все-таки «литературное наследие» он оставил. Перелистайте «Правительственный вестник», пересмотрите архивные документы — какое обилие литературных произведений Николая в виде всяческих резолюций и высочайших пометок, речей, тостов, писем и телеграмм вы откроете!

Стиль этого автора чрезвычайно лаконичен! Надо писать так, чтобы мыслям было просторно, а словам тесно. Как твердо придерживался этого правила Николай!

«Прочел с удовольствием».

«Искренне всех благодарю».

«Ай да молодец!»

«Надеюсь, повешены».

«Вот так-так».

«Скверное дело».

«Неужели?»

Это наиболее характерные образцы его художественной прозы.

Не сказалось ли в этой любви к лаконизму влияние учителя и воспитателя Победоносцева? Этот старый вампир с торчащими ушами болезненно не любит тратить лишних слов. Когда в свое время он тонул в Севастополе и его вытащил еврей Осип Фельдман, известный гипнотизер, тому долго не могли простить этой ошибки. В беседе с ним Победоносцев побил все рекорды лаконизма.

— Еврей? — грозно спросил Победоносцев.

— Еврей, — испуганно ответил гипнотизер.

— Крестись! — сурово приказал Победоносцев.

Именно таким лаконизмом отличался воспитанник Победоносцева Николай II.

«Ай да молодец!» — пишет он о капитане Рихтере на докладе прибалтийского генерал-губернатора Г. П. Соллогуба. Этого Рихтера, начальника карательного отряда, просят убрать или хотя бы образумить: он переходит все пределы в истязаниях, порках, расстрелах невинных и поджогах деревень. «Подвигов» на целый том хватит. Но Николай II пишет резолюцию: «Ай да молодец!»

Так же коротки резолюции Николая II и в иных случаях.

«А мне какое дело?» — пишет он на докладе о действиях жандармского ротмистра графа Подгоричани, организовавшего исключительный по своей жестокости погром в Белостоке. Ему не надо тратить много слов, хватит и краткой резолюции, чтобы избавить от суда и Рихтера, и Подгоричани.

«Скверное дело», — пишет царь 27 августа 1905 года на докладе о найденном в Финляндии революционном складе оружия. «Царское спасибо молодцам-фанагорийцам», — возглашает он в марте 1895 года за умелое и своевременное применение

оружия при расстреле бастующих рабочих в Ярославле.

«Пью за здоровье воинских частей» — вот краткая речь, произнесенная Николаем II после Ходынской катастрофы.

«Даровать помилование», — пишет он на представленной ему кипе документов из суда. «Бедные люди» приговорены к тюремным заключениям за организацию еврейских погромов. Погромщики высочайшей милостью оказываются на свободе, а на каторгу отправляются участники еврейской самообороны.

«Передайте извозчикам мою благодарность, объединяйтесь и старайтесь» — такова идеальная по лаконизму высочайшая резолюция на патриотическом адресе от извозопромышленников 23 декабря 1906 года.

«Положение постыдное», — еще короче выражает он свои мысли 17 октября 1905 года, обращаясь к великому князю Александру Михайловичу по поводу железнодорожников, из-за которых сообщение Петербурга с Петергофом стало возможным только морем.

Четкость стиля Николая II воистину изумительная.

«Похвально».

«Прочел с удовольствием».

«Искренне всех благодарю».

Это его любимые изречения.

Когда в 1902 году Государственный Совет обратился с верноподданническим ходатайством об уничтожении телесных наказаний в России, государь категорически отказался отменить порядок, по которому любой земский начальник мог выпороть крестьянина, хотя бы тот по возрасту годился ему не только в отцы, но и в деды. Тратить много слов Николай не пожелал и поэтому наложил резолюцию: «Пересмотреть вопрос».

Здесь нет лишних слов. Требования художественности соблюдены полностью: ничего не вычеркнуть, каждое слово — ярко, выпукло и показательно.

Когда в дни японской войны генерал Алексеев доносит государю, что в армию прибыли 14 агитаторов-революционеров, Николай по телеграфу отвечает: «Надеюсь, немедленно повешены». О том, какие это революционеры, чем доказано, что они агитаторы, о каком бы то ни было следствии не возникает и вопроса. «Легкость в мыслях» у этого писателя воистину необыкновенная.

Когда сенатор С. С. Манухин спрашивает его о том, что делать с приговоренным к смерти Каляевым, Николай «молча отошел к столу и забарабанил пальцами по стеклу». Ответа так и не последовало. Царь настойчиво требует, чтобы ему не задавали таких «бестактных» вопросов.

26 августа 1906 года государь высочайше «повелеть соизволили» командующим войсками, что он требует «безусловного применения нового закона о военно-полевых судах». Командующие и генерал-губернаторы, допустившие отступления от этого повеления, предупреждаются, что они будут «за это лично ответственны перед его величеством», причем им предписано «позаботиться, чтобы государю не представлялись телеграммы о помиловании».

Только в экстренных случаях царь отказывался от односложных резолюций и давал некоторое развитие своим мыслям. На законопроекте о новых ограничениях права жительства евреев в Сибири Николай II собственноручно начертил: «Евреи, покидающие черту оседлости, ежегодно наполняют целые местности Сибири своим противным запахом, своими отвратительными лицами. Это невыносимое положение должно измениться».

Для того, чтобы Николай отступил от своего лаконизма, нужны обстоятельства исключительные. Даже в переписке с женой он придерживается краткости: «Я сегодня гулял по саду, по нашей любимой дорожке, и мне было грустно, что вас не было около меня». Это — все, от начала до конца.

Лаконизм Николая, думается, не случаен. За ним — короткомыслие.

Было бы ошибочно объяснять это короткомыслие только ограниченностью. Это «принципиальное» короткомыслие: «мне пало на душу», «мне пришло на ум» — таковы обычные мотивировки его самых важных решений. Никаких соображений, никаких доводов, против которых можно было бы что-то возразить, он не признает. Он — царь, он — помазанник Божий. И если то или иное решение «пало ему на душу», то такова, значит, воля Божья. «Сердце царя в руке Господа», а он, Николай, только скромный исполнитель его воли, поэтому он всегда прав.

Молодой автор влиятелен. С его фельетонами, что называется, считаются. Но, надо правду сказать, ни малейшего литературного таланта этот автор, даже с возрастом, не проявил. Большой выдумки, яркой игры ума, крепкого литературного дарования здесь, как ни старайся, не отыскать. Но, как это ни удивительно, автора в России любили. Если бы надо было доказать наличие такой любви, достаточно было бы привести письмо террориста Евгения Шаумана, убившего в 1903 году финского генерал-губернатора Бобрикова: «Ваше величество! Я жертвую своей жизнью, пытаюсь убедить Вас, государь, в необходимости тщательного изучения положения дел. С глубочайшим уважением остаюсь Вашего императорского величества, державнейшего императора, верноподданным — Евгений Шауман».

Если такое возможно в устах террориста, что ж говорить о темной крестьянской массе, испокон века чуть ли не молившейся на своего «батюшку-царя», что говорить о представителях городского и земского самоуправления, пользующихся каждым случаем, чтобы поднести верноподданнейшие адреса. Что говорить о той разномастной толпе, которая в день объявления войны Германии в 1914 году, стоя на коленях на площади возле Зимнего дворца, трогательно пела: «Боже, царя храни!»

«Государь не человек, хотя и не Бог. Он нечто среднее между Богом и человеком», — так в разговоре с Витте сформулировал свою точку зрения великий князь Николай Николаевич.

Дело вовсе не в том, кто подсказал эту мысль Николаю II, а в том, что он эту мысль воспринял и сам уверовал в нее. Вот откуда это короткомыслие, влекущее столь характерный для Николая лаконизм.

Глава VII

Одной из наиболее сложных загадок царствования Николая II является личность Распутина. Кто он, этот странный мужик, сумевший сменить жизнь конокрада в далеком Тобольске на влиятельную роль при дворе самодержца?

Распутин, прежде всего, не представляет собой исключительного явления в том обществе, которое сгруппировалось вокруг трона. Именно такими, распутинскими, были традиции царствования: юродивые, монахи, гипнотизеры, предсказатели, кликуши, оккультисты, спириты, странники... Непрерывной чередой сменяют друг друга в жизни Николая II люди такого типа. Чем грубее, чем примитивнее и истеричнее тот или иной прорицатель, тем больше доверия проявляют к нему пресыщенные верхи.

Как будто все они вокруг трона давно и окончательно убедились, что пути логики для них губительны, что спасти их может только чудо, только мистика. Как избалованный и пресыщенный гурман дорожит тем сортом рокфора, в котором больше червей, так и большее внимание двора привлекали не слова, а бормотание, не мысли и речи, а нечленораздельные звуки и рычание.

Не пересчитать всех этих «депутатов из низов», которых так настойчиво проталкивали наверх разные группировки придворных сановников.

Митька юродивый, кликуша Дарья Осиповна, проворовавшийся и внезапно объявивший себя епископом садовник Варнава, «чудотворец» Иоанн Кронштадский, епископ Гермоген, князь Мещерский, первосвященник Феофан, странник Анатолий и многие другие — все они прошли толпой возле трона. И если влияние тобольского конокрада Гришки Распутина-Новых оказалось длительнее, если его роль оказалась значительнее, чем у иных в этом длинном списке, то это не значит, что качественно он представлял нечто другое, более цивилизованное, более образованное.

Разницы между ними не было никакой. Кроме российских «чудотворцев» импортировались и заграничные «чудотворцы». Это и доктор Папюс из Парижа, и профессор Филипп из Лиона, и масон Шенк из Вены, и доктор Бадмаев из Тибета. Роль их была все та же: не они европеизировали русский двор, а наоборот, русский двор быстро руссифицировал этих иностранцев. И уже чем-то исконно российским веет от «чудес» этих европейцев: лионский масон Филипп, например, умудрился во имя забот о рождении наследника почти год провести все ночи в спальне императора и императрицы. Его присутствие было объявлено необходимым, иначе он не ручался, что родится мальчик. И только когда вместо ожидаемого мальчика родилась опять девочка, «доктор» Филипп был изгнан из дворца.

Было бы утомительно да и не нужно проследивать «дела и дни» этих больших и малых Распутиных российского двора. Каждый из них достаточно типичен. Когда в Козельске нашелся юродивый Митька, с детства лишенный речи и умеющий только мычать, его вместе с его «антрепренером», объясняющим его мычание, немедленно вытребовали в Петербург.

Карьера Митьки, казалось, была обеспечена. До сих пор он и его напарник Елпидифор довольствовались мужицкими двугривенными и деревенскими «гостинцами», лукошком яиц, домотканым полотном и т. д. Но вот во время одного из эпилептических припадков Митька предсказал графине Абамелек-Лазаревой рождение сына. Сын действительно родился. Графиня рассказала об этом в салоне графини Игнатьевой. Князь Оболенский взял на себя миссию доставить Митьку и Елпидифора в царский дворец.

Когда их привезли в Царское Село и, основательно вымыв, переодев, привели к Николаю, Митька замычал.

— Что это обозначает? — робко осведомился государь.

Елпидифор был подготовлен к этому вопросу.

— Детей повидать желает, — объяснил он, зная о чадолюбии царя.

Николая ответ обрадовал. Всех детей немедленно вывели под светлые очи Митьки, который проявил большое возбуждение и дико закричал.

— А что же это такое означает?

— Это он чаю с вареньем желает, — немедленно объявил находчивый помощник.

Знакомство наладилось быстро, но пребывание Митьки при дворе было все же непрочно: его манера жить и его привычки были настолько утомительны для окружающих, что они

стали выказывать признаки недовольства. Как оказалось, наибольший прорицательный дар накатывал на него после побоев, к которым приучил его Елпидифор...

Александра Федоровна готовилась стать матерью. Это не помешало ей четыре месяца присутствовать при эпилептических припадках Митьки с тем, чтобы лично задавать ему вопросы о предстоящих родах и «подвергнуться его непосредственному влиянию». Митька корчился в судорогах, брызгал слюной и мычал что-то невразумительное.

— Еще рано, до родов еще далеко. Окончательно определить, мальчик или девочка, пока нельзя. Митька молится и впоследствии все скажет, — уверенно отвечал подкормившийся на дворцовых хлебах Елпидифор.

Дело окончилось грустно. Во время одного из таких «сеансов» Александра Федоровна настолько перепугалась, что впала в обморочное состояние, разрешившееся истерическим припадком и преждевременными родами.

Верная старому принципу обращать даже трагические события в фарс, царская цензура немедленно распорядилась выбросить из феерии «Царь Солтан», шедшей в то время в императорском Мариинском театре, слова «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь...». Для полноты картины полиция в Нижнем Новгороде сочла необходимым принять срочные меры по конфискации календаря, на обложке которого была нарисована женщина, несущая в корзине четырех поросят. В этой невинной картине почему-то усмотрели намек на четырех царских дочерей.

Как ни неудачны были «сеансы» Митьки, но общий культурный уровень при русском дворе был так потрясающе низок, что щедро одаренного и отпущенного с миром Митьку вскоре призвали вторично. Так велико было желание чуда. Снова он во дворце, снова эпилептические припадки и новые объяснения Елпидифора: «лимонаду просит», «всего лучшего желает», «обещает, что все наладится». И только после этой вторичной пробы Митька получил, наконец, чистую отставку. Елпидифор был так этим обижен и стал так часто и так сильно поколачивать Митьку, что тот вскоре же и умер.

Мещанин Елпидифор был жаден и глуп. Та придворная партия, которая поставила на эту лошадку, оказалась в проигрыше, а место Митьки сразу же заняла кликуша Дарья Осипова. Эту сумасшедшую старуху доставил во дворец по просьбе Николая II флигель-адъютант Орлов.

Привезенная заместительница Митьки-юродивого у себя в деревне прославилась тем, что, будучи буйной во хмелю и связанной, она начинала «прорицать» — выкрикивать бессвязные слова, в которых, наряду с ругательствами, обнаруживалась «благодать». Дарья Осипова заговаривала от дурного глаза, умела накликать беду, лечила всех деревенских баб от всех недугов, в том числе и «когда дети не держатся».

Эта Дарья Осипова — протеже генерала Орлова, который всегда был до чрезвычайности любезен с Александрой Федоровной, даже когда она была еще принцессой Алисой Гессенской, — оказалась много счастливее своих предшественников. У царицы вскоре родился мальчик. «Стоило генералу Орлову за дело взяться, сразу мальчик родился», — ехидничали придворные остряки.

Когда даже иностранная печать стала намекать на сходство наследника цесаревича Алексея с генералом Орловым, его выслали за границу. Высылка вызвала много кривотолков, тем более что Орлов в вагоне поезда скоропостижно скончался. «От чахотки» — насмешничает в своих мемуарах С. Ю. Витте. «Он отравился», — утверждают другие источники. «Он был отравлен», — единодушно заявили французские газеты. Указания на

насильственную смерть генерала Орлова с именами исполнителей приведены в изданной тогда же в Париже книге «Тайны русского двора».

Тело генерала Орлова привезено в Россию. В опубликованных ныне в Берлине письмах Александры Федоровны к Николаю есть сообщения о ее поездках с А. А. Вырубовой на его могилу.

Итак, долголетние ожидания осуществились: наследник родился. Но количество прорицателей, предсказателей, святых и спиритов при дворе не уменьшилось, а увеличилось. Место Дарьи Осиповой занял неграмотный странник Антоний, который в качестве любимца «Союза русского народа» призван царем для подачи советов в дни Первой думы. Затем замелькали все новые и новые лица.

Глава VIII

На фоне всех этих предсказателей и прорицателей, в атмосфере юродивых и блаженных, вертящихся столиков и других чудес не только понятным, но и закономерным становится появление Григория Распутина. Воистину, «если бы Распутина не было, его надо было бы выдумать», как выразился А. Ф. Кони.

Кто такой Распутин? Откуда он взялся? Какими путями попал во дворец?

Как это ни странно, если оставить в стороне мужицкую жизнь Распутина в Тобольске, его конокрадство, его службу в должности служителя в земской больнице, то первое, так сказать, официальное выступление его является почти «революционным». Григорий Распутин выступает на сходе в качестве такого левонастроенного «политического агитатора». Он не желает царства небесного и требует, чтобы здесь, на земле, были осуществлены крестьянские права. Распутин требует земли.

Дело было так. Протоиерей Восторгов от имени Союза монархистов получил командировку в разные грады и веси Российской империи. Это было в дни выборов в Государственную думу, и поездки черносотенного протоиерея имели большое агитационное значение: во все стороны летели телеграммы об оказании содействия, о достойной встрече проповедника самодержавия. По всей России черносотенца встречали почтительно и угодливо, собирая темных мужиков для просвещения мудростью столичного проповедника.

«Темные» мужики должны были, по ритуалу, слушать речи о православии, самодержавии, народности, кивать головами, оглаживать бороды и приговаривать: «Верно, батюшка, правильно ваше слово». А дело отца Восторгова было писать торжественные доклады в Союз монархистов и в департамент полиции, получать подъемные, прогонные и наградные.

Но в селе Покровском Тобольской губернии из толпы мужиков неожиданно выступил грузный мужик с большой черной бородой. Григорий Распутин-Новых стал задавать протоиерею злокозненные ехидные вопросы: «Вы говорите, батюшка, русских людей надо в думу посылать. А мы нешто татар посылаем? Вы говорите, батюшка, что царствие небесное через „Союз русского народа“ получается, а мы, грешные, думали, что от всевышнего. Вы, батюшка, нам все про царство небесное говорите, а про землю помалкиваете. А нам бы наоборот: вы про землю-то лучше расскажите, а о царствии небесном мы уж сами лучше в церкви помолимся».

Эти вопросы конокрада Гришки имели бурный успех у его односельчан. Наэлектризованная толпа хохотала и насмешливо проводила казенного агитатора.

Выступление Распутина на сходе, как и следовало ожидать, очень сконфузило местное начальство. Исправник, извиняясь перед протоиереем за крамолу, обещал посадить в тюрьму и выслать не в меру разговорчивого мужика, но столичный гость заступился:

— Нет, вы его не трогайте. Он нам еще нужен будет.

Черносотенный протоиерей оказался пророком. Этот темпераментный конокрад, этот разговорчивый мужик и впрямь оказался очень нужен. Когда после поездки Восторгов делал доклад о своих успехах в Москве, он указал, что для успешной борьбы с революцией, для достижения наибольших результатов в деле борьбы за симпатии крестьян полезны и необходимы агитаторы из их числа — самородки, старательно отшлифованные и умело подготовленные.

И Восторгов рассказал о говорливом мужике из Покровского.

Предложение Восторгова было принято. Это был период, когда царское самодержавие пыталось наладить контакты с крестьянскими депутатами, и предложение Восторгова оказалось кстати. «Доставить Григория Ефимовича Распутина немедленно» — таково было предписание, экстренно посланное в Тобольск. Лишенный политического чутья урядник понял это так, что ему предписано арестовать и препроводить по этапу бывшего конокрада. Не понял он, что имеет дело с будущей важной персоной.

Исправник Казимиров оказался гораздо проникательнее. Когда к нему под конвоем доставили Распутина, он сразу стал ухаживать за будущей знаменитостью, распушив сельские власти за «необразованность»: человека в столицу важные господа требуют, а они, дураки, пешком его по всему уезду гонят с конвоем.

С этого момента житейские пути Григория Распутина оказываются комфортабельными. Исправник Казимиров дал ему казенных лошадей и охрану до ближайшей железнодорожной станции. Оттуда станционный ротмистр Катков, заранее предупрежденный о необходимости предоставить Распутину бесплатный проезд, догадался выделить ему отдельное купе и даже прикомандировал к нему жандармского унтер-офицера для особых поручений. Через несколько лет Распутин вспомнит о ротмистре Каткове и исправнике Казимирове и сумеет по-царски отблагодарить их обоих.

Гудит паровоз, стучат колеса, но напрасно протоиерей Восторгов думает, что это едет будущий агитатор для чайных. Это едет человек, в чьих руках будет вся судьба самодержавного режима в России. Не агитировать в пользу монархистов, но, напротив, уничтожить и вытравить монархизм на Руси — такова роль этого мужика.

Гудит паровоз, стучат колеса. «Представитель земли» едет к своему царю. Что ему до тех проволочных заграждений, которые в течение столетий устроили для разобщения царя с народом бюрократия, дворянство, придворные сферы.

Он, конокрад Гришка, не только сумеет проникнуть через все эти заграждения, но еще и захватит власть. Он будет командовать всеми этими представителями бюрократии и сфер. Он сумеет заставить их вместе с ним «верой и правдой служить царю».

Но то, что ныне ясно и понятно, было загадочно в те дни даже для П. Н. Милюкова. Удивляться ли, что сам Григорий Распутин ничего не понимал, что его страшила неизвестность и пугала странная история его вызова в столицу. «Зачем?» — с тоской думает забившийся в угол купе мужик, с тоской вспоминая оставленных в Покровском жену и детей и робко поглядывая на рослую фигуру сопровождающего жандарма.

Но когда на Московском вокзале Распутина встретили ласково, когда старый знакомый протоиерей Восторгов повез его на собственном экипаже к себе на квартиру, Распутин,

поняв, что плохо не будет, стал спокоен и даже самоуверен.

Все источники, описывающие Распутина в этот период, единогласно указывают на его крайнюю молчаливость в эти дни. Хитрый мужик помалкивал, присматривался и давал выговориться окружающим. Редкие слова его были осторожны и увесисты. Протоиерей Восторгов был очень доволен своим гостем.

Распутину купили новую поддевку, высокие сапоги и вышитую рубаху, представили центральному комитету объединенных монархических организаций в Москве. Титулованные черносотенцы были в восторге от «настоящего» мужика. Только адвокат П. Ф. Булацель обмолвился пророческой фразой: «Вы ждете от него пользы, а получите вред. Советую оставить эту затею». Но его слова успеха не имели, адвокату сказали, что он оторвался от народа. Григория начали возить из одного салона в другой. И в Петербурге, и в Москве.

Баронесса Пистолькорс, графиня Кантакузен, баронесса Медем, княгиня Нарышкина, княгиня Игнатьева — не перечесать всех этих очарованных старцем дам.

Протоиерей Восторгов, посвящая Распутина в тайны закулисных отношений, пытался было учить его правилам приличия. Но Григорий был достаточно умен, чтобы понять, что соблюдение правил хорошего тона не сделает из него светского денди, а только уменьшит его колоритность в глазах высшего света. Он понимал, что его сила — это сила «первого в деревне», а не «второго в городе».

Он знал, что его грязные корявые ногти гораздо «оригинальнее», чем любой шаблонный маникюр какого-нибудь чиновника для особых поручений, что запах мужского пота должен казаться «оригинальнее», чем Коти с Убиганом. Он демонстративно обращается на «ты» со всеми этими графинями и баронессами: «Ну ты, шалая, хвостом-то не верти, сиди смирно, коли с тобой говорят» И, скрывая насмешливую улыбку в густой бороде, совал дамам для поцелуя свою мужицкую, демонстративно грязную руку. Дамы целовали и умилялись.

Что бы ни сказал новоявленный старец, что бы он ни сделал, во всем отыскивали сокровенный смысл и значение. Видя огромный и все растущий успех Распутина, с его именем начинают связывать свои честолюбивые планы не только протоиерей Восторгов, но и Феофан, Гермоген, Илиодор и другие.

Но Распутин уже почувствовал свою силу. Он желает действовать самостоятельно, ни с кем не хочет связывать свою судьбу. Для его политики ему нужны развязанные руки.

Чтобы понять, какими приемами Распутин добивался упрочения своего влияния среди высшей аристократии, достаточно одного примера.

Графиня Игнатьева, когда он посетил ее салон, показывает ему картину «Фрина».

— Не хочу смотреть — грех, — говорит он, когда графиня подводит его к картине.

Отворачиваясь от картины, Григорий осеняет ее крестным знаменем и что-то торопливо шепчет. В тот же вечер в самом центре картины появляется крестообразный разрез. Барон Пистолькорс, известный «авторитет» по вопросам мистики и оккультизма, сразу же объяснил, что картина лопнула от креста, которым осенил ее «святой» старец. Это объяснение принимается всеми без малейшего сомнения. Все увеличивается жадная толпа очарованных дам вокруг Распутина. Очень скоро Восторгов будет всеми силами стараться развенчать Распутина и в связи с этим случаем будет рассказывать, что он сам подарил Распутину маленький перочинный ножик, которым хитрый Гришка и разрезал потихоньку картину. Но уже поздно.

В длинном списке поклонниц Распутина оказывается фрейлина А. А. Вырубова-Танеева,

ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны. Григорий Распутин выдержал целый ряд экзаменов и блестяще доказал, что умеет умерщвлять плоть. Великосветские дамы уже его не привлекают. Он, например, пишет в записке епископу Варнаве: «Милой! Дорогой! Приехать не могу, плачут мои дуры, не пускают!» Он ищет близкого знакомства с Александрой Федоровной и Николаем II. Распутин лечит наследника внушением. Он становится своим человеком во дворце. К Николаю и Александре обращается на «ты», говорит с ними ласково, не строго, похлопывая по плечу государя, диктуя попутно те или иные назначения или государственные мероприятия. Общий тон, которым принято говорить о Распутине, — презрительный тон обвинений: конокрад, хам, распутник, чуть ли не погубитель России. Но надо признаться, что при внимательном и беспристрастном отношении эти обвинения не так уж страшны. Состав преступления налицо, но обвинение предъявлено не совсем по адресу. Распутин воровал? Брал взятки? Но разве может он сравниться в этой области с такими матерыми «специалистами», как Штюмер, Горемыкин, Хвостов и прочие? Григорий распутничает? Но если все эти графини и баронессы полагают, что наилучшее место для проявления святости — это бани, почему сибирский мужик должен упорствовать в роли Иосифа Прекрасного и быть более культурным и нравственным, чем все эти утонченные представительницы высшего света?

Конечно, его биография «со всячинкой», и добродетелей у него наберется не много. Но дело не в его личности. Распутин — это эпоха, а не психологический тип. Трудно решить, увеличил ли Распутин своим присутствием количество зла при дворе. Но бесспорно, что его, с позволения сказать, деятельность приблизила революцию больше, чем сотни прокламаций.

И не забудем, что убили Григория Распутина не кто-нибудь, а монархисты — Пуришкевич с великим князем Дмитрием Павловичем, графом Феликсом Юсуповым и князем Сумароковым-Эльстон. И вовсе не случайно, что именно отсюда, из этого лагеря, шла волна возмущения против «некоронованного короля России», против мужика у расшатанного трона.

Глава IX

Как ни странно, но очень большое количество источников, наряду с указаниями на «автоматизм» царя, на присущую ему безжизненность и скуку, указывают и на какую-то особую привлекательность, свойственную ему. «Я знаю светских дам и мужчин, — свидетельствует Т. Мельник-Боткина, — говоривших, что от одного взгляда этих глубоких и ласковых глаз они еле удерживали слезы умиления и готовы были на коленях целовать его руки». Она же вспоминает: «Какое счастье было для моего отца получить кусочек сахара, тронутый его величеством!»

Такие нотки встречаются не только у патентованных монархистов. Прикомандированный в качестве коменданта к арестованному царю полковник Кобылинский, человек с большим революционным прошлым, тоже «влюбился» в бывшего царя и навлек на себя немало упреков за снисходительное к нему отношение. «Я отдал ему самое дорогое — свою честь», — сказал он о бывшем царе.

По свидетельству Н. П. Карабчевского, не остался нечувствительным к чарам Николая II и А. Ф. Керенский. «Встреча с Николаем и беседа с ним потрясли меня, — сказал будто бы Керенский после поездки в Царское Село. — Я не знал, я не знал этого человека!»

Такие же показания находим и у А. Ф. Романова, председателя Чрезвычайной Следственной комиссии, образованной Временным правительством для расследования грехов старого режима. Еврей, социалист-революционер, присяжный поверенный, которому было поручено Муравьевым расследование действий царя, после нескольких недель работы с недоумением и тревогой в голосе сказал:

— Что мне делать, я начинаю любить царя...

Как объяснить эти странные, неожиданные черты? Было ли и вправду что-то обаятельное в этом человеке? Или перед нами проявление поколениями воспитанного рабства, которое не может, конечно, исчезнуть из души человеческой в один день с объявлением республики? Может быть, перед нами — атавизм тех чувств, которые некогда заставляли крепостных с умилением говорить о своем барине, посылавшем их на конюшню? «Мне приходилось мучительно, неустанно, настойчиво выдавливать раба из своей души. Сильны рабские навыки» — такое признание находим мы в письме даже такого человека, как А. П. Чехов.

Отдельные черточки быта, дошедшие до нас, рисуют повседневную жизнь царя и его семьи красками несколько неожиданными. Об этих людях никто не писал просто и беспристрастно, никто не подходил к ним по-человечески, без предвзятости. Все источники разделяются на две диаметрально противоположные группы. Или перед нами твердокаменные монархисты, восхищающиеся любыми мелочами царского быта («Образ жизни царской семьи был так скромн, что цесаревич Алексей донашивал старые ночные рубашки свои сестер», — умиляется, например, Т. Мельник-Боткина). Или же перед нами столь же пылкие царененавистники, уверяющие, что царь и его семья только и делали, что пили народную кровь.

Хочется отбросить всю эту шелуху и просто всмотреться в будничнй быт и психику этих людей, поставленных в положение всемогущих властителей России.

Входили ли они в соприкосновение с живыми людьми? Были ли моменты, когда они чувствовали себя не властителями, а обывателями?

Отдельные штрихи такого рода кажутся, на первый взгляд, недостаточно показательными. Вот во время пребывания в Крыму осенью 1909 года ее величество с неизменной Вырубовой отправляется «инкогнито» за покупками по магазинам Ялты.

Льет проливной дождь, но это не уменьшает удовольствия. Очень уж весело как простым смертным ходить из магазина в магазин, рассматривать ткани, расспрашивать о ценах, торговаться с приказчиками. Но вот Александра Федоровна поставила в углу магазина свой намокший зонтик и целая лужа с него натекла на пол. Приказчик недоволен.

— Так, сударыня, нельзя, — говорит он. — Некому тут за вами убирать. Не видите, вон для зонтиков специальная подставка имеется.

Кончилось инкогнито. Гордо выпрямилась императрица всероссийская.

— Прикажете подать ваш экипаж? — склоняется в почтительном поклоне фрейлина Вырубова.

Они проследовали к двери. В ужасе мечется омертвелый приказчик. Попытки жить «как все» прекратились на долгие годы.

В том же 1909 году делает подобную попытку и самодержец. Его величество пожелал надеть форму простого солдата. Злые языки уверяли, что этот маскарад был затеян «по пьяной лавочке». Впоследствии из этого переодевания царя сделали целое событие. Было объявлено, что в непрестанных заботах о благе верноподданных государю императору

благоугодно было лично изучить тяготы солдата русской армии. Из шалости сделали событие. О «подвиге» Николая читались особые сообщения во всех воинских частях империи. 16-й стрелковый полк, форму которого надел Николай, был прославлен. Царь заполнил даже книжку рядового этого полка и взял себе номер 1-й, записал себя в первую роту и первый взвод, а в графе «на каких правах служит» начертал: «Никаких прав, служит до гробовой доски».

Но событие из этого сделали впоследствии. Поначалу же это было желание хоть на часок вырваться из клетки, погулять, как гуляют обыкновенные люди. Ничего веселого из этой попытки не вышло...

— Одевай меня, а то я не знаю, что надевать сначала, — сказал царь солдату, принесшему из цейхгауза солдатское снаряжение.

Стрелок, у которого душа ушла в пятки, выполнил дрожащими руками выпавшее на его долю высокое поручение. Все окружающие и приближенные пришли в ужас: царь пожелал пойти на прогулку сам и строго запретил следовать за собой.

Сколько смутения вызвал этот небывалый поступок!

Царь вышел из дворца, прошел по Ливадийскому парку, вышел в Ориадну, погулял как «простой человек» и, веселый и взвинченный, выйдя на шоссе, обратился к дворцовому городовому с вопросом, как пройти в Ливадию.

— Куда прешь? По шее захотел? В участке давно не был?

Хмурый городовой не узнал в сером солдате помазанника Божия. Помазанник вернулся с прогулки хмурый и больше попыток такого рода не предпринимал.

Но во имя справедливости надо сказать, что потребность хотя бы отчасти выйти из-под опеки окружающих, как-то сблизиться с жизнью у Николая проявлялась довольно настойчиво.

Мы видели в предыдущих главах, как подавляюще убог был состав сановников и министров, окружавших царя. Это были малограмотные люди, твердо убежденные в том, что их власть над Россией совершенно законна, что это навсегда. Они, конечно, ничего не могли сообщить царю о живой жизни, да и не хотели этого. Недаром же для него издавали особую газету на великолепной бумаге — эта газета, составляющаяся цензурным комитетом по печатным материалам «Нового времени», «Московских ведомостей», «Русского знамени» и по агентурным донесениям, только и делала, что уверяла царя в опасности, которой грозит потачка крамольным элементам, убеждала в безграничной любви к монарху всего населения, говорила о беспредельной мудрости царских мыслей и действий. Недаром же так громко кричат «ура!» народные толпы во всех местах, где показывается Николай.

Кроме министров в непосредственном распоряжении Николая были еще и губернаторы. Всеподданнейшие отчеты их должны были давать царю картину народной жизни.

Но губернаторами назначались только лица особо благонамеренные, каждый из которых считал себя чем-то вроде царя в полученной им вотчине. Качественный состав губернаторов был еще ниже, чем состав кабинета. В «Записках» князя Урусова нарисована очень поучительная картина съезда губернаторов, собранного по инициативе Плеве для обсуждения коренных вопросов управления. Съехалось 40 губернаторов, но ни один из них не сказал ничего толкового. Все мялись, трусили, переглядывались, угодливо улыбались на просьбы высказаться по существу, трусливо отмалчивались и мычали что-то невразумительное. Даже старый бюрократ Стешинский, хорошо знавший, из какого теста готовятся администраторы, пришел в ужас и возгласил, уходя из зала:

— Экое убожество!

Любопытно проследить, какие попытки предпринимает Николай, чтобы найти хоть какую-то лазейку в глухой стене бюрократии, замкнувшей его жизнь. Кроме спиритов, странников, юродивых, которых мы видели и которых было очень много при дворе, царь изыскивает еще и других «представителей народа». Так, в свое время получил аудиенцию сотрудник «Нового Времени» Лев Львович Толстой (наиболее бездарный сын Льва Николаевича Толстого). Лев Львович начал очень мужественно с указания на желательность конституции, но был прерван Николаем, который указал ему на присягу поддерживать самодержавие, данную им во время коронации в Успенском соборе, и на зарок, положенный Александром III. Лев Львович сконфузился, сдал и остальную часть беседы, которая длилась два часа, призывал царя упростить жизнь, призывал его не курить, не пить вина, не убивать животных и вообще перейти в вегетарианство.

У очень больших людей бывают иногда очень маленькие дети!

Добился в свое время непосредственного обращения к царю и С. Шарапов. Дворовый человек, умница, он решил сыграть в оригинальность и начать говорить царю кое-какую правду. Но даже она столь резко отличалась от обычной лжи, которой заливали трон все окружающие, что С. Ю. Витте всполошился и сразу же добился для Шарапова субсидии в 10 тысяч рублей на какие-то плуги. Шарапов оказался «обезвреженным» и записался в черносотенные публицисты, где оказался рядом со старым ренегатом Л. Тихомировым. Такая же история произошла и с Н. А. Демчинским, с той лишь разницей, что субсидию выдали не на плуги, а на «метеорологические изыскания».

Но, пожалуй, наиболее яркий пример такого «единения с народом» являет история с титулярным советником Клоповым. Этот Клопов обнаружил какие-то злоупотребления в мукомольном деле и поставил целью своей жизни во что бы то ни стало добраться до царя и «раскрыть ему глаза». Нашлись какие-то связи, заинтересованные люди нашли протекцию у великих князей. И вот титулярный советник Клопов получает частную, весьма таинственно обставленную аудиенцию.

Царь был взволнован. Он весьма внимательно выслушал мукомольные разоблачения Клопова, долго и беспомощно рассматривал составленные им статистические таблицы о мукомольном деле в неурожайных губерниях.

— Я хочу знать всю правду, расскажите мне все, ничего не боясь и ничего не скрывая, — говорит Клопову царь.

Но титулярный советник и сам ничего не знает, кроме нескольких случаев казнокрадства в мукомольном деле.

Царь все же захотел разобраться и неожиданно дал Клопову большие полномочия по расследованию дел по всей России. Для начала был избран вояж в голодающие губернии. Клопову по высочайшему повелению был выдан особый «открытый лист», и титулярный советник в качестве «ока государева» поехал отыскивать правду. Впечатление от путешествия неведомого дотоле Клопова было огромное. Его стали осаждать земские деятели, ходоки от крестьян, уволенные чиновники, какие-то прожектеры и проходимцы, обиженные старушки, хлопчущие о пенсии. Сенсация была колоссальная: шутка ли, посланник самого царя!

Верхи всполошились. Клопову сразу же обеспечили повышение по службе, выдали ему на всякий случай основательную сумму. После этого он, и без того чувствующий, что попал в глупое положение, ибо сказать царю ему было нечего, поспешил «выйти из игры». В

тайных донесениях, которые Клопов обязан был представлять царю, зазвучали новые нотки: все, дескать, на Руси хорошо, а если и есть где-то маленькие недостатки, то это просто неполадки механизма. Клопов был «обезврежен» и вскоре выдохся окончательно.

Как ни убог был период правдоискательства у Николая II, но и он проявился только в первые годы царствования, потом бесследно прошел и заменился резко определенной ориентацией на штык и нагайку, на охранку и военно-полевые суды, на «Союз русского народа», на погромы. Даже в первые годы царствования уже намечался этот путь: амнистия, объявленная по случаю коронации Николая, была ограничена очень узкими рамками. Она коснулась только чиновников, виновных в превышении власти.

«Надеюсь, что союз, установленный между мной и корпусом жандармов, будет крепнуть с каждым годом», — заявил царь 6 декабря 1901 года, принимая во дворце представителей корпуса жандармов. Эти надежды не обманули его: связь была крепкой.

Когда в 1902 году в Полтавской и Харьковской губерниях началась полоса крестьянских беспорядков, на место сразу же была отправлена карательная экспедиция с неограниченными полномочиями. После расстрелов, когда крестьяне были приведены к смирению, начались порки. Пороли не только мужчин, но и женщин, и стариков со старухами, детей и девушек. Перепороли поголовно все население. Секли беспощадно — так, что из носа и рта жертв лилась кровь. У многих от порки отваливалось от костей мясо, а некоторых засекали до смерти.

Князь Оболенский пошел и дальше. Кроме расстрелов и массовых порок на деревню были наложены огромные штрафы до 800 тысяч рублей, были размещены на постой казацкие и солдатские части, которые вели себя, как в завоеванной стране. Жаловаться на грабежи и изнасилование не полагалось: зачем бунтовали?!

Как блестящий усмиритель князь Оболенский был пожалован целым рядом высочайших милостей.

Политика Николая II внутри страны проявлялась все ярче и определеннее. Полоса погромов, начатая в Кишиневе и продолженная в Гомеле, Белостоке и ряде других городов, выявила отношение к ним Николая. Царь и не пытается скрыть свое попустительство погромам. Наоборот, организаторы погромов не только не освобождены от суда, но даже получают повышение по службе. Рядовые погромщики получают высочайшее помилование. «Союз русского народа» получает от царя приветственные телеграммы и щедрые субсидии.

Так что легенда о том, что царь ничего не знал, что от него все скрывали, не имеет под собой никакой почвы. Он знал, он все знал и сознательно не хотел ничего менять. Примеров тому много.

Князь Вяземский в личной аудиенции возмущенно рассказывает царю об избиении студентов на Казанской площади, свидетелем которого он был (организатором избиения был Клейгельс). Результаты состоявшейся аудиенции вполне определенные: Вяземский в опале, а Клейгельс получает повышение по службе.

Князь Волконский рассказывает об ужасах, творящихся под тюремными сводами «Крестов». Царь отворачивается и резко прерывает беседу.

Князь Львов указывает царю на беззакония, совершаемые министром фон Плеве. Князя Львова отстраняют, фон Плеве дают новый орден.

Министр Вановский перед уходом в отставку, взволнованный и расстроенный, пытается передать царю свое «политическое завещание», где убеждает его в необходимости «довериться общественности», в неизбежности политики «сердечного попечения». Николай

И хмуро смотрит на часы.

— У меня нет времени, — говорит он, — я обещал посмотреть сегодня двух жеребцов.

Старик Вановский разрыдался, как ребенок, выйдя из царского кабинета после этого разговора.

Примеров такого рода хватило бы на целую книгу. Бедный молодой человек окончательно и непоправимо запутался в заветах «незабвенного родителя». Он уверен в том, что царь — помазанник Божий — не может ошибаться, ибо его мысли и слова подсказаны самим Богом. Когда его любимец генерал Клейгельс крупно проворовался, Николай назначает его своим генерал-адъютантом. Но когда царю указали, что такое назначение вызовет всеобщее негодование, он отвечает:

— Мне совершенно все равно, кто и что говорит. Я знаю, что делаю.

Если народ ропщет, значит, виноваты в этом революционеры. Следовательно, надо усилить меры охраны. До чего были доведены эти меры в те дни, можно узнать из официальных источников. В официальных печатных объявлениях по поводу приезда их величества в Москву читаем следующие строки:

«Домовладельцам и управляющим домами вменяется в обязанность:

а) ворота домов держать закрытыми на замок с утра до приезда их величества;

б) ключ от ворот передавать старшему дворнику, занимающему место у ворот со стороны улицы;

в) в ворота пропускать исключительно живущих в домах, согласно списков живущих, каковой надлежит представить заранее в двух экземплярах, оплаченных гербовым сбором;

г) запереть на ключ в нижних этажах двери, выходящие на улицу, и окна. В верхних этажах открытие окон разрешается только под личную ответственность владельца помещения;

д) преградить доступ на чердаки и крыши, для чего чердак должен быть особой комиссией осмотрен, заперт и опечатан».

Еще более энергичные меры находим в приказах генерал-лейтенанта Уитебарга, изданных им по поводу «высочайшего следования» в Саратовскую пустынь:

«1. Все строения, жилые и холодные, как на самом пути, так и на 10 метров в обе стороны от дороги, за двое суток до приезда тщательно рассматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского офицеров, местного сельского старосты и двух понятых. Те строения, в которых нет надобности, опечатываются комиссией.

2. За сутки до приезда в каждый дом, находящийся на пути следования, помещаются два охранника.

3. Все выходящие на улицу окна или отверстия на чердаке заколачиваются.

4. При расстановке жителей на местах во время проезда все котомки относятся на несколько десятков сажень и разбираются лишь после высочайшего проезда.

5. Расходиться жители могут лишь с разрешения старшего полицейского офицера, когда последний экипаж скроется из вида. С раннего утра в день высочайшего проезда все собаки должны быть заперты и весь скот загнан».

Так вот и жили. И когда выяснилось, что царь скоро ожидается в Москве, студенты толпой пришли к профессорам с просьбой поторопить сдачу зачетов: «На днях будут высылать и в тюрьмы сажать — царь едет».

Как жили во дворце? Как совмещалась обывательская, повседневная жизнь с нормами царского быта?

Балы при дворе описываются всеми современниками одинаково: наряду с совершенно исключительной роскошью, необычайным богатством и блеском, отличавшими русский двор, отмечаются своеобразные нравы в придворной среде.

По старой традиции гости не только конкурировали в деле «осады» царского буфета, проявляли невероятный аппетит и жадность к еде, но еще и старались унести с собой как можно больше с царского стола. Был обычно такой момент в течение вечера, к которому царские буфетчики готовились заблаговременно: когда царь уходил к себе во внутренние апартаменты, гости дружно кидались на штурм буфета и царского стола. Унести с собой побольше конфет, печенья, фруктов считалось особым шиком, доказательством верноподданнических чувств.

Залы дворца после таких штурмов становились неузнаваемы: на месте изящной сервировки оставались лужи и обломки, как после Мамаева нашествия. После парадного выхода их величеств начинались танцы. Но вот описание бала прерывается неожиданно человеческой и потому трогательной ноткой. Бал в разгаре, но императрица куда-то скрылась. «Она, — рассказывает преподаватель наследника, долго живший при дворе П. Жильяр, — бежит по коридору к опасно больному маленькому сыну. Лицо ее измучено, искривлено судорогой отчаяния. Проходит несколько минут... Лакеи разносят прохладительные напитки, гремит музыка, несутся по залу танцующие пары. Императрица явилась, снова надев маску учтивости. Я заметил, что государь, продолжая разговаривать, занял место там, откуда мог наблюдать за Александрой Федоровной. Я схватил на лету отчаянный взгляд, который императрица бросила ему с порога».

Простые человеческие чувства не могут не пробиваться даже сквозь уродливую маску жизни венценосцев. Маленький наследник с раннего детства был болен тяжелой формой наследственной гемофилии, редкой и неизлечимой болезни, проявлявшейся в постоянных переломах костей и кровотечениях. Для Александры Федоровны эта болезнь не была новостью: ее дядя, ее брат и два племянника умерли от гемофилии. С детства ей говорили об этой болезни, как о чем-то ужасном и таинственном. Воистину, за грехи отцов расплачивался маленький Алексей, в чьих жилах кровь Романовых, отягощенная и без того тяжелой наследственностью, оказалась поражена еще и этим проклятьем, привезенным из Германии, от Гогенцоллернов.

Неизлечимая болезнь в течение всей короткой жизни Алексея заполняла все дни Николая и Александры. Едва только мальчик успевал оправляться от смертельной опасности, как приступы возобновлялись. Неудачного прикосновения было достаточно, чтобы вновь вызвать кровотечение. Легчайший ушиб во время игр приводил к перелому.

У постели больного перебывали все выдающиеся врачи, но все они оказались бессильны. Единственный человек, в чью помощь верила Александра Федоровна, был Григорий Распутин... В этом заключалась одна из главных причин исключительно сильного влияния Гришки, тем более что веру в целебную силу Распутина разделял и Николай. Во время одной из операций хирург под простыней наследника в тщательно продезинфицированной операционной обнаружил вдруг грязный жилет.

— Это еще что? — спросил он.

— Ничего, ничего, — успокоил Николай. — От этого вреда не будет. Это его (Распутина) жилетка.

Но и Распутин был бессилён. За несколько часов до того, как Николай подписал отречение от престола, он вызвал к себе в вагон профессора Федорова.

— Сергей Петрович, ответьте мне откровенно: болезнь Алексея неизлечима?

— Бывают случаи, — ответил Федоров, — когда такие больные живут долго. Но, государь, наука говорит, что болезнь эта неизлечима.

По другой версии (мемуары Мориса Палеолога), профессор Федоров на вопрос царя категорически заявил, что дольше шестнадцати лет наследник не проживет.

Многое было обычным в быту этой семьи. Маленькому Алексею купили дрессированного ослика из цирка Чинизелли. Мальчик заставляет ослика жевать резиновый мячик. Вот он с сестрами устраивает снеговые горы, а после того, как его с трудом зазвали в комнаты, торопит с началом репетиции детского спектакля. Недавно он видел пьесу «Вова приспособился», ему она очень понравилась. Вот девочки, сестры наследника, совместными усилиями пишут письма подругам. «ОТМА» — подписаны эти коллективные письма. Это сокращение начальных букв их имен: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.

Из деталей жизни маленького наследника заслуживают внимания лишь немногие. Уже двухлетним ребенком он, в качестве «шефа» 4-й батареи лейб-гвардии конной артиллерии, «принимает» депутацию от «своих артиллеристов», подносящих ему заказанный по его росту мундир, шашку и особый рапорт.

Двухлетний «шеф» немедленно смял рапорт и потащил его в рот.

— Мы на этом рисовать не будем, — сказал в утешение офицерам Николай, отбирая у мальчика рапорт и расправляя его.

А вот в Ливадии семилетним мальчуганом он встречает старого подпрапорщика 51-го Литовского полка.

— Здорово, молодчина, — говорит мальчуган.

— Здравия желаю, ваше императорское высочество! — громовым басом отвечает подпрапорщик.

— Молодец, хорошо отвечаешь! Жалую тебе сто рублей!

— Как ты смеешь распоряжаться? — обиделся самолюбивый отец.

Сто рублей подпрапорщику выдали, но Алексей был оставлен без сладкого.

Через год после этого случая Алексей принимает депутацию от дворянского съезда в Петрограде.

— Вы на коньках умеете кататься? — спрашивает он седого старика, представителя депутации.

— Нет, ваше императорское высочество, я уже очень стар, года не позволяют.

— Да, вы очень старые все. Ну, господа, я пойду. Вы ведь все люди свободные, а я очень занят. У меня ружье испортилось, починить надо.

Маленькому наследнику было сказано, что в присутствии официальных лиц на приемах он должен называть отца «ваше величество». И так причудливо переплелись в жизни этого ребенка очарование детства и уродливость царского быта, что не удивляешься, когда он, например, вбегал в зал к отцу в слезах и, застав там посторонних лиц, громко плача, заявляет:

— Ваше императорское величество, их высочества великие княжны меня побили!

С течением времени специфические черты царского быта все более осиливают нормальные проявления детского возраста. В 1914 году, когда мальчику было 10 лет, он во время путешествия всей царской семьи соскакивает на одной из станций на перрон и,

схватив лежавший на платформе шланг, из которого била струя воды, направляет его на фрейлину императрицы.

На дверях царского кабинета во время пребывания в Ставке он вывесил объявление «Кошелек или жизнь», чем привел в немалое удивление и смущение членов иностранных миссий.

Уродливость быта царского двора видишь яснее, изучив личность императрицы Александры Федоровны. Во время всероссийской переписи 1897 года его величеству «благоугодно» было принять в ней участие. Николай получил анкетный листок и собственноручно заполнил его. В листке этом на вопрос о звании Николай ответил: «Первый дворянин». В графе «род занятий» он написал: «Хозяин земли Русской».

Рядом с этими горделивыми записями он имел все основания указать — «муж своей жены». Эта женщина все 22 года их совместной жизни имела на него подавляющее влияние. Роль Николая II, особенно в последние годы, была минимальной: Распутин правил Александрой Федоровной, Александра Федоровна — царем и Россией.

Недавно вышедшие в свет «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II» дают нам возможность проследить самую сущность их отношений.

Первое, что поражает внимательного читателя «Писем», — это бесспорная, ярко выраженная в каждом письме любовь этой женщины к мужу. «Спи хорошо, мое солнышко! Ники, драгоценный мой! Моя постель так пуста без тебя!», «Вот уже 20 лет как я принадлежу тебе, и какое это всегда блаженство!», «Спи хорошо, муженек. Твоя жена всегда возле тебя. Нежно целую твою милую шейку и дорогие любимые ручки. Нежно целую каждое дорогое местечко...»

Эта пылкая любовь представляет собой первую психологическую загадку в длинном списке вопросов, которые ставят перед собой исследователи опубликованных писем.

Мы знаем, что брак Николая и принцессы Алисы — типично дипломатический брак, заключенный Вильгельмом и Александром III. Здесь не было соображений сердечного влечения молодых людей. Более того: Александра Федоровна не только до свадьбы, но и некоторое время после нее ненавидела и презирала насильно навязанного ей мужа.

В мемуарах баронессы Дзанковой, близкой приближенной принцессы, приехавшей вместе с ней в Россию, находим целый ряд ярких указаний на это. «Я ненавижу его, я ненавижу его!» — заливаясь слезами, повторяет она, когда ей на глаза попадает официальное сообщение в дармштадской газете о состоявшейся помолвке между ею и наследником русского престола.

«Я, зная тайну сердца будущей императрицы и видевшая, какое чувство отвращения питает она к своему будущему мужу, — пишет баронесса Дзанкова, — не могла прогнать от себя мысли о жизни, которую придется ей вести в далекой чужой стране, о том, сколько горя и слез ей придется пролить».

На таких началах был построен этот династический брак, «брак по ведомству иностранных дел».

Но вот перед нами подлинные письма Александры Федоровны 1915-го и 1916 годов.

«Благословляю тебя, люблю тебя, тоскую по тебе...»

«Без конца целую твою подушку...»

«Сколько счастья и любви дал ты мне. Жажду тебя ужасно, жажду чувствовать твои объятия, тоскую по твоим ласкам, мне их всегда недостаточно...»

«Осыпаю поцелуями каждую частицу твоего тела...»

Как случилось, что подлинная любовь, чудесная нежность, страсть, все увеличивавшаяся к двадцать второму году после свадьбы, заменили собой прежнюю ненависть и отвращение?

«Стерпится — слюбится». Этого объяснения в данном случае явно недостаточно.

Кстати, в области религии — точно такой же резкий поворот. Как горячо, пылко ненавидела православие принцесса Гессенская, как категорически отказывалась она переходить в лоно православной церкви! А императрица Александра Федоровна? Она вдруг стала ревностной поборницей христианства. Один из ее приближенных назвал ее «язычницей от христианства». Все Гермогены и Серафимы кажутся перед нею просто безбожниками!

Вероятно, перед нами характерные симптомы истерии, когда «да» и «нет» сменяют друг друга почти без пауз.

Как институтка, обожает она своего супруга. «Я целовала это место», «здесь большой поцелуй» — эти указания мы находим почти в каждом письме, а отдельные места даже обведены кружками. Но рядом с нежностью находим и «государственную мудрость». «Птичка моя, необходимо разогнать думу». «Мое солнышко, выгони ты этих министров».

Область сердца — дело одно, сфера разума — дело другое. Но так уж получается, что в одном человеке смешаны все эти чувства: и глубокая любовь, и политика, и тупость царицы, и тонкие душевные переживания женщины.

Перед нами не просто переписка мужа и жены. Это письма императрицы императору — пройти мимо этих документов просто непозволительно. Что же мы в письмах находим?

Никаких полутонов Александра Федоровна не признает. Ее стиль — определенность.

«Сазонов — дурак».

«Воейков — трус и дурак».

«Посол Демидов — настоящий дурак».

«Самарин — настоящий дурак».

«Все министры — сплошь дураки».

Даже Шопенгауэр не смотрел на мир так мрачно, как смотрела на него императрица.

«В душе все дураки».

«В Ставке все сплошь идиоты».

«В синоде одни только животные».

«Министры — мерзавцы».

«Дипломатов наших надо повесить».

Женщина эта, судя по стилю, обладает плохим, тяжелым характером. Если бы в старые времена ее письма попали к мировому судье, сколько бы трехрублевых штрафов пришлось бы выплатить за всех этих бесчисленных «дураков» и «мерзавцев»!

Особенно ненавидит она почему-то Гучкова. «Надо бы отделаться от Гучкова, только как? Вот в чем вопрос, — пишет Александра Федоровна мужу 30 августа 1915 года. — Теперь военное время, нельзя ли было бы придрататься к чему-нибудь, чтобы запереть его?»

«Ах, неужели нельзя без Гучкова», — читаем мы снова в письме от 2 сентября того же года.

«Как бы хорошо, если бы случилось крушение с поездом Гучкова!» — мечтает она в следующем письме.

«Правда ли, что намереваются послать Гучкова к тебе с депутацией? — спрашивает она, возвращаясь к теме 11 сентября. — Серьезное крушение, в котором бы один пострадал, было бы хорошим Божьим наказанием. И заслуженным!»

«Как отвратительно, — жалуется она в том же письме от 11 сентября, — что Гучков, Рябушинский, Вайнштейн (настоящий жид, наверное), Лаптев, Жуковский избраны этими мерзавцами в Государственный Совет».

«Гучков очень болен, — ликует она 4 января 1916 года. — Хотела бы я, чтобы он переселился на тот свет».

«Гучкову лучше!» — этот вопль читаем в письме от 5 января, а два дня спустя она вздыхает: «Гучков поправляется... По совести должна сказать — к несчастью!»

Настойчивая она была женщина. Этакая если уж привяжется, то не отстанет.

Но не всегда она ограничивается мечтами такого рода. Она и хитрее может. «Конечно, Родзянко не симпатичен, — пишет она мужу. — Но, увы, теперь такие времена, когда бываешь из расчета вынужден сделать многое. Родзянко должен теперь получить орден. Это бы ему польстило. Вместе с тем он упадет в глазах левых партий, если примет награду. Наш друг (Распутин) так же говорит, что было бы хорошо это сделать».

Это письмо заканчивается словами: «Осыпаю поцелуями каждую частицу твоего тела. Твоя любимая женка». Удивляться ли, что просьба «любящей женки» была исполнена. Родзянко был дан орден Св. Анны I степени.

Исключительная роль в письмах принадлежит, конечно же, Гришке Распутину, «нашему другу».

«Надо всегда делать то, что он говорит. Его слово всегда имеет глубокое значение». «Мы должны обращать особое внимание на то, что он говорит... Я знаю, что будет фатально и для нас, и для страны, если его желания не будут выполнены». «Этот человек послан нам Богом». «Не слушайся других, только нашего друга».

Это что-то воистину удивительное. Стоит сравнить сроки высочайших указов с пожеланиями Распутина, высказанными в письмах Александры Федоровны, чтобы убедиться, до чего быстро исполнялись все желания конокрада. Созыв Государственной думы и ее роспуск, назначение и увольнение министров, внутренняя и внешняя политика, война и мир — всем этим распоряжается Распутин, всем командует Гришка. Николай II — только исполнитель.

«Григорий кашляет и волнуется насчет Греции», — пишет императрица мужу 6 ноября 1915 года. Этот кашляющий друг не ограничивается, впрочем, одной Грецией и пересылает Николаю указания для отношений с другими иностранными державами. «Наш друг просит тебя послать телеграмму сербскому королю, так как он очень тревожится; прилагаю его бумажку, которую ты можешь использовать для своей телеграммы — изложи своими словами».

Еще решительнее оказывается «державная воля» Гришки в делах внутренних. Все великие князья, весь совет министров был против, чтобы Николай II объявил себя главнокомандующим. Но вот Григорий Распутин сказал «Пушай!» и сразу же вылетел в Ставку великий князь Николай Николаевич, а государь объявил себя главнокомандующим. Ликующая жена пишет ему: «Наш друг за тебя, ты спас свою страну. Спи хорошо, мое солнышко, спаситель России!»

Главным в Ставке, как и на троне, был все тот же Гришка Распутин.

«Слушайся нашего друга, верь ему».

«Этот человек послан нам Богом».

«Надо всегда делать то, что говорит он, его слово имеет огромное значение».

«Должна тебе передать следующую просьбу нашего друга, внушенную ему ночным

видением. Он просит тебя приказать, чтобы начали наступление около Риги. Он говорит, что это необходимо. Он просит тебя серьезно и строго приказать нашим наступать, говорит, чтобы я написала тебе об этом немедленно».

Как объяснить этот нелепый клубок, этот своеобразный «треугольник»?

Мы видели, что императрица искренно и серьезно любит своего мужа. Но тогда при чем здесь Григорий Распутин? В чем его исключительное влияние на Александру Федоровну?

Мы уже видели такой же тройственный «союз», соединявший генерала Орлова с императрицей и Вырубовой. Орлов в гробу, но вот новый «союз» — Николай, Александра и Вырубова.

«Аня целует тебя очень нежно».

Этот мотив заполняет всю книгу писем.

«Жажду твоих поцелуев и твоих объятий. Я не люблю о них просить, как Аня, но они — моя жизнь».

«Когда Аня говорит о своем одиночестве, это меня сердит. Она дважды в день к нам приходит, каждый вечер она проводит с нами 4 часа. Ты — ее жизнь, и она ежедневно получает ласки от нас обоих».

«Жажду держать тебя в своих объятиях. Кто бы ни посмел называть тебя „мой собственный“, ты все же мой, мое сокровище».

Разобраться в этом клубке невозможно. То письма заполнены жалобами на «Аню»: «О, Господи, я была бы так рада, что долгое время мы не будем видеть ее в доме. Я эгоистка стала после девяти лет и хотела бы, наконец, иметь тебя для себя одной». «Она груба, в ней нет ничего женственного». «Ее живот и ноги колоссальны и крайне неаппетитны». «Она так надоедлива и утомительна».

И рядом с этим какое-то странное сводничество с той же самой «Аней». «Может быть, ты в своей телеграмме упомянешь, что благодаришь Анну и шлешь ей привет?» «Спроси ее о здоровье, это ее тронет». «Жалею, что Ани нет дома». «Аня очень счастлива получить твою телеграмму». «Аня целует тебя». «Душка, сжигай ее письма, чтобы они не попали в чьи-нибудь руки».

Несмотря на кажущуюся определенность, все же боязнь, страх: «Ты должен сказать ей (Вырубовой), что не можешь приходить так часто. Если мы не будем тверды, у нас будут истории, любовные сцены и скандалы, как в Крыму».

Вся эта путаница осложнена, вдобавок, еще и нежными воспоминаниями о генерале Орлове. Прошло уже несколько лет со дня его смерти, но Александра Федоровна с Вырубовой неизменно ездят к нему на могилу с цветами, о чем неуклонно сообщает мужу, пишет, как обе они вместе тоскуют «по объятиям этого мужа»...

Довольно! Хочется свежего воздуха. Есть же, должна же быть и жизнь, и другие интересы в толстом томе писем Александры Федоровны!

«Ты слишком добр и мягок... Покажи, что ты хозяин». «Все эти министры должны выучиться дрожать пред тобою». «Когда, наконец, тыхватишь рукой по столу и накричишь? Тебя должны бояться». «Заставь их дрожать!»

«Стукнуть по столу», «заставить всех дрожать» — такую программу проповедовала эта энергичная дамочка. Пусть все боятся, и все будет хорошо.

«Только поскорей закрой думу, прежде чем будут представлены их запросы». «Газеты все недовольны, черт бы их побрал». «Мы не конституционное государство, слава Богу». «Ты владыка, ты хозяин России, помни это».

«Выгони», «прихлопни», «встряхни» — это вся программа. И что самое интересное: твердая уверенность, что все в России обожают императрицу и императора, только и мечтают увидеть их ясные очи. «Какая награда для храброго гарнизона, если ты туда поедешь». «Твое присутствие дает войскам силу и мужество, оно будет для них наградой». «Должно быть большим утешением видеть эти массы преданных, счастливых подданных».

И тут же восторги по поводу встреч с Гришкой Распутиным, передача царю его распоряжений, телеграмм, пожеланий. «Что за прелестная телеграмма от нашего друга». «Очаровательная телеграмма нашего друга, наверно, доставила тебе удовольствие». «Переписал ли ты эту телеграмму для себя на особом месте?»

А текст этих телеграмм на самом деле представляет собой просто пьяный бред Гришки и ничего больше: «Увенчайтесь земным благом, небесным венцом по пути с вами», «Не опоздайте в испытании прославить Господа своим явлением».

Чем радовали и утешали царицу эти «очаровательные» письма — непонятно. Только одна телеграмма Распутина имеет смысл. В этом своем послании он не решал ни государственных, ни религиозных вопросов, а просто помогал своему сыну уклониться от мобилизации: «Сына забирают. Я сказал в сердце, неужели я Авраам, века прошли, один сын кормилец, пушай он владычествует при мне, как при древних царях».

«Любимый мой, что ты можешь для него сделать?» — немедленно пишет мужу императрица, взволнованная этой телеграммой. Конечно, кто еще может помочь в этом деле, как не государь!

Сколько странностей в характере императрицы! Вот она пишет Николаю из госпиталя, где описывает несчастных людей с ужасными ранами, на которые «страшно смотреть». И тут же считает возможным упомянуть: «Почти ничего не осталось мужского. Может быть, придется все отрезать. Будучи женой и матерью, я им очень сочувствую».

Нередки в письмах места, которые невозможно цитировать.

Но все эти детали отступают на задний план перед увлечением и преклонением Александры Федоровны перед разного рода фетишами, идолами, которым она и Николай молились, как дикари.

«Посылаю тебе палку, которая была ему (Распутину) прислана из Нового Афона. Он сперва ею пользовался, а теперь посылает ее тебе, как благословение. Было бы хорошо иметь ее возле той, до которой дотронулся Филипп (предшественник Распутина). Это очень хорошо».

«Не забудь причесываться перед каждым трудным делом, разговором или решением, маленькая гребенка (Распутина) принесет тебе мощь». «Не забудь несколько раз причесать его гребенкой волосы перед заседанием министров».

Все новые и новые фетиши и идолы появляются во дворце, как будто это жилище эскимоса, а не русского самодержца.

«Наш друг Филипп дал мне образ с колокольчиками, чтобы предостеречь меня насчет тех, которые неправедны, и не дать им приблизиться ко мне. Образ с колокольчиками в самом деле помог мне почувствовать людей».

Казалось, что воспоминания Витте вскрыли все гнилое и позорное, в чем тонул трон русских самодержцев. Но книга писем императрицы обнаружила еще большее, еще более позорное.

Оказалось, все они знали: и о взятках, что берет балерина Кшесинская, подруга великого князя Сергея Александровича, и о тех безобразиях, которые творились их подданными, и о

тех оргиях, которые устраивал Распутин, — о многом, многом другом. Знали и лично принимали меры, чтобы прикрыть то или иное дело, чтобы оно не получило огласки, чтобы тень не легла на них самих.

Глава XI

«Ну что ж, пора делать революцию», — сказала, позевывая, старушка история.

Когда всматриваешься в дни, предшествовавшие революции, получается впечатление внезапности: очень уж скоро, без сучка без задоринки, свершилось дело. И все оказались на местах, все, как по нотам, провели свою партию, каждый сделал именно то, что было нужно. «Да здравствует великая, бескровная, единственная в мире революция!»

Будущий историк, которому легко будет судить о событиях нашего времени, все разложит по полочкам. Он будет презирать нас — тех, кто, как слепые котята, тычутся носом в разрозненные факты живой жизни. Будущий историк не станет отделять революцию 1905 года от революции 1917 года, для него это будет единый процесс: и московское восстание, и эпопея лейтенанта Шмидта, и проблема Арцыбашева, и эпоха самоубийств в годы подавления революции, и столыпинская скорострельная военно-полевая юстиция. Все события 1905 года, равно как и февраля и октября 1917 года, займут достойное место: и Распутин, и Протопопов, и войны — мировая и японская, — и ВЧК, и белая контрразведка, и голод, приведший к людоедству в 1922 году.

Но если всмотреться, чтобы отдельные деревья не заслоняли лес, то и теперь картина главнейших моментов революции встает выпукло и отчетливо.

Уже 19 октября 1916 года, на совещании членов прогрессивного блока с Протопоповым во главе, устроенном на квартире Родзянко, остро встал вопрос о надвигающейся на Россию революции, а также о том, что существующая государственность своими мерами ее не предотвратила.

— Я хотел бы побеседовать запросто, по-товарищески, — начал свою речь А. Д. Протопопов, как будто не зная о той всеобщей ненависти, которую питали к нему все окружающие, а вместе с ними и вся Россия (особенно после того, как Протопопов щегольнул в думе недавно полученным им мундиром шефа жандармов).

— Мы вас не уважаем и не можем уважать, — сказал ему В. В. Шульгин.

— Мы не можем и не хотим, — вторят ему Милюков и Шингарев, — говорить по-товарищески с человеком, получившим назначение через Распутина, человеком, который освободил Сухомлинова, человеком, который служит вместе с предателем Штюмером.

Объяснения Протопопова были жалки и по форме, и по содержанию:

— Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и полюбил. У вас у всех есть титулы, состояния, связи, а я начал карьеру тем, что давал уроки по 50 копеек за урок. Я не имею ничего, кроме поддержки государя. С этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились.

Эта последняя встреча представителя власти с депутатами Государственной думы в частном заседании прогрессивного блока для того времени была весьма значительна. Должны были получить разрешение важнейшие государственные вопросы: о войне, о продовольствии, об угрозе разгона думы и другие. Но вместо делового разрешения этих насущных вопросов жалко лепечет Протопопов:

— Я был и останусь другом думы. В вашем отношении ко мне говорит разум, но не голос

сердца. Я к вам отношусь очень хорошо. Хотите, я легализую нашу партию?

Заседание закончилось заявлением Протопопова, что уже поздно, что он очень устал.

Главной задачей момента было добиться отставки ненавистного всем — и левым, и правым, и умеренным — А. Д. Протопопова.

— Александр Дмитриевич, откажитесь от вашего поста, — просит перед закрытием заседания граф Капнист.

— Вы ведете Россию к гибели, — добавляет к этому Милюков.

— Я сам земец, земства пойдут за мной, — отвечает Протопопов.

— Не пойдут, Александр Дмитриевич, — звучат голоса со всех сторон. — Не пойдут.

Идите спать, Александр Дмитриевич...

И действительно, как будто спят. И Протопопов. И царь Николай II.

Задорно пляшет по кабакам, хвастаясь близостью к царице и великим княжнам, веселый Гришка Распутин. Где-то на фронте льется кровь, мобилизован для войны двенадцатый миллион человек «пушечного мяса», стонут от дороговизны женщины и дети в очередях, обогащаются иногда в один день спекулянты, идет по старым рельсам заржавленная машина старого режима.

Но вот прозвучали в стенах Государственной думы слова П. Н. Милюкова: «Глупость или предательство». Прозвучали на всю страну слова о «безответственных влияниях» Александры Федоровны. Проявляются другие симптомы надвигающихся грозных событий.

Группа офицеров, встретив Григория Распутина на платформе Царскосельского вокзала, насмешливо выстраивается во фронт.

— Смирно, господа офицеры, — громко командует, не скрывая злой усмешки, элегантный корнет принц Мюрат.

С этого дня Распутин отказался от поездок в Царское Село по железной дороге: отныне он ездит туда только на автомобиле, всякий раз меняет маршрут.

С фронта прибыл уполномоченный группы офицеров, некий ротмистр Образцов, чтобы убить Распутина. Он сумел проникнуть в веселый уголок («Виллу Родэ»), но у входа у него отобрали все оружие, и ему пришлось довольствоваться только пощечиной, которую он дал Распутину. Это произвело большое впечатление не только на самого Распутина и на сановных дам, но и на те круги, которые считали Распутина виновником всех бед России.

Возникает и упрочивается замысел убить «старца». Его пытаются отравить, но Распутин не так глуп, чтобы есть начиненные мышьяком пирожные и пить отравленный коньяк. Тогда (дело происходило в пышном особняке Юсупова) В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович всаживают в «старца» одну за другой шесть пуль.

Тело Распутина, закутанное в шубу, брошено в прорубь.

Поднятый в 6 утра министр юстиции А. А. Макаров принимает трех неожиданных визитеров.

— Ваше превосходительство! Побуждаемые чувством любви к своему монарху и долгом патриотизма перед своей родиной, мы трое сообщаем, с заранее обдуманной намерением убили известного вам мерзавца и подлеца Григория Распутина...

«Мы переживаем самый опасный момент в истории России, — пишет царю великий князь Александр Михайлович. — Какие-то силы ведут тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели. Я говорю „тебя и Россию“ вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может. А твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели».

Такие же речи и письма обращали к царю и великий князь Николай Михайлович, и Кирилл Владимирович, и Родзянко, и Кауфман-Туркестанский, и многие другие. Но, как будто исполняя веление рока, царь и царица стараются ничего не видеть, ничего не слышать.

«Когда подумаешь, — пишет царю великий князь Александр Михайлович 1 января 1917 года, — что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, чего она так желает, то есть правительство доверия и широкую свободу общественным организациям, — становится страшно».

Но никакие доводы не могут убедить того, кто не желает быть убежденным.

«Положение с каждым днем ухудшается, — пишет великий князь Александр Михайлович 25 января. — Народ тебя любит, но... такое положение продолжаться не может. Как это ни странно, но правительство сегодня есть тот орган, который подготавливает революцию. Народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных. И вполне в этом преуспевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище: революция сверху, а не снизу».

Это письмо за подписью «твой верный» было получено Николаем 4 февраля, но, как и все письма такого рода, впечатления на него не произвело. Царь молчал и рассеянно улыбался, участвовал в высочайших приемах, молился на панихиде по Распутину.

«У него внутри недостает», — говорил о царе все тот же Распутин в последние месяцы своей жизни.

А Протопопов продолжал заниматься спиритическими сеансами, проявлял «твердую волю» и уверял, что он родился «под влиянием Юпитера, который подчиняется Сатурну», а потому, вооруженный доверием монарха, он непобедим.

Вопрос «Глупость или измена?» так и не получил разрешения, хотя налицо было и то, и другое.

Крайне характерная черта: государственная машина в эти дни окончательно расхлябалась. Весь изношенный и заржавевший старорежимный аппарат был уже в состоянии полной непригодности. Но Охранное отделение в эти дни оказалось на высоте положения. Именно здесь сгруппировались все таланты старого строя. Доклады охраны за те дни дают полную и яркую картину надвигающейся революции.

Уже 5 января 1917 года доклад охраны указывает на «исключительно тревожный характер настроений в столице», на недовольство народа.

9 января следует новый, совершенно секретный доклад Охранного отделения с указанием на дороговизну, продовольственную разруху, рост тиража крайне левых газет, рост недовольства населения, жажду общества «найти выход из создавшегося политически ненормального положения, которое с каждым днем становится все напряженнее»...

Убийство Распутина — только первая ласточка. В случае разгона думы бороться придется не с кучкой депутатов, а со всей Россией.

Доклад генерала Глобачева от 28 января еще определеннее: «События чрезвычайной важности, чреватые исключительными последствиями для русской государственности, не за горами».

Один из ближайших приближенных Николая II, старый пьяница адмирал Нилов на обычном своем жаргоне сказал:

— Будет революция, нас всех повесят, а на каких фонарях — это все равно.

Старый весельчак думал, что острит, а его слова оказались правдой.

Доклады охранного отделения продолжают с точностью сейсмографа отмечать надвигающееся землетрясение.

«Озлобление растет, — констатирует охранка 5 февраля, — и конца его росту не видно. А что стихийные выступления народа являются первым этапом на пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции, — сомневаться не приходится».

Но ничто не в силах изменить спокойно-благодушного настроения императора. Как понять, как объяснить эту слепоту, эту глухоту, проявленную всеми без исключения при дворе и в кабинете министров?! Ведь если бы они не знали ничего другого, кроме докладов Охранного отделения, то и одних только этих докладов было достаточно, чтобы понять, до чего близок и неизбежен надвигающийся взрыв. Но доклады охраны читались и спокойно клались под сукно. Государственная машина работала вхолостую...

Но вот настали дни, когда загорелись участки, когда солдаты отказались стрелять в народ.

Государь передал власть диктатору Хабалову, человеку вялому, сонному и нерешительному. Когда Хабалов решился, наконец, расклеить листовки по городу с объявлением осадного положения, то этого сделать не удалось, так как под рукой не оказалось... клея и кистей!

Не из-за отсутствия ли клея рухнуло здание русского самодержавия?!

А что делал в эти дни Николай II?

Трудно даже представить, насколько незначительную и малоинициативную роль играл он в эти дни!

10 февраля председатель Государственной думы М. В. Родзянко представил царю подробный доклад, в котором предупреждал о событиях, готовых совершиться в России, о недовольстве населения. В докладе он потребовал конституционных мер укрепления государства. Родзянко в те дни был осведомлен обо всех подробностях готовившегося дворцового переворота, во главе которого стоял Гучков. Заговор сводился к тому, чтобы во время одной из поездок Николая II на фронт захватить императорский поезд и принудить царя отречься от престола. Одновременно предполагалось арестовать правительство, а затем уже объявить о перевороте и составе новой власти. Знал Родзянко и о роли Александры Федоровны в подготовлявшемся правыми силами сепаратном мире с немцами, который имел целью открыть фронт немецким войскам, чтобы таким образом укрепить самодержавие.

Поэтому в день высочайшей аудиенции Родзянко говорит резко, пытается сказать царю правду, как будто не понимая, что именно правды меньше всего хотят при дворе.

— Я сделаю то, что мне Бог на душу положит, — ответил на это Николай II типичнейшей для него фразой.

— Вам придется усердно молиться, ваше величество, потому что шаги, которые вы предпримете, могут оказаться для вас роковыми.

После этого не привыкший к такому тону Николай II всем своим видом показал, что «изволит гневаться». Но Родзянко, что называется, закусил удила и понес дальше.

— Ваше величество, я ухожу в полном убеждении, что это мой последний доклад вам.

— Почему? — спокойно спросил уже овладевший собой император.

— Я полтора часа докладываю вам и по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь — разгон думы. Я вас предупреждаю: не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас.

— Откуда вы это берете? — все с той же «очаровательной» наивностью и так же спокойно спрашивает царь.

— Из всех обстоятельств, из того, как они складываются. Нельзя так шутить с народным самолюбием, с народной волей, как шутят все те лица, которых вы ставите. Вы, государь, пожнете то, что посеяли.

— Ну, Бог даст... — пытается отшутиться от напористого толстяка Николай II.

— Бог ничего не даст. Вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема.

Таковы дословно были последние слова этой беседы.

Глава XII

Но если так исключительно характерна линия поведения Николая II в дни, предшествовавшие перевороту, то еще удивительнее его равнодушие в самые дни революции.

22 февраля царь неожиданно выехал в Ставку. Поездка предпринята без всякой надобности, просто так, чтобы «проветриться на недельку». Уже в этот день в Петербурге тревожно. Город полон слухами о предстоящем будто бы убийстве Александры Федоровны и Вырубовой.

Назавтра, 23 февраля, в городе уже начались волнения. Уже слышны крики «Хлеба!» в

разных концах столицы. Уже бастуют в Петербурге 80 тысяч рабочих. Появились колонны под красными знаменами.

А Николая в это время интересует только, как протекает корь, которой больны Алексей, Ольга и Татьяна.

В субботу, 24 февраля, на Знаменской площади у памятника Александру III идет митинг. «Да здравствует республика!» — кричат в толпе. И казаки, верный оплот царизма, присоединяются к толпе и прогоняют полицию. «Ура!» — кричит толпа казакам, а те отвечают народу поклонами.

Такого еще не бывало. Начинается новая эпоха в истории России.

В тот же день Хабалов посылает в Ставку телеграмму о беспорядках. Но в Ставке все спокойно. Государь посещает кинематограф, внимательно смотрит на похождения Прэнса в роли купальщика. Вечером он по прямому проводу посылает Хабалову «исходящую»: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны. Николай».

Эта телеграмма кажется злой шуткой. Это курьез, пример исторического недомыслия. Но по тем временам такая резкая телеграмма царя — событие. Только после нее петербургские власти стали предполагать, что творится что-то неладное. В эту ночь приступили к особенно старательной «чистке» столицы, арестовано было около ста «членов революционных организаций».

Назавтра Родзянко с утра едет к премьер-министру Голицыну.

— Я к вам по делу, — говорит он. — У меня просьба, ваше превосходительство. Уйдите в отставку.

Но старый Голицын и думать не хочет об отставке. Он возмущен дерзостью Родзянко и обиженно показывает имеющийся у него, еще пять месяцев назад заготовленный и подписанный приказ о роспуске думы.

Проходит еще день. Наступает 26 февраля. На улицах Петербурга — толпы с красными флагами, войска переходят на сторону народа. А в Ставке жизнь идет по расписанию: в 9 часов — в штаб, до 12 царь беседует с Алексеевым, после этого завтрак, прогулка, к вечернему пятичасовому чаю подают почту из Петербурга.

Почта приносит сведения почти катастрофические. «Астория» занята — таково было первое сообщение. Идет перестрелка между рабочими и войсками. Буйствующие скопища людей осыпают камнями военные наряды. «Совсем нехорошо в городе», — телеграфирует Николаю в тот день Александра Федоровна.

А Николай II примеряет новый казачий мундир, который ему так нравится, что ко всеобщей он отправляется без пальто. Расписание жизни Ставки соблюдается свято.

Течение событий достигает к воскресенью небывалой напряженности. Полыхают участки, толпа не дает тушить пожаров, целые полки не только отказываются стрелять в народ, но в полном порядке, с офицерами и под оркестр отправляются в Таврический дворец, где заседает решившая не подчиняться роспуску дума, где Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Румянцев, усталые, измученные бессонными ночами и непрерывными выступлениями, выкрикивают речи о единении войск с народом.

Родзянко телеграфирует царю. Телеграмма начинается словами: «Положение серьезное, в столице анархия, правительство парализовано». Заканчивается она так: «Медлить нельзя, всякое промедление смертельно». Но Николай — просто непостижимо! — ничего не хочет видеть и слышать, все так же улыбается странной улыбкой.

— Опять этот толстяк Родзянко написал мне всякий вздор, — говорит он министру двора Фредериксу. — Я ему, конечно, отвечать не буду.

Только вечером 27 февраля власти Петербурга, как будто проснувшись, решают, что пора принимать меры. В понедельник вечером на совещании у Голицына решено настоять на роспуске думы и ввести военное положение в Петрограде. Александра Федоровна в телеграмме Николаю пишет: «Очень беспокоюсь относительно города».

Но государь и теперь спокоен. Когда комендант царского поезда Б. Гарарди спросил царя, удобно ли ему теперь уехать на несколько дней в разрешенный отпуск, Николай ответил:

— Отчего же, конечно, удобно.

События в Петрограде идут полным ходом. И слепому ясно, что это самая настоящая революция. Родзянко посылает царю паническую телеграмму: «Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». Но и эта телеграмма не производит никакого впечатления. Государь отмахивается от нее, ездит в штаб, ходит на прогулки, составляет список лиц, приглашенных к завтраку.

В те дни, когда было совершенно ясно, что весь строй дома Романовых рухнул окончательно и бесповоротно, растерянные, ожидающие ареста, прячущиеся в дворницких министры делают последнюю попытку подыграть к революции.

Об «обожаемом монархе», милостями которого они жили, чьими подачками и вниманием они гордились, никто и не вспоминает. Кабинет министров решил самочинно «исполнить волю страны» и уволить в отставку министра внутренних дел А. Д. Протопопова.

Уже прозрела Александра Федоровна. Она телеграфирует Николаю в Ставку: «Революция приняла ужасные размеры. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Уступки необходимы, много войск перешло на сторону революции».

И вот (в это трудно поверить) в 15 часов 28 февраля Николай посылает жене следующую телеграмму: «Мыслями всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо. Любящий нежно Ники». Воистину безгранична слепота людская, бездонна и непроходима глупость человеческая!

Немного осталось у царя верных слуг. Только и было, что покончил с собой старый герой охраны Зубатов, да еще отказался присягать Временному правительству и ушел в отставку граф Келлер, впоследствии изменивший своим монархическим принципам и поступивший на службу к гетману Скоропадскому. Еще отказался от сношений с внешним миром генерал Мищенко. Поселившись в Темир-Хан-Шуре, старый генерал безвыходно проводил время у себя дома в полной генеральской форме с Георгиевскими крестами на груди. В первый же раз, когда к нему явились с обыском в большевистские дни и потребовали, чтобы он снял погоны, старый генерал Мищенко застрелился.

Зубатов, граф Келлер, генерал Мищенко... Коротким оказался этот список рыцарей трона. Но сколько же появилось мемуаров, и не найти в них ни одного указания на то, что пытались предпринять монархисты в те дни, когда «обожаемый монарх» был жив, хотя и арестован.

Только теперь изданная в Белграде книга Мельник-Боткиной «Воспоминания о царской семье» дала много ценных и любопытных материалов по этому вопросу. Автор «Воспоминаний» — горячая монархистка. Февральская революция для нее — несмыслимый грех перед царской семьей. «Если нынешние несчастья России будут продолжаться еще 10,

20, 30 лет, это будет вполне заслуженное наказание», — пишет она.

В силу своего положения при дворе (она дочь лейб-медика Е. С. Боткина, погибшего вместе с Николаем и его семьей) автор «Воспоминаний» много знает. Именно в ее книге мы впервые находим доказательство того, что жив оказался монархизм в России и после революции. Правда, чины «конвоя его величества» в первый же день революции оказались напомаженными, с огромными красными бантами на груди. Они моментально забыли свое привилегированное положение при дворе, про те милости, которых искали и которыми осыпал их царь, но зато в далеком Тобольске обнаружались пылкие монархисты.

Первым «героем» такого рода оказался священник Алексей Васильев. «Во время обедни, когда вся царская семья была в церкви, — рассказывает Боткина, — он возглавил вдруг многолетие царствующему дому, полностью отчеканив при всем народе формулу звания „их императорских величеств“». Впечатление от этого выступления было колоссальным! Но на гнилой почве российского монархизма не растут белые лилии. К каким странным последствиям свелось геройство этого монархиста? Отставленный от должности после своего выступления, отец Алексей прославил свое имя по всей России. На его адрес стали присылать деньги на дело освобождения государя-императора, к нему стали обращаться агенты монархистов, приезжавшие в Тобольск для устройства побега Николая II и его семьи.

Деньги отец Алексей присваивал, а приезжавших монархистов передавал в ЧК. Так трагически просто кончилось это дело.

Может быть, это случайность? Исключение? Увы, нет.

Вот другой организатор побега Николая II, ярый монархист Соловей, присланный в Тобольск и уверявший, что за его спиной стоит организация из трехсот офицеров. Он тоже требовал присылки денег, а полученные в результате деньги тут же присваивал, а курьеров выдавал Совдепу. Гнилые плоды выросли на древе монархизма!

«Надо отдать справедливость нашим монархистам, — пишет Боткина, — что они, собираясь организовать дело спасения их величеств, вели его, даже не узнав подробно тобольской обстановки и географического положения. Петроградская и Московская организации посылали много своих членов, но они все попадали в ловушку — организацию отца Алексея и Соловья».

Монархисты остались верны себе до конца. «Не было ничего легче, чем организовать спасение их величеств, — продолжает Боткина. — Но продажность и измена губили дело».

Удивляться ли тому, что денег у бывшего царя оказалось мало, что «тобольские купцы не решались больше давать в долг», что старые царские слуги, самые верные, следовавшие за ними в ссылку, подняли невероятный скандал из-за несвоевременного и неполностью выплаченного жалованья. Даже в трудное время преданность придворных слуг не мешала им красть провизию, подавать невероятные счета, съедать присылаемые их величествам подарки из провизии и напиваться до того, чтобы ползать мимо комнат царя и царицы на четвереньках. А когда по случайному недоразумению вскрыли один из сундуков дядьки цесаревича Деревенько, этот сундук оказался набитым украденными за много лет вещами!

Впрочем, в книге Мельник-Боткиной упоминается еще старенький безымянный полковник из Тобольска, который на следующий день «после прибытия из величеств надел полную парадную форму и в течение получаса, вытянувшись во фронт, стоял перед их окнами».

Жив ли этот трогательный полковник? Читал ли он трагическую книгу Мельник-Боткиной? Что думает он теперь о монархизме и монархистах? Сохранил ли он,

единственный, старую веру и старую любовь? Или уже и он проклял былую веру, былые убеждения?

Глава XIII

И вот Николая II нет. Министр юстиции колчаковского правительства С. Старынкевич телеграфирует союзному Совету в Париж, что «в 18 верстах от Екатеринбургa крестьяне раскопали кучу пепла, в котором оказались пряжка от подтяжек, четыре корсетных планшетки и палец, относительного которого доктора указали на особенную холеность ногтя и принадлежность его царской руке».

Это все, что осталось от Николая II и всей его семьи.

Правительство Колчака производит подробное следствие «о кошмарном злодеянии». По словам красноармейца Анатолия Якимова (в его показаниях колчаковскому следователю по особым делам), всего их было 13 человек — тринадцатый доктор. «Их пришлось пристрелить и добивать прикладами, прикалывать штыками. Особенно много возни было с Вырубовой: она все бегала и закрывалась подушкой. На теле ее было 32 раны. В подушке нашли пачку денег и бриллианты».

Монархисты пускают в обращение легенды о том, что это «жиды виноваты», что будто бы ответственный за организацию расстрела рабочий Верхне-Исетского завода Петр Захарович Ермаков — еврей, что председатель Екатеринбургского исполкома Сергей Павлович Малышкин — тоже еврей.

Наряду с этим усиленно распускаются слухи о том, что Николай II жив, скрывается в Монголии и вот-вот явится и вновь «воссияет над Русской землей», что будто бы Михаил Александрович, великий князь, живет в Крыму и со дня на день объявит себя царем.

Но вот в Екатеринбурге издан сборник «Рабочая революция на Урале». Здесь (по воспоминаниям и документам) приведены все данные о казни Николая Романова и его семьи в Екатеринбурге.

Статья «Последние дни последнего царя», которой открывается сборник, говорит о том, что местопребывание бывшего царя в дни приближения колчаковских войск было сочтено опасным, так как обнаружались опасные симптомы контрреволюционного заговора. В Тобольске была раскрыта деятельность епископа и большого количества контрреволюционных элементов. В Тюмени был арестован бывший глава Временного правительства князь Львов, объяснивший, что он приехал «по лесопромышленным делам». Были и другие нежелательные визитеры. Далее официальные советские документы говорят: «Становилось совершенно очевидным, что монархисты свивают в Екатеринбурге организацию для освобождения Николая, так что областной Совет был поставлен перед фактом возможности неорганизованного, стихийного выступления рабочих с целью расправы над царем и его приближенными».

Возмущение рабочих масс очевидной организацией контрреволюции было настолько велико, что в рабочей среде Верхне-Исетского завода было решено расправиться с царем и даже определен для этого день. Областной Совет, не желая допустить этого спонтанного выступления, вынужден был организовать бессменное дежурство членов Совета. Близость белого фронта и чехословацких эшелонов создавала в это время угрозу падения Екатеринбургa.

На заседании областного Совета вопрос о расстреле Романовых ставили еще в конце

июня. Принципиально он был решен в первых числах июля. Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета. Когда президиум областного Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехословацкий фронт был уже близко, а контрреволюционные банды с двух сторон — от Челябинска и по Западно-Уральской железной дороге — двигались на город.

Фактическая часть этих сведений вполне совпадает с данными, идущими от Колчака. Генерал Диденко, на которого Колчаком была возложена задача расследовать обстоятельства убийства царской семьи, свидетельствует: «Вся царская семья и великие князья убиты, первые в Екатеринбурге, вторые — в Алапаевске, в 60 верстах от Екатеринбурга. Царская семья убита по постановлению Уральского областного Совета в ночь с 16 на 17 июля 1918 года».

Кровь — всегда кровь, и пролитие ее справа или слева, в мирные дни или в обстановке войны всегда ужасно и кощунственно. Кровь всегда несмываема. Но весьма часто обывательская точка зрения считает «кошмаром» Екатеринбургскую трагедию именно потому, что там убита царская семья. Убийство царя трагично, но только в той мере, в какой трагично убийство стекольщика или крестьянина. Убийство всегда ужасно, и никто не посмеет сказать, что убийство в Екатеринбурге любой мужицкой семьи было бы более нравственно, чем убийство семьи царской.

У расстрелянного столяра не было бы даже утешения в виде воспоминаний о прошлом. Он всю жизнь знал только тяжкий труд, только бедность и унижения. Перед ним никто не падал на колени, никто не унижался. Он и в малой степени не знал сладкой отравы всемогущества. Он не был виновником тысячи и тысячи казней, произведенных в царствование Николая II.

Николая II нет. Не место словам злобы у могилы. «Кто будет аплодировать королю, тот будет убит, кто будет ругать короля, тот будет повешен», — гласит декрет французской буржуазной революции.

Николай II казнен. Революцию, увы, не делают в перчатках. Не сладеньким сиропом, а горячей человеческой кровью поливает история молодые ростки новой жизни.

Надо извлечь уроки из жизни Николая — последнего российского самодержца. Это нами правил он 22 года, над нами целые века царствовали его венценосные предки. Это нас били по морде царские урядники и околоточные надзиратели. Нашу Россию обращали в стадо ста пятидесяти миллионов рабов. Это нас посылали в глушь Акатуя, гноили в бастионах Петропавловской крепости и Шлиссельбурга. И мы терпели, мы писали верноподданнические адреса и украшали дома флагами в честь тезоименитства их величеств и пели «Боже, царя храни!». Это мы доходили до холопского восторга, до патриотического азарта, как в дни объявления войны.

Это мы терпели убогого прапорщика на троне.

Но Николай II — это следствие, а не причина. Если бы на его месте сидел Керенский или Чернов, если бы в этой «должности» служил Гессен или Милюков, деятельность этих самодержцев была бы точно такой же.

Нет и не может быть в наши дни личной злобы к покойному императору. Александр Блок писал очень хорошие стихи, но из него был бы, вероятно, очень плохой архитектор. С. Ю. Витте был незаурядной величиной в области финансов, но композитор из него не вышел бы никогда. Скрябин бы не справился с должностью бухгалтера. Талантливость в большинстве случаев однородна. Но бездарность всегда многогранна. Бездарный человек

бездарен во всем, за что бы он ни взялся.

Николай II был глубоко и трагически бездарен. Отсюда та роковая черта невезучести, которой отмечены все его личные и государственные шаги. Ходынка, русско-японская война, «Кровавое воскресенье», военная деятельность, внешняя и внутренняя политика — все это отмечено одной печатью. Что делать, если при дворе был всего один талантливый человек, да и тот Распутин. Что поделаешь, если во всей России нельзя было найти ни одного неворующего сановника.

Россия — страна богатейших возможностей, страна самого лучшего в мире балета, самой проникновенной в мире литературы, но она была и оставалась самой нищей, самой грязной, самой несчастной страной в Европе!

Политика Николая II была очень плохой, жестокой и самоубийственной. Но многотерпелив русский народ. Не за плохую политику сверг он своего царя, а за неудачливость, за бездарность, за войну, за дороговизну, за убогую свою жизнь.